И. А. Родіоновъ

Жертвы

Вечерня

И. А. РОДІОНОВЪ.

ЖЕРТВЫ ВЕЧЕРНІЯ.

(НЕ ВЫМЫСЕЛЪ, А ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ).

„И близятся сроки, и спадетъ съ преступныхъ міровыхъ очей безстыдная, кровавая завѣса и во всемъ бездонномъ ужасѣ, въ невиданномъ уродствѣ обнажитъ корыстный и злодѣйскій ликъ нынѣшняго міра—смердящій, страшный ликъ апокалипсическаго звѣря. Возстанетъ міровая совѣсть, и, какъ въ нелгущемъ, ясномъ зеркалѣ, непререкаемо, неоспоримо отразитъ всю гнусность, всю безжалостность и весь позоръ содѣяннаго"... („Жертвы Вечернія", гл. XIV, стр. 78).

СТУДІОНУ
у Львові

БЕРЛИНЪ.
1922 г.

КНИГОЗБІР
„СТУДІОНУ“
у Львові

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Uebersetzungsr

„СТУДІОНУ“
Львові

Печатано въ Типографіи Об-ва „ПРЕССЕ“ Berlin SW19, Leipziger St

06 10

И. А. РОДІОНОВЪ

9 14, 15
75

ЖЕРТВЫ ВЕЧЕРНІЯ

7362

(не вымыселъ, а дѣйствительность)

Нак. Льв. Обл.
Прн 70(11) -1946
1934(37) 1944.
Акт № 32 от 12/X 94
Львів. Бібліотека
АН. УРСР

БЕРЛИНЪ
1922 г.

КНИГОЗБІРНЯ
„СТУДІОНУ"
у Львові

Ш5(2=Р)53-644

Право собственности закрѣплено.
Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Uebersetzungsrecht.

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 4865

Посвящаю незабвенной памяти великихъ страстотерпцевъ и мучениковъ русской земли — жертвенной военной и учащейся молодежи, пролившей потоки своей невинной крови и усѣявшей своими благородными костями поля Дона и Кубани, отстаивая обманутую, поруганную и ограбленную Родину, преданную на невиданныя испытанія и муки въ руки исконныхъ враговъ рода человѣческаго за грѣхи, верхоглядство и преступленія ихъ легкомысленныхъ промотавшихся отцовъ.

Авторъ.

ЖЕРТВЫ ВЕЧЕРНІЯ.

(Не вымыселъ, а дѣйствительность.)

Больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.
(Еван. отъ Іоанна, гл. 15, ст. 13.)

I.

Все совершилось не такъ, какъ ожидали, но быстро, словно на кинематографической лентѣ, въ сказкѣ или во снѣ.

Папа — видный чиновникъ, занимавшій хорошую должность, со дня на день ждавшій назначенія въ губернаторы, пришелъ однажды домой сіяющій, восторженный и заявилъ женѣ и дѣтямъ, что совершилась «великая, безкровная» революція.

Всѣ этого давно нетерпѣливо и страстно ждали.

Папа краснорѣчиво и даже вдохновенно говорилъ о неминуемой близкой побѣдѣ надъ «исконнымъ» грознымъ врагомъ, о свободной арміи, о свободѣ народа, о будущихъ великихъ судьбахъ Россіи, о подъемѣ народнаго благосостоянія и образованія, о комитетѣ Государственной Думы, пріявшей власть, о Родзянко и т. п.

И мама, и Юрочка, и двѣ его младшія сестренки, и даже Mademoiselle Marie — ярая республиканка слушали отца съ благоговѣйнымъ восхищеніемъ и восторгомъ.

Послѣ обѣда папа много разъ звонилъ по телефону своимъ сослуживцамъ и знакомымъ, къ нему звонили. Онъ поздравлялъ, его поздравляли...

Весь остатокъ дня до поздняго вечера папа почти не отходилъ отъ телефона, даже усталъ и охрипъ отъ разговоровъ.

Потомъ папа уѣхалъ куда-то на засѣданіе своей кадетской партіи и вернулся только поздно ночью.

Каждый слѣдующій день приносилъ что-нибудь новое, радостное, огромной важности.

Въ эти дни Юрочка ходилъ, точно именинникъ, да и всѣ ходили именинниками.

Разъ только у Юрочки больно защемило сердце, это когда онъ узналъ изъ газетъ, что Самъ Государь, а за нимъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ оба отреклись отъ Всероссійскаго престола.

Мама молилась и тихонько плакала, папа ходилъ озабоченный, молчаливый и разстроенный, а Юрочка не зналъ, что думать.

Однако онъ органически почувствовалъ, что что-то важное и необходимое утрачено. Ёму казалось, что жить безъ Царя нельзя, ну вотъ такъ, какъ человѣку нельзя жить безъ головы. И всѣ эти люди, вся эта бѣснующаяся, чему-то радующаяся и горланящая по улицамъ Москвы, черная толпа, носящая красныя тряпки, вся и всѣ безъ головы.

Но объ этомъ Юрочка никому не посмѣлъ сказать, боясь, чтобы его не засмѣяли.

Вѣдь ни папа, ни мама и никто изъ окружающихъ не только не порицали всего происходящаго, а наоборотъ, находили, что такъ это и быть должно.

Что-же онъ то, Юрочка, умнѣй всѣхъ, что-ли?!

И онъ скоро успокоился на томъ, что такъ это и быть должно.

Да и впечатлѣніе это было мимолетное и подъ напоромъ другихъ событій быстро улетучилось.

Жизнь скакала, какъ взбѣшенная лошадь.

За событіями нельзя было услѣдить и угоняться.

Революціонныя настроенія съ перваго же дня проникли въ стѣны той гимназіи, въ которой учился Юрочка.

Возбуждены были учителя, все время устраивавшіе какія-то совѣщанія и все рѣже и рѣже появлявшіеся въ классахъ. Возбуждены были и гимназисты, собиравшіеся на митинги.

Они уже не называли другъ друга только по именамъ и фамиліямъ, какъ дѣлали это раньше, а къ имени или фамиліи теперь непремѣнно прибавляли слово «товарищъ». Произносилось ими это слово съ большой важностью и такъ

часто, что оно точно висѣло въ воздухѣ подъ классными потолками.

Гимназисты выносили всевозможныя резолюціи, много резолюцій, но уже на третій день резолюціи эти такъ противорѣчили однѣ другимъ, что писавшіе и сами не разбирались, чего хотѣли и чего требовали.

Но за то было возбужденно, весело, шумно, а главное скучные уроки мало по-малу отходили на задній планъ и наконецъ были совсѣмъ заброшены.

Учителя почти не преподавали, школьники почти не учились.

Старшіе не только не воспрещали имъ собираться на митинги и выносить резолюціи, но сами побуждали ихъ къ этому, относились къ нимъ, гимназистамъ, какъ къ равнымъ, называли ихъ «товарищами».

И школьники, во всемъ подражая старшимъ, ничего не понимая въ томъ, что они наболтали на митингахъ, и что написали въ резолюціяхъ, ходили съ задранными носами, держали себя на равной ногѣ съ старшими, и были увѣрены, что и они творятъ что-то важное и умное, а что именно, въ томъ пусть разбираются учителя и отцы.

Школьная жизнь разваливалась.

Юрочка смутно чувствовалъ это, но не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета и находилъ, что такъ это и быть должно потому что и старшіе находили, что такъ это и быть должно.

Но медовый мѣсяцъ революціи продолжался недолго.

Папа приходилъ со службы къ обѣду домой все менѣе и менѣе восторженнымъ.

Потомъ стали мелькать въ газетахъ извѣстія, сперва неувѣренно, кратко, съ умолчаніемъ, а потомъ опредѣленнѣе и подробнѣе о массовомъ бѣгствѣ солдатъ съ фронта, о ихъ распущенности, неповиновеніи начальству и буйствахъ, о военныхъ комиссарахъ, комитетахъ, агитаторахъ, о братаніи солдатъ на фронтѣ съ врагами-нѣмцами, объ убійствахъ офицеровъ, о погромахъ и разграбленіяхъ крестьянами помѣщичьихъ имѣній и усадебъ.

Мама жаловалась, что жизнь съ каждымъ днемъ дорожаетъ, что прислуга наглѣетъ, ни съ того, ни съ сего грубитъ, служить не хочетъ, но за свое бездѣльничаніе требуетъ несообразно высокіе оклады жалованія и почти открыто тащитъ изъ дома все цѣнное, что попадается подъ руку.

На тоже самое въ одинъ голосъ жаловались всѣ ихъ знакомые и родственники.

Всѣ были удивлены и возмущены разнузданнымъ поведеніемъ слугъ, всѣ широко, растерянно и вопросительно таращили другъ на друга глаза, точно въ первый разъ открывали какую-то новую часть свѣта и обитающія на ней невиданныя племена, между тѣмъ, какъ среди этихъ людей они родились, выросли и прожили всю жизнь.

Папа пересталъ восторгаться революціей, рѣдко и неохотно выѣзжалъ на совѣщанія своей партіи, почти все свободное время проводилъ у себя въ кабинетѣ, много курилъ, читалъ газеты и озабоченный, задумчивый, по цѣлымъ часамъ шагалъ изъ угла въ уголъ.

Наконецъ, однажды, когда за обѣдомъ зашла рѣчь о «великой, безкровной», о рабочихъ и солдатскихъ депутатахъ, о Керенскомъ, папа, побагровѣвъ, съ ожесточеніемъ крикнулъ:

— Сволочи!

И сорвавъ съ груди салфетку, папа скомкалъ и бросилъ ее на столъ, а самъ вскочилъ и тяжело дыша, весь красный, сталъ не просто ходить, а бѣгать по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

Всѣ были поражены, почти въ ужасѣ. Никто никогда не слыхалъ отъ папы такихъ грубыхъ словъ.

Мама даже сдѣлала ему по-англійски замѣчаніе, напомнивъ на присутствіе въ комнатѣ дѣтей.

Папа, немного успокоившись, но съ озабоченнымъ видомъ остановился у стола и ни къ кому не обращаясь, ни на кого не глядя и видимо, отвѣчая только на свои тяжелыя, тревожныя думы, вдругъ произнесъ:

— Да нѣтъ, не погубятъ они Россію! Куда ее, матушку, погубить?! Протяжэ-энная, могучая, и страшная она. Хотя народъ... дрянь, пропойца и... христопродавецъ. Не знали мы народа, не знали. Боюсь, какъ бы не проиграли войну. Ну да все какъ-нибудь «образуется».

И папа ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Слова отца глубоко запали въ душу Юрочки.

Какъ-то иными глазами сталъ онъ смотрѣть на революцію и на революціонный народъ.

Еще съ первыхъ дней «свободъ» ему претило, что народъ распоясался, сталъ дерзокъ, нахаленъ и безъ дѣла по цѣлымъ днямъ слонялся по улицамъ. Особенно рѣзала его уши смрадная брань. Но тогда во всѣхъ этихъ безо-

бразіяхъ Юрочка не отдавалъ себѣ отчета. Теперь онъ уже съ нѣкоторой критикой сталъ относиться къ «великой, безкровной», но, помня слова отца, тоже сталъ думать, что все какъ-нибудь «образуется».

Экзаменовъ въ этомъ году не было, и Юрочку, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, перевели въ 8-й классъ.

Отецъ проводилъ его съ мамой и сестренками въ деревню, а самъ остался въ Москвѣ.

II.

Въ это лѣто деревня измѣнилась до неузнаваемости. Если прежде мужики вообще мало и неохотно работали, а больше бездѣльничали, пьянствовали, сквернословили и дрались, то теперь они почти совсѣмъ забыли о всякомъ трудѣ, собирались на митинги, кричали о какихъ то будто бы украденныхъ у нихъ правахъ на всю землю и на все, что есть на землѣ. И раньше враждебно относившіеся къ помѣщикамъ и вообще ко всѣмъ мало-мальски зажиточнымъ и образованнымъ людямъ, теперь они лютой злобы своей и непримиримой ненависти уже не скрывали, походя всѣхъ обругивали, грозились всѣхъ немужиковъ извести, перебить, сжечь, все имущество отобрать, у родителей Юрочки крали лѣсъ, травили своимъ скотомъ и лошадьми поля и луга, на глазахъ всѣхъ производили дикія опустошенія въ саду и огородѣ и безпрерывно лѣзли къ мамѣ со всякими наглыми разговорами и нелѣпыми, сумбурными претензіями, всегда нестерпимо дерзкими,грубыми и угрожающими.

Бабы по своей дерзости и злости пожалуй еще превосходили мужиковъ.

Онѣ ругались и неистово кричали по цѣлымъ днямъ.

Управы на мужицкія безобразія у соціалистическаго правительства искать было безполезно. Оно само на заднихъ лапахъ ходило передъ разнузданной чернью и по-заячьи дрожало за свою жалкую призрачную власть.

Мама выбивалась изъ силъ, чтобы слѣдить за правильнымъ веденіемъ большого хозяйства, но въ результатѣ получались одни злостные изъяны, прорухи, безпощадная и безсмысленная порча живого и мертваго инвентаря.

Она часто совѣщалась съ управляющимъ — человѣкомъ знающимъ и добросовѣстнымъ, но который съ возмущеніемъ говорилъ, что руки опускаются отъ невозможности работать, что народъ — хулиганъ, а въ странѣ анархія и ждать чего-либо хорошаго нѣтъ ни малѣйшей надежды.

Мама приказала не принимать больше мужиковъ и бабъ, но иногда они, особенно пьяные, силой врывались къ ней, когда она появлялась на дворѣ или въ паркѣ и каждый разъ послѣ ихъ посѣщеній она горько плакала, говоря:

— Господи! да вѣдь это не люди, а какія-то бѣшеныя собаки, точно бѣлены объѣлись! Однѣ какія-то нелѣпыя претензіи, грубость, брань и угрозы, угрозы безъ конца. За что? Что дурного мы имъ сдѣлали?! Да какъ они смѣютъ?! Нѣтъ, я жить дольше здѣсь не могу, не могу. Надо поскорѣе уѣзжать отсюда, а то перебьютъ всѣхъ насъ или сожгутъ живьемъ...

И мама, обливаясь слезами, ломала руки и писала папѣ длинныя письма.

Юрочка сердечно жалѣлъ маму, очень страдалъ за нее, хотѣлъ ей помочь, оградить отъ издѣвательствъ. Несмотря на свою юность, онъ былъ довольно широкоплечъ, любилъ борьбу и спортъ и среди своихъ сверстниковъ выдѣлялся, какъ гимнастъ и силачъ и одинъ разъ собственноручно сильно избилъ и выбросилъ со двора пьянаго мужика, оскорбившаго маму.

Это озадачило мужиковъ и они стали держать себя гораздо приличнѣе, особенно въ присутствіи Юрочки.

Онъ не понималъ, почему мужики стали такъ злы, почему, когда объявили имъ полную свободу и равенство со всѣми, въ поступкахъ ихъ не замѣчается и тѣни благородства, а наоборотъ, они стали еще грубѣе, требовательнѣе и наглѣе, почему они ко всѣмъ тѣмъ, кто выше ихъ по общественному положенію, образованію и достатку, относятся съ такой непримиримой враждебностью, что ни за кѣмъ, кромѣ однихъ себя, не признаютъ права жить?

Раньше Юрочкѣ казалось, что какъ только объявятъ всѣмъ свободу, братство и равенство, такъ сразу всѣ станутъ добрыми и братски будутъ относиться другъ къ другу, а тутъ вышло какъ будто совсѣмъ наоборотъ.

И Юрочка глазамъ своимъ не вѣрилъ, терялся, и все-таки надѣялся, что это не то, не настоящее, что это какое

то недоразумѣніе, которое скоро разсѣется, пройдетъ и пройдетъ сразу, вотъ какъ-нибудь онъ утромъ проснется и все будетъ иное, все измѣнится, всѣ будутъ ласковы, хороши и доброжелательны другъ къ другу.

И первое время онъ ждалъ этого чудеснаго превращенія, но оно не наступало и чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже, возмутительнѣе и гаже.

И самъ Юрочка мало-по-малу сталъ смотрѣть на мужиковъ съ опаской, а потомъ въ его незлобивомъ, доброжелательномъ сердцѣ начала зарождаться непріязнь къ нимъ.

Однажды, проходя по дорогѣ около своей усадьбы мимо кучки мужиковъ и парней, онъ услышалъ:

— Пожди, дай срокъ. Доберемся и до баръ съ барчатами. Подъ орѣхъ раздѣлаемъ; попили нашей кровушки. Попьемъ и мы ихней.

Сказано это было громко, съ неизбѣжнымъ прибавленіемъ мерзкихъ словъ и видимо, нарочно для того, чтобы Юрочка слышалъ, сказано съ непримиримой враждебностью.

И говорили это не одни парни, а и немолодые мужики, изъ которыхъ кое-кого онъ зналъ, которые неоднократно приходили и сами и присылали своихъ бабъ и дѣтей къ мамѣ лечиться, которымъ папа неоднократно помогалъ кому хлѣбомъ, кому деньгами.

Юрочка глубоко, до слезъ былъ обиженъ, оскорбленъ и огорченъ.

Надъ этими словами и особенно надъ тѣмъ непримиримо-злобнымъ тономъ, какимъ они были сказаны, Юрочка много и долго ломалъ голову.

«Что сдѣлали мы имъ дурного? Папа и мама всегда хорошо относились къ нимъ, помогали имъ, заступались за нихъ, когда ихъ кто нибудь обижалъ, чѣмъ мы виноваты, что мы богаче и образованнѣе ихъ? За что же меня-то и моихъ сестренокъ они ненавидятъ, за что? Вѣдь ни злого, ни худого мы еще не успѣли имъ сдѣлать. Но еслибы они могли раскрыть мое сердце, то увидѣли бы, что, кромѣ добра, я ничего никогда не желалъ имъ».

На эти вопросы Юрочка не находилъ отвѣта и сталъ избѣгать мужиковъ.

Къ концу лѣта пріѣхалъ въ имѣніе и папа.

Всѣ въ домѣ облегченно вздохнули, до этого всѣ жили, какъ въ осажденной крѣпости.

Папа очень похудѣлъ, постарѣлъ, осунулся, сталъ задумчивъ и раздражителенъ.
Отъ прежняго увлеченія революціей и Керенскимъ не осталось и слѣда.

Революцію онъ считалъ хамскимъ бунтомъ, подстроеннымъ жидами, Керенскаго называлъ негодяемъ, предателемъ, подлымъ, жалкимъ фигляромъ, который ведетъ Россію къ гибели.

— Негодяи, мерзавцы и воры предали и продали Россію жидамъ на выжигу и продолжаютъ продавать оптомъ и врозницу. Теперь вся надежда на генерала Корнилова. Только онъ одинъ можетъ еще поправить наши дѣла. А пока отвратительно, скверно, кажется, дальше идти некуда... И народъ — негодяй, и тупая, злобная скотина. Ему нельзя было давать никакихъ послабленій. Кнутъ, палка и ежевыя рукавицы — только это одно онъ и признаетъ и только этого онъ и достоинъ. Это — дикій звѣрь какой-то, подлый трусъ, не желающій защищать отечество, воръ, грабитель и убійца. Ну да не все еще пропало. Мы еще сильны. Помогутъ и союзники. Вѣдь имъ невыгодно, что у насъ такой хаосъ, такой кавардакъ. Богъ дастъ, все понемногу «образуется»... съ тяжелымъ вздохомъ добавилъ папа.

III.

Въ среднихъ числахъ августа вся семья возвратилась въ Москву, потому что изъ-за озорства населенія жизнь въ деревнѣ оказалась невыносимой и небезопасной, къ тому же папа спѣшилъ на государственное совѣщаніе.

Юрочка сталъ ходить въ гимназію.

Но школьная жизнь развалилась окончательно. Объ ученіи нечего было и думать.

Гимназисты окунулись въ политику, раздѣлились на партіи и несчастныя дѣти оказались совсѣмъ сбитыми съ толка.

Учителя — одни посѣщали классы мимоходомъ, впопыхахъ, другіе устраивали съ школьниками митинги, разъясняли имъ значеніе «великой, безкровной» революціи и различія между политическими партіями.

Въ воздухѣ нависала гроза.

Черныя тучи на русскомъ небосклонѣ съ каждымъ днемъ все сгущались и мутнѣли.

Русскіе солдаты безъ боя сдали нѣмцамъ Ригу и бѣжали съ фронта.

Генералъ Корниловъ настойчиво требовалъ отъ Керенскаго и временнаго правительства полноту власти для себя, подчиненія солдатъ офицерамъ и права суда и наказанія вплоть до смертной казни включительно за дезертирство, измѣну и нарушеніе дисциплины.

И правительство, и Керенскій все это обѣщали, но ничего не давали и видимо, не хотѣли давать.

Фронтъ разваливался; офицеры гибли и отъ вражескаго оружія, и отъ звѣрскихъ самосудовъ своихъ же бывшихъ подчиненныхъ; солдаты буйствовали, грабили, воровали частное и казенное имущество и съ оружіемъ въ рукахъ разбѣгались по домамъ дѣлить казенную и помѣщичью землю.

А подъ всероссійскій аккомпаниментъ дезертирства, измѣны, подлости, убійствъ, и воровства глава правительства Керенскій безъ устали произносилъ жалкія, преступныя рѣчи объ углубленіи и завоеваніяхъ революціи.

И вся великая страна представляла собою какіе-то Содомъ и Гоморру болтливости, безумія, низости, разврата и великихъ предательскихъ злодѣяній.

Въ гимназіи, какъ и вездѣ, тоже образовались партіи.

Большая часть гимназистовъ подъ вліяніемъ учителей и революціонныхъ газетъ (тогда всѣ газеты были революціонныя) стояли за душку-Керенскаго, значительно меньшая, да и то несмѣло, за суроваго генерала Корнилова.

Къ послѣднимъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе склонялся и Юрочка.

По всѣмъ прежнимъ внушеніямъ и симпатіямъ онъ стоялъ за свободу, братство и равенство всѣхъ людей на землѣ. Вѣдь объ этомъ писалось въ «хорошихъ» либеральныхъ книжкахъ, въ «хорошихъ» передовыхъ газетахъ, объ этомъ говорилось въ семьѣ, въ школѣ, у знакомыхъ. Но послѣ собственнаго личнаго опыта въ Москвѣ и особенно въ деревнѣ Юрочка сталъ догадываться, что въ дѣйствительности выходитъ не только совсѣмъ не такъ, какъ пишется въ «хорошихъ» книжкахъ, въ «честныхъ» газетахъ и какъ говорится вокругъ, а совсѣмъ наоборотъ.

Провозглашеніе свободъ привело не къ братству, равенству и согласію, а къ разъединенію, враждѣ и крови.

И Юрочку удивляло, какъ же опытные, умные, взрослые люди говорятъ и пишутъ неправду. Неужели они

заблуждаются или еще хуже — обманываютъ? Но для чего же?

Юрочка всего этого не понималъ, терялся и сталъ думать, что въ свое время все «образуется», какъ недавно еще говорилъ папа.

Но Юрочка замѣтилъ, что этого слова папа теперь никогда уже не произноситъ, а ходитъ молчаливый, подавленный, часто вздыхаетъ и иногда пристально смотритъ ему, Юрочкѣ, съ особенной какой-то нѣжностью и печалью въ глаза, точно хочетъ что-то сказать и не можетъ.

Юрочка понималъ тяжелое настроеніе папы, но тоже ничего ему не говорилъ. Никому не хотѣлось разбереживать наболѣвшую рану.

И въ домѣ у нихъ, какъ и у всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, въ послѣднее время все приникло, опустилось, всѣ ходили озабоченные, удрученные, всѣ чего-то ждали, какого-то несчастія. Даже его маленькія сестренки, обыкновенно шаловливыя и бойкія, стали значительно сдержаннѣе.

Послѣ неудачнаго похода войскъ генерала Корнилова на Петроградъ, когда самъ верховный главнокомандующій и его ближайшіе сподвижники были объявлены правительствомъ Керенскаго врагами народа и заключены въ Быховскую тюрьму, казалось, что гроза надъ русской землей вотъ-вотъ должна разразиться.

Всѣ чувствовали, что дальше такъ жить нельзя, что должно произойти что-то рѣшающее и роковое.

Бросившіе фронтъ измѣнники-солдаты, погубившіе флотъ звѣри-матросы, неработавшіе рабочіе и выпущенная Керенскимъ изъ каторогъ и тюремъ любезная сердцу этого «диктатора» преступная чернь не скрывали своей наклонности къ большевизму.

Разбои, грабежи и убійства стали обычнымъ, узаконеннымъ тогдашними властителями явленіемъ. Суда и расправы надъ преступниками никѣмъ не производилось.

Весь гнойный соръ народный, его смертельныя болячки, при законной царской власти не смѣвшій и помыслить поднять свою разбойничью голову, раскрыть свою богохульную, смердящую пасть и распустить мерзостный языкъ, теперь всплылъ на поверхность россійской жизни, выступилъ на передній планъ и диктовалъ свою преступную волю ничтожнѣйшему, и презрѣннѣйшему изъ когда либо существовавшихъ правительствъ.

Воры, грабители и убійцы, предатели, измѣнники и провокаторы, шпіоны и дезертиры, насильники и растлители теперь не скрывались, не стыдились своихъ злодѣяній, но громко, во всеуслышаніе хвастались своими «подвигами».

Ихъ руки были развязаны, ихъ дѣйствіямъ данъ былъ полный просторъ и полная воля.

«Свободы» осуществлялись во всю.

Законопослушный, мирный, трудящійся обыватель, тотъ, который наживалъ богатства, создавалъ великое государство и на своихъ плечахъ несъ всѣ многообразныя тяготы его, своимъ же правительствомъ былъ отданъ на полный, жестокій произволъ бездѣльникамъ — народнымъ низамъ и отбросамъ.

Все въ Россіи перемѣстилось, все перевернулось вверхъ дномъ. Мозги помрачились, разумъ отсутствовалъ, пониманіе испарилось, совѣсть угасла, сердце пламенѣло человѣкоубійствомъ.

Карались люди не за преступленія, не за бездѣльничаніе, не за измѣну родинѣ, не за убійства, грабежи и всевозможныя насилія, а наоборотъ, измѣнники, предатели и уголовные преступники карали порядочныхъ людей за добродѣтель, за доблесть, за вѣрность родинѣ, за честную, безупречную жизнь.

Все происходило, какъ въ домѣ умалишенныхъ, когда преступные и психическіе больные берутъ силу, опрокидываются на своихъ врачей, служащихъ и сторожей и безпощадно избиваютъ ихъ, не понимая, что безъ ихъ помощи и опеки и сами обречены на гибель.

А пока обезглавленная и обреченная Россія металась въ этомъ кровавомъ кавардакѣ и ужасѣ, «диктаторъ» ея, божокъ подлой революціонной черни — Керенскій, совершая преступленіе за преступленіемъ, позируя и кривляясь, какъ жалкій балаганный клоунъ, наводнялъ нашу родину своей глупою растленной болтовней, явно покровительствовалъ человѣкоубійственной пропагандѣ Ленина и Бронштейна — двухъ главныхъ дьяволовъ краснаго соціализма со всей ихъ нечистой сворой, а потомъ на окончательную гибель нашего отечества скрывалъ этихъ дьяволовъ отъ суда и расправы.

Великая Россія корчилась въ предсмертныхъ судорогахъ.

Папа нервничалъ, говорилъ, что все идетъ изъ рукъ вонъ плохо и Богъ знаетъ, къ чему это приведетъ, но не допускалъ и мысли, что власть захватятъ большевики.

— Нѣтъ, до этого-то не дойдетъ, — говорилъ онъ. — Это немыслимо, этого быть не можетъ. Тогда что же? Анархія? Тогда и Россіи, и всѣмъ намъ конецъ.

Юрочка помнилъ ту грозную осеннюю ночь, когда онъ проснулся отъ какого-то страннаго, отдаленнаго, протяжнаго гула.

Онъ сталъ прислушиваться.

Походило и на глухіе раскаты грома, и на завываніе бури, но не совсѣмъ.

«Что это такое??— подумалъ Юрочка, и сердце его тоскливо, болѣзненно заныло. Онъ начиналъ догадываться, но не хотѣлъ и боялся вѣрить своей догадкѣ.—Громъ? Нѣтъ, не похоже... Теперь не лѣто. Грома не можетъ быть. Вѣтеръ сорвалъ съ крыши желѣзные листы и хлобыщетъ ими?... — Онъ еще внимательнѣе прислушался. — Нѣтъ».

Густой, протяжный гулъ внушительно и низко стлался надъ спящимъ городомъ и то замолкалъ, точно отдыхая, то черезъ неопредѣленные промежутки, набравшись силъ, снова начиналъ гудѣть.

Сердце Юрочки все тревожнѣе и больнѣе ныло, точно кто-то все сильнѣе и крѣпче сжималъ его желѣзной рукой.

Тоска становилась безысходнѣе.

Онъ долго и напряженно прислушивался, наконецъ долженъ былъ признать, что гулъ происходилъ отъ пушечной стрѣльбы.

Сомнѣній не оставалось никакихъ.

— Вотъ оно начинается... въ душевномъ смятеніи прошепталъ Юрочка и почувствовалъ, какъ что-то безформенное, кровавое, кошмарное и страшное надвигается на него со всѣхъ сторонъ и начинаетъ давить, какъ тяжелый прессъ и онъ чувствовалъ, что будетъ давить до тѣхъ поръ, пока вся и всѣхъ не раздавитъ.

И отъ этого безформеннаго и ужаснаго некуда бѣжать, негдѣ спрятаться, нѣтъ спасенія.

Онъ глубоко, тяжело вздохнулъ, долго ворочался на постели, съ бьющимся сердцемъ прислушиваясь къ рѣдкимъ, грознымъ завываніямъ и наконецъ, измученный, заснулъ.

Вскочилъ Юрочка отъ чьего-то прикосновенія и сразу сѣлъ на постели съ выраженіемъ тоскливаго вопроса на лицѣ.

Ему казалось, что онъ почти не спалъ.

Передъ нимъ стоялъ совершенно одѣтый отецъ.

Его обыкновенно свѣжее, съ легкимъ румянцемъ, лицо было теперь блѣдное, но спокойное.

Было раннее утро.

Черезъ опущенныя тяжелыя шторы и занавѣси съ улицы едва проникалъ свѣтъ, за то отчетливо слышалась за окномъ частая ружейная трескотня и характерное тата-каніе пулемета.

Юрочка сразу обо всемъ догадался.

Сердце у него оборвалось.

— Ничего, не безпокойся, мой мальчикъ, — произнесъ отецъ, — но поскорѣе одѣвайся. Это выступленіе этихъ негодяевъ-большевиковъ. Вѣроятно, къ вечеру съ ними будетъ покончено, хотя есть слухи, что Петроградъ уже у нихъ въ рукахъ. Вотъ до чего довела политика этого подлеца — Керенскаго.

Съ этими словами отецъ вышелъ изъ комнаты.

Юрочка сталъ поспѣшно одѣваться.

IV.

Цѣлые дни и ночи съ трехъ сторонъ трещали за стѣнами ружья, съ ревомъ, точно большія швейныя машины, строчили пулеметы и изрѣдка, но за то внушительно и грозно врѣзываясь въ гущу другихъ звуковъ и покрывая ихъ собою, выли въ воздухѣ артиллерійскіе снаряды и съ оглушающимъ грохотомъ и громомъ разрывались, сокрушая стѣны и крыши домовъ.

Каждый звукъ выстрѣла, даже револьвернаго, отражаясь отъ безчисленныхъ стѣнъ и крышъ, раздавался раздирающимъ уши звонкимъ, многоголосымъ эхо.

Казалось, что стѣны и крыши зданій представляли собою неисчислимыя, гигантскія, туго натянутыя струны.

Казалось, какіе-то невидимые, безчисленные дьявольскіе пальцы съ нечеловѣческой стремительностью и силой, безсистемно и сумбурно, безперерывно и разомъ во множествѣ мѣстъ ударяли по этимъ струнамъ.

Струны безумно, возмущенно, куда грознѣе и громче, чѣмъ морскія волны во время бурнаго прибоя, рокотали

„СТУДІЮНУ“ у Львові
Львівська державна наукова бібліотека
4865

и съ бѣшенымъ ревомъ, трескомъ и громомъ выли и рвались.

А дьявольскіе пальцы, какъ бы неудовлетворенные производимымъ ужасомъ, все съ возрастающими и усиливающимися бѣшенствомъ и быстротой продолжали свое страшное, вопіющее дѣло разрушенія и убійства.

На улицахъ, въ дворахъ и за стѣнами домовъ лилась кровь, валялись мертвыя тѣла и въ болѣзненныхъ судорогахъ корчились раненые.

Демонъ разрушенія и убійства торжествовалъ, празднуя свою человѣконенавистническую тризну.

Уже на другой день уличныхъ боевъ въ нѣкоторыхъ частяхъ города запылали зажженные артиллерійскими снарядами дома, огромнымъ, зловѣщимъ заревомъ освѣщая, особенно по ночамъ, безобразную и жуткую картину человѣческой жестокости, безумія, подлости и ненасытимой алчности.

Дворники, лакеи, кухарки, горничныя, прачки, базарныя торговки, приказчики и вся тунеядная уличная чернь, неимовѣрно расплодившаяся за время «свободъ», шпіонажемъ, доносомъ и даже съ оружіемъ въ рукахъ открыто и тайно помогала большевикамъ.

Вся интеллигенція дѣлилась на нѣсколько категорій: одни по всероссійской привычкѣ сочувствовать всякому протесту противъ существующаго правительства и на этотъ разъ тайно были на сторонѣ большевиковъ; другіе — подавляющая часть нашей политически-слѣпорожденной интеллигенціи, той, которая всю свою жизнь со всѣмъ усердіемъ и самодовольной тупостью глупца только тѣмъ и занималась, что своими руками рубила тѣ самые суки, на которыхъ до сей поры такъ уютно и безопасно сидѣла, не отдавала себѣ отчета, что несетъ съ собою ей и Россіи большевистское владычество — и только единичные люди догадывались, что съ воцареніемъ большевизма — мученическая смерть антипатріотическимъ, распутнымъ и легкомысленнымъ интеллигенціи и буржуазіи, уничтоженіе вырожденческой, развратной культурѣ и невообразимо-тяжкія испытанія, полуистребленіе и полное разореніе всему забывшему Бога и совѣсть, растленному, преступному и жестоковыйному русскому племени.

Они понимали, что большевизмъ — это пылающій адскимъ огнемъ громадный метеоръ, по волѣ карающаго

Провидѣнія ринувшійся въ прогнившее сверху до низу, необъятное, смрадное русское болото.

Отъ его тяжкаго, стремительнаго паденія полетятъ во всѣ стороны гнойныя брызги и мутными волнами разольются по лицу всей земли.

Клокоча и пламенѣя, онъ взбушуетъ все загноившееся, зловонное болото, сожжетъ много добраго, здороваго, но сожжетъ и гной, растеряетъ свою ужасающую палящую силу, распадется на части, зароется и засосется тиной болотнаго дна.

И образуется тогда твердая почва, и будетъ добрый матеріалъ, и начнется новое, здоровое строительство.

Домъ, въ которомъ жилъ съ родителями Юрочка, былъ огромный, пятиэтажный, построенный такъ, что узкій дворъ его представлялъ собою дно длиннаго и глубокаго колодца.

Онъ съ трехъ сторонъ обстрѣливался ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, и жильцы квартиръ, обращенныхъ къ Никитскимъ воротамъ и къ прилегающимъ къ нимъ переулкамъ, съ перваго же дня вынуждены были выбраться оттуда въ другія, болѣе безопасныя помѣщенія, такъ какъ у нихъ пулями были перебиты окна, изрѣшетены стѣны и исковеркана мебель.

Были уже среди мирныхъ квартирантовъ и раненые.

Папа цѣлые дни проводилъ въ помѣщеніи домоваго комитета, образовавшагося въ первый день выступленія большевиковъ и приходилъ домой только ѣсть и спать.

Мама съ сестренками и съ mademoiselle почти не выходила изъ самой безопасной срединной комнаты, въ которой въ обычное время помѣщалась гувернантка.

Юрочка не могъ спокойно сидѣть въ квартирѣ, подъѣздъ въ которую, какъ и всѣ подъѣзды дома, изнутри былъ забаррикадированъ шкапами, ящиками и сундуками и передъ которымъ на внутренней лѣстницѣ поочередно дежурили жильцы.

Отбывалъ свои дежурства и Юрочка, а въ свободное время, выждавъ минуту, когда дворъ переставали обстрѣливать продольнымъ огнемъ, быстро перебѣгалъ его и спускался въ полуподвальный этажъ къ отцу въ домовую контору, а чаще всего прижавшись гдѣ-нибудь къ выступу стѣны, цѣлыми часами простаивалъ въ дворѣ, ко всему прислушиваясь и приглядываясь.

Громовый грохотъ разрывавшихся снарядовъ, гулкое шуршаніе по крышамъ падающихъ осколковъ, без-

перерывная ружейная и пулеметная дробь, временами сливавшаяся въ одинъ общій оглушительный ревъ, поднимала и возбуждала нервы Юрочки.

Особой робости онъ не испытывалъ: ему было и жутко, и весело; онъ чаще обычнаго смѣялся.

Звуки боя производили устрашающее и величественное впечатлѣніе.

На тротуарахъ и по улицамъ ползали и стонали раненые.

Одинъ разъ у сквозныхъ высокихъ желѣзныхъ воротъ изнутри двора появилась вся въ бѣломъ сестра милосердія, имѣя въ рукахъ большой бѣлый флагъ Краснаго Креста.

Со стороны большевиковъ стрѣльба по флангу поднялась съ безумной яростью.

Въ одно мгновеніе пронзенная нѣсколькими пулями молодая женщина свалилась на землю, выронивъ изъ рукъ простр ѣленный флагъ.

Послышался отчаянный крикъ.

Пятна алой крови растеклись на бѣлой одеждѣ сестры.

Она упала за вдѣланными въ низъ воротъ, толстыми и широкими желѣзными листами, которыхъ не пробивали пули.

У Юрочки занялся духъ. Съ секунду онъ стоялъ съ пристывшими къ фигурѣ корчившейся и стонавшей сестры глазами, потомъ сорвался съ мѣста и не помня себя, среди жужжащихъ по двору пуль бросился на помощь раненой.

Неизвѣстные мужчины, стоявшіе у ближняго подъѣзда одной изъ квартиръ, упали на землю и прикрываясь тѣми же желѣзными листами, поползли на помощь къ несчастной.

Юрочка и неизвѣстные быстро втащили раненую въ ближнюю квартиру.

Юрочка дрожалъ мелкой дрожью, лицо его раскраснѣлось, глаза блестѣли. Онъ нервно смѣялся и въ глубинѣ души гордился тѣмъ, что онъ — не трусъ, пролитая же кровь, оказавшаяся у него на рукахъ и на одеждѣ, произвела на него непріятное и тягостное впечатлѣніе.

По утрамъ, когда по взаимному уговору враждующихъ сторонъ бой на нѣкоторое время прерывался, Юрочка съ удостовѣреніемъ отъ домоваго комитета въ

рукахъ бѣгалъ въ сосѣднія улицы въ лавки и покупалъ мяса, хлѣба, масла, молока и газеты.

Мать, дрожавшая за жизнь мужа и дѣтей, никакъ не могла удержать его около себя.

Юрочка со вниманіемъ выслушивалъ разсужденія и толки взрослыхъ о ходѣ боевъ, о шансахъ на побѣду какъ бѣлыхъ, такъ и ихъ противниковъ.

Теперь онъ уже самъ понималъ, что дѣло приметъ очень худой оборотъ, если большевики возьмутъ верхъ. Онъ этого страшился, хватался за газеты и съ жадностью прочитывалъ ихъ.

Чувствовалось, что многочисленныя полчища большевиковъ, состоявшія изъ солдатъ, матросовъ, рабочихъ и бродячей преступной черни, которымъ такъ или иначе сочувствовала и помогала вся милліонная мужицкая Москва, полчища, владѣвшія всѣми складами оружія, снарядовъ и патроновъ, давятъ своей численностью небольшія, лишенныя артиллеріи, располагающія скудными запасами патроновъ, кучки офицеровъ, юнкеровъ, кадетъ, студентовъ и иной учащейся молодежи.

Казалось, что здѣсь все перевернулось вверхъ ногами.

Здѣсь грузное, грязное дно всей своей каменной тяжестью давитъ на опрокинутые внизъ и притиснутые къ землѣ хрупкіе верхи и крышу.

Здѣсь кровожадные и грабительскіе инстинкты презрѣнной черни, освобожденные отъ крѣпкой узды сдерживавшаго ихъ закона и права, сознавшіе свою слѣпую, жестокую силу, въ смертельной схваткѣ сцѣпились съ остатками защитниковъ законности, чести, славы и достоинства въ мучительныхъ судорогахъ умирающаго великаго государства.

На сторонѣ однихъ была сила, были жажда крови и наживы.

На сторонѣ другихъ не было силы, но были доблесть, самопожертвованіе, любовь къ гибнущему отечеству и полное одиночество среди океана бѣшеной людской ненависти и злобы.

Въ газетахъ писали о движеніи на защиту Москвы атамана Каледина съ донскими казаками, генерала Корнилова съ текинскимъ полкомъ. Описывались даже подробности, какъ знаменитый генералъ вырвался изъ Быховскаго плѣна.

Надежды буржуазныхъ обывателей вспыхивали, но лопались, какъ мыльные пузыри.

Въ ожесточенныхъ, томительныхъ и кровопролитныхъ бояхъ прошло около недѣли.

Утромъ второго ноября бой мгновенно прекратился, точно тихій ангелъ взмахнулъ вѣтвью мира надъ страдальческимъ городомъ.

Сразу наступила непривычная, загадочная и жуткая тишина.

Нигдѣ не протрещалъ ни одинъ выстрѣлъ.

Время было необычное для перерыва боя.

Юрочка выглянулъ въ окно и увидѣлъ въ переулкѣ толпу народа, не вооруженную, радостную, состоявшую главнымъ образомъ изъ женщинъ и дѣтей, высыпавшихъ изъ ближнихъ угловъ и подваловъ.

Окруживъ разносчика, всѣ нарасхватъ покупали у него газеты.

Юрочка, уже догадываясь, что междоусобный бой конченъ, стремглавъ бросился въ переулокъ, пробился въ толпѣ къ газетному торговцу и вырвалъ у него листокъ, сунувъ ему деньги.

Изъ газеты онъ узналъ, что дѣйствительно война кончилась. Побѣда осталась на сторонѣ большевиковъ.

Папа, наскоро пробѣжавъ глазами печатныя строки, поблѣднѣлъ и пробормотавъ: «иного ничего нельзя было и ожидать», съ тяжелымъ вздохомъ быстро прошелъ въ комнату жены.

Юрочка слышалъ, какъ папа, шагая по комнатѣ и стараясь казаться спокойнымъ, говорилъ мамѣ:

— Надо, милая, собираться и какъ можно, скорѣе. Захватимъ дѣтей, самыя необходимыя вещи изъ одежды, драгоцѣнности и поѣдемъ на Донъ. Больше пока дѣваться некуда. Тамъ атаманъ Калединъ и казаки. Они не подчинятся большевикамъ. Да, пожалуйста, не разболтай объ этомъ прислугѣ, скажи, что ѣдемъ къ себѣ въ деревню. Возьмемъ только Аннушку и mademoiselle. Всѣ остальные ненадежны. Представь, Петръ (лакей) — большевикъ. Его надо поскорѣе удалить... впрочемъ, нѣтъ, лучше пусть остается, а то можетъ донести.

Мама тихо плакала.

Юрочкѣ тоже захотѣлось, какъ можно, скорѣе вырваться изъ этого всероссійскаго ада и ѣхать къ свободолюбивымъ казакамъ.

Мама съ mademoiselle и съ Аннушкой разбирала, собирала и запаковывала вещи въ корзины, чемоданы и сундуки.

Какъ ни старались возможно меньше отягощать себя въ дорогѣ вещами, но ихъ приходилось взять цѣлыя горы и притомъ бралось только самое необходимое, безъ чего обойтись нельзя.

Юрочка былъ на посылкахъ.

Папа уходилъ въ городъ и возвращался каждый разъ все мрачнѣе и мрачнѣе, шопотомъ сообщая объ арестахъ то того, то другого изъ своихъ сослуживцевъ и знакомыхъ, очень торопилъ маму поскорѣе собираться, самъ помогалъ укладывать вещи и затягивалъ чемоданы и укладки.

Въ первый же день своего владычества большевистскія власти потребовали на переписку всѣ документы жильцовъ дома для зарегистрированія въ комиссаріатѣ.

V.

Какъ ни спѣшили, въ сборахъ прошло почти два дня. Никто изъ прислуги, кромѣ одной горничной Аннушки, не хотѣлъ помогать, а скорѣе мѣшали.

Папа уже взялъ билеты до Ростова и на слѣдующій день вся семья съ курьерскимъ поѣздомъ должна была выѣхать.

Лакей Петръ, съ мрачнымъ волчьимъ огонькомъ въ глазахъ смотрѣвшій во время боевъ, вдругъ повеселѣлъ и окончательно обнаглѣлъ, когда большевики взяли верхъ. На всѣ приказанія презрительно фыркалъ, всѣ дни слонялся безъ дѣла съ злобной миной торжества на бритомъ лоснящемся лицѣ и въ прищуренныхъ глазахъ. Съ вечера второго дня, обокравъ своихъ хозяевъ, онъ куда-то исчезъ.

Часу въ третьемъ ночи, когда въ домѣ всѣ спали, съ лѣстницы послышался шумъ, топотъ и шмыганіе тяжелыхъ ногъ, а потомъ въ квартирѣ раздался громкій, нетерпѣливый, продолжительный звонокъ и въ дверь стали неистово стучать.

Папа, наскоро одѣвшись, самъ открылъ дверь.

Вошелъ низенькаго роста штатскій, дурно одѣтый, человѣкъ съ портфелемъ подъ мышкой, а за нимъ ввали-

лись шесть вооруженныхъ красногвардейцевъ, изъ коихъ четверо было солдатъ въ шинеляхъ и двое рабочихъ въ пальто.

Штатскій былъ разнолапый, съ выпяченными, какъ у рака, бѣлками круглыхъ, злыхъ, вороватыхъ глазъ, съ красными, безъ рѣсницъ, вѣками, съ крючковатымъ, длиною въ поллица, носомъ, по своему паукообразному сложенію, съ короткими руками и ногами, съ выпяченнымъ брюшкомъ и по лицевому профилю — типичный семитъ.

Въ передней сразу запахло человѣческимъ потомъ и кабакомъ.

Высокомѣрно задравъ большую голову безъ шеи, выходившую прямо непосредственно изъ узкихъ, немощныхъ плечъ, штатскій назвалъ себя мѣстнымъ комиссаромъ и потребовалъ провести его въ кабинетъ.

Тамъ онъ усѣлся за письменный столъ и безбожно коверкая русскую рѣчь, въ присутствіи красногвардейцевъ о чемъ-то допрашивалъ папу и своей неопрятной рукой съ короткими, крючковатыми пальцами, что-то неуклюже записывалъ на бумагѣ.

Юрочку возмутило, что этотъ грязный нахалъ сидѣлъ развалясь въ папиномъ креслѣ и держалъ себя съ нестерпимой заносчивостью, точно папа былъ какой-то осужденный преступникъ, а самъ папа стоялъ передъ іудеемъ, заложивъ руки въ карманы.

Папа съ едва скрываемой брезгливостью и презрѣніемъ отвѣчалъ на вопросы жида, распространявшаго запахъ чеснока и какой-то специфической кислятины, которая била въ носъ еще острѣе и противнѣе, чѣмъ запахъ отъ его подчиненныхъ.

Потомъ красногвардейцы поперерыли въ домѣ все, даже въ маминой спальнѣ и у сестренокъ.

Мама и сестренки едва одѣтыя, съ испуганными, блѣдными лицами, большими глазами смотрѣли на незваныхъ пришельцевъ, а Юрочка злился и негодовалъ.

На глазахъ у него красногвардейцы стащили съ ночного столика папины золотые часы, а въ столовой препроводили въ свои карманы забытыя на буфетѣ столовыя ложки.

Вѣроятно, стащили бы и мамины драгоцѣнности, еслибы Юрочка не поспѣшилъ спрятать ихъ у себя въ карманахъ.

Юрочка возмутился поведеніемъ красногвардейцевъ и во всеуслышаніе заявилъ о воровствѣ.

У маленькаго, грязнаго іудея запрыгали въ глазахъ подъ воспаленными вѣками красные огоньки.

Онъ, угрожающе поднявъ кверху указательный палецъ и какъ змѣя, глядя въ лицо мальчика вертящимися отъ злобы глазами, стараясь придать своей плюгавой отталкивающей особѣ внушительный и грозный видъ, запальчиво, съ рѣзкимъ еврейскимъ акцентомъ закричалъ:

— Вы забываетесь, молодой человѣкъ! Вы забываете себѣ, съ кѣмъ имѣете дѣло. Я — полномоцной комиссаръ народно-совѣтской власти. Это вамъ не презній царскій режимъ. Что хотѣли себѣ, то и дѣлали. Съ нами шутке плохе. Вы васымъ лознымъ подозрѣніемъ оскорбляете себѣ... цесныхъ агентовъ правительства при исполненіи слузебной обязанностявъ... да...

Іудей брызгалъ слюной и подступалъ къ мальчику все ближе и ближе.

Но возмущенный Юрочка, чувствуя себя правымъ, стоялъ неподвижно, не сводя своего озлобленнаго, упорнаго взгляда съ представителя новой власти и указывая на красноармейцевъ, крикнулъ:

— А вы обыщите ихъ, вотъ этихъ! — онъ прямо указалъ на двухъ воровъ. — Тогда и заступайтесь. Обыщите! Вы пришли обыскивать, а не воровать!

Іудей растерялся.

Глаза его нерѣшительно забѣгали по сторонамъ.

— Обыщите! Обыщите! зло, упрямо настаивалъ Юрочка.

— Уймите васего сына или кто онъ вамъ... — возмущеннымъ, но значительно пониженнымъ тономъ обратился іудей къ отцу. — Вѣдь это-зе невозможно... Это-зе гнуснаго клевета. Молодой человѣкъ мозетъ зе за это пострадать... Я шутить не намѣренъ...

— Положимъ, не клевета... — опустивъ глаза и блѣднѣя, тихо отвѣтилъ папа. — Онъ у меня никогда не лжетъ, да я и самъ...

Но папа не договорилъ.

Іудей сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ послѣднихъ словъ.

Папа моргнулъ Юрочкѣ, чтобы тотъ замолчалъ и вышелъ.

КНИГОЗБІР. Я „СТУДІОНУ“ У Львові

— Вы сами — клеветникъ и.. хамъ, проворчалъ Юрочка настолько громко, что всѣ слышали и удалился изъ комнаты, крѣпко хлопнувъ дверью, до глубины души возмущенный несправедливостью, наглостью и нахальствомъ.

Ему обидно было за папу. Ему казалось, что папа безъ достаточнаго достоинства и твердости держалъ себя съ грязнымъ, презрѣннымъ жидомъ.

Будь онъ большой, онъ не такъ держалъ бы себя! Онъ показалъ бы имъ ихъ мѣсто!

Да и что же это такое? Развѣ папа, милый, добрый, благородный папа обворовалъ, ограбилъ или убилъ кого-нибудь, что къ нему въ квартиру ворвались ночью, всѣхъ перебудили, все перерыли, все перевернули вверхъ дномъ и обворовали... и надъ папой, солиднымъ, уважаемымъ человѣкомъ, генераломъ, распоряжается какой-то презрѣнный жидъ, является полновластнымъ начальникомъ.

Отъ безсилія и раздраженія Юрочка при выходѣ изъ комнаты топнулъ ногой. Онъ терялся и ничего не понималъ.

— Ишь какой змѣенышъ! Какъ хорохорится-то! Изъ молодыхъ да ранній! шопотомъ замѣтилъ вслѣдъ Юрочкѣ весь отъ волненія вспотѣвшій одинъ изъ красногвардейцевъ, у котораго за голенищей тикали украденные часы.

— Замолчи ужъ. Чего?! одернулъ его тоже шопотомъ другой, у котораго въ карманѣ шинели топорщились столовыя ложки.

Въ первые дни торжества большевизма на Руси служители его еще скрывали и стыдились своего воровства, боясь отвѣтственности. Открытый грабежъ еще не былъ тогда санкціонированъ декретами преступной самозванной власти воровъ и убійцъ.

Къ перешептывавшимся пододвинулся одинъ изъ рабочихъ съ испитымъ, почти безъ растительности, острымъ лицомъ и серьезными глазами.

— Товарищи, — въ полголоса обратился онъ къ красногвардейцамъ, — это — не порядокъ, что вы присвоили чужія вещи... Ихъ надо немедленно возвратить...

— Это, товарищъ, не ваше дѣло... Вы за это не въ отвѣтѣ... — весь покраснѣвъ и наершившись, зашепталъ укравшій часы — коренастый, съ широкимъ, заросшимъ грязно-рыжими волосами, лицомъ, съ маленькимъ, курносымъ носомъ, красногвардеецъ, по ухваткамъ — наряжен-

ный въ шинель, совсѣмъ необломанный мужикъ. — Вы за бужуевъ на хронтѣ свою кровь не лили, а мы лили... То-то...

— Это не по закону, товарищъ, — сурово сдвинувъ близкосходящіяся къ переносью, подвижныя брови, сказалъ рабочій, неловко зацѣпилъ за коверъ прикладомъ ружья и стукнувъ имъ объ полъ, со вздохомъ отошелъ въ глубину комнаты. — Стыдно, товарищи... А еще представители народно-совѣтской власти... Такъ нельзя...

— Кому нельзя, а намъ можно. Вотъ и весь сказъ... Вы на хронтѣ за буржуевъ свою кровь не лили... съ азартомъ огрызался курносый, при разговорѣ высоко къ носу выпячивая верхнюю губу и обнажая зубы и десны.

Почти до самаго утра продолжался обыскъ, послѣ котораго не досчитались многихъ мелкихъ вещей.

Іудей съ красногвардейцами забрали много папиныхъ бумагъ и увели съ собою и папу.

Передъ уходомъ папа съ разстроеннымъ лицомъ, торопливо перекрестилъ дѣтей и прощаясь съ мамой, успѣлъ шепнуть ей:

— Надѣюсь, милая, что меня скоро освободятъ, снимутъ дополнительный допросъ и освободятъ. За мной никакой вины нѣтъ. Не безпокойся.

Юрочка помнилъ, какъ блѣденъ былъ отецъ, какъ дрожали его губы, какъ страненъ и какъ будто чуждъ имъ всѣмъ его затаившійся въ глубинѣ зрачковъ взглядъ.

Прекрасные голубые глаза мамы стали огромными, совсѣмъ свѣтлыми и прозрачными.

Она не сводила своего испуганнаго, неподвижнаго взгляда съ лица папы, пока за нимъ не закрылась дверь.

Юрочка безотчетно проводилъ отца по освѣщенной лѣстницѣ и стоялъ съ стѣсненнымъ сердцемъ на подъѣздѣ до тѣхъ поръ, пока папа и конвоировавшіе его красноармейцы съ комиссаромъ не скрылись въ темнотѣ скудно-освѣщенной улицы.

— Ну, товарищъ, идите спать. Пора тушить електричество... услышалъ Юрочка за спиной знакомый голосъ.

Юрочка оглянулся.

Сзади него, въ открытыхъ дверяхъ, съ накинутымъ на плечи пальто, въ одномъ бѣльѣ и въ опоркахъ на босу ногу стоялъ старый швейцаръ Еремѣй.

— Какой я тебѣ товарищъ? И что ты глупости городишь, Еремѣй? Какъ тебѣ не стыдно? съ досадой проворчалъ Юрочка.

— Э-эхъ, Юрій Степанычъ, это я такъ только для порядка, значитъ. Теперича ничего не разберешь, — наклоняясь къ Юрочкѣ, говорилъ онъ, одной рукой закрывая двери, толстыми пальцами другой прихвативъ обѣ расходящіяся полы пальто. — Только думаю я такъ, теперь своимъ, значитъ, умомъ, ничего добраго не выйдетъ. — И понижая голосъ до шопота, спросилъ:—Это куда же папу-то вашего повели? Такого хорошаго господина, чуть што не губернатора и какъ арестанца, а?

— Не знаю. ,Допросъ какой-то снимаютъ.

— Та-акъ. Гм. На народный судъ, значитъ?

— Какой тамъ народный судъ?! — съ возмущеніемъ воскликнулъ Юрочка. — Вломился жидъ, отвратительный, вонючій и съ нимъ шесть воровъ. Обокрали...

— Тсс... малой, полегче... — покровительственно зашепталъ Еремѣй. — Я-то ничаво. А ежели кто другой услышить, бѣды, донесеть. Теперича тутъ и у стѣнъ ухи. Энтотъ-то жидюга-то, что теперя въ комиссарахъ ходить, вѣдь это Мошка Пельтиновичъ, самый што ни на есть послѣдній человѣкъ, прежде въ худыхъ такихъ заведеніяхъ, куды пьяные по ночамъ къ барышнямъ ѣздють, на хвартапьянахъ игралъ, а потомъ какъ начальство, значитъ, позакрывало эти веселые дома, онъ чортъ знаетъ чѣмъ на Сухаревкѣ перебивался, всякой дрянью торговалъ, добрыхъ людей надувалъ, а теперя поди-жъ ты! Носъ задралъ превыше Ивана Великаго. И откуда столько жидовъ набралось? Прежде на Москвѣ ихъ и не видно было. А какъ слободы объявили, тутъ ихъ, што таракановъ изъ подполья, со всѣхъ щелей поналѣзла сила. Бѣды! Што будетъ? Што будетъ?

Еремѣй покачалъ головой.

Войдя къ себѣ, Юрочка замѣтилъ, что столпившаяся въ передней полуодѣтая прислуга: кухарка, прачка, судомойка и вторая горничная громко, оживленно и весело разговаривали, точно совершилось какое-то счастливое событіе.

Юрочка не утерпѣлъ. Его возмутило.

— Идите спать. Чему вы радуетесь?! хозяйскимъ суровымъ голосомъ сказалъ онъ и даже самъ удивился своему тону.

— Мы сычасъ. Чего же намъ плакать, что ли?! За нами ничего такого нѣтъ... отвѣтила кухарка съ круглымъ, лоснящимся, радостнымъ лицомъ.

— Сейчасъ же погасить свѣтъ и чтобы никакого шуму! почти крикнулъ Юрочка и щелкнувъ электрической защелкой, въ темнотѣ пошелъ искать мать.

Онъ нашелъ ее въ ея спальнѣ.

Она, стоя на колѣняхъ передъ семейнымъ полуопустѣвшимъ кивотомъ, изъ котораго было выбрано и уложено въ чемоданы больше половины иконъ, при свѣтѣ лампады молилась.

Юрочка тихонько опустился сбоку нея на колѣни.

Мать съ рыданіями бросилась ему на шею.

— Ничего, мама, ничего, родная моя мамочка, выпустятъ папу, выпустятъ... Чего-ты боишься, родная моя?

— Охъ, боюсь я этихъ людей, Юра, боюсь, боюсь...

VI.

Потомъ начались ужасающіе, сумбурные дни.

Юрочка безъ внутренняго содроганія, ужаса и возмущенія не могъ вспомнить о нихъ.

Мама, не смыкая глазъ, по цѣлымъ ночамъ плакала и молилась, а днями сперва одна, потомъ въ сопровожденіи Юрочки ходила и ѣздила по всѣмъ комиссаріатамъ, тюрьмамъ и новымъ властямъ, разыскивая мужа.

Имъ на каждомъ шагу приходилось переносить всяческія издѣвательства, униженія и ничѣмъ не вызванныя ими грубости и оскорбленія.

Ни у кого не встрѣтили они и намека на естественную человѣческую жалость, сочувствіе или состраданіе.

Обращались съ ними, какъ съ преступниками, презрѣнными тварями, какъ дурной хозяинъ не обращается даже со своимъ скотомъ.

На верхахъ власти, среди комиссаровъ, они почти вездѣ и всюду наталкивались только на евреевъ, точно это племя оружіемъ завоевало Москву и Россію, въ низахъ встрѣчали красногвардейцевъ изъ прирожденныхъ русскихъ.

Властвовали, приказывали и распоряжались вездѣ и всюду, при томъ заносчиво, высокомѣрно и нестерпимо

грубо евреи, а всю черную работу по ихъ приказанію выполняли русскіе мужики и рабочіе.

Въ низахъ вездѣ безъ исключенія встрѣчала и сопровождала ихъ площадная брань, злорадство, а иногда откровенные упреки въ томъ, что у нихъ хорошія человѣческія лица, а не скотоподобныя, какъ у новыхъ вершителей судебъ русскаго народа и угрозы, угрозы безъ конца.

Точно злобный, завистливый, ненасытимо-кровожадный дьяволъ вселился въ нечистыя тѣла этихъ человѣкообразныхъ подъ затрепанными пиджаками и подъ грязными сѣрыми шинелями съ ярко-красными розетками и бантами на груди.

Юрочка сперва недоумѣвалъ, терялся, до слезъ возмущался и даже стыдился за этихъ людей, которые въ присутствіи боготворимой имъ мамы произносили такія ужасныя и мерзкія слова.

Но потомъ онъ внутренно какъ-то съежился и сталъ ожесточаться.

Онъ съ ненавистью исподлобья глядѣлъ на всѣхъ носителей новой власти.

Въ сердцѣ его накипали непреоборимое отвращеніе и безсильная злоба.

На четвертый день розысковъ Юрочку съ матерью заставили проѣхать въ какой-то узкій, грязный переулокъ одного изъ отдаленныхъ кварталовъ Москвы.

Тамъ черезъ кучу мусора, навоза, обломковъ кирпичей и затоптанныхъ въ землѣ досокъ провели ихъ на грязный, тѣсный и глухой дворъ.

У высокой, точно обрубленной, безъ единаго окна, обшарпанной задней каменной стѣны дома въ разныхъ положеніяхъ лежало пять труповъ, обобранныхъ до бѣлья.

Въ одномъ изъ нихъ по небольшой, темной бородкѣ, по прямому носу, по высокому, плѣшивѣющему лбу и по свѣтлымъ, вопросительно обращеннымъ къ небу мертвымъ глазамъ Юрочка сразу узналъ тѣло своего отца.

На рубашкѣ на высотѣ груди и живота запеклись сгустки крови, много крови...

Отца разстрѣляли.

Точно въ кошмарномъ снѣ, Юрочка помнилъ, какъ мама со стономъ повалилась у трупа мужа и не могла подняться.

Онъ самъ стоялъ съ застрявшими въ умѣ мыслями: «папы нѣтъ. За что же убили папу?»

Несмотря на все кошмарное пережитое за послѣдніе дни, онъ никакъ не допускалъ такой несправедливости и звѣрства, какія учинены надъ его отцомъ.

Это было страшнымъ и неожиданнымъ для него ударомъ.

Онъ хотѣлъ помочь мамѣ, сказать ей хоть что-нибудь, но не двинулся съ мѣста, не пошевелилъ языкомъ.

Время для него остановилось и хотя въ умѣ его застрялъ прежній неразрѣшенный мучительный вопросъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ, но одними только глазами слѣдилъ за галками, которыя съ крикомъ перелетали съ мѣста на мѣсто на ближней красной облинялой крышѣ, и каждый ихъ крикъ и каждый взмахъ крыльевъ на фонѣ яснаго и загадочно-пустого неба отчетливо и рѣзко запечатлѣвались въ его зрительной и слуховой памяти.

И ему казалось, что галки и кричали, и летали въ пустомъ небѣ какъ-то особенно: крикъ ихъ былъ похоронно-гармониченъ, взмахи крыльевъ рѣзко-отчетливы, точно онѣ не въ воздухѣ летали, а рѣзали крыльями что-то густое и упругое и этимъ птицы вѣщали ему о великомъ, непоправимомъ несчастіи, съ нимъ случившемся и о чемъ-то надвигающемся еще болѣе горестномъ и грозномъ.

Кто-то грубо и съ силой дернулъ его сзади за плечо и обдалъ отвратительнымъ сивушнымъ запахомъ.

Юрочка съ болѣзненной гримасой глубокаго страданія и брезгливости на лицѣ повернулся.

Передъ нимъ стоялъ красногвардеецъ, обвѣшанный черезъ грудь и плечи крестъ на крестъ пулеметными лентами.

Юрочкѣ какъ-то особенно ярко и нестерпимо рѣзко бросилась въ глаза его густо-красная, сытая, обвѣтренная рожа съ выдавшимися, на подобіе тяжелыхъ лошадиныхъ ганашей, толстыми костями и мускулами челюстей.

Красногвардеецъ волочилъ по землѣ ружье, какъ палку.

И это замѣтилъ Юрочка.

Мама сидѣла на землѣ и была точно помѣшанная.

Она, какъ на смерть подстрѣленная птица, схватившись рукой за сердце, всѣмъ корпусомъ металась изъ

стороны въ сторону, не будучи въ силахъ встать на ноги и съ выраженіемъ отчаянія и растерянности въ блуждающихъ глазахъ, внѣ себя что-то шептала.

— Чего тутъ раскудахтались, буржуи?! Тсс! Будя!..— Тутъ слѣдовало непередаваемое по своему безстыдству и омерзительной гнусности ругательство. — Ежели признали за своего, такъ и обирайте скорѣича отселева эту падаль. Неча нюни распускать. Чего долго короводиться съ вами! Знаемъ васъ. Попили нашей кровушки. Теперя шабашъ...

Юрочку сотрясло всего.

У него вспыхнули глаза, все передъ нимъ позеленѣло и закружилось вихремъ. Онъ видѣлъ передъ собой только толстое лицо и фигуру торжествующаго животнаго. Отъ душившей его ненависти онъ не могъ выговорить ни одного слова.

Одинъ мигъ онъ хотѣлъ вцѣпиться въ толстое горло этого гнуснаго двуногаго гада и мысленно измѣривъ обоюдныя силы, не сомнѣвался, что тотъ и спохватиться не успѣетъ, какъ онъ, Юрочка, задушитъ его, вытрясетъ изъ его неуклюжаго, дюжого тѣла растленный, мерзкій духъ.

Подошелъ другой красногвардеецъ, постарше.

— Обирайте скорѣича, разъ разрѣшено... Чего? Дома поплачете. «Москва слезамъ не вѣритъ»... чувствуя опасное настроеніе юноши, безъ злобы, примирительно сказалъ подошедшій.

Юрочка на мигъ безучастно, но упорно посмотрѣлъ на говорившаго и снова перевелъ глаза на перваго.

— Ишь глазы-то вытаращилъ, што твой волкъ...— опѣшеннымъ тономъ вполголоса пробормоталъ первый, опасливо уходя въ сторону отъ преслѣдующаго взгляда Юрочки.—Сказано—обирайте, ну и обирайте...

— А вы, товарищъ, не очинно-то дерите глотку, не распоряжайтесь. И безъ васъ все справится, какъ слѣдуетъ, строго замѣтилъ второй.

— А што-жъ?

— А то... Здѣся вамъ не мѣсто. Ваше здѣся мѣсто, што-ли?! Ваше мѣсто у воротъ. Туда и ступайте.

— Знаю... и безъ васъ.

— То-то. Знаешь да не сполняешь. А ворота брошены безъ призору... ворчливо сказалъ второй красногвардеецъ, видимо, старшой между равными.

Толсторожій, таща за собой винтовку, съ шапкой, неловко и нахально, не по-солдатски, а по-хулигански сбитой на самый затылокъ, при каждомъ шагѣ отчетливо переваливаясь полушаріями толстаго зада и широко разбрасывая на ходу свои руки, съ нарочно независимымъ, безпечнымъ видомъ озираясь по сторонамъ, лѣниво пошелъ къ воротамъ.

«Мнѣ, молъ, на все наплевать. Мнѣ самъ чортъ не братъ!» лѣзло изъ всѣхъ поръ его хамски-самодовольнаго, сытаго тѣла.

Юрочкѣ долго пришлось бѣгать по улицамъ и переулкамъ въ поискахъ за дрогалемъ.

Наконецъ, дрогаль нашелся, но за перевозку тѣла отца на квартиру заломилъ неслыханную по тогдашнимъ временамъ цѣну.

Душевно и физически разбитую мать Юрочка заботливо усадилъ на извозчика и отправилъ домой, самъ же пошелъ за дрогалемъ.

Всѣмъ происшедшимъ Юрочка былъ глубоко потрясенъ. Онъ еще не могъ вполнѣ разобраться въ своихъ тяжкихъ ощущеніяхъ и мысляхъ, зналъ только, что всѣ прежнія представленія его о жизни, о гуманности, о свободѣ, братствѣ, равенствѣ совершенно опрокинуты, разбиты и втоптаны въ грязь и кровь.

Одно несомнѣнно, что отсюда, съ этого грязнаго двора, гдѣ пролита кровь его отца, откуда онъ увозилъ его трупъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ юномъ, дотолѣ не знавшемъ злобы, сердцѣ уносилъ непримиримое ожесточеніе и ненависть ко всѣмъ тѣмъ преступнымъ людямъ, которые стали безконтрольными и жестокими распорядителями жизнью и имуществомъ несчастныхъ, обманутыхъ и преданныхъ русскихъ людей.

Отнынѣ спокойнымъ и пассивнымъ зрителемъ невиданнаго въ подлунной насилія, предательства и злодѣяній онъ быть не можетъ.

Мальчикъ чувствовалъ это всѣми фибрами своего существа.

Похоронивъ мужа, мать заторопила Юрочку поскорѣе уѣзжать изъ Москвы.

Она благословила его семейнымъ образкомъ и заливаясь горькими слезами, говорила ему:

— Уѣзжай на Донъ, мой ненаглядный, родной, безцѣнный мальчикъ — единственная отрада моя, а то я боюсь, какъ бы эти звѣри не убили и тебя, какъ убили тво-

его отца. И да сохранитъ тебя Господь Милосердный и Его Пречистая Матерь. Ея покровительству и заступничеству тебя поручаю. Будь самостоятеленъ и твердъ. Постоять за тебя больше некому.

И мама залилась еще горшими слезами.

— Боюсь, боюсь я за тебя... — среди рыданій говорила она, и плечи ея безпомощно вздрагивали, и между тонкими, нѣжными пальцами лились свѣтлыя слезы. — Какъ поѣдешь ты одинъ? Ты никогда одинъ не ѣздилъ... И кто за тобой присмотритъ?.. Господи, да за что столько горя и бѣдъ свалилось на наши головы? Но на все Твоя святая воля!

— Мамочка, милая, родная ты моя, обо мнѣ не безпокойся...—отвѣчалъ опечаленный и растроганный Юрочка, съ усиліемъ поджимая свои почему-то безперерывно распускавшіяся полныя, яркія губы. — Я теперь уже не мальчикъ. Нѣ-ѣтъ. Былъ мальчикъ, а теперь уже многому научился... глядя передъ собою въ пространство, тихо, но рѣшительно добавилъ онъ.

Мать долго цѣловала его нѣжное лицо, полныя, розовыя щечки, голубые глаза, бѣлокурыя шелковыя кудри, называла его самыми нѣжными ласкательными именами, долго сжимала его въ своихъ объятіяхъ и съ выраженіемъ безграничной любви, тоски и ласки смотрѣла на него, хотѣла навсегда въ своей памяти и сердцѣ запечатлѣть безконечно-дорогой для нея его образъ со всѣми мельчайшими подробностями.

Сестренки, раньше часто ссорившіяся съ нимъ и досаждавшія ему, теперь не знали, какимъ способомъ побольше выразить ему свою любовь и привязанность.

11-ти лѣтняя Оленька съ живыми, темными глазами и маленькимъ ртомъ подарила ему на память тетрадку съ собственными рисунками въ краскахъ, которыми она очень дорожила.

8-ми лѣтняя свѣтлоглазая, ласковая шалунья—Мусенька, дала ему шелковую закладочку, вышитую собственными руками для евангелія, которое мама положила вмѣстѣ съ бѣльемъ въ Юрочкинъ походный мѣшокъ.

Юрочка былъ разстроенъ и растроганъ до слезъ.

Онъ никакъ не подозрѣвалъ, что такъ сильно любитъ всѣхъ своихъ семейныхъ и что ему такъ тяжело разставаться съ ними.

Ему и хотѣлось поскорѣе уѣхать на вокзалъ и тяжко было оторваться отъ родныхъ, особенно теперь, когда папы нѣтъ, когда онъ погибъ такой мучительной смертью отъ руки убійцъ и мама и сестренки останутся одинокими.

Юрочка, уже достаточно познакомившійся съ мужицникогда даже не было вопросомъ, что мать его лучше всѣхъ на свѣтѣ, теперь же онъ нашелъ, что и прекраснѣе мамы нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ.

Кровью облилось его сердце, когда онъ увидѣлъ въ пышныхъ, бѣлокурыхъ волосахъ матери обильныя, сѣдыя пряди. Онѣ поразили его, какъ снѣгъ среди лѣта. На молодомъ лицѣ ея, у глазъ, въ уголкахъ рта появились преждевременныя морщинки горести, а въ голубыхъ, кроткихъ глазахъ застыло выраженіе испуга, отчаянія и безысходной печали.

«О, я буду до могилы больше всего на свѣтѣ любить мою маму, буду во всемъ безпрекословно слушаться ея, чтобы ей, бѣдненькой, легче жилось, — клялся въ сердцѣ своемъ Юрочка, — и пока я живъ, у меня ее никто не обидитъ».

Внутри себя онъ чувствовалъ какую-то нароставшую крѣпость, претворявшуюся въ неистребимую потребность дать жестокій отпоръ той разнузданной, беззаконной и свирѣпой силѣ, которая теперь вся и всѣхъ обездоливала, грабила, оскорбляла, крушила и давила и всѣхъ, кто не служилъ ей, жестоко, звѣрски убивала.

Какимъ образомъ онъ осуществитъ свое желаніе, Юрочка еще не зналъ, но твердо вѣрилъ, что случай не заставитъ себя долго ждать.

— Ты поѣзжай, поѣзжай поскорѣе, Юрочка, мой родной сыночекъ, и дня черезъ два-три жди насъ въ Новочеркасскѣ, встрѣтишь на вокзалѣ, — съ душу раздирающей грустью и печалью торопила его мама. — Мнѣ надо передъ отъѣздомъ устроить здѣсь нѣкоторыя свои дѣла, и тамъ мы встрѣтимся.

Юрочка въ старомъ, широкомъ пальто отца, въ высокихъ сапогахъ и въ мѣховой шапкѣ, съ мѣшкомъ бѣлья въ рукахъ и съ двумястами рублями въ карманѣ уѣхалъ на Донъ.

VII.

Отъ самой Москвы около двухъ сутокъ Юрочка ѣхалъ въ заплеванномъ, загаженномъ, вонючемъ вагонѣ 2-го класса съ ободранными диванами, прижавшись на откидномъ стульчикѣ къ углу у окна и по возможности закрывая лицо изъ опасенія обратить на себя лишнее вниманіе.

Вагонъ до такой степени былъ набитъ неработавшими рабочими, сбѣжавшими съ фронта солдатами, праздными мужиками, матросами, бабами и дѣтьми, что люди сидѣли, стояли, ѣли, пили и спали не только на диванахъ, креслахъ, на полу, въ проходахъ и отхожихъ мѣстахъ, но даже и другъ на другѣ.

Все это распущенное человѣческое стадо орало, кричало, спорило, ссорилось, грозило, по всякому поводу и просто безъ повода бранилось ужасающей, омерзительной руганью.

Бранились всѣ: больше всего мужчины, но не уступали имъ въ грубости и отборности словечекъ и бабы. Угрюмыя, злыя дѣти во всемъ являлись подражателями взрослыхъ.

Юрочка, уже достаточно познакомившійся съ мужицкой руганью въ Москвѣ и въ деревнѣ, здѣсь наслышался такихъ «перловъ» народнаго краснорѣчія и въ такихъ недопустимыхъ для уха нормальнаго человѣка кощунственныхъ сочетаніяхъ, что о существованіи такихъ смрадныхъ словечекъ онъ и не подозрѣвалъ и временами отъ нихъ его тошнило.

Казалось, что вѣками накопившіяся въ темныхъ нѣдрахъ русской народной стихіи зависть, злоба, низость, гнусность, хамство, ненасытимая жажда насилій, крови, грабежа и воровства, получивъ свободу, вдругъ пробудились и подобно чудовищному гигантскому нарыву, какъ грязная вода черезъ развороченную плотину, съ угрожающимъ шумомъ и ревомъ прорвались и своимъ гнойнымъ зловоннымъ, буйнымъ разливомъ съ неудержимо-бѣшеной силой захлестнули всю великую, необъятную русскую равнину, сокрушающими потоками неся свой тлетворный, смердящій прибой къ еще неопакощеннымъ гнусной заразой здоровымъ окраиннымъ берегамъ.

Передъ границей Донской области вагонъ стремительно опустѣлъ.

Безбилетную, грязную, своевольную, буйную публику точно волной смыло.

Вдругъ стало тихо, свѣтло, просторно, точно пронесся свѣжій вѣтерокъ и унесъ всю нечисть, всю пыль, вонь и смрадъ.

Въ вагонѣ появились съ самой Москвы отсутствовавшіе кондуктора и поѣздная прислуга.

Юрочка въ началѣ не довѣрялъ своимъ глазамъ и недоумѣвалъ, потомъ съ наслажденіемъ потянулся всѣмъ тѣломъ и прошелся по вагону, чтобы хоть немного размять свои затекшіе отъ долгаго, почти неподвижнаго сидѣнія члены.

На слѣдующей станціи въ вагонъ вошелъ хорошо одѣтый, серьезный, молодой казачій офицеръ въ сопровожденіи трехъ вооруженныхъ, подтянутыхъ, опрятно и по формѣ до-революціоннаго времени одѣтыхъ казаковъ и потребовалъ какъ у Юрочки, такъ и еще у трехъ оставшихся пассажировъ проѣздные билеты.

Юрочка слышалъ, какъ пройдя въ сосѣднее отдѣленіе, тотъ же офицеръ предложилъ находившимся тамъ мужикамъ, солдатамъ и бабамъ немедленно пересѣсть въ вагоны 3-го класса, въ виду того, что они незаконно заняли здѣсь мѣста..

«Превиллегированные» пассажиры, видимо, были удивлены и возмущены такимъ непочтительнымъ предложеніемъ.

Поднялся грубый, вызывающій, возбужденный галдежь.

Истеричный, визгливый голосъ одной бабы сразу покрылъ всѣ другіе гудящіе голоса.

— А ты намъ мѣста тамъ отыщи. Мѣста отыщи. Сами, што ли, искать будемъ?! Тогда можетъ и перейдемъ. Вишь какой прыткой выискался! Видали такихъ-то... и не такимъ глотку зажимали... И тебѣ зажмемъ. Не зажмемъ, што ли? Поглядимъ на тебя?

— Я попрошу васъ не тыкать... сдержанно замѣтилъ офицеръ.

Но баба не унималась.

— Съ самой Москвы такъ-то ѣдемъ, и никто слова не сказалъ. А то ишь ты... отыщи мѣста. Вотъ и весь сказъ. Съ самой Москвы такъ-то ѣдемъ...

— У васъ въ Москвѣ и людей рѣжутъ и грабятъ,— возбужденно возвразилъ офицеръ. — А у насъ область Войска Донского, гдѣ законъ и порядокъ...

— А наплевать мнѣ на твою область! Ишь ты... сказано тебѣ, не пойдемъ отселева! взвизгнувъ во весь голосъ заорала баба.

Другіе голоса загалдѣли еще возбужденнѣе и громче.

— Взять ихъ! Въ шею! живо!—сурово и властно, покрывая всѣ голоса, вдругъ загремѣлъ выведенный изъ терпѣнія офицеръ. — Ахъ, вы, хамы... Ишь зазнались, поскуды вонючія! Еще и глотку драть... Морды вамъ не натрепали. Такъ прикажу — живо натрепятъ. Вонъ, свинота! И безъ раз-го-воровъ!

— Ну, тетки, дяди, вонъ, вонъ, пожалуйте, честью просять... — говорили казаки, быстро прокладывая свои проворныя руки и плечи къ заносчивымъ пассажирамъ. За окно полетѣли на платформу сумки и котомки. — Намъ растобаривать съ вами неколи. А ежели чуть што зашабаршите, такъ недолго вашего брата и за петелы да святымъ кулакомъ по окаянной шеѣ... И рахунки-то свои поживѣе собирайте. У насъ тутъ не Москва...

Мужики и бабы вдругъ молча, поспѣшно зашевелились, хватая свои вещи и толпясь у выхода изъ вагона.

— Мы и сами... мы и сами... Чего насъ брать?! своехъ ногъ у насъ нѣту-ти, што-ли?! Мы не безъ ногъ... — уже инымъ примирительнымъ голосомъ говорила прежняя баба. — Ишь ты какъ тутъ...

— Молчать! снова крикнулъ офицеръ.

— И помолчу. Чего-жъ не помолчать-то... — уже въ полголоса говорила та же баба, направляясь изъ вагона вслѣдъ за своими спутниками. — Охъ, Господи, — батюшка! Вотъ какъ тутъ. Вотъ какіе они! Видно, правду говорили-то — казачья сторона... Охъ, Господи...

— Ну, ну, ты у меня поговори еще. Я тебѣ поговорю... Выходи. Ждать тебя буду, что-ли? снова прикрикнулъ офицеръ.

— Да я и то ужъ молчу. Идѣ ужъ тутъ говорить?! Охъ, Господи Исусе... совсѣмъ скромно, съ какой-то безнадежностью, скороговоркой произнесла баба, вздыхая и выходя изъ вагона съ корзинками, котомками и кульками.

Этихъ пассажировъ присоединили къ кучкѣ, высаженной изъ другихъ вагоновъ и подъ конвоемъ казаковъ куда-то увели.

Тутъ только Юрочка догадался, почему злая, своевольная, никому не подчинявшаяся и всѣмъ угрожавшая толпа такъ поспѣшно и заблаговременно очистила на предыдущей станціи вагоны.

Остались только простаки, не знавшіе, что на Дону царитъ еще законъ, государственность и порядокъ.

И Юрочка такъ же, какъ и три другихъ пассажира, вдругъ повеселѣлъ, вздохнулъ всей грудью, точно гора, такъ долго давившая его, стѣснявшая не только всѣ его поступки и движенія, но даже и мысли, свалилась съ плечъ.

— Не ндравится! — сквозь зубы процѣдилъ одинъ изъ пассажировъ, насмѣшливо и печально кивнувъ головой въ сторону конвоируемыхъ по платформѣ мужиковъ и бабъ. — Э-эхъ... Пороть некому... Безъ кнута мѣста своего не находятъ... што скоты несмысленные...

Онъ тяжело вздохнулъ и не отрывая глазъ отъ окна, скорбно задумался.

Юрочка давно обратилъ вниманіе на этого пассажира.

Это былъ выше средняго роста унтеръ-офицеръ, опрятно, по формѣ одѣтый, въ шинели, съ двумя георгіевскими крестами на груди.

За всю дорогу отъ самой Москвы онъ неодобрительно слушалъ, что говорили вокругъ него, но самъ не проронилъ ни одного слова и только изрѣдка перешептывался съ своимъ товарищемъ, почти неподвижно пролежавшемъ въ углу вагона.

Видимо, послѣдній былъ переодѣтый въ солдатскую форму офицеръ, подобно тысячамъ другимъ, спасавшій свою горемычную голову маскированіемъ и переѣздомъ въ болѣе безопасныя области Россіи.

— Куда путь держите, служба? спросилъ унтеръ-офицера разбитной и словохотливый нестроевой старшаго разряда, всю дорогу добродушно подсмѣивавшійся надъ большевиками.

— Да вотъ... съ однополчаниномъ пробираемся къ своему командеру. Свово командера ищемъ...

— А гдѣ же онъ?

— На Кавказскомъ хронтѣ...

— Эва! Есть о чемъ говорить?! Пропалъ вашъ Кавказской фронтъ, начисто пропалъ.

Унтеръ-офицеръ помолчалъ, уныло глядя въ окно своими свѣтло-сѣрыми, голубоватыми глазами на бѣломъ, съ легкимъ румянцемъ, тонкомъ лицѣ, съ прямымъ носомъ, курчавой, русой бородкой и волнистыми, свѣтлыми волосами.

— Мать-Расея пропала, а не то што хронтъ... не отрывая отъ окна своего взгляда, тихо, съ щемящей жутью въ голосѣ промолвилъ онъ.

— Вы откуда же сами-то?

— Съ Сѣвернаго хронта. Подъ Ригой стояли.

— Такъ чего же вы оттуда ѣдете?

— Пулеметчики — мы. Насъ въ полку-то, пулеметчиковъ, было человѣкъ девяносто съ лишкомъ. Мы, значитъ, по присягѣ воевали съ ерманцами. А въ полку — комитеты эти, митинги, ну значитъ и непорядокъ отъ этого, воевать не хотѣли и намъ не давали. Такъ на пулеметахъ мы и ночевали. Насъ нашъ же полкъ и разстрѣлялъ. Коихъ перебили, коихъ разгнали. Ежели осталось въ живыхъ человѣкъ тридцать... такъ и того не будетъ.

Унтеръ-офицеръ говорилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, *какъ разсказываютъ сказки или ведутъ обыкновенный* разговоръ, но за этимъ спокойствіемъ чувствовалось глубокое, затаенное страданіе.

— А командеръ то вашъ гдѣ? Хорошій былъ?

— Къ худому не поѣхали бы. Строгой былъ, правильный, настоящій командеръ, воевать хотѣлъ, какъ полагается, ну его наша шпанка и выставила. Онъ на Кавказѣ другой полкъ принялъ.

Нестроевой старшаго разряда покрутилъ своей круглой, коротко стриженой головой.

— Ну и на Кавказѣ не лучше.

Унтеръ-офицеръ тихо вздохнулъ.

— Гдѣ теперь хорошо?! Только мы всѣ, пулеметчики, кои остались въ живыхъ, всѣ ѣдемъ къ ему. Боимся, какъ бы ему какого худа не сдѣлали. Ну, а ежели Богъ судилъ умирать, такъ мы межъ себя такъ и порѣшили, умирать съ имъ вмѣстѣ... Что же теперь...

— Не найдете вы своего командера.

— Найдемъ, — не сразу, тихо, но увѣренно отвѣтилъ унтеръ-офицеръ. — Живого али мертваго, все едино, найдемъ.

— Теперь ужъ какая служба?! Нѣту службы. Большевики все порѣшили. Теперь по домамъ надо пробираться. Семья-то у васъ есть?

— Какъ не быть семьѣ?! Есть, — помолчавъ, неохотно отвѣтилъ онъ. — Да што теперь семья?! Расея пропала.

Унтеръ-офицеръ былъ тихій, спокойный, но въ немъ чувствовалось большое внутреннее достоинство.

Онъ по-прежнему тихо отошелъ за диванную перегородку, видимо, не желая продолжать ставшій безцѣльнымъ разговоръ.

Юрочка, чѣмъ дальше ѣхалъ, тѣмъ яснѣе видѣлъ и чувствовалъ, что гдѣ-то тамъ за роковой чертой, сзади, на сѣверѣ, остался этотъ всероссійскій адъ, остались эти неумытыя, расхлестанныя, нестерпимо нахальныя, съ осатанѣлыми рожами, двуногія существа, въ которыхъ вселился дьяволъ гордыни, низости, подлости и нетерпимости, существа, поправшія всѣ божескіе и человѣческіе законы, остались съ ихъ грязью, вонью, съ нетерпимымъ сквернословіемъ, всюду вносящія невообразимый хаосъ, безпорядокъ и разрушеніе, жаждавшія только крови, насилій и чужого добра.

Теперь онъ видѣлъ передъ собой то же русскихъ православныхъ людей, но совершенно непохожихъ на тѣхъ, что остались на сѣверѣ, за роковой чертой.

Эти были и на лица чище, глядѣли прямо въ глаза, фигурами щеголеватѣе, легче и стройнѣе, спокойны, привѣтливы, разсудительны, хорошо одѣты, не распоясаны, держали себя съ достоинствомъ, не ругались.

«Такъ вотъ они, эти свободолюбивые казаки!» съ восторгомъ и благодарностью въ душѣ думалъ Юрочка.

Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, вырвавшагося изъ смрадной тюрьмы, въ которой его походя ежечасно и ежеминутно оскорбляли, мучали, подвергали невыносимымъ нравственнымъ пыткамъ и теперь, когда весь этотъ ужасъ остался позади, онъ готовъ былъ плакать отъ умиленія и восторга и благодарить Бога за то, что онъ можетъ свободно дышать, двигаться, думать и говорить, привѣтствовать и солнце, и небо, и землю, и все доброе на ней.

Въ Новочеркасскѣ Юрочка поселился въ первыхъ попавшихся, довольно грязноватыхъ, но дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ.

Въ первые дни онъ осмотрѣлъ весь небольшой городокъ, а потомъ почти все время проводилъ на вокзалѣ, ожидая пріѣзда своихъ родныхъ.

Поѣзда съ сѣвера приходили переполненными буржуазными бѣженцами. Пролетарская Россія свирѣпо и жестоко изгоняла ихъ. Они пріѣзжали измученными, отупѣлыми, испуганными и ограбленными. Матери и сестренокъ Юрочка не находилъ среди нихъ.

Бѣженцы разсказывали потрясающія вещи о своихъ мытарствахъ, объ униженіяхъ и издѣвательствахъ, которымъ подвергали ихъ новые властители Россіи — большевики.

VIII.

Маленькій казачій городокъ произвелъ на Юрочку странное впечатлѣніе.

Еще по дорогѣ къ Новочеркасску изъ окна вагона онъ увидѣлъ вдали высившійся надъ голыми степными буграми своимъ фронтономъ и золотыми куполами, освѣщенными лучами заходящаго солнца, бѣлый, съ нѣжнымъ розоватымъ отливомъ, прекрасный, величественный соборъ.

Онъ, подобно лебедю, горделиво плавалъ въ синемъ небѣ.

Тогда казалось, что этотъ чудесный храмъ стоитъ среди чистаго поля.

И теперь Юрочкѣ казалось, что этотъ маленькій, уютный городокъ, разбросавшійся по крутымъ буграмъ, съ домами-особняками, весь въ садахъ и аллеяхъ, построенъ для своего удивительнаго храма, а не храмъ для него.

Все, не мирившееся съ кровавой властью воровъ и убійцъ, все оскорбленное, ограбленное, гонимое, спасая свои головы, если имѣло возможность бѣжать, бѣжало сюда со всѣхъ концовъ великой, обезглавленной, обреченной Россіи.

Бѣжали сюда землевладѣльцы, заводчики, фабриканты, чиновники, купцы, бѣжали съ погибшаго фронта

несчастныя жертвы подлѣйшаго предательства Гучкова и Керенскаго — страстотерпцы - офицеры, генералы, юнкера, кадеты, профессора, люди свободныхъ профессій и учащаяся молодежь.

Донъ настежь открылъ для всероссійскихъ бѣженцевъ свои гостепріимныя двери и всѣхъ пріютилъ.

Эти обездоленные люди, выгнанные изувѣрской властью чуждыхъ пришельцевъ изъ своего прародительскаго дома, всѣ свои упованія и надежды возложили на атамана Каледина и на донскихъ казаковъ, всѣ отъ нихъ однихъ, отъ ихъ патріотизма, храбрости, стойкости и способности къ жертвамъ чаяли спасенія и возрожденія Россіи, которую они сами изъ рукъ въ руки сдали на потокъ, разграбленіе и поголовное истребленіе гнуснымъ, чужекровнымъ, одержимымъ сатанинской местью, проходимцамъ.

Когда пріѣхалъ Юрочка, Новочеркасскъ жилъ еще почти своей прежней тихой, патріархальной жизнью.

Улицы всегда были полупустынны, прохожіе чинны, опрятно и даже щеголевато одѣты, разговоры велись тихіе, съ достоинствомъ, безъ хулиганскихъ выкриковъ и сквернымъ словъ, вечерами всѣ сидѣли по домамъ.

Юрочку это изумило. И это внутреннее достоинство, и эта чинность ему нравились, а главное — онъ не слышалъ здѣсь ни одного изъ тѣхъ отвратительныхъ словечекъ, отъ постояннаго, безстыднаго произношенія которыхъ засмердѣлъ весь воздухъ, ныли уши, опоганилась, опакостилась и опостылѣла сама жизнь въ беззаконной, распутной Россіи.

Задерганный, оскорбленный въ самыхъ интимнѣйшихъ своихъ чувствахъ и вѣрованіяхъ, сбитый съ толка, и уставшій отъ ужаса и сумбура послѣднихъ событій своей жизни, Юрочка здѣсь опомнился, душевно оправлялся и отдыхалъ.

Но съ каждымъ днемъ идиллическая новочеркасская жизнь мѣнялась и скоро стала неузнаваема.

На улицахъ появлялось все болѣе и болѣе непривычныхъ, чуждыхъ лицъ. Городъ наполнялся движеніемъ, шумомъ и гамомъ.

По вечерамъ подъ. тополями широкой, скудно-освѣщенной Московской улицы собиралось гуляющей, главнымъ образомъ, пріѣзжей публики такъ много, что негдѣ было яблоку упасть.

Люди шли по троттуарамъ такой толстой, плотной лавиной, что ее не въ силахъ прошибить никакая дальнобойная пушка.

Преобладали военные, много было и штатскихъ. Тутъ были офицеры во всевозможныхъ формахъ регулярныхъ частей бывшей великой русской арміи, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, семинаристы и иная учащаяся молодежь обоего пола. Попадались и люди зрѣлаго и пожилого возраста, но таковыхъ было меньшинство.

Все это говорливыми волнами непрерывно двигалось, толкалось, шумѣло, нервно смѣялось.

Съ каждымъ днемъ все ощутительнѣе и рѣзче чувствовалось, что вся эта тысячеголовая, разнородная человѣческая толпа, все болѣе и болѣе внутренне распоясывалась, распускалась, что всероссійская гниль и тлѣніе коснулись и этихъ гонимыхъ, и протестующихъ, не мирящихся съ торжествомъ звѣря и хама. Чувствовалось, что толпа взвинчена, возбуждена и раздражена какимъ-то общимъ и связующимъ и разъединяющимъ всѣхъ возбужденіемъ и что это возбужденіе мало по-малу подходило уже къ тому опасному предѣлу, за которымъ, какъ внутри клокочащаго парового котла, слѣдуетъ сокрушительный взрывъ.

Какъ-то случайно вечеромъ Юрочка попалъ въ эту фланирующую толпу. Онъ былъ непріятно пораженъ, онъ *понялъ, что прежней, идиллической, тихой жизни и* здѣсь, въ этомъ прекрасномъ уголкѣ, наступилъ конецъ, что всероссійское хулиганство, порча и зараза хотя и въ неизмѣримо смягченномъ видѣ перенесены уже и въ этотъ заповѣдный край.

Юрочку охватила возбуждающая жуть, сердце заныло дурнымъ предчувствіемъ того, что уже все въ Россіи сгнило, погибло и обречено на умираніе и истребленіе.

Въ полутьмѣ улицы этотъ безпрерывно текущій людской потокъ, съ тысячами блѣдныхъ бликовъ вмѣсто лицъ, съ горящими глазами, съ его мрачнымъ, буйнымъ гуломъ, гомономъ, шумомъ отъ множества шмыгающихъ ногъ и съ раздражающимъ надрывнымъ смѣхомъ вызывали въ воображеніи Юрочки какіе-то неясные, но кошмарные апокалипсическіе настроенія, образы, и картины, точно грядущіе неописуемые ужасы и многообразная мучительная смерть уже рѣяла въ воздухѣ своими черными крылами надъ головами этой обреченной толпы.

И казалось, что толпа предчувствовала всѣ надвигающіеся ужасы, чуяла свою обреченность. Каждый спѣшилъ отмахнуться отъ страшныхъ призраковъ, торопился урвать отъ ненадежной жизни хоть кусочекъ счастія, испить хоть каплю радости и въ нервномъ, печальномъ смѣхѣ, въ нездоровомъ весельѣ забыться отъ подстерегающаго горя.

И Юрочкѣ передался этотъ общій, безысходный, какъ сама судьба, ужасъ и такъ же, какъ и вся толпа, онъ носилъ неразвѣянную гнетущую тоску въ сердцѣ своемъ.

Цѣлые дни и особенно по вечерамъ въ окраинныхъ частяхъ города то и дѣло гремѣли ружейные и револьверные выстрѣлы.

То забавлялась чернь, наворовавшая оружія и устрашавшая ненавистныхъ буржуевъ.

Мѣстное казачье населеніе, вѣками воспитанное въ самодисциплинѣ и чинности, порядливое, законопослушное, косо глядѣло и сторонилось распоясанныхъ крикливыхъ всероссійскихъ пришельцевъ и сокрушенно говорило, что это они, иногородніе, принесли съ собою изъ беззаконной, расхлябанной, огаженной всяческими злодѣйствами, распутствомъ, измѣной и сквернословіемъ Россіи свои звѣриные нравы, свои волчьи навыки, свою заносчивость, хвастовство, нестерпимую грубость и никогда не виданную на Тихомъ Дону преступность и дороговизну.

Кое-гдѣ на базарахъ, по улицамъ и переулкамъ уже *учинялись выведеннымъ изъ терпѣнія населеніемъ* кровавые самосуды надъ убійцами и ворами.

Почтенные, степенные старики съ патріархальными бородами горестно покачивали своими сѣдыми головами и говорили:

— Хохолъ и русакъ поперъ къ намъ на Тихій Донъ. Валомъ валитъ. Сила! А ужъ гдѣ хохолъ и русакъ, тамъ добра не жди. И какъ ни кинь, быть великой бѣдѣ на Тихомъ Дону. Всѣ примѣты къ тому клонятъ. Не даромъ Калединская полая вода покрыла всѣ прежнія вешнія воды. А большая вода — большая бѣда.

Донскія старухи вѣщали, что наступили послѣднія времена и изъ устъ въ уста передавалась жуткая молва о томъ, что на ранней утренней зарѣ кто-то видѣлъ уже на высокомъ степномъ курганѣ коня блѣднаго и на немъ всадника. И адъ слѣдовалъ за нимъ. И дана ему власть умерщвлять и мечемъ, и голодомъ, и моромъ, и звѣрями земными. И всадникъ мертвенными, неморгающими очами

глядѣлъ въ сторону Дона. И далъ онъ знакъ. И адъ зашевелился. Сроки уже пришли. Не нынче—завтра придетъ въ міръ Антихристъ. Онъ давно уже народился и готовъ къ дѣйствію. И тогда неизбывное горе, муки, стенанія и смерть всему роду человѣческому.

Юрочка, получивъ отъ матери передъ отъѣздомъ изъ Москвы двѣсти рублей, мнилъ себя большимъ капиталистомъ.

По дорогѣ на Донъ и въ первую недѣлю своей самостоятельной жизни въ Новочеркасскѣ онъ и не замѣтилъ, какъ значительная часть его денегъ куда-то улетучилась.

Надежды на пріѣздъ матери у Юрочки съ каждымъ днемъ падали, и онъ часто задумывался надъ вопросомъ, какъ же онъ будетъ существовать одинъ на чужой сторонѣ, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, не способный заработать ни одной копѣйки, когда истратитъ послѣдній рубль?

Въ гостинницѣ онъ познакомился съ полковникомъ-бѣженцемъ, жившимъ рядомъ съ нимъ, такъ же, какъ и всѣ буржуи, ограбленнымъ большевиками и существовавшимъ на тѣ гроши, которые удавалось ему выручать отъ продажи своихъ послѣднихъ вещичекъ.

Для сокращенія расходовъ по предложенію полковника они поселились вмѣстѣ въ его маленькой комнаткѣ-конурѣ.

Полковникъ, бѣжавшій отъ самосуда своихъ солдатъ съ развалившагося фронта въ Москву къ семьѣ, по его словамъ — только чудомъ спасся тамъ отъ разстрѣла, ибо былъ уже поставленъ къ «стѣнкѣ». Семью онъ бросилъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, даже не успѣвъ проститься съ нею.

Съ начала ноября въ Новочеркасскѣ находился генералъ Алексѣевъ и при помощи и покровительствѣ атамана Каледина формировалъ Добровольческую армію.

Полковникъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, наконецъ, явившись какъ-то подъ вечеръ, заявилъ Юрочкѣ:

— Ну, Юра, дорогой мой сожитель, разстаемся. Я записался въ Алексѣевскую организацію, завтра поступаю на службу и завтра же переѣзжаю въ офицерское общежитіе.

Положеніе Юрочки становилось безвыходнымъ.

Юрочка растерялся и задумался.

Полковникъ, видимо, былъ подъ хмѣлькомъ. Косоватые глаза его глядѣли весело.

— А вамъ, родной мой, совѣтую поступить въ партизаны. Тамъ скоро всѣмъ найдется дѣло. Каша заваривается...

— Да я и самъ такъ думаю, лишь бы дождаться мамы...

Полковникъ помолчалъ, складывая свое бѣлье и вещички въ маленькій, обтянутый толстымъ холстомъ, видавшій всякіе виды, чемоданчикъ.

— Гдѣ жъ дождаться мамы, милый мой?! Теперь съ каждымъ днемъ становится все труднѣе оттуда пробраться. Да и не выпустятъ.

IX.

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОНУ" У Львові

Нѣсколько дней Юрочка ходилъ въ чужомъ городѣ, какъ въ воду опущенный.

Послѣднія деньги подходили къ концу. Платить за комнату было нечѣмъ, голодъ заглядывалъ въ глаза. Предстояло выбрасываться на улицу.

Выручилъ случай.

Въ совершенномъ отчаяніи бродя по улицамъ, Юрочка какъ-то наткнулся на своего двоюроднаго дядю — тоже бѣженца, бросившаго службу, разгромленное имѣніе и едва пробравшагося сюда съ семьей.

Узнавъ о положеніи Юрочки, онъ переселилъ его къ себѣ, отдавъ въ его распоряженіе одну изъ четырехъ комнатъ своей квартирки.

Но Юрочка видѣлъ, что дядѣ, не имѣющему ни службы, ни заработка, не легко перебиваться съ семьей, состоявшей изъ жены и двоихъ дѣтей.

И отъ этого сознанія мальчикъ страдалъ.

Между тѣмъ вокругъ все бурлило.

Отъ идиллической жизни на Дону ничего не осталось. На глазахъ Юрочки все разительно измѣнилось.

Всесокрушающія, грязныя, смрадныя волны большевизма уже вторглись въ землю Войска Донского и медленно, но вѣрно ползли и подвигались къ самымъ берегамъ Тихаго Дона, грозя все захлестнуть собою, поглотить, уничтожить, смыть.

Подъ бокомъ у Новочеркасска въ торговомъ интернаціональномъ Ростовѣ въ самомъ началѣ декабря уже вспыхнулъ бунтъ доморощенныхъ большевиковъ.

Атаманъ Калединъ съ горстью учащейся молодежи и случайныхъ офицеровъ, рѣшительно и быстро подавилъ его, разоруживъ при этомъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ и распустивъ солдатъ по домамъ.

Среди казаковъ шла усиленная большевистская пропаганда.

Старики и слышать не хотѣли о совѣтской власти, чуяли въ ней жидовское предательство, грозящее казачеству полной гибелью и единодушно стояли за вооруженный и безпощадный отпоръ воинствующему соціализму.

Возвращавшіеся съ развалившагося фронта конные полки, отдѣльныя сотни, пластунскіе баталіоны и батареи, съ оружіемъ въ рукахъ пробивавшіеся домой среди большевистскихъ полчищъ, лишь только прикасались къ родной землѣ, какъ тотчасъ же таяли.

Фронтовики заявляли, что они не станутъ проливать «братскую» кровь за генераловъ, офицеровъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ, спрятавшихся за спиною казачества. Многіе изъ нихъ по семи лѣтъ не видѣли свои семьи и изъ станицъ и хуторовъ, отведенныхъ для стоянокъ ихъ частей, неудержимо распылялись по домамъ.

Нѣкоторыя же задаренныя, обольщенныя посулами и особенно распропагандированныя части явно клонились въ сторону большевиковъ, но еще не осмѣливались поднять дерзостную руку на свой родимый Тихій Донъ, на своихъ отцовъ, на свои очаги...

Казалось, что у этихъ крѣпкихъ, сильныхъ духомъ людей, больше трехъ лѣтъ съ честью защищавшихъ отъ внѣшняго врага отечество, оставшихся непоколебимо вѣрными совѣсти и долгу, при всѣхъ искушеніяхъ подлаго, смраднаго бунта, родная земля при соприкосновеніи съ ней поглощала ихъ мощный духъ и отуманивала ихъ свѣтлыя головы.

Въ Новочеркасскѣ засѣдалъ и безтолково шумѣлъ Войсковой Казачій Кругъ, сбиваемый провокаторомъ Павломъ Агѣевымъ, идеологомъ Митрофаномъ Богаевскимъ и другими демагогами влѣво на полное сліяніе съ донскими иногородними, настроенными совершенно непримиримо по отношенію казаковъ.

Рядомъ засѣдалъ крестьянскій Донской съѣздъ, явно большевистскій, договорившійся до того, что потребовалъ отобранія у казаковъ въ свою пользу всей земли и всего имущества, а хозяевамъ-казакамъ предлагалъ выселиться куда угодно.

Въ тѣ времена городъ представлялъ собою пестрый военный лагерь. День и ночь по улицамъ и площадямъ толпились люди во всевозможныхъ военныхъ формахъ. Шли формированія добровольческихъ и партизанскихъ частей.

Въ Новочеркасскѣ оказались почти всѣ Быховскіе узники съ самимъ Корниловымъ во главѣ, тѣ генералы и офицеры, которые, рискуя своими головами, выступили противъ подлыхъ и гибельныхъ экспериментовъ Керенскаго надъ арміей и Россіей.

Послѣдняя цитадель умирающей русской государственности, какъ смертоносными кольцами удава, сжималась со всѣхъ сторонъ и главное — въ сердцѣ самой цитадели было совсѣмъ неблагополучно.

Казаки-фронтовики отказывались исполнять боевые приказы своего начальства, заносчиво, по-хамски разговаривали съ своимъ выборнымъ войсковымъ атаманомъ, грубо во всемъ перечили ему и кричали о своемъ нейтралитетѣ.

Между тѣмъ, на подступахъ къ Таганрогу, отстаивая отъ напора красныхъ Тихій Донъ, дрались не сыны его, а лили свою кровь малочисленныя кучки пришельцевъ — всероссійскіе мученики и стояльцы за родину—офицеры.

Въ Донецкомъ бассейнѣ съ партизанами изъ жертвенной учащейся молодежи разилъ большевистскія банды молодой, доблестный есаулъ Чернецовъ.

Всѣ заборы и стѣны на улицахъ Новочеркасска были обклеены плакатами съ воззваніями записываться въ добровольческій и партизанскіе отряды Чернецова, Семилѣтова, Назарова и другихъ.

Юрочка съ ненасытимой жадностью прочитывалъ всѣ безчисленныя газеты, листовки и иную литературу.

Всѣ печатныя сообщенія и передаваемые изъ устъ въ уста слухи съ близкаго фронта интересовали и волновали его.

Зима стояла не дружная. То морозы, изрѣдка снѣгъ, то оттепель, и дожди, то бушевалъ вѣтеръ въ степи,

то поднимались съ поемныхъ низинъ туманы и густой пеленой окутывали городъ.

Дни стояли темные, унылые.

Каждый день съ утра большой соборный колоколъ внушительно гудѣлъ и густой гулъ его рѣдкихъ, призывныхъ ударовъ широкими и мощными волнами медлительно и величаво-печально стлался по землѣ. И таинственно-загадочно гудѣла земля и откликалась, уныло звучали строенія на ней и стонали оголенные стволы и вѣтви деревьевъ города-сада.

И всѣ эти многоговорящіе звуки тоскливымъ, молитвеннымъ воплемъ возносились къ далекому, холодному небу.

И въ предшествіи многочисленнаго траурно-одѣтаго клира съ сѣдымъ епископомъ во главѣ изъ главныхъ вратъ величественнаго собора выступала длинная, торжественно-печальная процессія, спускаясь по бѣлымъ ступенямъ на обширную площадь.

Чинныя, безмолвныя толпы народа, точно разрѣзанной на-двое огромной волной—съ обѣихъ сторонъ обтекали процессію.

Прощальный похоронный перезвонъ всѣхъ колоколовъ сопровождалъ ее.

Войсковой хоръ пѣвчихъ въ длинныхъ, голубыхъ кафтанахъ, отороченныхъ серебряннымъ позументомъ, съ откидными рукавами, великолѣпными голосами пѣлъ «Святый Боже!» и погребальныя стихиры.

Хоры трубачей играли похоронные марши.

Рядъ высокихъ, черныхъ катафалковъ, на черныхъ колесницахъ, везомыхъ черными лошадьми, подъ черными попонами, съ черными гробами убитыхъ въ послѣднихъ бояхъ, сопровождаемый по бокамъ черными факельщиками, медленно вытягивался и шествовалъ вдоль тополевыхъ аллей по Платовскому проспекту, сворачивалъ вправо на Московскую улицу и слѣдовалъ дальше за городъ, до мѣста послѣдняго успокоенія.

Черные гробы и колесницы павшихъ въ бояхъ защитниковъ на смерть раненой государственности утопали въ цвѣтахъ, вѣнкахъ и лентахъ.

Убитые были исключительно молодые офицеры, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, семинаристы и иная зеленая учащаяся молодежь.

Рѣдкій изъ этихъ жертвъ вечернихъ передъ Престоломъ Всевяшняго пережилъ свою двадцатую весну.

Безмолвный опечаленный народъ густыми толпами въ полномъ порядкѣ сопровождалъ останки своихъ защитниковъ.

Недоумѣніе, подавленность и растерянность передъ страшнымъ настоящимъ и загадочно-грознымъ грядущимъ читалось на лицахъ всѣхъ.

Въ первыхъ рядахъ сзади вереницы гробовъ неизмѣнно всегда виднѣлась понурая фигура атамана Каледина въ сѣромъ офицерскомъ, наглухо застегнутомъ, пальто, въ высокой, сѣрой барашковой папахѣ.

Его шафранно-желтое, овальное, бритое лицо, съ красивымъ, округлымъ очертаніемъ щекъ, съ выдавшимся носомъ надъ подстриженными усами носило печать неотступной, тяжкой думы, смертельнаго переутомленія, муки и безысходной печали; длинныя загнутыя кверху рѣсницы закрывали всегда опущенные внизъ унылые глаза.

Изрѣдка онъ вскидывалъ глазами, точно обезсиленный орелъ, запутанный въ крѣпкія, предательскія тенета.

Непроницаемый и удрученный, онъ тихо шелъ съ процессіей до поворота на Московскую улицу, каждый разъ терпѣливо выстаивалъ служившуюся здѣсь въ виду памятника герою Платову литію и когда процессія поворачивала вправо, онъ, ни на кого не глядя, одинокій, понурый, погруженный въ свои горькія думы, молча шелъ налѣво, и тихо, какъ тѣнь, неизмѣнно одной и той же дорогой удалялся къ себѣ во дворецъ.

Юрочка не пропускалъ ни одной печальной процессіи.

Его сердце болѣло и обливалось кровью при видѣ безутѣшныхъ слезъ женъ, сестеръ, невѣстъ и матерей тѣхъ недавно еще цвѣтущихъ юношей, растерзанные останки которыхъ везли теперь на кладбище.

И весь онъ трепеталъ негодованіемъ, вся душа его переполнялась ненавистью и возмущеніемъ, у него сжимались кулаки и на глаза навертывались слезы безсилія и злобы, когда онъ слышалъ среди стоявшихъ въ аллеяхъ, щелкая сѣмячки, демократовъ тупой, торжествующій гоготъ, напоминавшій довольное хрюканье благополучной свиньи и циничныя замѣчанія по адресу убіенныхъ.

— Чего братскую кровь лили, буржуи? Таперича эти не будутъ уже больше трудовой народъ истреблять, потѣшились и будя. Большевички—молодцы, угомонили ихъ на вѣки вѣчные. А чего эти шкуры барабанныя слезы льютъ?! Попанствовали и годи. Довольно! Таперича бабенки-то ихнія, какія молодыя да съ лица сгожія, для нашего брата пригодятся. Вотъ такъ-то лучше. Какъ поперебьютъ всѣхъ кадетовъ-то, такъ небось, некому будетъ больше скандальничать, надъ нами измываться, да нашу кровушку сосать.

Въ такія минуты передъ мысленными очами Юрочки вставалъ окровавленный образъ его убитаго отца, поднимались во всей жгучей силѣ тѣ издѣвательства, оскорбленія и глумленія, какимъ подвергали его мать и его самого въ родной Москвѣ всѣ эти чуждые и отечественные носители и провозвѣстники «свободъ» пролетаріи, обогащавшіеся за чужой счетъ убійствами и грабежами. И сердце его наполнилось непримиримой ненавистью и горѣло жаждой мести. Объ «высосанной кровушкѣ», склонявшейся демократами во всякое время чисто по попугайски, тупо и самодовольно, къ мѣсту и не къ мѣсту, на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ, Юрочка уже слышать не могъ.

И отъ всей этой мерзости и неправды, отъ насилій, преступленій, торжества хамской подлости, человѣконенавистничества и обмана, точно липкой, зловонной слизью, облѣпившими и обволочившими всю русскую жизнь, такъ, что дышать было не вмоготу, Юрочкѣ иногда хотѣлось поскорѣе уйти, но уйти красиво, доблестно и честно, какъ ушли и уходятъ изъ постылой, опакощенной мошенниками и подлецами жизни его благородные, многострадальные сверстники.

Но раньше, чѣмъ уйти изъ этого безумнаго, поганаго и подлаго міра, ему хотѣлось отомстить этимъ торжествующимъ на развалинахъ и несчастіяхъ родины наглецамъ и негодяямъ.

Изъ слышанныхъ толковъ, изъ невольныхъ намековъ газетъ и изъ собственныхъ наблюденій Юрочка началъ уже догадываться и понимать, кто на верхахъ руководитъ дуракомъ-народомъ, кто ведетъ его по пути разоренія, самоистребленія и гибели.

И этихъ подлыхъ, скользкихъ, трусливыхъ въ открытой борьбѣ, но нестерпимо-наглыхъ, жестокихъ, мстительныхъ и алчныхъ до чужого добра, натравливаю-

щихъ русскихъ людей братъ на брата, онъ презиралъ, какъ ползучихъ ядовитыхъ гадовъ и ненавидѣлъ ихъ больше всего на свѣтѣ.

Въ Москвѣ онъ встрѣчалъ ихъ повсюду. Они вездѣ просочились, всюду шныряли, всюду вынюхивали, вездѣ заняли начальническія мѣста, всему давали человѣконенавистническій тонъ и вездѣ всѣмъ и всѣми заправляли.

И люди эти были евреи.

X.

На улицѣ, около того дома, въ которомъ жилъ Юрочка, съ нѣкотораго времени почти безпрерывно толпились конные и пѣшіе казаки, хорошо одѣтые, вооруженные, на добрыхъ лошадяхъ.

Съ ними часто бесѣдовалъ казачій офицеръ исполинскаго роста, на диво сложенный, съ матовымъ лицомъ красавца, съ тонкими, черными, вьющимися усами и съ властнымъ взглядомъ большихъ, карихъ глазъ.

Оказалось, въ одной изъ квартиръ этого дома была канцелярія формировавшагося коннаго отряда изъ казаковъ и офицеровъ бывшаго 17-го Баклановскаго полка.

Юрочка познакомился съ офицеромъ-исполиномъ, начальникомъ этого отряда.

Онъ оказался есауломъ Власовымъ.

У Юрочки давно уже назрѣвала мысль уйти въ партизаны, но до пріѣзда матери онъ не рѣшался.

— Знаете, молодой человѣкъ, — какъ-то разъ въ разговорѣ съ Юрочкой сказалъ Власовъ, — если вы вздумаете поступить въ партизаны, то идите къ есаулу Чернецову. Къ другимъ не стоитъ. А это парень съ головой и храбрецъ, чудеса творитъ. Потери у него малыя, а дѣла большія. Умѣетъ беречь людей. Съ такимъ есть смыслъ служить.

Время шло, а мать Юрочки съ сестренками не пріѣзжала.

Однажды послѣ долгаго и тщетнаго ожиданія на вокзалѣ Юрочка возвращался домой.

Онъ уже давно сознавалъ, что ему не надо было уѣзжать одному изъ Москвы, но тогда впопыхахъ онъ не сообразилъ этого, да и мама очень боялась за него

и торопила отъѣздомъ. Останься на нѣкоторое время тамъ онъ, Юрочка, вывезъ бы оттуда маму и сестренокъ, непремѣнно вывезъ бы, ужъ какъ-нибудь онъ ухитрился бы, а теперь... Онъ чувствовалъ, что надежды оборвались.

Настроеніе у него было подавленное. На сердцѣ камень. Онъ тосковалъ.

— Нѣтъ, никогда уже не увижу я мою милую мамочку, услышалъ онъ чей-то голосъ.

Юрочка очнулся и удивленно оглядѣлся вокругъ. Вблизи него никого не было. Тутъ только онъ сообразилъ, что слова эти были произнесены имъ самимъ и какъ-то до боли ясно понялъ, какъ горячо любилъ онъ свою мать, какъ изболѣлся сердцемъ въ постоянныхъ безпокойствахъ за ея участь и какъ невыразимо стосковался о ней, о сестренкахъ и обо всемъ томъ привычномъ укладѣ жизни, въ которомъ онъ жилъ отъ рожденія до бѣгства изъ Москвы.

Теперь какая-то безпощадная, свирѣпая, беззаконная сила лишила его всего, принадлежавшаго ему по праву и хуже, чѣмъ щенка, его, ни въ чемъ неповиннаго, выбросила изъ родного угла.

Юрочка замѣтилъ, что поднимается вверхъ по крутой, обледенѣлой Крещенской горѣ къ собору.

Идти было трудно. Ноги скользили. Онъ запыхался.

Рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ свисталъ и шумѣлъ въ оголенныхъ, бившихся другъ объ друга вѣтвяхъ старыхъ, толстыхъ, искривленныхъ акацій, забирался подъ складки широкаго отцовскаго пальто и холодилъ тѣло Юрочки.

Деревья жалобно скрипѣли, какъ бы негодуя и жалуясь на непогоду и стужу.

Юрочку опередили трое прохожихъ съ посинѣлыми отъ холода, сумрачными лицами.

Они о чемъ-то возбужденно говорили.

Было холодно, непріютно, угрюмо и тоскливо.

Еще угрюмѣе и тоскливѣе было на сердцѣ Юрочки.

И ему такъ неопровержимо ясно и ярко въ какомъ-то холодящемъ бѣломъ свѣтѣ показалось, что надеждъ на лучшее у него не можетъ быть никакихъ, что онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ, осиротѣлый, заброшенный въ кровавомъ кошмарѣ междоусобной гражданской войны, никому ненужный, безпомощный и беззащитный, какъ только-что

прошуршавшій у его ногъ сухой листъ, оторванный отъ вѣтки родимой и куда-то гонимый безучастнымъ вѣтромъ.

Онъ готовъ былъ плакать. Угнетенный духъ его искалъ зацѣпки, опоры.

Онъ поднялъ глаза.

Отсюда снизу, изъ аллеи, впереди прямо передъ нимъ отъ основанія до вершины золотыхъ крестовъ на багряномъ закатѣ внушительно и четко вырисовывалась своими прекрасными контурами и золотыми куполами стройная, величественная громада войскового собора.

Юрочка любилъ этотъ свѣтлый, опрятный, просторный храмъ, любилъ присутствовать на великолѣпно и торжественно совершаемыхъ въ немъ богослуженіяхъ.

И сейчасъ обезкураженнаго, одинокаго, упавшаго духомъ мальчика потянуло въ этотъ храмъ.

Боковымъ входомъ по каменнымъ ступенямъ широкой лѣстницы онъ поднялся на верхъ.

Западныя врата собора оказались открытыми.

Юрочка вошелъ во внутрь.

Черезъ нѣжно-голубоватыя, а по краямъ разноцвѣтныя стекла огромныхъ оконъ изъ подъ купола во внутрь проникалъ свѣтъ заката; кое-гдѣ передъ иконами, потонувшими въ сгустившемся сумракѣ, какъ кроткія звѣзды, теплились одинокія свѣчки и лампады.

Храмъ былъ пустъ. Но оглядѣвшись, Юрочка увидѣлъ по угламъ храма колѣнопреклоненныя и въ молитвенномъ порывѣ распростершіяся женскія фигуры.

То были матери и родственницы недавно убитыхъ въ бояхъ юношей, пришедшія сюда излить свое неизбывное горе.

Юрочка выросъ въ хорошей, строго православной семьѣ и впиталъ отъ матери глубокую вѣру въ Промыселъ Божій, которую не могли сокрушить въ немъ даже школьныя растлевающія атеистическія внушенія и которую въ его оскорбленномъ, юномъ сердцѣ только еще глубже укрѣпили кошмарныя событія революціоннаго безвременія.

Онъ упалъ на колѣни передъ иконой Спасителя у Царскихъ Вратъ, и молился не столько словами, сколько всей своей смятенной, тоскующей душою и измученнымъ сердцемъ.

«Господи, Боже Милосердный, — молился Юрочка, — Ты видишь сердце мое. Отъ Тебя ничто не скрыто... Я на все рѣшился, на все иду, на все готовъ, на всѣ стра-

данія и муки... и если это надо, то и на смерть... Если надо пролить кровь мою и взять душу мою, то возьми, Господи! Я съ радостью отдамъ ее, съ радостью уйду изъ этого міра, въ которомъ воцарилось одно зло, ложь и неправда, въ которомъ попрано все святое... въ которомъ нѣтъ мѣста совѣсти и справедливости. Но, Господи, молю Тебя, спаси маму мою и сестеръ-малютокъ... пошли ангела-хранителя Твоего, да защититъ онъ ихъ отъ злыхъ людей и всяческихъ несчастій. Господи, молю, Владыко, Тебя, вразуми меня, неразумнаго и благослови меня, слабаго, на тяжкій подвигъ служенія несчастной, заблудшей Родинѣ, укрѣпи меня силою и крѣпостью Твоею. Молю Тебя, Владыко Святый».

Сколько времени молился Юрочка, онъ не зналъ

Было уже темно и частыя звѣзды блистали на вечернемъ морозномъ небѣ, когда онъ вышелъ изъ храма.

Тяжесть свалилась съ его сердца, домой вернулся онъ спокойнымъ, съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ и спалъ въ эту ночь такъ крѣпко, какъ давно уже не удавалось ему спать.

Рано утромъ Юрочка вышелъ въ столовую.

Въ домѣ еще спали. Одинъ только-что умывшійся дядя съ лицомъ, горѣвшимъ отъ холодной воды, сидя за столомъ, наливалъ для себя стаканъ чая.

— А-а, Юрочка, что же ты такъ рано поднялся? — спросилъ онъ. — Хочешь чаю?

— Я, дядя, иду сегодня записываться въ отрядъ Чернецова...

Дядя, скользнувъ глазами по лицу мальчика, опустилъ голову и молчалъ.

Породистое лицо его съ прямымъ, крупнымъ носомъ и темно-русой бородкой передернулось.

Онъ вынулъ изъ кармана платокъ и комкая его въ бѣлыхъ, длинныхъ пальцахъ, обтеръ имъ навернувшіяся слезы, потомъ всталъ и заложивъ руки за спину, прошелся по комнатѣ.

— Юрочка, милый мой, молодъ ты для такихъ подвиговъ — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, — дождался бы пріѣзда мамы, тогда вмѣстѣ и рѣшили бы... Вѣдь пріѣзжаютъ же другіе, пріѣдетъ и она... Вѣроятно, что-нибудь задержало ее...

Юрочка помолчалъ, глядя себѣ подъ ноги.

— Мамы я едва ли когда-нибудь дождусь, — обернувъ лицо съ влажными глазами въ сторону окна и по дѣтски оттопыривъ свои полуоткрытыя, алыя, полныя губы, тоскливо отвѣтилъ онъ. — Еслибы мама могла пріѣхать, она не задержалась бы. Я маму мою знаю... — Сердце его больно защемило. Голосъ дрогнулъ. И глотая слезы, онъ, глядя на свои руки, которыми комкалъ кайму скатерти, совсѣмъ тихо вымолвилъ: — она давно была бы здѣсь, она бы тамъ не усидѣла такъ долго... Но вѣдь нѣтъ ея... А время идетъ, — дѣловито продолжалъ онъ, оправляясь. — Нельзя сидѣть такъ, какъ я...

— Вѣдь ты же ребенокъ, Юра...

— Какой же я, дядя, ребенокъ?! Я видѣлъ партизанъ моложе меня и куда слабѣе... и ничего, воюютъ... Почему же мнѣ-то сидѣть?! Вѣдь стыдно, дядя. Да я ужъ и не могу сидѣть такъ... сложа руки...

— Такое время... ужасное время... безпомощно шепталъ дядя, останавливаясь передъ окномъ и тихонько отирая платкомъ навернувшіяся слезы.

У него не хватало ни словъ, ни духа отговаривать мальчика отъ принятаго рѣшенія.

Онъ зналъ, что всѣ его доводы на этотъ разъ будутъ безсильны, такъ какъ онъ уже не разъ говорилъ съ Юрой на эту тему и отдалялъ поступленіе его въ строй только тѣмъ, что каждый разъ просилъ его дождаться пріѣзда матери.

Теперь и самъ онъ не вѣрилъ въ этотъ пріѣздъ и видѣлъ, что и Юрочка потерялъ всякую надежду.

Дядя по-отцовски перекрестилъ, благословляя Юрочку на подвигъ спасенія и защиты родины, крѣпко прижалъ къ своей груди и не сдержавъ слезъ, отвернулся.

— Ну, помогай тебѣ Богъ, Юра. Нынче, «устами младенцевъ глаголетъ Господь», а на ихъ костяхъ, на костяхъ несчастныхъ русскихъ дѣтей, ихъ кровью и подвигами отстаивается подлинная, не поганая Россія отъ нашествія кровожадныхъ дьяволовъ. А мы, ваши отцы и вообще старшія поколѣнія отдали на закланіе нашихъ дѣтей, спрятались за ихъ спины... Трусы, и банкроты, банкроты мы во всѣхъ отношеніяхъ и нѣтъ намъ оправданія...

Онъ горестно махнулъ рукой.

XI.

Юрочка нѣсколько разъ сходилъ въ соборъ, исповѣдался, причастился и съ легкимъ сердцемъ прямо изъ храма пошелъ въ канцелярію отряда Чернецова и записался въ строй.

Теперь на немъ была защитнаго цвѣта рубашка и сѣрая шинель, на ногахъ тяжелые, крѣпкіе, подбитые множествомъ гвоздей, грубой кожи ботинки съ обмотками, на головѣ сѣрая папаха, а въ рукахъ винтовка со штыкомъ.

Поселился Юрочка въ общежитіи Чернецовскаго отряда, съ увлеченіемъ отдавшись изученію строя и ружейныхъ пріемовъ, въ которыхъ онъ былъ не новичекъ, потому что въ императорскія времена гимназистовъ этому учили, а такъ какъ въ послѣдніе три года отецъ часто бралъ его съ собой на охоту, то ружье и стрѣльба не были ему диковиной.

Дней пять спустя Юрочка, едва успѣвъ забѣжать къ дядѣ, чтобы проститься съ нимъ и его семьей, уже мчался въ отдѣльномъ поѣздѣ съ частью отряда Чернецова на сѣверъ отъ Новочеркасска.

Поѣздъ пробывъ въ пути всего нѣсколько часовъ, остановился на какой-то степной станціи, гдѣ только-что окончился бой, и Чернецовъ съ своимъ отрядомъ преслѣдовалъ дальше разбитыя банды красной гвардіи.

Здѣсь Юрочка въ первый разъ близко, лицомъ къ лицу, увидѣлъ поле битвы.

Изуродованные и залитые кровью трупы красногвардейцевъ съ разможженными черепами, съ развороченными и выпавшими внутренностями, съ переломанными *руками и ногами, въ разорванной окровавленной одеждѣ* произвели на Юрочку отталкивающее и потрясающее впечатлѣніе.

Въ Москвѣ онъ видѣлъ трупы издали, но здѣсь совсѣмъ не то.

Онъ стоялъ онѣмѣвшій, растерянный, дрожащій, съ перекошеннымъ ртомъ. Глаза его блуждали, ни на чемъ не останавливаясь.

Первымъ его душевнымъ движеніемъ было закричать въ источный голосъ, бросить ружье и сумку съ патронами и бѣжать изъ этого царства убійствъ, крови, ужаса и кошмара, бѣжать безъ оглядки, куда попало.

Товарищи его — юнкера, кадеты, гимназисты, реалисты, семинаристы, пробравшіеся сюда со всѣхъ концовъ разгромленной и искалѣченной Россіи, такіе же, какъ онъ, юные и такіе же новички, видимо, испытывали тоже, что и онъ, но никто изъ нихъ не обмолвился ни единымъ словомъ.

Только блѣдность ихъ лицъ, выраженіе страданія и ужаса въ ихъ глазахъ выдавали ихъ душевное состояніе.

Другіе уже «старые», обстрѣлянные, не разъ видавшіе боевые виды, партизаны не обращали на пролитую кровь ни малѣйшаго вниманія и свободно шагали среди убитыхъ и раненыхъ.

«Какой же я — воинъ? А еще обрекъ себя на раны и смерть, — съ упавшимъ сердцемъ спрашивалъ себя Юрочка. — Я — трусъ, презрѣнный трусъ, а они, — думалъ онъ о безпечныхъ, «старыхъ» партизанахъ, — настоящіе воины, герои, ничего не боятся».

Самолюбивый и застѣнчивый, Юрочка рѣшилъ ни за что не выдавать своей трусости и постараться во всемъ походить на своихъ храбрыхъ соратниковъ.

Въ тотъ же день вечеромъ онъ впервые увидѣлъ есаула Чернецова, неожиданно откуда-то на паровозѣ примчавшагося къ эшелону.

На первый взглядъ Юрочка ничего особеннаго не нашелъ въ этомъ молодомъ, щеголевато-одѣтомъ офицерѣ, слава о подвигахъ котораго съ молніеносной быстротой прокатилась по Дону и далеко за его предѣлами.

Войсковой атаманъ и Донское правительство смотрѣли на него, какъ на единственную, но надежную и твердую опору ихъ власти; вѣрные казаки, какъ на будущаго спасителя казачества отъ разрушительной, гнойной всероссійской язвы, они надѣялись, что въ концѣ концовъ къ нему примкнутъ теперь колеблющіеся и парализованные фронтовики; молодые офицеры и учащаяся молодежь съ несокрушимой вѣрой, безоглядно шли за нимъ на всѣ лишенія, страданія, раны и смерть; большевики, безпощадно имъ побиваемые, трепетали при одномъ его имени.

Юрочка во всѣ глаза глядѣлъ на Чернецова и скоро почувствовалъ, что въ молодомъ офицерѣ было что-то притягивающее, приковывающее къ нему и отличающее его отъ другихъ.

Онъ былъ невысокаго роста, соразмѣренъ и строенъ, провореиъ и ловокъ. Казалось, онъ не ходилъ, а едва касаясь ногами земли, леталъ на своихъ кривыхъ ногахъ.

Коротко остриженная голова его съ густыми, темными волосами была прекрасной формы, лицо, съ котораго жизнь не успѣла еще стереть юношескія краски, съ правильнымъ, отчеканеннымъ носомъ, было тонкое.

Крѣпко очерченный ротъ съ полными, чувственными губами и энергичный подбородокъ выражали громадную волю.

Но особенно понравились Юрочкѣ глаза Чернецова, смѣлые, ясные, свѣтлые, глядѣвшіе и въ душу человѣка, и куда-то ввысь, какъ будто тамъ что-то пытающіе.

Въ нихъ всегда шевелилась какая-то невысказанная, нездѣшняя, глубокая дума.

Чувствовалось, что Чернецовъ былъ изъ породы высшихъ, изъ породы вождей. Въ немъ было что-то соколиное, боевое, побѣдное.

Чернецовъ переговорилъ со всѣми новичками, каждому сказавъ нѣсколько незначительныхъ, шутливыхъ словъ, но съ его появленіемъ всѣмъ стало вдругъ какъ-то легко, свѣтло, точно всѣхъ озарилъ онъ новымъ свѣтомъ.

Въ обращеніи онъ былъ простъ, веселъ, иногда мальчишески шаловливъ.

У новичковъ сразу разсѣялось дурное впечатлѣніе, произведенное боевымъ полемъ; тяжкія думы отпали, какъ износившаяся ветошь и то кровавое дѣло, на которое добровольно обрекли себя эти единственные герои смутнаго безвременья, эти самоотверженныя и гордыя дѣти, ополчившіяся на защиту своей поруганной родины и своихъ промотавшихся отцовъ, не казалось уже имъ такимъ страшнымъ и кошмарнымъ, какъ раньше, а самымъ обыкновеннымъ.

И Юрочка ободрился.

Въ этотъ вечеръ онъ съ большимъ аппетитомъ ѣлъ вкусный, жирный борщъ изъ партизанскаго котла, вареное мясо и недавно отбитые чернецовцами у красныхъ рыбные и мясные консервы, съ наслажденіемъ пилъ горячій чай съ сахаромъ и сухарями, пилъ и сладкое донское вино, за то никакъ не могъ проглотить спирта, разбавленнаго водой.

Глаза его блестѣли; полныя, розовыя щеки разгорѣлись. Онъ уже ничего не боялся и принималъ участіе въ оживленной, шумной бесѣдѣ.

Пили немного. Никто не былъ пьянъ, но нѣкоторые юнцы чувствовали себя на-веселѣ.

Чернецовъ надъ такими «слабыми на голову» добродушно подсмѣивался.

Легли спать рано, кто гдѣ могъ. Одни примостились на деревянныхъ диванчикахъ, другіе на полу.

Въ вагонѣ было жарко натоплено.

Уходя въ свое отдѣленіе, Чернецовъ предупредилъ, чтобы хорошенько выспались, потому что на утро предстоитъ серьезное дѣло.

XII.

Юрочка, лежа ночью на верхнемъ диванчикѣ, спалъ чутко, часто просыпаясь.

Его волновалъ, безпокоилъ и страшилъ предстоящій завтра первый бой. Однако онъ не столько думалъ о раненіи или смерти, сколько боялся осрамиться передъ своими боевыми товарищами.

Среди ночи поѣздъ тронулся и медленно, осторожно, точно крадучись, сталъ двигаться, много разъ въ пути такъ круто останавливался, что Юрочка чуть не падалъ съ диванчика.

Разбуженные рывками и толчками партизаны ворчали и ругались, но быстро засыпали.

Поѣздъ по-долгу стоялъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ передъ разсвѣтомъ окончательно остановился гдѣ то въ полѣ.

Партизанъ разбудили и, построивъ въ колонну, самъ Чернецовъ осторожно, въ величайшей тишинѣ, повелъ ихъ къ какимъ-то маячившимъ въ темнотѣ строеніямъ.

Другая партія чернецовцевъ, сплошь состоявшая изъ бывалыхъ бойцовъ, подъ командой старшаго офицера, отдѣлившись отъ нихъ, пошла вдоль полотна дороги по другой сторонѣ и быстро пропала въ предразсвѣтномъ сумракѣ.

Выйдя изъ теплаго вагона, Юрочка отъ утренняго холода и волненія дрожалъ, какъ осиновый листъ подъ вѣтромъ; зубы его выбивали барабанную дробь.

Несмотря на всѣ предосторожности, сверху примерзлая, оголенная земля хрустѣла подъ ногами. Она казалась плоской и сплошь черной, только кое-гдѣ по низинамъ бѣлѣли небольшіе клочки снѣга.

Прикрываясь невысокой желѣзнодорожной насыпью, колонна быстро, безъ шума приблизилась къ маячившимъ строеніямъ, оказавшимися вокзальными постройками.

По знаку Чернецова партизаны разрозненными рядами, согнувшись, въ нѣсколько прыжковъ перескочили полотно дороги и, бѣгомъ перестроившись въ колонну повзводно, молча бросились къ вокзальчику.

Юрочка не успѣлъ и глазомъ моргнуть, и понять что либо изъ происходившаго, какъ услышалъ два тяжелыхъ, тупыхъ удара прикладами.

Раздался короткій хрипъ, хряснули кости и два человѣка грузно свалились на досчатую платформу.

Это были задремавшіе красные часовые.

Подъ мгновеннымъ, дружнымъ напоромъ многихъ плечъ вокзальныя створчатыя двери съ гулкимъ грохотомъ и шумомъ распахнулись настежь; рѣзко зазвенѣло разбитое стекло.

Утренній воздухъ наполнился яростнымъ крикомъ, гамомъ, шумомъ и топотомъ многихъ ногъ.

На мгновеніе Юрочка увидѣлъ въ рукахъ Чернецова блеснувшую крутую шашку и его обернувшееся въ полъ оборота мужественное и вдохновенное лицо.

Онъ былъ впереди всѣхъ и что-то крикнулъ.

Едва ли кто-нибудь разслышалъ его команду, но звукъ голоса Чернецова былъ такой бодрящій и вселяющій увѣренность, что всѣ, въ томъ числѣ и Юрочка, точно наэлектризованные, тѣсня другъ друга, толпой ринулись въ распахнутыя двери вслѣдъ за своимъ командиромъ.

Въ тѣснотѣ и суматохѣ кто-то опрокинулъ коптѣвшій на столѣ кондукторскій фонарикъ.

И въ полутьмѣ разсвѣта въ небольшихъ комнаткахъ вокзальчика началась рукопашная схватка, вѣрнѣе — безпощадное избіеніе чернецовцами застигнутыхъ врасплохъ красныхъ.

Тѣ, потревоженные отъ сна, большею частью пьяные и объѣвшіеся, одурѣвшіе отъ страха и неожиданности, какъ угорѣлые, метались изъ угла въ уголъ.

Нѣмногіе другими дверями выскочили въ дворъ.

Въ вокзальчикѣ раздавались непередаваемые по безумію крики, мольбы, страшныя ругательства, полновѣсные, точно валькомъ по мокрому бѣлью, удары, хрясъ костей и предсмертное хрипѣніе...

Юрочка, охваченный какимъ-то новымъ для него чувствомъ азарта, напряженнаго волненія и жути, долгое время, какъ казалось ему, а на самомъ дѣлѣ всего нѣсколько мгновеній, тщетно пробивался въ передніе ряды.

Его толкали руками, плечами, оттѣсняли то назадъ, то въ стороны плотно другъ къ другу прижатыя упругія спины его соратниковъ, работавшихъ впереди прикладами и штыками.

Голова его мало соображала.

Онъ былъ оглушенъ криками, суматохой, кровавой возней.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отлично помнилъ, что совершается нѣчто самое страшное въ жизни — убійство, но не мысль даже, а одинъ довлѣющій инстинктъ бросалъ его впередъ, чтобы помочь своимъ товарищамъ одолѣть врага и поскорѣе окончить этотъ ужасъ. Онъ весь былъ напруженъ, взволнованъ до послѣдняго предѣла и никакой боязни не ощущалъ, вѣрнѣе — забылъ о ней.

Наконецъ и онъ былъ выпертъ впередъ и лицомъ къ лицу очутился съ дороднымъ красногвардейцемъ.

Тотъ безтолково топтался у стѣны. Юрочкѣ бросились въ глаза его выпиравшіяся впередъ и опускавшіяся колѣни, и онъ надрывнымъ, прерывистымъ, фальцетовымъ голосомъ что-то отчаянно кричалъ, видимо, молилъ о пощадѣ и даже въ полутьмѣ передъ Юрочкой мелькнуло его искривленное судорогами, побѣлѣвшее, какъ бумага, лицо.

Все это — весь ужасъ человѣка передъ лицомъ смертельной опасности, мольбы о пощадѣ Юрочка понялъ послѣ, а въ то мгновеніе онъ въ азартѣ, зацѣпивъ кого-то сзади прикладомъ, со всей силой ударилъ красногвардейца въ животъ.

Штыкъ, задержавшись слегка на одеждѣ, прорвалъ ее и погрузился въ мягкое тѣло.

Среди криковъ и суматохи Юрочка различилъ даже трескъ раздираемой ткани.

Красногвардеецъ охнулъ и сразу сѣлъ на полъ съ выпученными, безсмысленными глазами и со вскинутыми вверхъ трепещущими руками...

У Юрочки мелькнуло въ головѣ сознаніе, что онъ убилъ этого человѣка и его удивило, что произошло это такъ легко и просто...

Какъ въ сумбурномъ снѣ или въ сильномъ опьяненіи, онъ запомнилъ дрожащія въ воздухѣ черныя руки съ растопыренными пальцами и недоумѣвающіе глаза...

Юрочка поспѣшно, съ отвращеніемъ вырвалъ штыкъ, а красногвардеецъ свалился на полъ.

«Отчего у него черныя руки?» мелькнуло въ головѣ Юрочки, когда въ то же мгновеніе толпа партизанъ вытѣснила и выперла его вмѣстѣ съ собою въ корридорчикъ, и онъ въ общемъ потокѣ, со всѣхъ сторонъ подталкиваемый и тѣснимый, цѣпляясь штыкомъ своей винтовки за чужіе штыки, неожиданно очутился у лѣсенки въ нѣсколько ступенекъ.

Тутъ лежалъ трупъ.

Юрочка чуть не упалъ, едва успѣвъ перепрыгнуть черезъ трупъ и черезъ ступеньки и очутился на тѣсномъ дворикѣ.

Уже свѣтало.

Вправо и впереди былъ молодой садикъ, обнесенный полусломаннымъ жердянымъ заборомъ, слѣва какая-то жилая деревянная постройка съ окнами.

Въ садикѣ и дворѣ кучка партизанъ въ рукопашную расправлялась съ настигнутыми и прижатыми здѣсь красными.

Передъ Юрочкой, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, легкими саженными прыжками бѣжалъ гигантскаго роста, широкоплечій партизанъ.

Ударомъ штыка въ спину онъ въ одно мгновеніе уложилъ оглядывавшагося и отчаянно, бабьимъ голосомъ кричавшаго красноармейца, одѣтаго въ новый, рыжій, короткій полушубокъ и въ вывороченную на изнанку мѣховую шапку съ наушниками.

Его лицо было точно намазано мѣломъ.

И пока Юрочка, не отдавая себѣ отчета, подбѣгалъ къ гиганту, тотъ энергичнымъ, видимо, привычнымъ движеніемъ высвободилъ глубоко вошедшій въ тѣло штыкъ и, молніеносно перевернувъ винтовку, вторымъ страшнымъ ударомъ раскроилъ черепъ другому красному.

Тотъ, какъ куль съ мукой, сильной рукой сброшенный съ воза, отъ удара шага три просунулся впередъ и, судо-

рожно подрыгивая мускулами ногъ и загребая мерзлую землю руками и носками сапогъ, съ прильнувшимъ къ самой землѣ лицомъ вытянулся во весь ростъ.

Изъ груди гиганта вырвалось злобное звѣриное рычаніе.

Юрочка на мгновеніе онѣмѣлъ и остановился.

Партизанъ круто повернулся, озираясь по сторонамъ, какъ ястребъ, высматривающій добычу.

Тонкое, красивое и юное лицо его было ужасно.

Сбитая на самый затылокъ сѣрая папаха открывала высокій, удивительно бѣлый лобъ и придавала всей его сильной, стройной, подобранной фигурѣ въ сѣрой шинели съ подоткнутыми за поясъ полами и въ новыхъ синихъ съ красными лампасами шароварахъ, законченный молодецкій видъ. Изъ-за прикушенныхъ перекосившихся губъ хищно блеснули два ряда ровныхъ и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ, въ темныхъ, огневыхъ глазахъ подъ высоко преподнятыми густыми бровями выражались неумолимая свирѣпость и неукротимая отвага.

Внушительная, легкая фигура и грозное лицо партизана вселили въ сердце Юрочки невольный страхъ и восхищеніе.

Мгновеннымъ взглядомъ окинувъ дворъ и садъ, въ которыхъ валялись тѣла убитыхъ красныхъ, и видимо, убѣдившись, что здѣсь дѣлать уже нечего, онъ крикнулъ: «господа, впередъ, за мной!» и бросился по деревяннымъ свѣже сломаннымъ ступенькамъ обратно въ вокзальчикъ, а оттуда по корридорчику на узкую досчатую платформу.

Юрочка и бывшіе во дворѣ партизаны побѣжали вслѣдъ за нимъ.

На платформѣ еще шла борьба.

Притиснутая къ стѣнѣ кучка опомнившихся красногвардейцевъ безпорядочными выстрѣлами отбивалась отъ насѣдавшихъ со всѣхъ сторонъ партизанъ, разстрѣливавшихъ ихъ почти въ упоръ.

На платформѣ, какъ и во всѣхъ комнатахъ вокзальчика, валялись груды труповъ, ползали и стонали раненые, раздавались звѣриные крики ярости, ругань и мольбы.

Партизанъ-гигантъ ударомъ штыка въ грудь съ разбѣга уложилъ одного краснаго и, упругимъ движеніемъ отскочивъ сразу на нѣсколько шаговъ назадъ, прицѣливаясь, крикнулъ:

— Да живѣе же кончай, братцы, живѣе, живѣе! А то васъ всѣхъ перестрѣляютъ!

Партизаны еще энергичнѣе насѣли.

Дружно грохнуло и вразнобой затрещало еще нѣсколько выстрѣловъ. Еще и еще...

Окровавленные люди, кто ругаясь, кто прося пощады, падали.

Молча, стиснувъ зубы, ихъ приканчивали прикладами и штыками.

Юрочка онѣмѣлъ отъ ужаса и блѣдный, въ забытьи стоялъ, опустивъ винтовку штыкомъ до пола.

Съ поля, изъ-за полотна дороги съ группой партизанъ возвратился самъ Чернецовъ, преслѣдовавшій красныхъ, ночевавшихъ въ другихъ строеніяхъ станціи.

Одновременно другой отрядъ Чернецова, напавшій на стоявшій на путяхъ эшелонъ красныхъ, частью перебилъ, частью разогналъ, а поѣздъ съ двумя паровозами, съ пушками, пулеметами, съ провизіей и награбленными у населенія вещами привелъ съ собой.

Розовато-красное солнце въ морозномъ легкомъ туманѣ не успѣло и на полъ аршина подняться надъ землей, какъ бой былъ конченъ.

У партизанъ потери выразились въ количествѣ семерыхъ легко-раненыхъ.

Юрочку удивило то, что трупы убитыхъ и пролитая человѣческая кровь своихъ же русскихъ и въ такомъ изобиліи, что и ему, и всѣмъ приходилось шагать черезъ убитыхъ и лужи, не произвели теперь на него того тягостнаго впечатлѣнія, какъ вчера, за то онъ, какъ и Чернецовъ и всѣ въ ихъ отрядѣ, испытывалъ невыразимую, духъ захватывающую, горделивую радость и счастіе отъ сознанія одержанной побѣды.

Каждый въ груди своей точно носилъ какой-то большой клубокъ торжества, всѣ точно летали, а не ходили, у всѣхъ были довольныя, свѣтящіяся весельемъ лица. Всюду слышался радостный говоръ и звонкій, облегчительный смѣхъ.

Одно только глубоко царапнуло Юрочку по сердцу и какъ досадливо жужжащая и кружащаяся передъ лицомъ муха въ ясный день, портило ему настроеніе, это то, что партизаны, не взирая ни на какія мольбы враговъ, не брали ихъ въ плѣнъ и еще ужаснѣе — безпощадно и

съ нечеловѣческимъ ожесточеніемъ добивали раненыхъ красныхъ.

Этого звѣрства, этой жестокости отъ такихъ же, какъ онъ, интеллигентыхъ юношей онъ никакъ не ожидалъ, не понималъ и не могъ съ этимъ примириться.

Пока Юрочка раздумывалъ, къ нему съ закинутой на ремнѣ за плечо винтовкой подошелъ партизанъ-гигантъ.

XIII.

— Позвольте представиться, партизанъ Волошиновъ.

— Партизанъ... Кирѣевъ, запнувшись и сконфузившись, потому что Юрочкѣ его новое званіе было еще непривычно, промолвилъ онъ, пожимая протянутую руку и восхищенными глазами глядя на мощную фигуру юнаго красавца.

— Вы изъ новичковъ? ласково глядя своими яркими, темно-синими глазами въ лицо Юрочки, спросилъ Волошиновъ.

— Да... Я сегодня въ первый разъ... застѣнчиво улыбаясь, отвѣтилъ Юрочка.

— Ну что, весело? Правда?

Волошиновъ добродушно подморгнулъ глазомъ и кивнулъ головой по направленію убитыхъ, обтирая клѣтчатымъ платкомъ разгорѣвшееся, потное, улыбающееся лицо и взъерошенную, съ густыми, черными кудрями, голову.

— Весело, согласился Юрочка.

— А я съ перваго дня въ отрядѣ Чернецова. Молодчага — Чернецовъ!

— Да, искренно подтвердилъ Юрочка, вспомнивъ рѣшительное лицо есаула и внушительно сверкнувшую въ его рукѣ шашку передъ началомъ боя.

— Мы ихъ постоянно бьемъ, но ужъ очень много этой пакости. Такъ и прутъ все оттуда, съ Воронежа.

Вы — не казакъ? Не изъ насихъ?

Волошиновъ опять подморгнулъ и послѣднія слова произнесъ, копируя евреевъ и усмѣхнулся, снова показавъ свои необыкновенной бѣлизны, прекрасные зубы.

— Нѣтъ. Я изъ Москвы.

— Реалистъ?

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОНУ“ У Львові

— Нѣтъ, классикъ.

— Я тоже классикъ, .только-что окончилъ Новочеркасскую Платовскую гимназію и задѣлался студіозомъ. Но эти подлецы и доучиться не даютъ. У васъ есть папиросы?

— Я не курю, отвѣчалъ Юрочка и очень пожалѣлъ, что не имѣлъ папиросъ, а потому и не могъ исполнить просьбу такъ понравившагося ему Волошинова.

— Ахъ, жаль, — хлопая себя по карманамъ и озираясь по сторонамъ поверхъ головъ ходившихъ между трупами партизанъ, замѣтилъ Волошиновъ. — Я въ этой суматохѣ потерялъ свой портабакъ и никакъ не найду... Должно быть, въ вагонѣ забылъ.

— Ну и ловко били вы сегодня красныхъ. Сколько прикончили?

— Сегодня... пятерыхъ, — просто отвѣтилъ онъ. — Я ужъ не считаю. А вы?

Юрочка застыдился. Онъ почувствовалъ какую-то внутреннюю неловкость.

— Не помню... кажется, одного пырнулъ... въ вокзальчикѣ... съ черными руками...

— Все шахтеры... сволочь...—съ крайнимъ презрѣніемъ отозвался Волошиновъ и на лицѣ его появилась гримаса брезгливости. — Трусы, драться не умѣютъ, а лѣзутъ... Еще стрѣлять туда-сюда, бьютъ въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣечку, а какъ дѣло до штыка, какъ бараны подъ обухъ... Кастрюковъ, есть папиросы? обратился онъ къ проходившему мимо круглолицему, сѣроглазому партизану.

— Есть... — не вынимая закуренной папироски изо рта, которую, попыхивая сѣрымъ дымомъ, онъ сосалъ съ особеннымъ наслажденіемъ, .отвѣтилъ тотъ, пріостановившись и вытаскивая изъ кармана шинели кожаный, смятый, надорванный по шву портсигаръ. — На! Это большевистскія. Когда надысь у нихъ подъ Звѣревой поѣздъ отбили, такъ тамъ чуть ли не цѣлый вагонъ однѣхъ папиросъ было. Я и набралъ себѣ. Кончаются... Послѣднія... Закуривай.

Волошиновъ, прикуривъ и жадно затянувшись, цѣлымъ клубомъ и двумя струями выпуская дымъ одновременно изо рта и изъ ноздрей, продолжалъ:

— Надо побольше отправлять къ праотцамъ этой погани, потому что не знаешь, когда твоя очередь. Нынче

двухъ-трехъ выведешь въ тиражъ, а завтра, смотришь, и тебя укокошатъ. По крайней мѣрѣ, знаешь, что жизнь твоя прошла не даромъ... дорого имъ обошлась.

Онъ еще разъ затянулся и продолжалъ:

— Когда я записывался у Чернецова, я тогда же рѣшилъ: убью десятокъ, а тамъ пусть убьютъ и меня. Не жаль будетъ. До десятка отправленныхъ на тотъ свѣтъ съ приложеніемъ моей руки давно сосчиталъ и бросилъ. Надоѣло. Не стоитъ. Все равно, свое дѣло сдѣлалъ, теперь я сверхъ комплекта живу, чей-то чужой вѣкъ заживаю. Убьютъ — не жалко.

Все это Волошиновъ сказалъ съ крайней серьезностью, прищуривая отъ дыма свои лучистые глаза.

— А много ихъ? спросилъ Юрочка.

— Да еслибы хоть въ двадцать, въ тридцать разъ больше, чѣмъ насъ, все какъ-нибудь справились бы. А то вѣдь не успѣешь покончить съ одними, смотришь, въ другомъ мѣстѣ новые появились. Покончишь съ этими, опять въ третьемъ скопляются... И такъ и мотаемся... И откуда этой мрази столько наплодилось? Каждый день бьемъ, бьемъ и никакъ не перебьемъ. И все оттуда, изъ Россіи.... Недаромъ, у насъ на Дону говорятъ: «Русь могучая, кишка вонючая»...

Онъ улыбнулся. Но тотчасъ же тонкое лицо его стало страшно серьезнымъ.

— Это-то ничего. Съ этими россейскими то, какъ-нибудь справимся! Эти драться не умѣютъ. А вотъ что наши Гаврилычи думаютъ, чортъ ихъ знаетъ. Вонъ нѣкоторые полки противъ красныхъ не дерутся и по домамъ не разъѣзжаются. А красные у нихъ работаютъ во всю. Спиртъ, деньги, агитаторы, листовки, посулы... И эти негодяи за свой родной Тихій Донъ, за своихъ женъ и дѣтей не хотятъ драться. Нейтралитетъ держутъ, сволочи. Вѣдь подсунули же имъ такое словечко... Это пока... Ну, а если эти чубатые дьяволы встанутъ на ихъ сторону, тогда наше дѣло — капутъ, закрывай лавочку. Раздавятъ.

— Много ихъ?

— Много-немного, но казаки конные и воевать умѣютъ, а мы пѣшіе и насъ горсть. Что сдѣлаешь?! А я на этихъ негодяевъ насмотрѣлся довольно, знаю ихъ, какъ облупленныхъ. Пока они не воюютъ, ихъ голыми руками бери да вяжи, но ужъ если шашки вонъ изъ ноженъ, тогда съ ними самъ чортъ не сладитъ...

— Кого это вы такъ честите, Волошиновъ? — спросилъ подошедшій къ нимъ широкоплечій, рослый прапорщикъ Нефедовъ.

— Да нашихъ станичниковъ, Гаврилычей, г. прапорщикъ.

— А-а... — невесело протянулъ тотъ. — Есть о чемъ говорить?! Наша казуня пойдетъ за тѣмъ, кто больше спирта поставитъ и денегъ дастъ. Страшные подлецы! Отца родного продадутъ. И какъ оподлѣлъ народъ! Не узнать. Казаковъ точно подмѣнили. Тѣ же люди и не тѣ. Три года съ ними на войнѣ прослужилъ. Жили душа въ душу, не нарадоваться. А теперь такъ охамѣли, что изъ рукъ вонъ. И все это проклятая революція надѣлала. Попомните мое слово, господа: казаки надѣлаютъ и намъ, и себѣ страшныхъ бѣдъ. У нихъ опасное настроеніе. А они — огромная боевая сила. Большевики сейчасъ спохватились и за ними ухаживаютъ, воспользуются ихъ силой, чтобы ихъ же потомъ раздавить... Такъ и будетъ.

Онъ отошелъ и вмѣшался въ толпу партизанъ, кого-то ища.

— Но зачѣмъ же добиваютъ раненыхъ? Послѣ недолгаго молчанія спросилъ Юрочка, у котораго этотъ вопросъ ни на минуту не выходилъ изъ головы и все время мучалъ его.

Лицо Волошинова стало еще серьезнѣе, а глаза вспыхнули неутолимой ненавистью и злобой.

— Развѣ вамъ не объясняли?

— Нѣтъ. Никто ничего не говорилъ...

— Нельзя не убивать. Съ начала и не убивали. Но это не люди и не звѣри, а хуже, попадаться къ нимъ въ лапы невозможно. Еслибы только убивали, чортъ бы съ ними. На то война и ихъ похабныя «свободы». А то прежде, чѣмъ убить, они нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ жгли живьемъ и живьемъ же въ землю закапывали, подъ ногти забивали гвозди, вырывали и выкалывали глаза и ножичками скоблили десна. Вѣдь вотъ до какого звѣрства дошли эти хамы! Брать въ плѣнъ намъ ихъ некуда. Куда ихъ денешь? Возиться съ ними?! Да кто же будетъ, когда у насъ каждый человѣкъ на счету?! А оставлять нельзя, потому что встанетъ на ноги, и противъ тебя же пойдетъ, подлецъ, съ винтовкой. Витя, ты опять здѣсь? — и съ строгой, и съ ласковой улыбкой обратился онъ къ маленькому, проталкивавшемуся среди другихъ партизану

и взялъ его за плечи. — Вотъ позвольте вамъ представить, партизанъ Чернушкинъ, самый старый партизанъ въ нашемъ отрядѣ...

Юрочка увидѣлъ передъ собою мальчика лѣтъ 13-ти въ желтомъ, замызганномъ, короткомъ полушубкѣ, туго перетянутомъ по таліи узкимъ, чернымъ ремешкомъ.

Штыкъ его винтовки, по-фронтовому, по всѣмъ правиламъ устава поставленный къ ногѣ, торчалъ высоко надъ головой его обладателя.

Изъ-подъ лисьяго рыжеватаго треуха выглядывало застѣнчиво-улыбающееся, раскраснѣвшееся, бѣленькое, круглое, въ ямочкахъ личико.

— Ты зачѣмъ же опять здѣсь? стараясь быть строгимъ, допрашивалъ Волошиновъ.

Партизанъ, стоя на вытяжку, снизу вверхъ взглядывалъ на гиганта, хотѣлъ быть серьезнымъ, но тогда, какъ на длинныхъ рѣсницахъ его наивныхъ, голубыхъ глазъ дрожали жемчужныя слезы, все личико его улыбалось, замѣтнѣе выступали на щекахъ ямочки, пунцовыя губы шевелились, обнажая бѣлые, рѣдкіе зубы. Видимо, онъ конфузился.

— Да я... Тамъ нечего было дѣлать... Я и...

— Знаю тебя, Витя, знаю... Все врешь. Это уже не впервой. Тутъ тебѣ нечего дѣлать. Сейчасъ же ступай на кухню. Иначе взводному доложу. Онъ съ тобой поговоритъ по своему...

— Слушаю. Взводный меня видѣлъ и ничего. Ей Богу, ничего... Я и...

— Взводному теперь не до тебя. Онъ и не замѣтилъ, а замѣтитъ — влетитъ. Сколько разъ тебѣ влетало?!

— Я и иду сейчасъ... съ тою же конфузливой улыбкой, поводя искривившимися, красными губками, отвѣтилъ Витя.

— Ну иди, иди, да скорѣе, пока тебя не увидали...

Витя, отчеканивая каждый пріемъ, до смѣшного серьезно и лихо взбросилъ винтовку на плечо и по фронтовому круто повернувшись, громко отбивая шагъ въ своихъ не по росту большихъ, тяжелыхъ ботинкахъ и въ тактъ широко размахивая лѣвой рукой, замаршировалъ по досчатой платформѣ, направляясь къ только-что подошедшему со степи партизанскому поѣзду.

Волошиновъ, докуривая папироску, провожалъ мальчика задумчивымъ взглядомъ.

— Кто это? спросилъ заинтересованный Юрочка.

Волошиновъ бросилъ окурокъ и сплюнувъ, придавилъ его ногой.

— Да партизанъ, новочеркасскій кадетикъ, въ моемъ отдѣленіи числится, первымъ пришелъ на запись къ Чернецову. Его не принимали. Маленькій. Онъ въ слезы. Бились-бились съ нимъ, взяли, опредѣлили въ ротную кухню въ помощь кашевару. Старательный, послушный, свое дѣло дѣлаетъ, вѣчно смѣется, какъ колокольчикъ, заливается. Но какъ только въ бой и онъ въ строю. Вѣдь и сегодня онъ съ нами былъ... Я только сейчасъ припоминаю... Хоть убей, не уйдетъ изъ строя. Пробовали наказывать, ружье отнимали. Не дѣйствуетъ. Откуда-то у него всегда винтовка и полная сумка патроновъ. Какъ только онъ ее таскаетъ?!

Среди толпившихся и курившихъ партизанъ то и дѣло мелькала невысокая, проворная фигура есаула Чернецова.

Его сопровождали два-три офицера.

Онъ заходилъ во всѣ комнаты вокзала, осмотрѣлъ всѣ строенія, обошелъ весь дворъ и садикъ, отдавая какія-то приказанія.

— Волошиновъ, это Витя здѣсь былъ? спросилъ подошедшій взводный офицеръ.

Это былъ поручикъ Клушинъ — средняго роста, бѣлокурый, почти безъ растительности на лицѣ, молодой человѣкъ лѣтъ 23—24-хъ, съ цѣлой стопочкой серебряныхъ и золотыхъ поперечныхъ полосочекъ на рукавѣ шинели, свидѣтельствовавшихъ о количествѣ полученныхъ имъ за время европейской войны контузій и ранъ.

Волошиновъ и Юрочка, вытянувшись, какъ въ строю, отдали честь и нерѣшительно переглянулись.

— Опустите руки, господа. Былъ здѣсь Витя?

— Точно такъ, отвѣтилъ Волошиновъ.

— Опять! Что съ нимъ дѣлать, господа?! То-то я видѣлъ, онъ около меня протискивался, да я занятъ былъ. Вотъ дрянь-мальчишка! Придется пробрать. Ничего не подѣлаешь. Непремѣнно...

Но по добродушному выраженію въ свѣтлыхъ, желтоватыхъ глазахъ и на лицѣ офицера, безошибочно можно было заключить, что отъ его «проборки» виновный не очень-то пострадаетъ.

— Строиться! Строиться!.. пошелъ строиться!.. послышались голоса офицеровъ.

Партизаны засуетились и опережая другъ друга, стали прыгать съ платформы и выстраиваться въ полѣ, тыломъ къ своему поѣзду.

Передъ глазами во всѣ стороны разстилалась безпредѣльная, волнистая, безснѣжная степь, скованная гололедицей.

Невысоко поднявшееся надъ землей солнце разогнало туманную мглу, бросая свои длинные, ослѣпляющіе лучи внизъ. И степь на громадное пространство вокругъ блистала, какъ дурно отполированное зеркало.

Чернецовъ въ короткой, бодрой рѣчи поблагодарилъ своихъ соратниковъ за сегодняшнее успѣшное дѣло, поздравилъ съ побѣдой и приказалъ погружаться въ вагоны.

Черезъ нѣсколько минутъ станція опустѣла. Вездѣ валялись неприбранные трупы. На платформѣ стояли два пулемета, а вокругъ нихъ ходили шесть партизанъ, составлявшіе собою весь караулъ, оставленный Чернецовымъ для охраны станціи отъ нападенія красныхъ.

Чернецовъ, забравъ своихъ раненыхъ, захвативъ поѣздъ красныхъ съ добычей, поспѣшно уѣхалъ съ своими партизанами по какому-то новому направленію.

Онъ получилъ свѣдѣнія о сосредоточеніи красныхъ бандъ въ какихъ-то ему извѣстныхъ пунктахъ и спѣшилъ помѣшать имъ осуществить свой планъ.

Съ того дня въ жизни Юрочки началась совершенно новая эра.

XIV.

Откуда же взялись эти юноши и даже дѣти, составившіе собою безтрепетные желѣзные ряды чернецовскаго и иныхъ партизанскихъ отрядовъ, ряды, долгое время превращавшіе въ кровь и трупы безчисленныя, до зубовъ вооруженныя, банды взбунтовавшагося, кровожаднаго хама?

И это тогда, когда казаки-фронтовики топили свою совѣсть въ дареномъ спиртѣ, продавали свою родину шарлатанамъ и проходимцамъ за пачки ассигнацій, за обманные посулы отдавали своихъ отцовъ, свои семьи,

свои хозяйства и свой Тихій Донъ на потокъ и разграбленіе, а всѣ остальные попрятались.

Не съ неба же эти доблестные юноши свалились и не изъ нѣдръ земли вышли.

Они родились и выросли на русской землѣ.

Всѣ эти Юрочки, Ванечки, Николеньки, Вити, изнѣженные, избалованные, любовь и надежды ихъ отцовъ и матерей, безчеловѣчно вышвырнутые кровавой рукой самозванной, подлой власти изъ-за школьныхъ партъ, изъ разоренныхъ родныхъ пепелищъ были безжалостно брошены на невообразимыя лишенія и муки прямо въ пасть страшной, насильственной смерти.

По приговору кровавой власти шарлатановъ, бродягъ, воровъ и убійцъ имъ не стало мѣста на родной землѣ, на землѣ ихъ предковъ, они лишены были права дышать роднымъ воздухомъ, они были обречены на такія издѣвательства, муки и смерть, передъ ужасами которыхъ блѣднѣютъ всѣ страшныя испытанія первыхъ христіанскихъ мучениковъ.

Большею частью все это была зеленая учащаяся молодежь, путемъ невообразимыхъ мытарствъ сбѣжавшаяся сюда отъ самосуда и истязаній свирѣпой презрѣнной черни со всѣхъ концовъ необъятной, обезглавленной, обреченной Россіи.

Тутъ были юнцы изъ Петербурга и Москвы, изъ Тамбова и Орла, изъ Нижняго и Казани, изъ Чернигова, Полтавы и главнымъ образомъ съ Дона.

Многіе изъ ихъ несчастныхъ сверстниковъ мучительной смертью погибли въ пути отъ руки разнуздавшагося краснаго дьявола.

Кто же они и чѣмъ провинились?

Къ несчастію для нихъ эти бѣдные страстотерпцы—русскія дѣти родились въ тѣхъ безчисленныхъ семьяхъ, кои во имя соціалистическаго лозунга: «свобода, равенство и братство» «гуманными» соціалистами обречены на безпощадное поголовное истребленіе.

Вся вина ихъ заключалась только въ этомъ. Другой вины никакой самый строгій судья за ними не отыщетъ.

Соціалисты, гнуснымъ обманомъ захватившіе надъ опростоволосившейся Россіей власть, поставили эти семьи въ ужасающее и безвыходное положеніе.

За членами этихъ семей, не исключая немощныхъ стариковъ и ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, могъ охо-

титься, какъ на дикихъ звѣрей, любой изъ бездѣльниковъ-пролетаріевъ.

Двуногія твари съ инстинктами кровожаднаго гада—солдаты-дезертиры, звѣри-матросы, неработавшіе рабочіе, мужики-пропойцы, выпущенные изъ каторогъ и тюремъ всевозможные преступники и злодѣи, измѣнники, предатели, шпіоны, убійцы и расхитители родины — весь этотъ человѣческій соръ, объявили всѣхъ образованныхъ трудящихся, состоятельныхъ людей народными кровопійцами, гноятъ ихъ въ тюрьмахъ, издѣваются надъ ними, морятъ голодомъ и холодомъ, мучаютъ, избиваютъ и грабятъ. И некому за нихъ заступиться. Міръ удовлетворенъ и молчитъ.

Красная соціалистическая власть подъ кровавой пятиконечной звѣздой, въ лицѣ Ульяновыхъ, Бронштейновъ, Апфельбаумовъ, Цедербаумовъ, Нахамкесовъ, Іоффе, Либеровъ, Дановъ, Тобельсоновъ... всѣ эти патентованные устроители «соціалистическаго рая» на русской землѣ... но довольно этой нечистой мрази, (ее всю не перечислишь), вопіюще-жестокая, сатанински-мстительная и ненасытимо-жадная до русскихъ богатствъ и русской крови, кощунственно и безстыдно прикрываясь лживо-высокими соціалистическими лозунгами, вотъ уже не первый годъ творитъ свое дьявольское дѣло издѣвательства, ограбленія и истребленія русскаго племени.

Надъ одной шестой частью земной суши, еще недавно именовавшейся великой Россійской Имперіей, вотъ уже не первый годъ померкло солнце.

Тамъ не звонятъ колокола, тамъ поруганы церкви, осквернены святыни, тамъ распяты и побиты служители алтаря.

Тамъ чужекровные бродяги наплевали въ душу народную и ради власти, мести и наживы ежечасно заливаютъ ее неповинной кровью, топчатъ въ грязи и прахѣ.

Тамъ русскимъ людямъ не для кого и не для чего работать, не зачѣмъ сѣять, жать и молотить зерно, разъ жадныя кровавыя руки бездѣльниковъ и негодяевъ отрываютъ хлѣбъ отъ ртовъ милліонами гибнущихъ отъ голода дѣтей. Тамъ не для кого прясть и ткать, ибо у раздѣтыхъ и разутыхъ тружениковъ красный насильникъ все отнимаетъ.

Тамъ погасли науки и искусства, исчезли ремесла. Отъ безнадежнаго существованія, отъ трепетнаго ожида-

нія ежеминутно подползающей насильственной смерти руки у всѣхъ опустились. Тамъ одинъ сплошной, неумолчный крикъ: «хлѣба!» вмѣсто котораго просящихъ красныя власти угощаютъ свинцовымъ дождемъ изъ ружей и пулеметовъ и пытками въ застѣнкахъ чрезвычаекъ.

Тамъ только красныя тряпки, безстыдныя, лживыя, богохульныя рѣчи, красныя зарева да дымъ пожаровъ, тамъ буханіе пушекъ, ревъ пулеметовъ, трескъ ружей да смрадная брань торжествующихъ нечестивцевъ и шарлатановъ, тамъ плачъ голодныхъ, обезумѣвшихъ отъ ужасовъ дѣтей, проклявшихъ кормившія ихъ сосцы и утробы родившихъ ихъ матерей, тамъ стоны насилуемыхъ женщинъ, проклятія мужчинъ, рыданія, стенанія, предсмертное хрипѣніе и горы, несчетныя горы труповъ... Тамъ скрежетъ зубовный, тамъ безпощадная война съ самой жизнью, тамъ душатъ жизнь.

Тамъ багряно-красный, кровожадный дьяволъ, разбухшій и разжирѣвшій на краденыхъ яствахъ и питіяхъ, наряженный въ роскошныя одежды съ плечъ умученныхъ имъ русскихъ людей, обвѣшанный золотомъ, брильянтами, сапфирами и рубинами, стянутыми съ холодѣющихъ труповъ мучениковъ, откровенно-нахально, кощунственно и вызывающе всякій день отъ зари до зари, передъ цѣлымъ свѣтомъ справляетъ свой мерзостный шабашъ, своими окровавленными копытами выкидывая изувѣрскія антраша и съ головой окунаясь въ непрерывно-текущіе горячіе потоки русской крови.

Тамъ разнузданный безъ границъ и предѣла буйный разгулъ разбойника, вора и палача.

И все это безмѣрное, изощренное безобразіе, весь этотъ кровавый кошмаръ, этотъ кромѣшный адъ, въ которомъ попраны всяческіе законы, въ которомъ нѣтъ мѣста труду и жизни, слыветъ подъ красной вывѣской: «Россійская совѣтская федеративная соціалистическая республика!»

И все это безпримѣрное, отъ начала вѣковъ невиданное, длительное надругательство надъ великимъ русскимъ племенемъ совершается на глазахъ всего міра.

И народы земли — безмолвные свидѣтели, тайные и явные соучастники неслыханнаго по гнусности и безчеловѣчности злодѣянія, точно судейской тогой, прикрылись лицемѣрнымъ заявленіемъ: «въ Россіи гражданская война.

Въ домашнія дѣла сосѣда никто со стороны не имѣетъ права вмѣшиваться».

Но съ тоги ручьями льется невинная русская кровь, но тога вся въ дырахъ, но она обнажаетъ черную совѣсть ея обладателей. Какое имъ до этого дѣло?!

О, они — не простаки, они понимаютъ, что когда на домъ сосѣда нападаетъ шайка разбойниковъ, то къ несчастному надо спѣшить на помощь, иначе самимъ придется плохо. А тутъ имъ, близорукимъ, сытымъ, отупѣлымъ и алчнымъ, забывшимъ божескіе и человѣческіе законы, слѣпо послушнымъ только велѣніямъ собственнаго ненасытнаго брюха и собственнаго бездоннаго кармана, не безвыгодно распятіе, крестныя муки и поголовное ограбленіе одного великаго члена изъ семьи народовъ!

У нихъ совѣсть спитъ, у нихъ руки въ крови, они сами причастны къ черной работѣ палачей, они сами подталкиваютъ ножъ, полоснувшій по горлу недавно еще грознаго, теперь поверженнаго, еле дышащаго великана.

Онъ былъ могучъ и страшенъ. Не разъ имъ помогалъ. Не разъ спасалъ. Онъ могъ бы сокрушить и ихъ самихъ. Надо его отблагодарить за всѣ услуги, надо его добить, его богатства растащить, иначе онъ можетъ встать и потребовать свое обратно.

Вѣдь изъ переполненныхъ кармановъ грабителей и насильниковъ и имъ перепадаютъ кое-какіе уворованные жирные куски. Деньги запаха не имѣютъ. Вы это заявили.

Внюхайтесь въ краденые куски, народы!

Не отдаютъ ли эти куски трупнымъ запахомъ, слезами и кровью милліоновъ замученныхъ русскихъ дѣтей и взрослыхъ?

Вы не брезгливы... Вы это не разъ доказали на дѣлѣ. У васъ притупѣло обоняніе? Утраченъ вкусъ?

Тупые, жалкіе слѣпцы, вы скоро вновь ихъ обрѣтете.

Вы не подозрѣваете, какою страшною, безмѣрною цѣною, какими бѣдствіями и горемъ расплатитесь за свое преступное попустительство, за тайное и явное соучастіе.

Историческое возмездіе есть на землѣ и на небѣ! Слушайте, слѣпые и глухіе народы! Оно есть! Оно грядетъ! И въ свои сроки судъ Божій совершится!

Вы ошиблись. Наперекоръ всѣмъ вашимъ низкимъ торгашескимъ расчетамъ поверженный нынѣ богатырь воспрянетъ. Поддерживаемый вами, вашъ союзникъ —

красный дьяволъ со всѣмъ своимъ чортовскимъ сонмищемъ загремитъ и съ шумомъ, и съ скрежетомъ, и съ трескомъ сгинетъ въ преисподней.

И близятся сроки, и спадетъ съ преступныхъ міровыхъ очей безстыдная, кровавая завѣса и во всемъ бездонномъ ужасѣ, въ невиданномъ уродствѣ обнажитъ корыстный и злодѣйскій ликъ нынѣшняго міра — страшный ликъ апокалипсическаго звѣря. Возстанетъ міровая совѣсть, и, какъ въ нелгущемъ, ясномъ зеркалѣ, непререкаемо, неоспоримо отразитъ всю гнусность, всю безжалостность и весь позоръ содѣяннаго...

Созерцайте и любуйтесь, «просвѣщенные», «гуманные» народы. Вѣдь это дѣло вашихъ хищныхъ рукъ.

Вы ужаснетесь, вы отвернетесь, вы станете искать оправданій. Ихъ нѣтъ. Но вѣдайте: потоками пролитая русская кровь вся до капли взыщется съ повинныхъ. Она — не вода.

И всколыхнется, великой судорогой всколыхнется оскорбленная общая мать народовъ — земля, не вынесетъ вашего мерзкаго предательства, фарисейства и подлости.

И вострепещете, и восплачете вы, народы, какъ не трепетало и не плакало даже многострадальное, всевыносящее русское племя.

Но тщетно!

Безпощаденъ разящій мечъ Праведнаго и Грознаго Неземного Судіи.

И горе преступнымъ!

XV.

Это были безпрерывные, съ рѣдкими, короткими передышками, походы и бои.

Бойцовъ было мало, не больше 800. Противъ нихъ безсчетныя банды враговъ, появлявшіяся сразу въ нѣсколькихъ пунктахъ. Вездѣ надо было поспѣвать.

Чернецовцы дѣлали иногда чрезвычайно быстрые, короткіе переходы пѣшкомъ, но обыкновенно ѣздили въ поѣздахъ, вооруженныхъ пушками и пулеметами.

Война велась по линіямъ желѣзныхъ дорогъ.

Большевики не рѣшались отрываться отъ нихъ.

Ружейная и артиллерійская перестрѣлки чередовались съ страшными и ожесточенными рукопашными боями.

И малочисленныя дружины гордыхъ, дисциплинированныхъ, горячо любящихъ родину юношей, неизмѣнно всегда выходили побѣдителями изъ неравныхъ схватокъ.

У Чернецова развѣдка поставлена была идеально. Картина сосредоточенія красныхъ бандъ, ихъ боевыя свойства, ихъ численный составъ и вооруженіе у него всегда были передъ глазами. Кромѣ того, Чернецовъ въ высшей мѣрѣ обладалъ чутьемъ военнаго вождя, въ планахъ и намѣреніяхъ противника разбирался такъ же просто и свободно, какъ въ собственномъ карманѣ и потому съ своей горстью храбрыхъ успѣвалъ появляться вездѣ, гдѣ того требовали обстоятельства и всегда ударялъ неожиданно и быстро, какъ соколъ изъ поднебесья на стаи растерявшагося воронья.

Иногда маленькіе отряды его дѣйствовали одновременно въ нѣсколькихъ отдаленныхъ одинъ отъ другого пунктахъ.

Большевики терялись, приходили въ ужасъ отъ вездѣсущаго Чернецова и разбиваемые, бросая все, въ паникѣ разбѣгались.

Всегда располагая чрезвычайно ограниченнымъ количествомъ бойцовъ, Чернецовъ для удержанія цѣлыхъ районовъ оставлялъ на завоеванныхъ станціяхъ иногда двухъ, много пять-шесть человѣкъ съ пулеметами, а самъ съ главнымъ отрядомъ мчался дальше преслѣдовать врага и отбивать новые пункты.

И его одиночные юноши съ геройскимъ увлеченіемъ вступали въ боевое состязаніе съ цѣлыми эшелонами красныхъ и въ продолженіи многихъ часовъ побѣдоносно отстаивали порученные ихъ защитѣ пункты.

Ихъ калѣчили; они умирали и если оставался въ живыхъ хоть одинъ изъ нихъ, способный еще стрѣлять изъ пулемета, то отстаивалъ свой постъ до прихода вождя съ главными силами.

Красногвардейцы при столкновеніяхъ съ чернецовцами неизмѣнно несли страшныя потери, сдавая станцію за станціей, бросая въ добычу побѣдителямъ плѣнныхъ, пушки, ружья, пулеметы, цѣлые поѣзда съ продовольствіемъ, снарядами, патронами и награбленными у населенія вещами.

Жизнь и подвиги чернецовцевъ являлись сплошной, воплощенной въ жизнь легендой.

Чернецовъ съ каждымъ днемъ все дальше и дальше къ границѣ Воронежской губерніи отжималъ красныя банды.

Съ молніеносной быстротой росла его слава.

Маленькой чуть замѣтной звѣздочкой появился онъ на Донскомъ боевомъ небосклонѣ въ декабрѣ 1917 года и сразу своими подвигами приковалъ общее вниманіе, въ серединѣ января 1918 года звѣзда его загорѣлась ослѣпительнымъ блескомъ, затмивъ всѣхъ остальныхъ.

Его легендарныя побѣды окрыляли надежды всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ на сторонѣ порядка и государственности, кто ненавидѣлъ соціализмъ, какъ злую, разрушительную силу, кто хотѣлъ спасенія казачества, а черезъ него и всей Россіи.

Всѣ лучшія надежды и чаянія сосредоточились на одномъ Чернецовѣ. Онъ являлся признаннымъ вождемъ.

Новая, совершенно непохожая на прежнюю жизнь, жизнь, которая нѣсколько мѣсяцевъ назадъ показалась бы дикимъ абсурдомъ, произведеніемъ болѣзненной фантазіи, теперь всецѣло захватила Юрочку.

Въ своемъ отрядѣ онъ съ перваго же боя подружился съ Волошиновымъ, который, въ качествѣ стараго партизана, покровительствовалъ ему.

Другимъ близкимъ его товарищемъ сталъ 18-ти-лѣтній кадетъ Дукмасовъ, съ красивымъ, нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, лицомъ, съ большими, меланхолическими, синими глазами.

Это былъ чрезвычайно молчаливый, застѣнчивый, всегда печально-задумчивый, но стойкій и храбрый юноша.

На его глазахъ больш ики замучали его отца, а онъ самъ едва спасся бѣгствомъ, трое сутокъ голодный и холодный, держа направленіе по звѣздамъ пробираясь ночами пѣшкомъ, среди мужицкихъ большевистскихъ селъ изъ имѣнія въ Новочеркасскъ.

Къ большевикамъ онъ относился безпощадно.

Всѣ трое покровительствовали любимцу всего отряда — маленькому Витѣ.

У чернецовцевъ боевой практикой выработались свои правила, неуклонно проводимыя ими въ жизнь.

Всецѣло полагаясь на опытъ и предусмотрительность своего вождя, они признавали только наступленіе, враговъ не считали и принимали бой во всякое время, взаимная выручка основывалась на старомъ принципѣ: «одинъ

за всѣхъ и всѣ за одного», бросить своихъ убитыхъ или раненыхъ на поруганіе врагу считалось несмываемымъ позоромъ.

Юрочка жилъ исключительно интересами своего отряда и войны.

Незамѣтно для себя онъ схватывалъ, впитывалъ и усваивалъ всѣ установившіеся навыки, сноровки и обычаи своей среды.

Онъ оказался спокойнымъ, отважнымъ бойцомъ, съ прекраснымъ характеромъ. Его любили.

Теперь пролитая человѣческая кровь, трупы, страданія раненыхъ не производили на него прежняго тягостнаго впечатлѣнія.

Это являлось той обыденной житейской обстановкой, среди которой онъ жилъ, та атмосфера, которой онъ дышалъ.

Эта обстановка стала для него такой же естественной и неизбѣжной, какъ прежде были роскошь, удобства и всѣ тѣ благопріятныя условія, которыми онъ былъ окруженъ съ самой колыбели и которыхъ онъ не замѣчалъ, пока не лишился ихъ.

Теперь Юрочка о прошломъ вспоминалъ не часто, некогда было. Походы и бои чередовались съ шумными, веселыми пирушками-праздниками побѣдъ, въ которыхъ молодой и жизнерадостный Чернецовъ съ своими офицерами принималъ дѣятельное участіе.

Жизнь передъ Юрочкой развернулась хотя опасная и тяжелая, но яркая, полная сильныхъ ощущеній и часто даже веселая, тѣмъ болѣе, что чернецовцамъ вездѣ сопутствовали побѣды.

И это окрыляло духъ юношей.

Въ этомъ маленькомъ отрядѣ — единственной вѣрной, непоколебимой опорѣ съ верху до низа помутившагося Дона, центромъ всего, мозгомъ, душой и двигающей волей былъ самъ Чернецовъ.

Этотъ презиравшій смерть, безумно храбрый, дерзко изобрѣтательный, находчивый и тонко расчетливый въ своихъ боевыхъ предпріятіяхъ молодой офицеръ, почти юноша, стяжавшій первые лепестки славы еще въ европейской войнѣ, въ совершенствѣ зналъ какъ психологію своихъ враговъ, такъ и сподвижниковъ, владѣлъ талантомъ внушать своимъ подчиненнымъ безоглядную вѣру въ себя и любовь, граничащую съ энтузіазмомъ.

Чернецовъ какъ-то обмолвился:

— Пока я живъ, атаману нечего безпокоиться. Краснымъ, какъ ушей своихъ, не видать моего родного Новочеркасска.

Свое слово онъ сдержалъ.

Юрочка и не замѣтилъ, какъ подобно всѣмъ своимъ сослуживцамъ, всей душой привязался къ Чернецову.

Все шло хорошо.

Чернецовъ безпощадно избивалъ и тѣснилъ красныя банды все дальше и дальше отъ Новочеркасска къ Воронежу.

Онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что располагая тѣми малыми силами, какія онъ имѣлъ въ рукахъ, съ красными россійскими бандами въ концѣ концовъ онъ справится. Его страшило другое. Боялся онъ своихъ же казаковъ-фронтовиковъ, учитывая ихъ колебанія и уклонъ въ сторону большевизма.

Борьба за обладаніе казаками была слишкомъ неравная.

Красные задаривали казаковъ одеждой, товарами, осыпали деньгами, запаивали виномъ, спиртомъ, одурманивали посулами.

Ничтжное Донское правительство мѣшало Атаману и само рѣшительно ничего не предпринимало для того, чтобы привлечь пошатнувшихся и оподлѣвшихъ станичниковъ къ защитѣ своихъ очаговъ.

Чернецовъ все это учитывалъ, съ тревогой смотрѣлъ на будущее и своей кипучей, лихорадочной дѣятельностью, легендарными побѣдами хотѣлъ воздѣйствовать на воображеніе и закупленную совѣсть казаковъ.

Онъ зналъ ихъ натуру, зналъ ихъ воинственность, славолюбіе, патріотизмъ, понималъ, что обольстить ихъ посулами можно, что спиртомъ и деньгами можно на нѣкоторое время усыпить ихъ совѣсть и заставить забыть чувство долга, но вѣрилъ, что окончательно купить ихъ нельзя. Выпьютъ спиртъ, заберутъ деньги, а потомъ съ нимъ вмѣстѣ станутъ бить своихъ соблазнителей.

А для этого ему нужны побѣды и побѣды...

И онъ спѣшилъ...

Дѣйствительно, подъ впечатлѣніемъ побѣдъ Чернецова въ колеблющихся казачьихъ полкахъ стало замѣчаться нѣкоторое просвѣтлѣніе.

На митингахъ казаки уже перечили большевистскимъ ораторамъ, евреевъ же просто гнали отъ себя въ шею и въ ихъ средѣ стали даже раздаваться голоса въ пользу защиты Дона отъ жидовской и «русацкой» погани.

Вѣсы судьбы края, а за нимъ и всей Россіи колебались въ чубатыхъ головахъ фронтовиковъ и стали замѣтно склоняться не въ пользу большевиковъ.

XVI.

Въ Новочеркасскѣ на гауптвахтѣ сидѣлъ, дожидаясь надъ собой суда, нѣкій войсковой старшина Голубовъ.

Этотъ вѣчно пьяный офицеръ зарекомендовалъ себя на европейской войнѣ какой-то безудержной, буйной храбростью, а въ дни «свободъ» обиженный тѣмъ, что его не утвердили выборнымъ атаманомъ одного изъ Донскихъ округовъ, началъ явно призывать казаковъ встать на большевистскую сторону.

По приказанію войскового атамана его арестовали.

Въ тѣ времена товарищемъ атамана Каледина и духовнымъ руководителемъ всего Донского казачества къ великому несчастію являлся Митрофанъ Богаевскій.

Молодой человѣкъ, вдохновенный ораторъ, донской златоустъ, какъ не безъ основанія его называли, любившій родное казачество какою-то восторженной юношеской любовью, а по своимъ убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ университетскихъ стѣнъ, съ головы до пятъ демократъ-теоретикъ, Богаевскій въ своей политической дѣятельности задался явно недостижимой цѣлью.

Ему хотѣлось одемократизировать казаковъ, а для этого слить ихъ во-едино съ донскими иногородними демократами, но съ тѣмъ, чтобы казачество оставалось такимъ, каково оно есть, со всѣми его преимуществами, утвержденными царями и съ бытовымъ укладомъ, иногороднихъ же мужиковъ, оставляя прежними демократами, сравнять съ казаками въ земельныхъ надѣлахъ и во всѣхъ иныхъ правахъ.

Какъ это должно произойти, онъ и самъ не зналъ.

Въ этомъ явно безнадежномъ, обреченномъ на полный провалъ, дѣлѣ вдохновителемъ его и помощникомъ являлся членъ войскового правительства, провожаторъ и

Мефистофель всѣхъ Войсковыхъ Круговъ на Дону нѣкто Павелъ Агѣевъ.

Голубовъ черезъ Агѣева сталъ умолять Богаевскаго посѣтить его на гауптвахтѣ.

Мягкій по натурѣ, сострадательный къ несчастіямъ ближнихъ, не утратившій вѣры въ доброе начало въ человѣкѣ, Богаевскій согласился на мольбы.

Голубовъ плакалъ передъ нимъ, становился на колѣни, рвалъ на себѣ волосы и клялся, что онъ понялъ свои заблужденія и ошибки, раскаялся въ своихъ дѣйствіяхъ и у него только одна мысль, одно желаніе — послужить Дону, раздавить красную гидру. А для этого просилъ одного — исходатайствованія у Атамана Каледина прощенія и возвращенія ему свободы. И онъ, Голубовъ, имѣя громадное вліяніе на казаковъ-фронтовиковъ 10, 27 и 44-го полковъ, съ которыми онъ служилъ на войнѣ и надъ которыми особенно усердно работали теперь большевики, склонитъ ихъ въ сторону защиты Дона и смететъ съ лица земли красную нечисть.

Предложеніе Голубова показалось Богаевскому заманчивымъ.

Къ тому времени боеспособность большевистскихъ полчищъ на Дону выяснилась вполнѣ.

Чернецовъ мечталъ имѣть въ своемъ распоряженіи еще только одинъ хорошій казачій полкъ прежняго боевого состава и отъ воровскихъ разбойничьихъ красныхъ бандъ на территоріи Дона осталось бы только одно воспоминаніе.

Проницательный и умный Калединъ усомнился въ искреннемъ раскаяніи буйнаго и мятежнаго войскового старшины, но своего нареченнаго «сына» Митрофана Богаевскаго сердечно любилъ и считалъ его болѣе способнымъ разбираться въ сложной политической обстановкѣ того смутнаго времени, чѣмъ онъ самъ.

Калединъ послушался Богаевскаго и Агѣева и подписалъ приказъ объ освобожденіи Голубова.

Донскіе «златоусты» погубили Донъ.

Голубовъ обманулъ и Богаевскаго, и Каледина.

Не теряя ни одной минуты, онъ пріѣхалъ въ мѣста расположенія 10-го, 27-го и 44-го донскихъ боевыхъ конныхъ полковъ, на большевистскія деньги устроилъ имъ угощеніе и перепоивъ казаковъ, на митингахъ въ зажигательныхъ рѣчахъ призывалъ ихъ встать на сторону «тру-

дового» казачества противъ войскового атамана и правительства, которые дали пріютъ народнымъ «угнетателямъ» и «кровопійцамъ» — генераламъ, офицерамъ, панамъ, заводчикамъ и фабрикантамъ.

Самъ Голубовъ мечталъ обмануть и большевиковъ. Большевики ему нужны были только для того, чтобы при ихъ помощи свергнуть власть войскового атамана и правительства. Въ его пьяной головѣ рисовались иныя перспективы. Онъ хотѣлъ повторить времена Разина, Булавина, Пугачева.

Ему хотѣлось власти, крови, разгула, золота и чувственныхъ наслажденій.

Чаша роковыхъ вѣсовъ склонилась въ большевистскую сторону.

Казаки пошли за Голубовымъ.

Между тѣмъ, никогда еще звѣзда молодого вождя не возносилась такъ высоко и не блистала такъ ярко, какъ въ эти послѣдніе дни, когда подползала измѣна.

Чернецовъ 17-го января послѣ блестящихъ побѣдъ отнялъ у большевиковъ станицу Каменскую, 18-го станцію Глубокую — важные стратегическіе пункты, въ слѣдующіе дни рядомъ комбинированныхъ и стремительныхъ ударовъ нанесъ краснымъ рѣшительное пораженіе въ Донецкомъ бассейнѣ. Молодой вождь и его юноши въ геройствѣ и жертвенности превзошли себя.

За эти подвиги Чернецовъ былъ по телеграфу поздравленъ Калединымъ съ производствомъ въ чинъ полковника.

22-го января Чернецовъ съ небольшой кучкой своихъ партизанъ, отдѣлившись отъ главнаго отряда, зашелъ въ тылъ къ краснымъ и окончательно разгромилъ ихъ.

Путь за Донецъ у него былъ очищенъ.

Ни одной организованной красной части не было передъ нимъ.

Донъ былъ наканунѣ полнаго освобожденія отъ большевиковъ со стороны Воронежа.

Но раненый въ ногу герой съ 34 своими сподвижниками былъ неожиданно окруженъ нѣсколькими конными сотнями казаковъ подъ начальствомъ войскового старшины Голубова и подхорунжаго Подтелкова — тупого, полуграмотнаго казака.

Казаки вышли изъ своего нейтралитета и это было ихъ первое выступленіе на сторонѣ красныхъ.

Въ главномъ отрядѣ чернецовцевъ, сосредоточенномъ на одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій, ждали Чернецова согласно его приказа вечеромъ того же дня.

Но ни вечеромъ, ни ночью онъ не возвратился.

Всѣ его подчиненные привыкли къ пунктуальной точности своего вождя.

Отсутствіе отъ него вѣстей повергло всѣхъ его соратниковъ въ великое смятеніе.

Только утромъ и среди дня 23-го января по-одиночкѣ и группами стали присоединяться къ главному отряду тѣ изъ партизанъ, которые находились въ экспедиціи съ самимъ Чернецовымъ.

Они принесли ужасную вѣсть.

Они разсказали, что раненый герой, неожиданно окруженный мятежными казаками, видя, что попалъ въ ловушку и что сопротивленіе безполезно, рѣшительно заявилъ, что разъ дѣло дошло до того, что сами казаки возстали противъ своего родного Тихаго Дона, противъ своихъ отцовъ, противъ своего выборнаго атамана, т. е. противъ самихъ себя, то онъ складываетъ оружіе. Дѣло проиграно и Донъ погибъ отъ руки своихъ сыновъ. Большевики, руководимые жидами, сотрутъ казачество съ лица земли. Проливать родную казачью кровь онъ не можетъ, да и безполезно, это противно его совѣсти.

Начались переговоры, въ результатѣ которыхъ Чернецовъ сдался казакамъ безъ боя со всѣми находившимися при немъ сподвижниками на условіяхъ полной неприкосновенности плѣнныхъ.

Тутъ же на клочкѣ бумажки карандашемъ наскоро написали договоръ и обѣ стороны скрѣпивъ его своими подписями, переслали донскому атаману.

Такъ какъ раненый Чернецовъ идти не могъ, то его посадили на лошадь и онъ поѣхалъ впереди всѣхъ рядомъ съ огромнымъ Подтелковымъ.

Тутъ между ними произошелъ какой-то короткій разговоръ.

Безоружный Чернецовъ ударилъ Подтелкова кулакомъ по лицу и крикнувъ партизанамъ: «измѣна! Спасайся, кто можетъ!» пришпорилъ коня.

Темнѣло.

Партизаны разбѣжались.

Видимо, казаки, еще колебавшіеся и не успѣвшіе озвѣрѣть, сами дали имъ возможность спастись.

Одни изъ партизанъ говорили, что Чернецовъ успѣлъ ускакать и скрыться, но Волошиновъ и Павловъ утверждали противное.

— Я видѣлъ, — разсказывалъ Волошиновъ въ кругу столпившихся около него офицеровъ и партизанъ, — какъ поскакалъ полковникъ. Послѣ его крика: «измѣна! Спасайся, кто можетъ!» я бросился впередъ и вправо, потому что я еще раньше замѣтилъ по правую руку балочку. Думка-то улизнуть была. Казаковъ знаю. Сами-то они насъ не тронули бы, но могли выдать краснымъ. А ужъ тамъ каюкъ. Подъ полковникомъ лошаденка была шустрая, но маленькая, обыкновенная казачья. Должно быть, нарочно такую дали, чтобы не ускакалъ. А подъ Подтелковымъ отличный, гнѣдой полукровокъ... Онъ выхватилъ изъ ноженъ шашку и съ страшными ругательствами погнался за полковникомъ. Полковникъ пригнулся къ самой гривѣ коня и оглядывался черезъ плечо. Я, какъ сейчасъ, это вижу, потому что ѣхали они впереди меня ну шагахъ семи-осьми. У меня сердце замерло. Я хотѣлъ тогда броситься на Подтелкова, да что же я пѣшій могъ сдѣлать?! Будь у меня въ рукахъ винтовка, я ссадилъ бы его съ коня. Что бы ужъ потомъ со мной было, это другое дѣло... Потомъ Подтелковъ быстро догналъ полковника и рубанулъ шашкой. Я видѣлъ, какъ полковникъ кубаремъ свалился на землю, а его конь поскакалъ дальше и я слышалъ, какъ казаки бросились впередъ и около меня загалдѣли: «ловко рубанулъ! Сразу на смерть и не пикнулъ!»

— Можетъ быть, на наше счастье онъ еще остался живъ?.. въ видѣ полувопроса замѣтилъ сотникъ Калмыковъ.

И безъ того смуглый, съ черными, какъ смоль, волосами, съ восточнымъ типомъ лица, теперь онъ совсѣмъ потемнѣлъ.

Теребя пальцами и кусая свои черные, молодые усы, онъ пытливымъ, встревоженнымъ окомъ уставился въ лицо разсказчика, желая услышать отъ него хоть слово надежды.

— Не знаю. Дай Богъ. Только едва-ли...

— А какъ же вы-то всѣ спаслись? допрашивалъ поручикъ Клушинъ.

— Тутъ какая-то каша вышла... продолжалъ свой разсказъ Волошиновъ. — Казаки всѣ гурьбой поскакали. Должно быть, они хотѣли насъ выпустить. Вѣдь никого не тронули, а могли всѣхъ въ капусту перекрошить. Я вижу — меня со всѣхъ сторонъ стиснули конные. «Ну, думаю, кончено, пропалъ». Слышу надъ ухомъ голосъ: «Валя, да это ты, што-ля?» Гляжу, — съ коня наклонился къ самому моему лицу казакъ и прямо ѣстъ меня глазами. Лицо знакомое. «Да кто вы?» спрашиваю. «Гля, да рази не узнали? Станишникъ твой, Гуровъ Хведосей. Ху, да што сады у насъ рядомъ». Всматриваюсь — нашъ, цымлянскій и около насъ цѣлая гурьба казаковъ и всѣ таращутъ на насъ глаза. Гуровъ, какъ-будто поправляется на конѣ, еще ниже наклонился и шепчетъ: «Бягите скорѣича, покуля время есть, а то опамятуются — бяды, какъ бы дурное што не вышло. Вотъ суды»... А самъ держится за спутлище, какъ будто поправляетъ стремя и киваетъ мнѣ головой направо, загородилъ меня конемъ и сторонкой-сторонкой выперъ изъ толпы. «Ну, таперича бяги да не оглядывайся». «Да ты-то зачѣмъ съ ними?» не утерпѣлъ я. Онъ безнадежно махнулъ рукой. «Такая ужъ планида вышла. Мы таперича на митинкахъ этихъ самыхъ поряшили противъ атамана, противъ всѣхъ ахвицерьевъ и противъ пановъ. Замордовали насъ. Совсѣмъ мозги свихнулись. Нечего не понимаемъ. Ну бяги, бяги скорѣича»... Я и побѣжалъ...

— Васъ вотъ спасъ казакъ... Можетъ быть, Богъ дастъ, найдется добрая душа, спасетъ нашего полковника... съ подавленнымъ вздохомъ замѣтилъ напряженно слушавшій разсказъ Волошинова сотникъ Калмыковъ.

— Дай то Богъ, а то бѣда, замѣтилъ Клушинъ.

— Если сразу до смерти не зарубилъ его Подтелковъ, то казаки ужъ потомъ не дадутъ его дорубить, — высказывалъ вслухъ свои соображенія Калмыковъ. — Все-таки свои, а не эта проклятая красная мразь.

— Ну какой надо нанести ударъ, чтобы сразу до смерти убить человѣка?! обмолвился Клушинъ.

Никто изъ партизанъ не хотѣлъ вѣрить въ смерть героя и каждый въ умѣ своемъ подыскивалъ всякія счастливыя случайности, которыя могли бы спасти ихъ вождя.

На другой день разнеслась молва, что Чернецовъ живъ, скрывшись въ одномъ степномъ хуторѣ, лечится отъ ранъ и скоро снова появится передъ своимъ отрядомъ.

Всѣ хотѣли этому вѣрить и съ тоской и тревогой нѣсколько дней подрядъ тщетно ждали его появленія.

XVII.

Остались чернецовцы, готовые драться, побѣждать и умирать, но Чернецова не было во главѣ ихъ и все измѣнилось.

Храбрый, толковый офицеръ принялъ командованіе надъ ними, но сразу почувствовалось, что вмѣстѣ съ душой героя отъ отряда отлетѣла какая-то большая всеопекающая и вдохновляющая сила, исчезъ все тонко взвѣшивающій и искусно комбинирующій разумъ, погасъ тотъ животворящій духъ, который всѣ дѣйствія чернецовцевъ претворялъ въ неизмѣнный успѣхъ, въ легендарныя побѣды.

Со смертью Чернецова и боевая обстановка сильно измѣнилась къ худшему: большевики обнаглѣли и стали усиленно скопляться въ разныхъ пунктахъ, а красные казаки приняли опредѣленно угрожающее положеніе.

Многіе партизаны, почувствовавъ безнадежность борьбы, стали исчезать изъ отряда.

Чернецовская дружина таяла.

— Плохи наши дѣла, братцы, — сказалъ какъ-то Волошиновъ, со смерти Чернецова все время угрюмо молчавшій. — Совсѣмъ плохи. Руки отваливаются. Гляди, попятимся мы, какъ раки, назадъ. Безъ полковника не удержать намъ фронта. Кончено. Пропало, все пропало. Сдадимъ и Новочеркасскъ, и Ростовъ, выпрутъ они насъ, на зиму глядя, въ Сальскія степи на подножный кормъ. И все это чига*) проклятая надѣлала...

Ни Дукмасовъ, ни Юрочка ничего не отвѣтили.

Чувствовали они и по себѣ, видѣли и по лицамъ своихъ товарищей, что всѣ они — не тѣ, кѣмъ были.

Даже Витя теперь меньше обычнаго смѣялся и сейчасъ большими, растерянными глазами смотрѣлъ на Волошинова.

— Развѣ только вотъ Витя выручитъ, — сказалъ съ печальной усмѣшкой Волошиновъ. — Одна надежда на

*) Чига — кличка донскихъ казаковъ.

тебя, Витя. Больше не на кого. Покажи геройство. Выпрутъ насъ отсюда? Какъ думаешь?

Витя потупилъ въ землю глаза, теребя маленькими, покраснѣвшими пальцами погонъ своей винтовки.

Видно было, какъ отъ скорби и волненія часто вздымалась и опускалась дѣтская грудь мальчика.

— Богъ знаетъ,.— серьезно отвѣтилъ онъ. — Можетъ еще и удержимся. Я почемъ знаю... Какъ Богъ...

Мятежные казаки еще не дрались съ партизанами, но уже открыто группировались въ станицахъ подъ бокомъ у Новочеркасска, явно угрожая своему областному городу.

Новыя красныя банды напирали на Звѣрево со стороны Дебальцева и на Лихую отъ Царицына.

Всѣ рабочіе, всѣ желѣзнодорожники вооружились и шпіонажемъ, порчей путей, стрѣльбой въ тылъ войскамъ всячески помогали большевикамъ.

Наконецъ, само убогое Донское правительство, по настоянію провокатора Агѣева на половину составленное изъ иногороднихъ, въ своемъ попугайскомъ стремленіи къ углубленію революціи настойчиво требовало отъ Войскового Атамана отмѣны военныхъ положеній въ охваченныхъ открытымъ бунтомъ городахъ и рабочихъ поселкахъ.

Многочисленныя полчища красныхъ давили со всѣхъ сторонъ на кучку защитниковъ государственности, еще больше враговъ оказалось внутри.

Чернецовцы и партизанскіе отряды иныхъ наименованій, боясь быть отрѣзанными отъ своей единственной базы, съ боемъ отступали по линіи желѣзной дороги къ Новочеркасску.

Подъ Таганрогомъ небольшія дружины добровольцевъ, состоявшія изъ молодыхъ кадровыхъ офицеровъ подъ командой героя Маркова дрались, какъ львы, противъ подавляющихъ красныхъ силъ и медленно, но вѣрно истекали кровью. А при ихъ отступленіи на Ростовъ имъ въ тылъ стрѣляли казаки Гниловской станицы, т. е. тѣ самые казаки, жилища и жизнь которыхъ защищали эти русскіе мученики и страстотерпцы.

Чувствовалось, что дѣло защитниковъ государственности окончательно проиграно.

Дни стояли непогожіе и сумрачные.

По утрамъ и Новочеркасскъ,и вся степь оковывались черной гололедицей, среди дня перепадалъ снѣжокъ и тутъ же таялъ. Наконецъ, пошли безперерывные дожди.

Городъ заволокло промозглымъ, тусклымъ туманомъ. Съ неба, съ деревьевъ и съ крышъ лилась вода. Со степи поднялся сильный, порывистый вѣтеръ. Жалобно и тоскливо скрипѣли и стонали мокрыя деревья Александровскаго сада позади Атаманскаго дворца. Вѣтеръ съ завываніемъ и шумомъ ожесточенно трепалъ ихъ вѣтви и свисталъ въ оголенныхъ вершинахъ. Таинственно звенѣли многочисленныя телеграфныя и телефонныя проволоки; зловѣще и жутко гудѣли столбы. На Дворцовой улицѣ у дома Атамана по цѣлымъ ночамъ надрывались отъ безпрерывнаго, протяжнаго воя собаки, чуя приближеніе страшной бѣды.

Земля отъ безпрерывныхъ дождей раскисала.

На всемъ лежала печать унынія, обреченности, безнадежности и тоски.

Прошла всего одна недѣля послѣ смерти Чернецова и выяснилось, что въ рукахъ Атамана вся наличная боевая сила Дона выражалась въ количествѣ 147 партизанскихъ штыковъ.

Большевики пододвинулись къ Новочеркасску почти вплотную.

29-го января среди дня Атаманъ Калединъ собралъ въ дворцѣ Донское правительство, въ краткой, спокойной рѣчи изложилъ безнадежное положеніе защиты Новочеркасска, сложилъ съ себя атаманскія полномочія, предложивъ своимъ соправителямъ послѣдовать его примѣру.

Тѣ повиновались.

Въ два часа всѣ разошлись изъ дворца, растерянные и смятенные.

У Войскового штаба съ утра стояли осѣдланныя лошади. Вокругъ нихъ толпились взволнованные вооруженные офицеры.

Это былъ конвой, добровольно сформировавшійся съ цѣлью взять Атамана и хотя бы силою вывезти его изъ Новочеркасска въ безопасное мѣсто.

Атаманъ зналъ о замыслахъ его приближенныхъ и офицеровъ.

Въ 2½ часа дня по Новочеркасску пронеслась страшная молва, что атамана не стало.

Калединъ покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ револьвера въ сердце.

Утомленный непосильной борьбою орелъ, измѣнически всѣми оставленный, умеръ, какъ подобаетъ царственной птицѣ. Онъ отвергъ предложенное ему спасеніе жизни и самъ выклевалъ собственное сердце, дабы оно не досталось на растерзаніе гнуснымъ воронамъ.

Началась мрачная агонія областного города.

Иногородняя дума, къ которой перешла власть, зва*ла и ждала* большевиковъ съ хлѣбомъ-солью.

Новочеркасская станица, т. е. исключительно казаки, рѣшила защищать городъ.

Вечеромъ того же дня, въ который покончилъ земные счеты Калединъ, многолюдное собраніе казаковъ въ зданіи Новочеркасскаго станичнаго правленія выбрало войсковымъ атаманомъ молодого, храбраго генерала Назарова.

Ростовъ палъ 9-го февраля и Добровольческая армія, возглавляемая генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ, въ тотъ же день перешла на лѣвый берегъ Дона въ степи.

Новочеркасскъ сдался мятежнымъ казакамъ 12-го февраля. Донская армія пошла вслѣдъ за добровольцами.

Остатки чернецовскаго отряда не пожелали служить въ Донской арміи, возглавляемой никогда не нюхавшимъ пороха генераломъ Поповымъ съ его подозрительнымъ начальникомъ штаба соціалистомъ—Сидоринымъ и перешла подъ команду героя Корнилова.

Юрочка только мимоѣздомъ успѣлъ забѣжать въ Новочеркасскѣ къ дядѣ.

Онъ подбѣгалъ къ знакомому домику съ безнадежнымъ, трепещущимъ сердцемъ.

Квартиру онъ нашелъ запертой.

Живший во дворѣ портной, замѣнявшій собою и швейцара, и дворника, заявилъ юношѣ, что о матери его не получено никакихъ извѣстій, а дядя съ семьей бѣжалъ на Кавказъ.

— Теперь всѣ паны разбѣжались, — прищуривая свои осоловѣлые, довольные глазки и показывая гнилые зубы на испитомъ лицѣ, съ игривымъ нахальствомъ сказалъ портной. — Теперь, што не видно, наши пожалуютъ. То-то будетъ разлюли-малина...

И онъ отъ предвкушенія близкаго благополучія вздернулъ тощими плечами, размахнулъ руками и попы-

тался выкинуть какое-то колѣнце своими дряблыми, вывернутыми въ дугу, ногами.

У опечаленнаго, обезкураженнаго Юрочки вдругъ вспыхнули глаза.

Привычнымъ движеніемъ онъ схватилъ винтовку, висѣвшую у него на ремнѣ и тутъ только опомнился, что имѣетъ дѣло съ пьянымъ, безоружнымъ негодяемъ.

— Заткни фонтанъ, скотина, иначе пикнуть не успѣешь. На мѣстѣ положу.

Портной поблѣднѣлъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и откинулся назадъ съ удивленными и испуганными глазами.

Юрочка повернулся и съ упавшимъ сердцемъ зашагалъ къ вокзалу, около котораго на путяхъ стоялъ чернецовскій эшелонъ. «Нѣтъ мамы,—думалъ онъ, — Никогда уже я ее не увижу... и сестренокъ не увижу. Господи, спаси и помоги имъ!»

XVIII.

Начался знаменитый въ исторіи зимній походъ Добровольческой арміи на Кубань.

Состояла она главнымъ образомъ изъ великихъ мучениковъ и страстотерпцевъ нашего смраднаго бунта — офицеровъ бывшей великой русской арміи, изъ несчастной учащейся молодежи и изъ незначительнаго количества кадровыхъ солдатъ и донскихъ казаковъ, головы которыхъ не помутились отъ повальнаго всероссійскаго безумія и подлости.

Въ своихъ рядахъ эта армія едва ли насчитывала двѣ съ половиной тысячи бойцовъ. Велъ ее герой Корниловъ.

Первоначально вожди Добровольческой арміи и вожди Донской арміи походнаго атамана Попова согласились идти вмѣстѣ въ Сольскій округъ на донскіе коннозаводческіе зимовники, гдѣ имѣлись колоссальные запасы провіанта, фуража и лошадей и переждать тамъ до лучшихъ временъ, пока не опомнятся отъ большевистскаго угара донскіе казаки и не возьмутся за оружіе, но уже въ станицѣ Кагальницкой выяснилось, что дороги двухъ армій расходятся.

Донцы дѣйствительно ушли въ Сальскія и Манычскія степи, а вожди Добровольческой арміи, получившіе

неоправдавшіяся потомъ на дѣлѣ свѣдѣнія, что все кубанское казачество готово съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ большевистскаго ига, повернули свою армію на Кубань.

Вооружена армія была недостаточно, снабжена скудно, населеніе глядѣло на нее косо.

Изъ Ростова армія вывезла съ собой только 6 орудій и тысячу снарядовъ, запасъ патроновъ былъ незначительный. За то хвостъ арміи былъ колоссальный. Въ противоположность походному атаману Попову, бросившему на растерзаніе большевиковъ всѣхъ своихъ раненыхъ въ Новочеркасскѣ, генералъ Корниловъ забралъ изъ Ростова всѣхъ своихъ больныхъ и искалѣченныхъ бойцовъ, ни одного не оставивъ на поруганіе безпощадному врагу.

Кромѣ того, за арміей потянулись семьи офицеровъ и тысячи повозокъ гражданскихъ бѣженцевъ, тѣхъ, которые, спасаясь отъ большевистскихъ неистовствъ, кочевали съ бѣлыми арміями съ сѣвера Россіи до Дона.

Обозъ растягивался болѣе, чѣмъ на десять верстъ. Переформированіе арміи совершалось уже на походѣ. Чернецовцы влились въ партизанскую бригаду генерала Богаевскаго.

Всѣ они держались кучкой, въ одной ротѣ.

Необычайную картину представляло собой шествіе Добровольческой Арміи.

По ровной неоглядной степи, едва прикрытой бѣлымъ снѣгомъ, тающимъ подъ дѣйствіемъ лучей февральскаго солнца, пѣшкомъ впереди всѣхъ въ своей сѣрой, длинной шубѣ, въ высокой сѣрой папахѣ съ шашкой при боку и палкой въ рукѣ, шлепая по грязи, шелъ самъ Корниловъ. За нимъ въ косматыхъ шапкахъ, въ своемъ пестромъ одѣяніи, конная кучка немногочисленнаго текинскаго конвоя, съ молодымъ красавцемъ Ханомъ Хаджіевымъ во главѣ. Большое трехцвѣтное полотнище россійскаго національнаго флага—единственнаго въ то время во всей опоганенной русской землѣ, на длинномъ древкѣ несли не чисто русскіе люди, а текинцы.

За ними, блестя на солнцѣ штыками, жидкими, но стройными рядами, шли офицерскіе полки генерала Маркова или партизаны Богаевскаго.

Молодые голоса мелодично и стройно пѣли сложенную уже на походѣ свою грустную богатырскую пѣсню:

«Дружно, Корниловцы, въ ногу!
«Съ нами Корниловъ идетъ.
«Спасетъ, онъ, повѣрьте, отчизну,
«Не выдастъ онъ русскій народъ!

«Корнилова носимъ мы имя,
«Послужимъ же честно ему,
«Доблестью нашей поможемъ
«Спасти отъ позора страну!»

Пока армія проходила по южнымъ степнымъ станицамъ, ее донимала только невылазная грязь наступившей распутицы.

Ростовскіе большевики не могли преслѣдовать ее. Была только одна короткая стычка съ ними подъ Хомутовской станицей.

Нѣсколькими пушечными выстрѣлами добровольцы разсѣяли преслѣдовавшихъ.

Донское казачье населеніе въ общемъ относилось къ гонимымъ пришельцамъ довольно благодушно, старики же явно сочувствовали Корнилову.

Фуража и ѣды было въ изобиліи; ночевки теплыя и довольно чистыя.

Одни только вкусившіе отъ плодовъ большевистской пропаганды фронтовики*), сбросившіе свои боевые доспѣхи и нарядившіеся въ бараньи тулупы, относились къ добровольцамъ иначе, чѣмъ ихъ болѣе мудрые и болѣе степенные отцы и дѣды.

Фронтовики, стоя на сухихъ крылечкахъ своихъ разноцвѣтно-выкрашенныхъ, нарядныхъ и опрятныхъ куреней, въ начищенныхъ до глянца сапогахъ и калошахъ, съ напомаженными чубами, сытые и довольные, что избавились отъ боевой страды, безпечно пощелкивали сѣмячки, при видѣ блѣдныхъ, истомленныхъ, оборванныхъ добровольцевъ, до колѣнъ утопавшихъ въ липкой черноземной грязи станичныхъ улицъ, перекидывались между собой ироническими замѣчаніями:

— Гля, гля, братцы, идуть кадети, худо одѣти. Ишо войскомъ прозываются, а всѣхъ въ одну горсть можно вобрать... —

— Ну, ну, господа ахвицерья, помясите грязь, поломайте теперича свои бѣлыя ножки, какъ насъ застав-

*) Казаки, возвратившіеся съ войны и разъѣхавшіеся изъ своихъ частей по домамъ.

ляли мясить. Што попробовали? Видно, не по нраву пришлось? Ишь, какъ имъ морды-то подвело? Ѣда-то теперича у васъ, гляди, не панская. Ничего, потярпите, какъ мы терпѣли. Теперича пришла очередь вамъ мордоваться, а мы за васъ попануемъ!

Чубатые «граждане», не желавшіе проливать «братской» крови большевиковъ и не подозрѣвали тогда, какъ горько, какими кровавыми слезами они смѣялись надъ самими собой, надъ своими горемычными, теперь почти сплошь истребленными, семьями, надъ своимъ достаткомъ, разграбленнымъ, размыканнымъ и пущеннымъ по вѣтру красными «братьями».

Красный дьяволъ во всю ширь разгулялся по неоглядным, благодатнымъ донскимъ полямъ, раскралъ, уничтожилъ и разграбилъ все безъ остатка. Соціалистъ углубилъ революцію до самаго дна, осуществилъ наглядно, полностью свои «завоеванія», какія ему только въ мечтахъ чудились! Цвѣтущую страну обратилъ въ пустыню.

Дымомъ пожаровъ окутались богатые, цвѣтущіе казачьи хутора и станицы; красный дьяволъ изнасиловалъ ихъ женъ, дочерей, сестеръ и невѣстъ, стариковъ разстрѣлялъ, беззащитныхъ дѣтей заморилъ голодомъ, холодомъ и истязаніями. Сами чубатые непротивленцы опомнились и взялись за оружіе да поздно! Теперь бѣлѣютъ ихъ косточки, разбросанныя по всей великой россійской равнинѣ, въ поляхъ Польши, въ степяхъ Дона и Кубани, въ горахъ Кавказа и Крыма, а немногіе оставшіеся въ живыхъ, голодные, раздѣтые, нищіе, безправные, изнываютъ по всей землѣ, подъ чужестраннымъ игомъ за колючей проволокой, или рабскимъ трудомъ добываютъ себѣ скудное пропитаніе, или съ оружіемъ въ рукахъ бьются за чужія блага на свою окончательную гибель.

Несравненные воины, гроза боевыхъ полей, они стали предметомъ безсовѣстной эксплоатаціи и своихъ доморощенныхъ торговцевъ кровью, и своихъ бывшихъ союзниковъ, и своихъ враговъ.

Тамъ, гдѣ испоконъ вѣковъ стояли привольные, богатые и веселые хутора и станицы, торчатъ однѣ обгорѣлыя, черныя печины и трубы. Степной вѣтеръ съ жалобнымъ воемъ развѣваетъ сѣрый пепелъ ихъ по зазаросшимъ чертополохомъ и бурьяномъ, недавно еще цвѣтущимъ нивамъ.

Онъ разсказываетъ возмутительную повѣсть о томъ, какъ предательски подло былъ обманутъ и истребленъ цѣлый соблазненный народъ. Какими невыразимыми муками, страданіями и издѣвательствами были наполнены послѣдніе дни его жизни. Но кому? Для чего? Тщетно! Нѣтъ у него слушателей. Страшенъ грѣхъ измѣны, но и невообразимо тяжка расплата!

Роскошные виноградные и фруктовые сады, какъ сплошной зеленой гирляндой, на сотни верстъ обрамлявшіе правый нагорный берегъ синеструйнаго Тихаго Дона, теперь погибли. Одичавшія свиньи, безхозяйная скотина, да трусливые зайцы топчутъ и объѣдаютъ ихъ благодатные чубуки и корни.

Тамъ нѣтъ уже прежняго красиваго, добраго, привѣтливаго, трудящагося и воинственнаго населенія.

Бородатые, алчные бродяги, съ злобными взглядами хищныхъ звѣрей, несмѣтной, всепожирающей саранчей нахлынувшіе со всѣхъ концовъ разоренной, одичавшей Россіи, захватили уцѣлѣвшія отъ разгрома и пожарищъ жилища, растащили послѣднее достояніе, истребили женъ и дѣтей исконныхъ хозяевъ и за остатки награбленнаго, подобно папуасамъ, ведутъ между собой безпрерывную войну.

Тамъ, гдѣ въ теченіи вѣковъ кипѣла боевая и трудовая жизнь, гдѣ раздавались стройныя, лихія, богатырскія казачьи пѣсни, теперь стонетъ воздухъ отъ мерзкой ругани и разухабистой, пьяной, поганой частушки.

Тамъ на пустынномъ пепелищѣ еще недавно цвѣтущей, красивой, теперь разгромленной и поруганной жизни, пляшетъ свой безобразный танецъ смерти, сейчасъ торжествующій, но обреченный, нищій, пьяный бездѣльникъ — демократъ.

До перваго пограничнаго села Ставропольской губерніи — Лежанки, Добровольческая армія прошла, не тревожимая большевиками.

У Лежанки произошелъ первый большой бой, длившійся нѣсколько часовъ подрядъ.

Противъ добровольцевъ выступила здѣсь 39-ая пѣхотная дивизія, самовольно перешедшая сюда на кормежку съ развалившагося Кавказскаго фронта. Къ нимъ пристали почти поголовно выступившіе противъ «кадетовъ» мужики окрестныхъ селъ, главнымъ образомъ изъ запасныхъ солдатъ.

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОНУ“ У Львові

Какъ на парадѣ, стройными рядами, почти безъ выстрѣла бросившіеся въ аттаку добровольцы въ рукопашномъ бою нанесли страшное пораженіе краснымъ.

На полѣ битвы осталось 587 большевистскихъ труповъ, не считая раненыхъ. У добровольцевъ оказалось двое убитыхъ и человѣкъ семнадцать раненыхъ.

Послѣ такого кроваваго урока, даннаго добровольцами своимъ врагамъ, крошечная армія нѣсколько дней двигалась безпрепятственно.

Но это было затишье передъ бурей.

Большевики въ ужасѣ разбѣгались передъ добровольцами, но ихъ вожди сосредоточивали новыя, громадныя силы въ станицахъ и селахъ въ надеждѣ преградить маленькой арміи путь къ Екатеринодару, окружить ее со всѣхъ сторонъ и полагаясь на свою подавляющую численность и изобильное вооруженіе, совершенно стереть ее съ лица земли.

XIX.

Была темная ночь.

Холодный, пронизывающій вѣтеръ гулялъ въ голой, плоской степи.

Черныя, тяжелыя, разорванныя тучи, поминутно мѣняя свои очертанія, неслись по темному небу, то совершенно заволакивая его, то оставляя просвѣты, въ которые вдругъ робко блеснутъ двѣ-три звѣздочки, чтобы черезъ секунду - другую скрыться.

Степь въ эту пору была безлюдна, молчалива, угрюма и угрожающа своей непріютной пустынностью.

Только въ одномъ мѣстѣ, у самаго еле сѣрѣвшаго въ темнотѣ шляха, вокругъ одного телеграфнаго столба шевелилось нѣсколько человѣческихъ фигуръ.

Всѣ эти люди бодрствовали, всѣ держали винтовки въ рукахъ и полушопотомъ вели отрывистый разговоръ.

Рядомъ съ этой кучкой прямо на подмерзлой холодной землѣ лежало вповалку, плотно прижавшись другъ къ другу, нѣсколько чековѣкъ, которыхъ трудно было отличить отъ земли.

Они спали тяжелымъ, мертвымъ сномъ въ конецъ усталыхъ людей.

Это была одна изъ партизанскихъ заставъ, охранявшихъ безопасность Добровольческой арміи, за нѣсколько верстъ выдвинутая отъ станицы, въ которой ночевали главныя силы и обозъ.

Надъ головами партизанъ вѣтеръ рвалъ и трепалъ обледенѣлыя телеграфныя проволоки, и онѣ заливисто свистѣли и звенѣли.

Толстый столбъ нудно тянулъ свою однотонную гудящую басовую ноту.

Кругомъ было такъ черно и плоско, что едва можно было отличить черту горизонта отъ неба.

Прямо непосредственно передъ заставой начиналась глубокая балка, на днѣ которой и у обочинъ ея цѣлыми полосами, на подобіе разметаннаго вѣтромъ бѣлья, кое-гдѣ виднѣлся уцѣлѣвшій снѣгъ.

Вдали за балкой въ темнотѣ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга еле-еле маячили фигуры двухъ часовыхъ, которыхъ отсюда могъ замѣтить только опытный зоркій глазъ того, кто разставлялъ ихъ по мѣстамъ.

Нельзя было зажигать огня, нельзя было курить, нечѣмъ было позабавиться.

Полураздѣтые юноши дрожали отъ холода, но такое состояніе было имъ привычно.

Они поеживались, бѣгали, засовывая въ рукава дервенѣвшія отъ холода руки и колотя нога объ ногу.

— Холодно, чортъ возьми! — проворчалъ Волошиновъ, какъ нахохлившійся индюкъ, сидѣвшій на корточкахъ, прислонясь широкой спиной къ телеграфному столбу и поднявшись на ноги, началъ отряхиваться. — Скверно, братцы, воевать въ такую зиму. То холодъ, то дождь и этотъ постоянный вѣтеръ... Чортъ знаетъ, что такое...

Онъ выпрямился во весь свой гигантскій ростъ и закинувъ руки за голову, потянулся всѣмъ своимъ гибкимъ, сильнымъ тѣломъ.

— А вы садитесь ко мнѣ. У меня тутъ соломка! послышался дѣтскій голосокъ и говорящій пошевелился, чтобы подняться на ноги.

— Нѣтъ, Витя, лежи. Я не хочу. Я думалъ, что ты спишь.

— Спать нельзя... — серьезно промолвилъ мальчикъ. — по уставу не полагается. Я, чтобы не заснуть, слѣдилъ

за звѣздочками. Онѣ совсѣмъ, какъ глазки, моргаютъ, то покажутся, то схоронятся...

Онъ сѣлъ и засмѣялся своимъ разсыпчатымъ, серебристымъ смѣхомъ.

— Да садитесь, — снова обратился онъ къ Волошинову. — Тутъ хватитъ мѣста.

Волошиновъ оглядѣлся и раструсивъ руками солому, сѣлъ на нее рядомъ съ Витей.

— Сколько у тебя тутъ соломы! Откуда ты ее набралъ?

Витя разсмѣялся.

Смѣхъ его былъ не тотъ, что на Дону. Онъ былъ не такъ звонокъ и свѣжъ. Въ немъ чувствовались утомленіе и слабость.

— А я у нашего хозяина цѣлую охапку изъ стога надергалъ и принесъ сюда, отвѣтилъ онъ.

— Вотъ бы ее поджечь, да хоть немного погрѣться. Холодъ собачій. Ни ногъ, ни рукъ не чувствуешь... замѣтилъ Юрочка, стоявшій, засунувъ руки въ карманы и тихонько выбивая по затянутой морозной коркой землѣ носками и каблуками.

— Хорошо бы, да нельзя. Тутъ бы такой сполохъ поднялся, что святыхъ вонъ выноси. А когда же, Витя, домой, а? спросилъ Волошиновъ.

— Это когда Богъ дастъ, — переставъ смѣяться, отвѣтилъ мальчикъ и помолчавъ, добавилъ: — кому домой, а у меня, все равно, своего дома нѣтъ. Большевики разорили... Некуда мнѣ...

Съ тѣхъ поръ, какъ чернецовцы перешли въ Добровольческую армію, собственной кухни у нихъ не было и Витя наравнѣ съ другими старательно несъ свою тяжелую службу въ боевыхъ рядахъ.

— И зачѣмъ, Витя, пошелъ ты съ нами въ походъ? спросилъ Волошиновъ.

— А вы всѣ зачѣмъ? переспросилъ мальчикъ.

— Намъ нельзя было оставаться. Съ насъ бы кожу содрали. Такъ ужъ лучше умереть въ честномъ бою, чѣмъ попадаться въ руки этимъ подлюкамъ...

— А съ меня бы не содрали?

— Ты — маленькій. Про тебя не узнали бы, что ты въ партизанахъ былъ.

— Узнали бы. Нашлись бы такіе добрые люди, донесли бы... Да мнѣ и оставаться негдѣ было. Да я бы

и не остался! — рѣшительно заявилъ мальчикъ.— Чего мнѣ тамъ оставаться?

— Витя, ты — сирота? спросилъ Юрочка.

— Кто же изъ насъ теперь не сирота?! Большевики почти всѣхъ насъ оставили сиротами. У него отца съ матерью убили, отвѣтилъ за него Волошиновъ.

— Гдѣ?

— Да у насъ на хуторѣ, отвѣтилъ Витя, совсѣмъ переставъ улыбаться.

— Кто же убилъ?

— А я почемъ знаю?! Я въ корпусѣ былъ. Говорятъ, пріѣхали какіе-то жиды не жиды, кто ихъ знаетъ... митинги устроили около насъ въ хохлацкомъ хуторѣ...

— Это гдѣ же?

— А въ Таганрогскомъ округѣ. Мужики напились пьяные, папашу съ мамашей замучали, убили моего брата и сестру Олечку. Они совсѣмъ маленькіе были. И все чисто забрали. Говорятъ, на подводахъ увозили. Со всего села подводы. А село большое. Пшеницы, жита, ячменя сколько было, все забрали. А у папаши много было хлѣба, два большихъ амбара полные, имѣніе*) какое было, все чисто забрали... Много всего было. Скотину, лошадей, овецъ, птицу рѣзали... страсть, измывались. У насъ свой конный заводъ былъ. Папаша любилъ лошадей. Все забрали, все перевели, а домъ и дворъ начисто сожгли. А потомъ взяли и корпусъ въ Новочеркасскѣ закрыли. Что же мнѣ было дѣлать?! По чужимъ угламъ таскаться?! Я и пошелъ въ партизаны...

Всѣ помолчали. Каждый припоминалъ аналогичное тому, что только-что разсказалъ Витя. Всѣ эти юноши были изъ истребленныхъ русскихъ семействъ, разогнанные изъ разоренныхъ родныхъ пепелищъ.

— А вотъ, когда папаша мой былъ живъ, — снова заговорилъ Витя, — я, какъ себя сталъ помнить, слышалъ отъ него всегда одно: «помни, Витя, ты — казакъ, а это значитъ, что отъ рожденія до могилы ты долженъ быть вѣрнымъ и неизмѣннымъ слугой Царю и Отечеству. Служи имъ вѣрою и правдою, какъ наши отцы, дѣды и прадѣды служили и намъ служить приказывали. Онъ всегда мнѣ это твердилъ. Я вотъ выросъ и все это помню... вотъ и пошелъ въ партизаны...

— Это и мой отецъ говорилъ, сказалъ Волошиновъ.

*) Имѣніе—имущество (донской говоръ.)

— Всѣ отцы наши такъ говорили. Это казачій завѣтъ, какъ бы нерушимая присяга... Разъ нарушилъ, кончено, все пойдетъ прахомъ. Оно такъ и вышло... вздохнувъ, подтвердилъ Кастрюковъ, лежавшій опершись на локоть, около Вити.

— Да, Царя-то теперь нѣту, замѣтилъ Волошиновъ.

— Такъ что-же, что нѣту?! съ дѣтской запальчивостью возразилъ Витя.

— Тсс... Витя, не кричи! строго замѣтилъ Волошишиновъ.

— Такъ что-же?! — понижая голосъ до шопота, горячо продолжалъ Витя, вскакивая на колѣнки и поджимая подъ нихъ полы своего короткаго полушубочка.- А зачѣмъ они его смѣстили? Зачѣмъ? Вотъ отъ того-то и вся бѣда пошла, никому житья не стало, что Царя смѣстили. Кабы былъ Царь, никогда такого разбоя онъ не позволилъ бы. Никогда! А я за Царя!.. Умру за Царя... И все тутъ.

— Чего же теперь про Царя говорить, когда Его уже нѣтъ... тихо промолвилъ Волошиновъ.

— Все равно, будетъ, будетъ! — почти со слезами воскликнулъ Витя, ударяя своимъ маленькимъ кулакомъ по зедлѣ, — потому что... потому что безъ Царя нельзя!

Всѣ замолчали и задумались.

— Эхъ, курнуть бы! — со вздохомъ сказалъ Кастрюковъ. — И папиросы есть и спичками давеча въ станицѣ раздобылся...

— Нельзя. Надо терпѣть! — замѣтилъ Волошиновъ. — Знаешь, «терпи, казакъ, атаманомъ будешь». Мало ли чего хочется?! Я бы самъ такъ затянулся... Ты вотъ сказалъ, а у меня сразу ажъ подъ ложечкой засосало, а терплю. О чемъ ты думаешь, Юра?

Юрочка скакалъ на одной ногѣ, борясь съ донимавшимъ его холодомъ.

Послѣ обращенія къ нему Волошинова онъ присѣлъ сбоку своего товарища.

Одѣтъ онъ былъ довольно легко: грѣлъ его только недавно раздобытый имъ ватный жилетъ. Все остальное одѣяніе, состоявшее изъ старой шерстяной рубахи, холодной, потрепаной шинели, рваныхъ штановъ,а на ногахъ дырявыхъ ботинокъ съ заношенными обмотками, плохо держало теплоту.

Отъ пронизывающаго вѣтра особенно страдали его руки и ноги.

— А такъ ни о чемъ особенно...—отвѣтилъ онъ.— Видишь ли, я вотъ такъ часто думаю... не знаю, какъ бы это объяснить... Жизнь наша такая, что ужъ хуже нельзя и придумать...

Дукмасовъ и Кастрюковъ, отъ усталости готовые каждую минуту заснуть и мужественно боровшіеся съ дремотой, по тону и началу объясненій Юрочки почувствовавшіе что-то важное и имъ близкое, оба подвинулись къ нему.

— Да. Правда. Ужъ хуже и нельзя. Такая жизнь мнѣ никогда и во снѣ не снилась. Наше положеніе хуже положенія бродячихъ собакъ: отовсюду гонятъ, бьютъ. Негдѣ притулиться. И за что! Чѣмъ мы провинились? Что не хотимъ признать власть жида и хама? Вѣдь только и всего. Такъ неужели Господь Богъ создавалъ землю только для нихъ однихъ? А другіе для чего же родились? Вѣдь никто изъ насъ самъ не напрашивался родиться. Родили насъ помимо нашего желанія. Что же ты хотѣлъ сказать, Юра? спросилъ заинтересованный Волошиновъ, зорко всматриваясь въ темноту.

— Я такъ думаю,—продолжалъ Юрочка,—что теперь не промѣнялъ бы эту нашу отвратительную жизнь ни на какія горы золотыя у большевиковъ.

— О, я тебя понимаю, я самъ такъ часто думаю, особенно когда ужъ очень погано и жутко приходится. Вотъ живемъ мы подъ пулями и шрапнелями, въ постоянной опасности, терпимъ и голодъ, и холодъ, и вши эти проклятыя... Прямо самому себѣ иной разъ гадокъ становишься и думаешь, лучше бы ужъ поскорѣй укокошили, чѣмъ терпѣть всю эту пакость и муку. А съ другой стороны вотъ живетъ во мнѣ это сознаніе, что я-то правъ и мнѣ въ тысячу разъ лучше все это терпѣть, чѣмъ быть на сторонѣ этихъ подлыхъ гадюкъ-большевиковъ и пользоваться всѣми ихъ награбленными, презрѣнными благами жизни. По крайней мѣрѣ, сознаешь, что совѣсть твоя чиста, что стоишь ты за правое дѣло, за угнетенныхъ, ограбленныхъ, гонимыхъ, за несчастную, погубленную Родину...

— Вотъ, видишь... и я такъ думаю... вставилъ Юрочка.

— Да на самомъ дѣлѣ, вотъ эти отвратительныя вши, которыя ползаютъ по твоему тѣлу, и голодъ, и холодъ, и недосыпаніе, и что мокрый мѣсишь по дорогамъ грязь съ винтовкой за плечами до того, что ногъ не чувствуешь, право, иной разъ даже радуешься, испытываешь

какое - то счастіе, что всѣ эти муки переносишь не для одного себя, а за правду и за родину...

— Правда, вѣрно, подтверждали другіе партизаны.

— Ну и пусть другіе никогда это не узнаютъ, — продолжалъ Волошиновъ, — не оцѣнятъ того, что мы дѣлаемъ и что переносимъ, но вотъ это собственное сознаніе своей правоты даетъ и отраду, и силу перенести всѣ эти ужасы... Есть же справедливость на свѣтѣ. Не можетъ быть, чтобы ея не было. А разъ такъ, то значитъ, наша доля такая, что здѣсь, на землѣ, отмучаемся, а тамъ, на томъ свѣтѣ, Господь за муки наши грѣховъ сбавитъ...

— Да, намъ только этимъ и можно утѣшаться, больше нечѣмъ, серьезно замѣтилъ Кастрюковъ.

— А развѣ это мало, Кастрюковъ? — спросилъ Юрочка. — Вотъ, вотъ, Волошиновъ, и я также думаю...

— И я, отозвался Дукмасовъ.

— И чего они такъ взъѣлись, проклятые, точно бѣлены объѣлись? промолвилъ какъ - бы про себя Кастрюковъ.

Сидѣвшій у столба на корточкахъ, спина къ спинѣ съ Волошиновымъ и до сего времени молчавшій начальникъ заставы — прапорщикъ Нефедовъ неожиданно спросилъ:

— Это вы про большевиковъ?

— Да...

— Эхъ, господа, господа! — воскликнулъ онъ, вздохнувъ. — Молодо — зелено. Вы говорите, они взъѣлись? При чемъ эти пьяные, науськанные, тупые и развратные негодяи?! Они только исполнители чужой воли, пушечное мясо, которыхъ раздразнили клеветой и ложью и обольстили несбыточными посулами. Не они управляютъ событіями, они только являются ужаснымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. Хотя они — несомнѣнно звѣри, но сами по себѣ никогда не рѣшились бы на тѣ ужасы и пакости, которые творятъ теперь. Задумано это не ими. Тутъ надо искать иныхъ антрепренеровъ всероссійскаго разгрома... Конечно, ихъ тупость не можетъ служить имъ оправданіемъ. Всетаки они отлично понимаютъ, что убивать и грабить своихъ близкихъ есть великій грѣхъ и тяжкое преступленіе, какими бы «высокими» лозунгами такія дѣянія ни прикрывались. А потому съ ними надо биться на смерть, безпощадно, иначе эта зараза погубитъ не только насъ, но и всю Россію...

Всѣ прислушались, затаивъ дыханіе.

— Я догадываюсь, о комъ вы говорите, сказалъ Волошиновъ.

— Тутъ не долго догадаться. Говорю, конечно, о жидахъ. На такое страшное злодѣяніе, какъ уничтоженіе великой Россіи и истребленіе русскаго народа, т. е. разореніе десятковъ милліоновъ русскихъ семействъ, истребленіе невообразимаго количества людей могло дерзнуть только это Богомъ проклятое и отверженное племя. Задумано это ими широко, задумано всѣмъ міровымъ жидовствомъ вкупѣ, подготовлялось долгіе годы, а теперь только приводится въ исполненіе. Тутъ великая тайна, тутъ міровой злодѣйскій загадъ, который, къ несчастію, не скоро будетъ расшифрованъ христіанскими народами. Несчастіе Россіи — это только первый этапъ жидовской побѣды. Потомъ очередь дойдетъ и до другихъ народовъ. Помните, господа, что многіе изъ насъ не вернутся изъ этого похода, многіе сложатъ свои головы, но кто останется жить, пусть никогда не забываетъ, что врагъ нашъ и врагъ всего русскаго народа, при томъ врагъ кровожадный, непримиримый, подлый, ни передъ чѣмъ не останавливающійся — пархатый жидъ. И знайте, что врагъ этотъ страшно опасный и самый могущественный, потому что дѣйствуетъ онъ не своей силою, которой у него нѣтъ, а силами другихъ народовъ, искусно пользуясь ихъ тупостью, жадностью и недальновидностью. Сейчасъ долго было бы это объяснять вамъ. Поймете потомъ. А потому съ жидомъ должна быть безпощадная борьба, на истребленіе. Отнынѣ жить намъ вмѣстѣ съ жидомъ въ нашей родной Россіи нельзя: или они или мы, другого рѣшенія вопроса быть не можетъ. Это со временемъ поймутъ, къ этому рѣшенію придутъ, но пожалуй поздно, только тогда, когда жидъ будетъ полнымъ и безконтрольнымъ властелиномъ на русской землѣ. Вотъ чего я боюсь... Да и теперь кто ворочаетъ большевиками? Бронштейнъ, Апфельбаумъ, Цедербаумъ, Іоффе, темный по происхожденію Ленинъ-Ульяновъ и другіе жиды...

— Вотъ, вотъ! — горячо воскликнулъ Юрочка. — И я теперь все понимаю, господинъ прапорщикъ...

— Надо, чтобы всѣ это поняли, значительно добавилъ Нефедовъ и замолчалъ.

— Я тогда въ Москвѣ этого не понималъ, а за это время все передумалъ и знаю. Когда мы съ мамочкой искали по Москвѣ убитаго папу, насъ заставили таскаться по

всѣмъ этимъ проклятымъ застѣнкамъ, тюрьмамъ, по всѣмъ этимъ комиссаріатамъ и по прочей пакости... Куда только насъ не посылали?! Ужъ и не припомню всего да и глупъ я былъ. Чего только мы съ мамочкой не натерпѣлись, Господи?! даже вспомнить страшно... — Отъ волненія Юрочка говорилъ съ дрожью въ голосѣ. — И вездѣ, куда бы мы ни сунулись, жидъ на жидѣ сидѣлъ и жидомъ погонялъ. Всѣмъ они заправляли, всѣмъ распоряжались, всѣмъ приказывали. И злобные и нахальные такіе... Они и не думали скрывать, что надъ нами просто издѣвались. Прямо, какъ завоеватели какіе-то. Какой-нибудь пархатый жидъ хорохорится надъ тобой, кричитъ, топаетъ ногами... Этого я умирать буду — не забуду. А русскіе — всѣ эти красногвардейцы изъ солдатъ и рабочихъ были на черную работу только. Что жиды приказывали, то они и дѣлали...

— Глупое быдло, — вставилъ Нефедовъ. — Имъ только побольше жратва и позволь убивать и грабить и онъ весь твой.

— А какъ жиды издѣвались надъ моей мамочкой, Господи! И какъ я все это вынесъ тогда, ни одного изъ этихъ пархатыхъ не задушилъ, теперь бы я ни одной минуты не выдержалъ...

— Ну тебя живо бы къ «стѣнкѣ», безъ разговоровъ, и вывели бы въ расходъ... замѣтилъ Кастрюковъ, умудрившійся закурить и попыхивавшій въ рукавѣ папироской.

— Конечно, вывели бы въ расходъ. Я это отлично знаю, — спокойно отвѣтилъ Юрочка. — И чортъ съ ними. Мнѣ теперь все равно. Никому изъ насъ долго жить не придется. Сколькихъ изъ насъ поперебили. Много ли насъ осталось?! Я ко всему готовъ. Проживешь ли двадцать лѣтъ или одинъ день. Все равно, умирать когда-нибудь да надо.

— Да, заварили жиды кашу, — замѣтилъ Волошиновъ, — а расхлебывать-то насъ заставили...

— И не скоро расхлебаемъ, господа. Да и расхлебаемъ ли?! — ввернулъ Нефедовъ. — Господа, чья очередь въ сторожевку? Ваша, Кирѣевъ? — спросилъ онъ, поднеся къ самымъ глазамъ руку съ часами-браслетомъ. — Пора.

— Моя, отвѣтилъ Юрочка, поднимаясь съ земли и взбрасывая винтовку на плечо.

— И моя! поспѣшно заявилъ Витя.

Онъ вскочилъ съ соломы, поставилъ ружье къ ногѣ, по фронтовому, въ два отчеканенныхъ пріема взбросилъ его на плечо, пристроился къ Юрочкѣ, Кастрюкову и Дукмасову и всѣ четверо подъ командой разводящаго Волошинова, ломая подъ ногами шуршавшую ледяную корку, отошли отъ столба и сразу скрылись въ балкѣ.

XX.

Настала великая длительная боевая страда.

Добровольческая армія, оторванная отъ всякой почвы, не имѣвшая ни тыла, ни фланговъ, съ громаднымъ хвостомъ изъ своего обоза, со всѣхъ сторонъ, точно въ мышеловкѣ, окруженная большевистскими полчищами, стихійно, слѣпо ненавидимая мужицкимъ населеніемъ, которое всѣми способами помогало ея врагамъ, какъ гонимое степнымъ вѣтромъ перекати-поле, продвигалась къ берегамъ Кубани.

Смертоносная петля изъ многочисленныхъ, отлично и изобильно вооруженныхъ и снаряженныхъ, всегда неизмѣнно разбиваемыхъ, но и неизмѣнно вновь нарастающихъ большевистскихъ полчищъ, всегда была занесена надъ ея головой.

Помимо распропагандированныхъ воинскихъ частей, помимо бандъ, присланныхъ центральной разбойничьей властью съ Сѣвера, еще и многомилліонное иногороднее, т. е. мужицкое населеніе Дона, Кубани и Кавказа единодушно встало на ноги и ополчилось противъ «кадетовъ».

Много разъ казалось, что эта живая, безпощадная петля вотъ вотъ на смерть захлестнетъ крошечную армію, что выходовъ у нея нѣтъ.

Но она, непобѣдимая, каждую минуту готовая на смерть биться и умереть, своими сокрушительными ударами всякій разъ рвала мертвую петлю и разметывая вражескія полчища, расчищая передъ лицомъ своимъ кровавый корридоръ, неизмѣнно и упорно шла все впередъ и впередъ, не отдавъ въ добычу врагу ни одной повозки, ни одной лошади изъ своего огромнаго обоза.

Всегда полуголодные, невыспавшіеся, до послѣдняго предѣла переутомленные, въ рваныхъ, холодныхъ, промокшихъ шинеляхъ, часто безъ бѣлья, въ дырявой обуви,

поѣдаемые вшами, то по невылазной грязи, то по снѣгу и морозу, то подъ проливнымъ дождемъ, то по горло въ водѣ, обвѣваемые буйнымъ, пронизывающимъ до костей степнымъ вѣтромъ, безропотно совершали свой кровавый крестный путь чины маленькой арміи, неся въ сердцахъ своихъ обломки разрушенной въ русской землѣ государственности.

Имъ надо было либо побѣдить, либо умереть.

Но какъ же побѣдить напиравшую на нихъ со всѣхъ сторонъ разбушевавшуюся народную стихію?! И они, нанося страшные удары, умирали доблестно, геройски, гордо, никогда не унижаясь передъ свирѣпымъ врагомъ до мольбы о пощадѣ.

Кубанское казачье населеніе, испытывавшее на самихъ себѣ удушающій гнетъ большевизма, безъ особой охоты, но и безъ вражды, принимало пришельцевъ, за то иногородніе при приближеніи добровольцевъ поголовно бросали свои хутора и села, а всѣ мужчины, горя неутолимой ненавистью къ «кадетамъ», брались за оружіе и становились въ большевистскіе ряды.

Уже третій день шли тяжкіе, безпрерывные и безсмѣнные бои, сперва подъ станицей Березанской, гдѣ дрались цѣлый день и только къ вечеру разгромивъ большевиковъ, добровольцы безъ остановки прошли ночью въ Журавскій казачій хуторъ и оставивъ тамъ обозъ, на разсвѣтѣ 2-го марта атаковали желѣзнодорожную станцію Выселки.

Большевики ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ обороняли строенія, а съ путей дѣйствовали своей артиллеріей ихъ броневые поѣзда, причинявшіе добровольцамъ весьма чувствительный уронъ.

Только къ заходу солнца большевики были выбиты со станціи, но ночью они вновь заняли ее.

Съ утра слѣдующаго дня бой возобновился съ новой силой.

Добровольцамъ пришлось ввести въ дѣло чуть ли не всю свою армію.

День былъ солнечный. Съ пропитанной влагой земли тянуло холодомъ, по степи гулялъ свѣжій вѣтеръ, а сверху лучи южнаго весенняго солнца не только согрѣвали, а просто жгли.

Бойцы обливались потомъ и страдали отъ жажды.

Удачно стрѣлявшей добровольческой артиллеріи только къ вечеру удалось повредить вражескіе броневые поѣзда и отогнать ихъ отъ станціи.

Съ этого момента успѣхъ рѣзко склонился въ сторону добровольцевъ.

На глазахъ Юрочки погибъ одинъ изъ взводныхъ командировъ — храбрый, твердый чернецовецъ сотникъ Калмыковъ.

Онъ упалъ въ двухъ шагахъ впереди Юрочки на смерть пронзенный пулей, пало еще нѣсколько партизанъ.

Измученные безперерывнымъ трехдневнымъ боемъ, голодные, усталые и ожесточенные добровольцы повели на станцію общій штурмъ.

Шагахъ въ ста отъ станціи на ровномъ, безъ единой складки полѣ огонь большевиковъ былъ такъ силенъ, что партизанамъ еще пришлось залечь въ послѣдній разъ.

Большевики, защищенные стѣнами станціонныхъ построекъ и желѣзнодорожной насыпью, противъ своего обыкновенія стрѣляли довольно хорошо и держались упорно.

Рои пуль жужжали, какъ пчелы, жалобно свистали и пѣли разнотонными голосами, злобно впиваясь въ размякшую землю.

То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ открытой, голой степи, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ, падали убитые. Сквозь густую ружейную и пулеметную трескотню прорывались иногда крики раненыхъ.

Партизаны готовились къ послѣднему рѣшительному удару.

Лежа на землѣ, тяжело дыша, замѣчая потери въ своихъ рядахъ, Юрочка вспоминалъ и о личной опасности, но онъ былъ такъ возбужденъ и охваченъ горячкой боя, что ему было не до себя. Въ этомъ отношеніи онъ давно притерпѣлся и какъ-то отупѣлъ. Хотя за послѣднія трое сутокъ онъ почти ничего не ѣлъ и жажда мучала его, но и объ этомъ ему некогда было думать. Всѣ душевныя и физическія силы его, напряженныя до послѣдняго предѣла, были направлены только къ одному — поскорѣе выйти изъ этого ада, а для этого надо броситься на врага и сломить его. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ сигнала.

Юрочка оглядѣлся въ обѣ стороны, чтобы держать связь съ своими.

Рядомъ съ нимъ, шагахъ въ восьми лежалъ Витя и по своему обыкновенію — чему-то радуясь и смѣясь, такъ, что видно было, какъ прыгали всѣ мускулы и складочки его маленькаго личика, безперерывно пуля за пулей посылалъ въ сторону хорошо защищеннаго и невидимаго врага.

Вѣрный своему правилу стрѣлять только навѣрняка, Юрочка не утерпѣлъ и крикнулъ:

— Витя, зачѣмъ ты зря расходуешь патроны?

Видимо, въ трескотнѣ и ревѣ стрѣльбы мальчикъ не разслышалъ вопроса товарища и, держа винтовку передъ собой, подползъ на животѣ и бурно дыша, легъ рядомъ съ Юрочкой.

Юрочкѣ было не до наблюденій, но, какъ въ грозовомъ туманѣ, на мигъ ему бросилась въ глаза перемѣна во всемъ обликѣ мальчика.

Лицо Вити, прежде румяное, полненькое, упитанное, все въ ямочкахъ, сейчасъ походило на его прежнюю тѣнь. Оно было очень бѣленькое, едва окрашенное нѣжнымъ дѣтскимъ румянцемъ и настолько прозрачное, что сквозь тонкую кожу на лицѣ и шейкѣ, почти не поддавшихся загару, видны были всѣ тонкія, синія жилки.

И не это поразило Юрочку. Всѣ они страшно исхудали и осунулись. Поразило его особенное выраженіе и настроеніе Вити. Мальчикъ не принадлежалъ уже здѣшнему грѣховному земному міру.

Какимъ-то особеннымъ утонченнымъ чутьемъ Юрочка безошибочно это угадывалъ.

На мгновеніе это удивившее его открытіе скользнуло въ памяти Юрочки, но тотчасъ-же потерялось, исчезло.

Пули жужжали надъ самыми ихъ головами.

Юрочка, потрескавшимися руками углубляя передъ собою рыхлую землю, повторилъ свой вопросъ.

Витя разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Ничего. Пуля виноватаго найдетъ.

— Да чего ты все смѣешься, Витя? Что тебя радуетъ? съ горечью и досадой спросилъ Юрочка, которому въ обстановкѣ ежесекундной опасности было совсѣмъ не до смѣха.

Витя, пододвинувшись почти вплотную, взглянулъ въ лицо Юрочки и тотъ на мгновеніе забылъ объ опасности и боѣ, такъ сильно снова поразило его выраженіе глазъ мальчика.

— Мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо и такъ радостно какъ -то, какъ никогда не было... никогда... и ничего не страшно, ничего...— восторженнымъ, неземнымъ взглядомъ глядя въ пространство, говорилъ Витя настолько громкимъ голосомъ, чтобы въ грохотѣ боя его можно было разслышать. — Мнѣ все время было такъ тяжело... такъ тяжело, Кирѣевъ, что и сказать не могу... все сердце болѣло... такъ болѣло... и... маму вспоминалъ... — Въ его обращенномъ на Юрочку взглядѣ выразилась безысходная тоска, а въ тонѣ голоса зазвучала дѣтская безпомощность, но это только на одинъ мигъ. Мальчикъ спохватился, и, продолжалъ: — Я крѣпился только, никому не говорилъ. Что же надоѣдать-то?! У всякаго своего горя довольно. А теперь такъ легко, какъ на крыльяхъ... Такъ бы и полетѣлъ туда...

Онъ указалъ восторженными глазами на небо.

Справа и слѣва по всему фронту поднимались партизаны и смыкаясь на ходу, съ штыками на перевѣсъ, крича ура, бросились къ станціи.

Поспѣшно поднялись Юрочка и Витя.

Мальчикъ не отвелъ своего восторженнаго взгляда отъ неба.

Вдругъ среди жужжанія пуль чмокъ!

Витя, точно приподнятый за плечи и встряхнутый чьей-то сильной рукой, съ тѣмъ же выраженіемъ неземной восторженности въ голубыхъ дѣтскихъ глазахъ, съ застывшимъ въ радостномъ, счастливомъ смѣхѣ личикомъ выронилъ винтовку и съ слегка сжатыми руками въ локтяхъ и ногами въ колѣняхъ опрокинулся навзничь на землю.

Пуля пробила мальчику сердце.

Уже на бѣгу Юрочка обернулся.

Точно въ лихорадочномъ снѣ, окутанный грозовой пеленой, промелькнулъ передъ его глазами образъ смѣющагося мертваго Вити, а въ слѣдующее мгновеніе, забывъ о мальчикѣ, съ приливомъ новой, послѣдней энергіи, не помня своихъ ногъ и думая только объ уничтоженіи ненавистнаго врага, онъ въ толпѣ своихъ соратниковъ, изо всѣхъ силъ что-то крича, мчался къ станціи.

Выстрѣлы мгновенно смолкли.

Большевики бѣжали.

Добровольческая кавалерія преслѣдовала ихъ по степи.

Станція, какъ трофей жестокаго двухдневнаго боя и большой крови, перешла въ руки добровольцевъ.

XXI.

Занявъ караулами станціонныя постройки, партизаны въ колоннѣ со вздвоенными рядами, смертельно усталые, хотя и побѣдители, но удрученные огромными потерями, съ трудомъ передвигая натруженныя ноги, молча шли на отдыхъ въ казачій хуторъ Журавскій, отстоявшій отъ Выселокъ верстахъ въ 3-хъ—4-хъ.

Они только что двинулись отъ станціи.

Послѣ двухдневнаго грохота огневого боя, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, наступила особенная, непривычная для оглушеннаго уха, жуткая и чуткая тишина.

Шагахъ въ полсотнѣ впереди и нѣсколько правѣе колонны по чистому полю ѣхалъ, щеголяя молодецкой посадкой и прекраснымъ вооруженіемъ, офицеръ-гигантъ.

Подъ нимъ подъ ростъ хозяину играла большая, породистая, золотистой масти, красавица-лошадь.

Она, слегка изогнувъ небольшую, прелестную голову на крутой лебединой шеѣ, косясь въ стороны глазами, грызла удила, требовала поводьевъ, танцуя на своихъ рѣзвыхъ, тонкихъ, отчеканенныхъ ножкахъ-струнках съ великолѣпными копытцами-дукмасомъ *).

Она вся была воплощенная лошадиная красота, сила, порывъ и щеголеватость.

Офицеръ былъ въ сѣрой, легкой шубѣ съ отвернутымъ узкимъ барашковымъ воротникомъ; его сѣрая, высокая съ краснымъ верхомъ папаха была надѣта слегка набикрень, а наружу выбивался роскошный, черный, вьющійся чубъ.

Кавказская шашка съ драгоцѣннымъ клинкомъ, вся подъ серебрянымъ съ подчернью уборомъ, блистала на солнцѣ, за могучимъ плечомъ торчалъ перевернутый дуломъ внизъ американскій карабинъ, на поясѣ въ черной кобурѣ висѣлъ револьверъ.

Офицеръ сдерживалъ свою лошадь, со всѣхъ сто-

*) Дукмасъ—стаканчикъ.

ронъ осматривалъ ее, видимо, любуясь ею и ласково трепалъ ладонью по крутой, лоснящейся шеѣ.

Впереди себя гигантъ гналъ семерыхъ обезоруженныхъ большевиковъ, только что собственноручно взятыхъ имъ въ плѣнъ.

— Кто это? Кто? полушопотомъ пронеслось въ партизанской колоннѣ.

— Да это есаулъ Власовъ... отвѣтилъ кто-то.

— Онъ, онъ. Я его знаю по Новочеркасску, когда онъ формировалъ свой отрядъ, подтвердилъ Юрочка.

— А это кто же впереди его?

— Это онъ забралъ плѣнныхъ... гонитъ....

— Кто? Кто?

— Есаулъ Власовъ — атаманъ Баклановскаго отряда. Вотъ молодчинища-то!

— Хорошо поддержали насъ нынче баклановцы, здорово поработали...

Гдѣ-то близко въ воздухѣ съ характернымъ жужжаніемъ просвистала пулька, отъ недалекой станціи донесся выстрѣлъ.

Эти звуки показались такими необычными и ненужными, такъ некстати среди глубочайшей тишины только-что отгрохотавшаго боя, что всѣ партизаны обратили на нихъ вниманіе.

Пуля гдѣ-то недалеко щелкнула.

Лошадь Власова, точно сильно оступившись, вдругъ припала на одну переднюю ногу и страшно хромая, при каждомъ шагѣ низко роняя голову, заковыляла на трехъ ногахъ.

— Э, что это? Ранили!.. съ выраженіемъ тревоги и сожалѣнія замѣтилъ кто-то изъ рядовъ партизанъ.

Всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ повернули головы въ сторону Власова.

Есаулъ легкимъ, упругимъ движеніемъ, чего при его исполинскомъ ростѣ никакъ нельзя было отъ него ожидать, въ мигъ соскочилъ съ сѣдла на землю и быстро нагнувшись подъ брюхо лошади, схватилъ въ руки и зажалъ между своихъ колѣнъ раненую ногу.

Его любимицу, которую онъ берегъ больше своего глаза, единственную лошадь, которая безъ отказа и безъ надрыва своихъ силъ проносила на себѣ его огромную тяжесть во всю европейскую войну, теперь искалѣчили.

Это явилось такимъ огромнымъ несчастіемъ для него, что есаулъ не хотѣлъ вѣрить собственнымъ глазамъ и не могъ примириться съ такимъ ударомъ.

Плѣнные пріостановились и растерянно топтались на мѣстѣ.

Власовъ, не выпуская изъ своихъ стиснутыхъ колѣнъ ноги лошади, внимательно осмотрѣлъ рану, проворно вынулъ изъ кармана шароваръ пакетъ марли и быстро-быстро принялся забинтовывать рану, чтобы остановить кровь.

Онъ былъ въ отчаяніи, почти внѣ себя и забывъ обо всемъ на свѣтѣ, весь былъ поглощенъ однимъ желаніемъ —спасти свою любимицу, своего неизмѣннаго боевого друга, самое драгоцѣнное для него существо на свѣтѣ.

Лошадь стояла смирно, не шевелясь, повернувъ голову и довѣрчивымъ, мыслящимъ окомъ глядѣла на своего хозяина. Подъ тонкой кожей ея раненой ноги конвульсивно вздрагивали всѣ мускулы.

Одинъ изъ плѣнныхъ въ короткой ватной кацавейкѣ, въ теплыхъ стеганыхъ штанахъ и черной смятой шляпѣ съ загнутыми внизъ полями, нерѣшительно нагнулся, схватилъ съ земли валявшуюся здѣсь, кѣмъ-то оброненную винтовку и отскочивъ назадъ, шагахъ въ шести сзади есаула быстрымъ движеніемъ вскинулъ ее на прицѣлъ.

Грянулъ выстрѣлъ.

Стрѣлявшій выпустилъ изъ рукъ ружье.

Плѣнные бросились вразсыпную.

Страшнымъ голосомъ вскрикнулъ исполинъ, вскочилъ и выпрямился во весь ростъ.

Папаха свалилась съ его головы.

Мгновенно повернувшись лицомъ къ стрѣлявшему и выхвативъ изъ ноженъ шашку, онъ, какъ буря, ринулся за плѣннымъ, только изъ-за развѣвавшихся полъ его полушубка мелькалъ красный лампасъ его шароваръ.

Есаулъ настигъ убійцу, не давъ ему сдѣлать и десяти шаговъ.

Закрывъ голову руками, красный, какъ звѣрь, чуящій свою неотвратимую гибель, въ отчаяніи огласилъ поле протяжнымъ животнымъ крикомъ, казалось, выходившимъ изъ самаго нутра всего его потрясеннаго существа.

Лицо его исказилось неописуемымъ ужасомъ и мукой.

Кругообразнымъ широкимъ размахомъ на мгновеніе блеснула въ воздухѣ крутая змѣя шашки и сокрушающимъ ударомъ опустилась на голову краснаго.

Тотъ, обливаясь кровью, съ снесенной вмѣстѣ съ шляпой верхушкой черепа, съ перерубленной кистью руки, какъ снопъ, повалился на землю.

Богатырь, будто въ раздумьи, остановился, схватившись лѣвой рукой за непокрытую голову, въ правой опустивъ шашку.

Юрочка видѣлъ, какъ медленно повернулъ онъ свое мертвенно-блѣдное лицо съ вдругъ обвисшими тонкими, длинными усами и огромными, грозными, но уже незрячими глазами обводилъ вокругъ. Потомъ, какъ бы нащупывая ногами дорогу и все время оступаясь, онъ сдѣлалъ нѣсколько невѣрныхъ, колеблющихся полушаговъ и вдругъ медленно, какъ подрубленный дубъ, свалился сперва на одно подломившееся колѣно, а потомъ на бокъ.

Окровавленная шашка замерла въ его рукѣ.

Офицеры крикнули, чтобы немедленно переловить плѣнныхъ.

Головной взводъ партизанъ бросился вдогонку.

Справа изъ-за станціи появилась небольшая конная группа, надъ головами которой въ почти безвѣтренномъ воздухѣ внушительно и величаво колыхался большой черный значокъ съ бѣлымъ изображеніемъ адамовой головы.

Это были баклановцы.

Два всадника на великолѣпныхъ лошадяхъ, два младшихъ брата сраженнаго исполина, такіе же могучіе и такіе же рослые красавцы, какъ и старшій, отдѣлились отъ колонны и съ шашками на-голо бросились вдогонку за плѣнными.

Въ минуту съ бѣглецами было покончено.

Ихъ изрубленныя тѣла были разметаны по степи.

Подскакалъ отрядъ и спѣшившись, столпился вокругъ своего атамана.

Онъ лежалъ бездыханнымъ.

Пуля прошла около самаго сердца.

Обезкураженные, безмолвные, обнаживъ головы, стояли баклановцы надъ трупомъ того, кто три года дѣлилъ съ ними боевыя невзгоды великой войны, кто въ дни смрадной смуты и безвременія собралъ, объединилъ ихъ изъ осколковъ славнаго 17-го полка и доблестно водилъ противъ красной нечисти.

Забытая всѣми раненая лошадь Власова, повернувъ голову въ сторону упавшаго хозяина, какъ бы въ недоумѣніи, напряженно стараясь понять произшедшее, нѣкоторое время стояла неподвижно на мѣстѣ.

Потомъ, видимо, догадываясь о горестномъ смыслѣ случившагося, она вскинула вверхъ головой и поджавъ больную ногу, съ тихимъ, тревожно-вопросительнымъ гоготомъ, съ сильной натугой прыгая на трехъ здоровыхъ, торопливо направилась къ столпившимся казакамъ.

При каждомъ припадающемъ шагѣ напрягая весь свой статный, длинный корпусъ, такъ, что вырисовывался каждый мускулъ ея благороднаго, дивнаго, втянутаго въ работу тѣла, она протиснулась между казаками къ распростертому на землѣ тѣлу хозяина.

Низко нагнувъ голову съ насторожившимися тонкими подвижными ушами, косясь выпуклыми сапфировыми зрачками на трупъ, она шумно хватила расширенными ноздрями воздуха, вдругъ рѣзко взмахнула вверхъ головой и вытянувшись всѣмъ корпусомъ, преподнявъ немного хвостъ, высокимъ, пронзительнымъ голосомъ, какъ бы исходящимъ изъ глубины ея потрясенной горестью лошадиной души, звонко, протяжно и жалобно заржала...

Все могучее, легкое тѣло ея содрогалось мелкой, трепетной дрожью.

— Уведите коня! приказалъ казакамъ быстро вошедшій въ кругъ черноусый и чернобровый высокій красавецъ-офицеръ, съ нахмуреннымъ, блѣднымъ лицомъ опускаясь передъ мертвецомъ на колѣни.

Это былъ самый младшій братъ убитаго есаула.

Юрочка и другіе партизаны видѣли ковылявшую на трехъ ногахъ лошадь съ распущеннымъ бѣлымъ бинтомъ на раненой ногѣ.

Она покорно, но неохотно шла прочь отъ трупа хозяина за казакомъ, который тянулъ ее на чумбурѣ*). Она безперерывно поворачивала голову назадъ и забывъ о собственной боли, не умолкая, высокимъ, пронзительнымъ голосомъ ржала, по своему оплакивая потерю.

До самаго Журавскаго хутора преслѣдовало партизанъ это звонкое, горестное ржаніе.

Казалось, все обширное поле наполнилось этими мощными звуками печали и горя, вся степь жаловалась и стонала...

*) Чумбуръ—третій, самый длинный повадъ на казачьей уздечкѣ.

XXII.

Юрочкѣ еще разъ случайно удалось увидѣть трупъ Вити, когда тѣла убитыхъ подъ Выселками на подводахъ свозили въ Журавскій хуторъ.

Прозрачное, отъ всей души смѣющееся личико мальчика съ его неземнымъ, восхищеннымъ выраженіемъ въ широко открытыхъ дѣтски-чистыхъ глазахъ такъ и застыло въ мертвенномъ покоѣ.

Такимъ и закопали его въ одной изъ братскихъ могилъ на Журавскомъ кладбищѣ.

Юрочка позавидовалъ своему убитому соратнику.

Счастливымъ и чистымъ, безупречнымъ героемъ ушелъ Витя изъ этого опоганеннаго преступными негодяями, опутаннаго ложью и обманомъ и наполненнаго злодѣяніями міра.

Онъ положилъ душу свою за несчастную, поруганную родину, пожертвовалъ своей дѣтской жизнью, отстаивая дарованное Богомъ, но отнятое злодѣями право дышать воздухомъ на родной землѣ.

На своемъ недолгомъ вѣку Юрочкѣ пришлось такъ много видѣть крови, такъ много насильственныхъ смертей.

Грозная коса смерти теперь безперерывно блистала вокругъ него, сметая его соратниковъ и друзей, что онъ понималъ, что и ему поздно ли, рано не избѣжать ея безпощаднаго удара. Выйти живымъ и невредимымъ изъ сомкнувшагося вокругъ него кольца смерти явилось бы просто чудомъ.

И какъ бы ему, Юрочкѣ, хотѣлось столь же счастливо и красиво и столь же мгновенно умереть, какъ умеръ невинный Витя.

Въ Журовкѣ въ сумеркахъ наскорахъ похоронили больше двадцати труповъ павшихъ въ бою подъ Выселками партизанъ.

Есаула Власова и другихъ убитыхъ добровольцевъ изъ различныхъ частей закопали въ Выселкахъ.

А дальше—снова и снова безпрерывные, изнурительные походы, снова и снова ожесточенные, тяжкіе бои, снова и снова атмосфера ужасовъ, страданій, подвиговъ, крови, крови безъ конца...

Въ ночь того же дня Добровольческая армія двумя колоннами форсированнымъ маршемъ двинулась на Кореновскую станицу.

Ей нельзя было терять ни одной минуты, ей надо было спѣшить на выручку Екатеринодара, гдѣ по свѣдѣніямъ еле держалась маленькая Кубанская армія генерала Эрдели и куда большевики стягивали громадныя силы.

Надо было выиграть время и пока красные не овладѣли городомъ, въ которомъ находились колоссальные запасы всевозможнаго военнаго имущества и товаровъ и не раздавили армію Эрдели, во чтобы то ни стало, соединиться съ ней, иначе обѣимъ арміямъ порознь грозила поголовная гибель.

Шли всю ночь и не отдохнувъ ни на одну минуту, на утро вступили въ бой подъ Кореновской.

Врагъ устроилъ тутъ мощный заслонъ.

Дрались ожесточенно, безъ передышки, цѣлый день.

Врагъ подавлялъ своей численностью, громилъ своей артиллеріей.

У добровольцевъ не было ни одного снаряда, разстрѣливался послѣдній запасъ патроновъ. Нѣсколько разъ положеніе крошечной арміи висѣло на волоскѣ.

Только поздно вечеромъ разгромленные большевики бѣжали.

Подъ Кореновской въ руки добровольцевъ попали цѣлые поѣзда съ патронами, снарядами, ружьями, съ продовольствіемъ и бѣльемъ.

Во всемъ этомъ армія крайне нуждалась.

Кромѣ того, къ нимъ, понесшимъ въ послѣднихъ бояхъ значительныя потери, тутъ неожиданно присоединились двѣ сотни конныхъ и сотня пѣшихъ казаковъ Брюховецкой станицы, выгнанныхъ пришлыми большевиками изъ родныхъ домовъ.

Все это радовало и поднимало духъ усталыхъ бойцовъ.

Возникали надежды на то, что Кубанское казачество скоро все поголовно возстанетъ противъ грабителей и убійцъ.

Но здѣсь же ихъ ожидало горестное извѣстіе о томъ, что армія Эрдели, сдавъ Екатеринодаръ большевикамъ, 1-го марта ушла въ горы.

Надо было спасать кубанскую армію, а черезъ это и самихъ себя.

И добровольцы, измѣнивъ первоначальный маршрутъ, въ ночь съ 5-го на 6-ое марта круто повернули черезъ Раздольную на Усть-Лабинскую станицу.

Снова съ утра до поздней ночи упорный бой за обладаніе Усть-Лабинской и за переправу черезъ Кубань.

Нѣсколько разъ въ теченіе боя Добровольческая армія лицомъ къ лицу стояла передъ неизбѣжностью быть поголовно уничтоженной. По желѣзной дорогѣ прибывали со всѣхъ сторонъ все новые и новые большевистскіе эшелоны. Былъ моментъ, когда самъ Корниловъ съ штабомъ чуть не попалъ въ плѣнъ.

И снова блестящая побѣда.

Уже въ темнотѣ добровольцы на плечахъ разгромленнаго врага прошли черезъ Усть-Лабинскую станицу, по мосту перешли черезъ Кубань и расположились на ночь въ линейной казачьей станицѣ Некрасовской.

Но и тутъ ни минуты не было покоя.

Ночью стрѣльба на окраинахъ, съ ранняго утра весь слѣдующій день и ночь до новаго утра жестокій артиллерійскій и ружейный бой.

Переправа черезъ рѣку Лабу въ бродъ совершалась подъ огнемъ непріятеля.

Надѣялись, что за Лабой положеніе арміи станетъ нѣсколько легче, что большевики побоятся отрываться отъ желѣзныхъ дорогъ.

Расчетъ оказался совершенно ошибочнымъ.

За Лабой положеніе арміи не только не улучшилось, но ухудшилось въ неизмѣримой степени.

Большевики подавляющими силами безперерывно окружали крошечную армію героевъ.

Кромѣ того, съ переходомъ черезъ Лабу добровольцы изъ казачьихъ хуторовъ и станицъ, жители которыхъ терпимо и даже благожелательно относились къ нимъ, сразу попали въ районъ большевистски настроеннаго, непримиримаго, свирѣпаго мужицкаго населенія, взявшагося за оружіе и ежеминутно поражавшаго ихъ изъ за каждаго забора, стѣны, куста, буерака.

Къ войнѣ фронтовой присоединилась еще война партизанская.

Добровольцы попали въ злое осиное гнѣздо.

Бои не прекращались ни днемъ, ни ночью.

Это была нескончаемая тревога, безперерывная война, неустанное пролитіе крови...

И армія, усталая, безсмѣнная въ своемъ сокрушительномъ продвиженіи впередъ оставляла за собой кровавый и огненный слѣдъ, разметывая передъ собою смѣняющія другъ друга огромныя полчища врага.

Некогда было ѣсть, некогда спать.

Бойцы падали отъ переутомленія и голода, но боевая энергія ихъ не ослабѣвала ни на минуту.

Положеніе арміи было всегда настолько безпримѣрно-отчаяннымъ, настолько труднымъ, что каждый въ этой маленькой кучкѣ людей-героевъ сознавалъ, что минутная оплошность кого-либо изъ нихъ, нерѣшительность, промедленіе, трусость погубитъ цѣликомъ всю армію, и всѣ изъ послѣднихъ силъ тянулись, какъ можно лучше и честнѣе, исполнить свой долгъ.

И чѣмъ дальше въ глубь кубанскихъ степей продвигалась маленькая армія, тѣмъ сильнѣе и непримиримѣе становилось ожесточеніе обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Пропасть между пришлыми большевиками и мѣстнымъ мужицкимъ населеніемъ съ одной стороны и добровольцами съ другой разверзалась все глубже и шире.

О какомъ-либо примиреніи и думать было нечего.

Такая мысль всякому показалась бы дикой и преступной.

Это никому и въ голову не приходило.

Тутъ шла борьба на истребленіе, не на животъ, а на смерть.

Съ одной стороны народъ, какъ медвѣдь, лизнувшій крови, безнаказанно испробовавшій убійствъ и грабежа, полагаясь на свою колоссальную численность, возгордившійся тѣмъ, что ему все позволено, рѣшившій, что онъ все можетъ, что онъ единственный надъ всѣми и всѣмъ повелитель, хотѣлъ только одного послѣдняго — насладиться истязаніями, упиться кровью уже доведенныхъ до ничтожества и отчаянія баръ и барчатъ — раздавить ихъ послѣдній оплотъ — маленькую армію. Ему казалось, ему это внушали, что только она одна мѣшаетъ ему воспользоваться плодами его побѣды, его завоеванныхъ «свободъ». Его сердило, его приводило въ неистовство то, что противъ него, непогрѣшимаго праведника, какимъ называли его черные демоны разрушенія и во что онъ въ простотѣ душевной вѣрилъ, дерзнула возстать кучка людей и это тогда, когда всѣ ему льстили, всѣ передъ нимъ заискивали, склонялись, никли и ползали. Жестокаго обмана и страшнаго предательства развратный, тупой дуракъ-народъ тогда еще и не подозрѣвалъ. Залитые невинной кровью безстыдные, хищные глаза его не видѣли того неописуемаго бѣдствія, которое уже подстерегало

его и немного позднѣе обрушилось на его преступную голову.

Съ другой—кучка интеллигенціи, преимущественно военной и учащейся молодежи, ни въ чемъ неповинной, расплачивающейся за грѣхи и легкомысліе своихъ отцовъ, потерявшей отъ самосуда развратной черни своихъ родныхъ и близкихъ, а отъ ея воровства и грабежа все свое состояніе. Она была безпримѣрно-несчастна, обездолена, лишена права на добываніе средствъ къ жизни. Ее отовсюду гнали. Непогрѣшимый «богоносецъ»-народъ обрекъ ее на безпощадное истребленіе. У нея другого выбора не было: или покорно, какъ агнецъ, отдать себя на издѣвательства и растерзаніе бѣшеному звѣрю или съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое право на жизнь. Она предпочла послѣднее и въ своихъ ожесточенныхъ сердцахъ несла чувство неукротимой мести къ разнуздавшемуся хаму, перешагнувшему всѣ грани закона и права, а въ своей оскорбленной душѣ бережно хранила идею раздавленной и поруганной русской государственности. И какъ раненый левъ, она шла, нанося страшные удары врагу и искала точки опоры, гдѣ бы она могла обосноваться, оправиться, собраться съ силами и потомъ перейти въ рѣшительное наступленіе.

Не удержавшись въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ, она такой точкой опоры считала сердце Кубани — Екатеринодаръ.

Въ сердцахъ добровольцевъ жила и пламенѣла горячая вѣра въ то, что они спасутъ родину отъ окончательной гибели или по крайней мѣрѣ продержатся до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ на помощь «доблестные» союзники.

Они не сомнѣвались въ окончательномъ исходѣ міровой войны, они вѣрили, что общій врагъ, ради одолѣнія котораго Императорская Россія принесла такія неисчислимыя жертвы, въ концѣ концовъ будетъ раздавленъ, какъ не сомнѣвались и въ томъ, что «благодарные» союзники помогутъ имъ свергнуть иго международной шайки грабителей, воровъ и убійцъ.

Для этого вѣдь такъ мало надо по сравненію съ тѣмъ, что дала Россія для побѣды и торжества союзниковъ!

Усомниться въ благородствѣ и благодарности «доблестныхъ», «вѣрныхъ» союзниковъ, допустить съ ихъ стороны коварство, низкое своекорыстіе и предательство къ

впавшей въ несчастіе своей родинѣ въ рядахъ добровольцевъ считалось великимъ грѣхомъ, несмываемымъ позоромъ, преступленіемъ непростительнымъ...

И всѣ жили надеждой, всѣ вѣрили, пламенно, безоглядно вѣрили, что ихъ невообразимыя страданія и великія жертвы не пропадутъ даромъ, что «доблестные», «благородные», «вѣрные» союзники, покончивъ съ общимъ врагомъ, изъ чувства благодарности къ настоящей подлинной Россіи не оставятъ ихъ безъ помощи, выручатъ. Предательство съ ихъ стороны представлялось имъ слишкомъ чудовищнымъ и безчеловѣчнымъ. Даже мысль о немъ они не допускали, не хотѣли поганить своихъ сердецъ ею...

Невообразимыя по своему изувѣрству и жестокости истязательства большевиковъ надъ ранеными и попавшими въ плѣнъ «кадетами» вызывали со стороны послѣднихъ равноцѣнный отвѣтъ.

Большевики сдирали съ добровольцевъ кожу, вырѣзывали лампасы во всю длину ногъ отъ ступней до бедеръ, выматывали кишки, ломали кости, скоблили ножами десна, выкалывали шиломъ глаза, вырывали ногти и зубы, живьемъ сжигали и зарывали въ землю.

Добровольцы подвергали жестокимъ избіеніямъ и разстрѣламъ плѣнниковъ-большевиковъ.

Обычнымъ зрѣлищемъ являлись своеобразныя гирлянды изъ повѣшенныхъ комиссаровъ на площадяхъ тѣхъ селъ, станицъ и хуторовъ, которые своимъ побѣдоноснымъ шествіемъ проходила Добровольческая армія.

И никого такое зрѣлище не поражало, никого не возмущало.

Наоборотъ, такія рѣшительныя мѣры удовлетворяли накопившуюся въ сердцахъ добровольцевъ месть, горечь, злобу и обиду противъ грабителей, истязателей и убійцъ.

Всѣ находили, что съ такими безпощадными, бѣшеными животными, какими въ дѣйствительности оказались красные носители «свѣтлыхъ» «свободъ», надо поступать именно такъ, а не иначе.

И было добровольцамъ невообразимо тяжко, тяжко физически и морально.

Была не жизнь, не существованіе подъ солнцемъ, а кровавый кошмаръ, зубовный скрежетъ, кромѣшный адъ.

И этотъ адъ усугублялся еще и тѣмъ, что съ того времени, какъ армія ушла изъ Ростова, ее, точно непро-

ницаемой переборкой, отдѣлили отъ всего свѣта и надъ головой ея плотно захлопнули крышку. Она оказалась разобщенной со всѣми. Міръ жилъ самъ по себѣ, а она сама по себѣ. До нея ни откуда не доходило никакихъ извѣстій.

XXIII.

Но и въ этой юдоли сплошныхъ страданій, лишеній, испытаній, подвиговъ, крови и смерти выпадали и рѣдкіе проблески радости и даже счастія.

Юрочка и всѣ его соратники помнили, какъ на походѣ, уже за Лабой, миновавъ страшнымъ пламенемъ горящіе какіе-то хутора и хуторъ Киселевскій, дня два подрядъ, въ тѣ часы, когда затихали ожесточенные бои и особенно по вечерамъ, откуда-то издалека, точно изъ нездѣшняго подземнаго міра еле-еле улавливались напряженнымъ ухомъ какіе-то безконечно-отдаленные звуки, похожіе на тяжкое, съ великой натугой, страдальческое дыханіе огромныхъ, невиданныхъ чудовищъ, а въ сумеркахъ на необозримомъ степномъ горизонтѣ гдѣ-то далеко-далеко, словно разверзались тяжелыя вѣжды, вспыхивали короткими, грозящими зарницами невидимыя, огромныя очи и мгновенно снова смыкались.

Не подлежало сомнѣнію, что гдѣ-то далеко шли большіе артиллерійскіе бои.

Старые, опытные офицеры по часовымъ стрѣлкамъ высчитывали, что бои идутъ въ 45—50-ти верстахъ, не ближе.

Всѣ были крайне заинтригованы, всѣ ломали головы надъ вопросомъ, что это значило?

Скоро среди добровольцевъ пронеслась кѣмъ-то пущенная догадка, что это пробивается къ нимъ на соединеніе Кубанская армія Эрдели.

Въ рядахъ измученныхъ, истекавшихъ кровью добровольцевъ, непроницаемымъ желѣзнымъ кольцомъ цѣлый мѣсяцъ отдѣленныхъ отъ всего міра, пробудились надежды на скорую помощь.

Однако они боялись вѣрить во что-либо доброе.

Снова безпрерывные длинные переходы, не умолкающіе бои, кровавый кошмаръ и адъ. Останавливались

только для того, чтобы оружіемъ пробивать кровавую дорогу, шли для того, чтобы преслѣдовать облѣпившаго со всѣхъ сторонъ врага. Бой горѣлъ, не умолкая и съ фронта, и съ фланговъ, и съ тыла. Бой на остановкахъ, бой на походѣ.

Съ тяжелыми боями, отбивая у врага каждый шагъ и переправу черезъ рѣку Лабу, оставили добровольцы станицу Некрасовскую.

За Лабой потянулись сплошь мужицкія поселенія. При приближеніи добровольцевъ жители бросали свои дома и поголовно разбѣгались.

Бои подъ какими-то горящими хуторами, бои подъ Киселевскимъ хуторомъ, въ самомъ хуторѣ и за хуторомъ.

9-го марта Добровольческая армія съ боемъ ночью заняла большой мужицкій Филипповскій хуторъ, разселившійся по обоимъ берегамъ рѣчки Пшеха или Бѣлой.

Въ хуторѣ не осталось ни одного человѣка изъ мѣстныхъ жителей.

Злыя кубанскія собаки надрывались отъ лая; на улицахъ и базахъ ревѣли бродившіе волы, мычали коровы и телята; носились и ржали лошади, хрюкали свиньи; въ дворахъ безпокойно гоготали гуси, тревожно покрякивали утки, даже куры, привыкшія засыпать съ заходомъ солнца, не попавъ своевременно въ курятники на свои нашести, хлопали крыльями, взлетая на заборы и громко, испуганно кудахтали.

Отдѣленіе партизанъ, въ которомъ съ своими друзьями-чернецовцами служилъ Юрочка, помѣстилось въ одномъ, отведенномъ для него, дворѣ.

Партизаны съ ранняго утра до поздней ночи проведшіе въ бою, не видавшіе ни корки хлѣба, измученные и голодные, вошли въ избу.

Въ ней оказалось жарко натоплено.

Въ печкѣ, занимавшей добрую половину хаты, еще тлѣли дрова, передъ деревянной широкой кроватью на скамьѣ въ круглой квашнѣ, накрытой толстымъ рядномъ, пучилось тѣсто, готовое вотъ-вотъ перелиться черезъ край.

Видимо, хозяева только-что сбѣжали.

При жизни Корнилова мародерство въ Добровольческой арміи пресѣкалось безпощадно—сурово.

За все, взятое у жителей, платилось полнымъ рублемъ.

Такъ практиковалось во всѣхъ казачьихъ хуторахъ и станицахъ.

Въ мужицкихъ, сплошь большевистскихъ селахъ, изъ которыхъ населеніе при приближеніи добровольцевъ поголовно разбѣгалось, платить было некому, а потому фуражъ и съѣстное разрѣшалось брать даромъ.

Отдѣленный Волошиновъ, поставивъ въ углу задней половины хаты ружье и сбросивъ на лавку патронную сумку, крикнулъ:

— Кирѣевъ, Юра, пойдемъ! А ты, Матвѣевъ и ты, Кастрюковъ, принесите дровъ или хоть кизекъ, чего найдете, — вонъ хоть изъ забора кольевъ наломайте и подбросьте въ печку. А ты, Андрюша, — обратился онъ къ 14-ти-лѣтнему черноглазому партизану-кадету — смотри, чтобы печка не потухла. Да поищите, господа, чего-нибудь поѣсть. Хлѣба бы... Животъ подвело съ голода.

Волошиновъ и Юрочка вышли изъ хаты.

—Идемъ на охоту, — сказалъ Волошиновъ. — Тутъ, я видѣлъ, куры по заборамъ летаютъ и утки крякаютъ... Да вотъ онѣ.

Въ одномъ углу двора у запертой дверки плетневаго, обмазаннаго толстымъ слоемъ глины, клѣтушка сбилась въ тѣсную кучку стайка утокъ.

Птицы, тревожно покрякивая, налѣзали другъ на друга и подобно игрушечнымъ лодочкамъ на зыбкой водѣ, колыхались на своихъ кривыхъ лапкахъ, обезпокоенныя тѣмъ, что на ихъ дотолѣ мирномъ и тихомъ дворѣ появилось столько чужихъ людей, поднявшихъ непривычную, шумливую сумятицу и что передъ ними не открыли дверку ихъ клѣтушка.

Особенно надрывался кряканіемъ и сипѣніемъ бѣлогорлистый, свѣтлогрудый, толстый селезень, точно онъ охрипъ отъ перепуга и простуды.

— Ну-ка, Юра, лови! сказалъ Волошиновъ.

— Идетъ!

Юрочка поправилъ на головѣ папаху и оба, пригнувшись, широко раскорячивъ ноги и растопыривъ руки, нагнали и прижали испуганную стайку къ самому углу между клѣтью и заборомъ.

Они поймали по цѣлой парѣ во все горло крякавшихъ и бившихся въ ихъ рукахъ птицъ.

Стайка, затопотавъ по землѣ лапками, взмахивая

крыльями, съ громкимъ кряканіемъ бросилась вразсыпную по двору.

У Юрочки оказался прижатымъ къ груди и толстый, матерой селезень.

Онъ, вытянувъ длинную шею, отчаянно сипѣлъ и бился однимъ свободнымъ крыломъ.

— Пусти его, Юра. Жаль. Онъ такой хорошій, на племя пригодится, — дѣловито замѣтилъ Волошиновъ. — Вмѣсто него поймаемъ курицу.

— И то вѣрно.

И Юрочка, пригнувшись къ землѣ, прижавъ къ себѣ одной рукой широко раскрывшую плоскій клювъ и неумолкаемо крякающую утку, осторожно выпустилъ селезня.

— Ну, ступай, красавецъ, живи. Не пробилъ еще твойчасъ! промолвилъ Юрочка.

Селезень сложилъ крылья и торопливымъ, перевалистымъ бѣгомъ, звонко шлепая лапками по влажной землѣ, продолжая испуганно сипѣть и опасливо поворачивая въ стороны головкой на вытянутой шейкѣ, побѣжалъ къ серединѣ двора, гдѣ сбилась въ кучку встревоженная, громко крякающая стайка.

Матвѣевъ и Андрюша откуда-то достали яицъ, сала, пшена и молока, Кастрюковъ принесъ, держа подъ мышками, два большихъ, круглыхъ каравая бѣлаго хлѣба и торжественно положилъ ихъ на столъ подъ образами во второй половинѣ хаты.

Волошиновъ дотронулся рукой до хлѣба.

— Это откуда? Да еще горячій!... воскликнулъ онъ съ радостно засверкавшими голодными глазами.

— Спартизанили... — отвѣтилъ Кастрюковъ, ухмыляясь широкимъ ртомъ. — Все обшарили и на потолкѣ, и въ погребѣ, и въ амбарахъ.

— Пироги *) дали наши изъ второго взвода. Они тутъ рядомъ, — сказалъ Андрюша. — Тамъ, страсть, сколько пироговъ напекли хозяева да забрать съ собой не успѣли.

Юноши, какъ голодные волки, сразу набросились и по кускамъ расхватали цѣлый каравай, стремясь хоть немного и поскорѣе утолить мучительный голодъ.

Черезъ широкое устье печи въ передней половинѣ хаты виднѣлось разгорѣвшееся пламя. Дрова весело потрескивали, выбрасывая мгновенно погасавшія искры.

*) Пирогъ—каравай хлѣба (донской говоръ).

Началась стряпня.

Отдѣленными кухмистерами, по опредѣлившемуся на походѣ обычаю, были Волошиновъ и Юрочка, Андрюша топилъ печку, Дукмасовъ, Матвѣевъ и Кастрюковъ, снявъ шинели и засучивъ рукава своихъ рваныхъ рубашекъ, ощипывали и разнимали на части зарѣзанныхъ утокъ и куръ, остальные таскали дрова и воду.

Часа черезъ полтора — два все отдѣленіе, поперемѣнно обмывшись въ дворѣ студеной водой у колодца съ журавлемъ, насыщалось вкусной, жирной похлебкой изъ птицъ и яичницей съ саломъ, запивая молокомъ.

— Ну и поѣли... Вотъ поѣли! Давно такъ не ѣли! лѣнивымъ, пѣвучимъ голосомъ проговорилъ Кастрюковъ, у котораго отъ усталости и сытости падали и смежались отяжелѣвшія вѣки.

Всѣ были такъ утомлены и сыты, что всякому было тяжело даже языкомъ пошевелить.

Послѣ ужина партизаны, каждый подложивъ подъ голову патронный мѣшокъ и завернувшись въ свои шинели и полушубки, заснули мертвымъ сномъ на кроватяхъ, на скамьяхъ и на полу.

Юрочка, Волошиновъ и Андрюша захвативъ свои мѣшки и ружья, ушли на ночевку въ крытый сѣновалъ, такъ какъ въ натопленной хатѣ было душно и тѣсно.

Ночь была тихая и свѣтлая.

Половинчатая луна на чистомъ звѣздномъ небѣ повисла надъ самыми хуторскими крышами и обливала землю красноватымъ свѣтомъ.

Нагрѣтая земля излучала теперь поглащенную за день теплоту; въ млѣющемъ покоѣ неподвижно стояли голыя деревья молодого вишневаго сада, черезъ который проходили юноши.

Вечерняя суматоха съ ея шумомъ и гамомъ улеглась.

На улицахъ ни души.

Только въ дворахъ лежали и стояли, пережевывая кормъ, усталыя добровольческія лошади, по временамъ шумно вздыхая и ударяя копытами объ упругую землю.

Юноши едва передвигали ногами.

— Хоть бы удалось поспать... не разбудили бы ночью по тревогѣ... угасающимъ голосомъ промолвилъ Юрочка, ткнувшись лицомъ въ сѣно и мгновенно уснулъ, какъ убитый.

Волошиновъ и Андрюша, повалившись на свое случайное мягкое ложе, по примѣру своего товарища тотчасъ же захрапѣли.

Хуторъ спалъ. Воцарилась чуткая тишина.

Только изрѣдка за околицей вдругъ прорѣжетъ эту торжественную тишину одиночный выстрѣлъ, протяжнымъ эхомъ зашумитъ, застонетъ и растеряется въ безбрежной степи.

И опять тихо.

XXIV.

Выступленіе было назначено въ 6 часовъ утра. Но еще до разсвѣта за хуторомъ послышались гулкіе одиночные выстрѣлы.

Къ разсвѣту бой разгорѣлся и одинъ за другимъ въ дѣло вступали пулеметы.

Дежурные разбудили партизанъ при первыхъ выстрѣлахъ.

Захвативъ ружья и сумки, они бѣгомъ бросились на дворъ, чтобы оттуда итти къ сборному пункту на площади передъ маленькой церковью.

«Господи, да когда же удастся выспаться?» съ горечью думалъ Юрочка, громаднымъ усиліемъ воли едва освободившись отъ сковывавшаго всѣ его наболѣвшіе члены сна и выскакивая вмѣстѣ съ своими соратниками изъ сарая на дворъ.

Его сразу охватило свѣжимъ утреннимъ холодкомъ.

Востокъ свѣтлѣлъ, а выше на небѣ одиноко и ярко блистала, точно только что омытая и разрумянившаяся утренняя звѣзда.

Онъ взглянулъ на бѣлѣвшій востокъ, на прекрасную, лучистую звѣзду.

Его потянуло къ жизни.

«Когда же жить? Неужели, такъ все и будетъ эта война?»

А въ звонкомъ утреннемъ воздухѣ совсѣмъ близко, внушительно, раскатисто и отчетливо строчилъ пулеметъ и все чаще и чаще бухали ружья.

«Опять все тоже и тоже...» — съ тоской подумалъ Юрочка.

Волошиновъ съ непроницаемо-серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ построилъ свое отдѣленіе, скомандовалъ направо и завернувъ его лѣвымъ плечомъ, скорымъ шагомъ повелъ со двора къ сборному пункту.

На разсвѣтѣ партизаны уже вступили въ бой.

На восходѣ солнца громадный добровольческій обозъ, повозка за повозкой перебирался по исправленному за ночь саперной командой коряжистому длинному мосту на противоположный берегъ рѣчки Пшеха.

Утро было солнечное, теплое; небо синее съ кое гдѣ плывущими легкими облачками, похожими на бѣлый, густой, медленно расходящійся и тающій паръ.

Рѣчка въ низкихъ, голыхъ, крутыхъ берегахъ, на которыхъ кое-гдѣ группами и въ одиночку торчали толстые, обрубленные отъ вѣтвей черные стволы кривыхъ, корявыхъ, дуплистыхъ вербъ, издали казавшихся усѣянными множествомъ шапокъ, бойко и быстро несла свои нѣжно-зеленыя прозрачныя воды.

Сквозь эти, пронизанные сверху лучами солнца воды, съ берега виднѣлся каждый камешекъ на днѣ.

Оставшіяся позади хуторскія сѣрыя и бѣлыя саманныя*) хаты сквозили въ частые просвѣты между левадой старыхъ вѣтвистыхъ вербъ съ безчисленными черными вороньими гнѣздами на ихъ голыхъ вершинахъ.

Оголенныя за зиму деревья подъ дѣйствіемъ весенней теплоты уже брызнули безчисленными, еле зримыми листочками-пушинками и казались затканными млѣвшей на яркомъ, жгучемъ солнцѣ воздушно-прозрачной, зеленовато-сѣрой вуалью.

Чувствовалось, что еще недѣлю-другую усердно поработаетъ волшебная ткачиха-весна, и все отъ корней и до верхушекъ будетъ окутано сплошной зеленой занавѣсью, и ни корявыхъ, черныхъ стволовъ, ни кривыхъ вѣтвей, ни вороньихъ гнѣздъ, ни строеній уже не увидитъ за ними глазъ.

Со стороны оставленнаго на противоположномъ берегу хутора среди частой ружейной дроби и строченія пулеметовъ внушительно и грозно раздался первый пушечный выстрѣлъ.

Шрапнель жалобно, протяжно завыла въ воздухѣ и вдругъ па-афъ! со свистомъ и шипѣніемъ разорвалась высоко надъ хуторомъ.

---

*) Саманъ дѣлается изъ смѣси соломы и глины.

Грязновато-сѣрый клубочекъ густого дыма сталъ медленно растекаться въ кристально-чистомъ воздухѣ, подъ широкимъ, синимъ, уже разогрѣвшимся ласковымъ небомъ.

Снова изъ-за хутора донеслось грозящее внушительное бу-умъ, снова тоскливо, точно на кого-то жалуясь, запѣла въ воздухѣ шрапнель, снова трескъ разрыва и медленно расплывающійся и тающій клубочекъ дыма и пара.

За нимъ еще и еще выстрѣлы...

Генералъ Корниловъ, перейдя по мосту рѣчку, расположился съ своимъ штабомъ на противоположномъ берегу у самой воды въ покинутой землянкѣ сторожа.

Его небольшая, чрезвычайно тонкая, гибкая фигура въ сѣромъ, длинномъ полушубкѣ при полномъ боевомъ вооруженіи, въ сѣрой папахѣ и высокихъ сапогахъ виднѣлась снаружи у самыхъ дверей землянки.

Ни тѣни тревоги или безпокойства незамѣтно было на его худомъ, желтоватомъ, рѣшительномъ лицѣ съ завалившимися щеками, съ выдавшимися скулами, съ длиннымъ разрѣзомъ черныхъ, холодныхъ, быстрыхъ глазъ, съ маленькой, черной, полусѣдой бородкой и тонкими, внизъ спускающимися усами.

Мимо него, сплошной неразрывающейся вереницей поспѣшно переходили по мосту повозки, всадники, пѣшеходы.

Прищуриваясь отъ яркаго солнца и приподнимая верхнюю губу настолько, что изъ-за нея сверкали бѣлые зубы, Корниловъ скользилъ взглядомъ по скрипящему, гремящему и гудящему отъ топота множества копытъ, человѣческихъ ногъ и стука колесъ мосту, внимательно осматриваясь по сторонамъ, свѣряясь съ картой, которую держалъ въ чрезвычайно блѣдной, маленькой, точеной рукѣ съ длинными, тонкими пальцами и отдавалъ штабнымъ офицерамъ какія-то приказанія.

Около Корнилова, заложивъ руки за спину, по-бычьи низко опустивъ голову, нервной, развалистой походкой на толстыхъ ногахъ прохаживался взадъ и впередъ на короткомъ разстояніи между шалашомъ и берегомъ грузный, съ моложавымъ, но оплывшимъ бритымъ лицомъ начальникъ штаба генералъ Романовскій.

Онъ былъ при шашкѣ, съ револьверомъ на боку его сѣрой, короткой шубейки и глубоко погруженный въ какія-

то думы, казалось, не замѣчалъ происходящаго вокругъ него.

По приказанію командующаго всѣхъ мужчинъ изъ обоза, способныхъ двигаться, адъютанты останавливали по переходѣ черезъ мостъ у землянки и раздавъ имъ запасныя винтовки съ патронами, партіями отправляли въ цѣпь.

Сѣдые, искалѣченные полковники, капитаны и штатскіе люди всякихъ ранговъ и положеній строились, какъ рядовые и шли въ бой.

Всѣ понимали, что сегодня положеніе арміи настолько трудное, какъ никогда прежде.

Большевистская артиллерія громила хутора и жидкіе добровольческіе цѣпи не только съ фронта, но уже и съ тыла и съ обоихъ фланговъ.

Тысячи повозокъ добровольческаго обоза, нѣсколько часовъ переправлявшіяся черезъ рѣчку, плотнымъ, громаднымъ прямоугольникомъ сосредоточились въ обширной долинѣ между рѣкой съ одной стороны и длинной возвышенностью съ другой.

Обозу некуда было двигаться. Онъ оказался запертымъ вмѣстѣ со своей арміей желѣзнымъ вражескимъ кольцомъ.

Большевики стянули сюда огромныя силы съ мощной артиллеріей.

Они знали, что добровольцы безъ снарядовъ, что патроны на исходѣ.

Это поднимало ихъ энергію и подвигало къ невиданному въ ихъ рядахъ напору.

На этотъ разъ красные рѣшили, во что бы то ни стало, доканать маленькую, но страшную армію.

Добровольцы съ сверхсильнымъ напряженіемъ бившіеся съ ранняго утра, нигдѣ еще не успѣли прорвать ни одного звена вражескаго желѣзнаго кольца, не расчистили еще кроваваго корридора.

Шрапнели, посылаемыя со всѣхъ сторонъ, почти безпрерывно рвались высоко въ небѣ надъ обозомъ, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе снижаясь.

Люди и лошади, за мѣсяцъ тяжкаго похода такъ привыкли къ огневому обстрѣлу, что, казалось, на опасность не обращали ни малѣйшаго вниманія.

Кое-гдѣ падали уже убитые и раненые

люди и лошади, оказывались поврежденными повозки, но это никого не смущало.

Обозъ притихъ и напряженно, но терпѣливо ждалъ конца боя.

Добровольческая артиллерія безмолвствовала.

Въ арміи знали, что во вчерашнихъ бояхъ подъ хуторами послѣдніе снаряды разстрѣляны, патроны были на исходѣ.

Высшее командованіе напрягало всѣ силы арміи, чтобы поскорѣе дорваться до Филипповскихъ хуторовъ, такъ какъ по свѣдѣніямъ развѣдки, тамъ имѣлись большіе склады снарядовъ и патроновъ.

Всю прошлую ночь добровольцы искали эти склады, такъ какъ отъ нахожденія или ненахожденія ихъ зависѣла жизнь и смерть арміи, но перерывъ всѣ дома и дворы, не нашли ни одного снаряда, ни одного патрона.

Большевики заблаговременно успѣли все это вывезти.

Теперь переутомленной, понесшей значительныя потери, маленькой арміи пришлось разсчитывать только на маневръ, на силу и крѣпость своего штыка и духа.

Часъ за часомъ проходили въ безпрерывномъ, ни на минуту не ослабѣвавшемъ, а все разгоравшемся боѣ.

Около полудня отъ артиллерійскаго обстрѣла въ оставленномъ за рѣкой хуторѣ загорѣлся рядъ хатъ и огонь распространялся неторопливо, ровно захватывая другія хаты и скирды соломы.

День былъ безвѣтреный.

Скоро пожаръ вспыхнулъ и на выселкахъ на противоположномъ берегу рѣчки, у самой головы добровольческаго обоза.

Въ грохотѣ огневого боя, особенно въ рѣдкіе и короткіе промежутки между пушечными выстрѣлами, слышалось безпрерывное, методическое, характерное и все усиливающееся зловѣщее гудѣніе и мелкое потрескиваніе сухого дерева, соломы и камыша, пожираемыхъ разроставшимся пламенемъ.

Казалось, милліоны россійскихъ солдатскихъ челюстей временъ горе-главковерха Керенскаго лущили, расщелкивали и похрустывая, разжевывали сѣмячки.

Иногда сквозь звуки боя, зловѣщій гудъ, шумъ и трескъ пламени доносилось отчаянное мычаніе коровъ, прорѣзывалось звонкое, испуганное ржаніе лошадей, лай

обезумѣвшихъ собакъ и тревожный, глухой человѣческій гомонъ.

Воздухъ накалялся. Поднимался вѣтерокъ. Отъ горящихъ хуторовъ на обозъ иной разъ, какъ изъ раскаленной печи, тянуло жаромъ.

Часамъ къ тремъ дня на главномъ передовомъ фронтѣ добровольцевъ дѣло начало принимать очень дурной оборотъ.

Отрядъ генерала Маркова, состоявшій преимущественно изъ молодыхъ, закаленныхъ въ бояхъ, офицеровъ, малочисленный, утомленный, поражаемый съ фронта и фланговъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, подъ напоромъ многочисленнаго врага сталъ медленно подаваться назадъ.

Цѣпи этого отряда уже появились на склонахъ возвышенности.

Съ низины, изъ обоза простымъ глазомъ уже видны были одиночные отступающіе стрѣлки.

Взоры всѣхъ съ трепетнымъ вниманіемъ приковались къ этимъ рѣзко отчеканеннымъ на ясномъ фонѣ неба чернымъ силуэтамъ.

— Плохо наше дѣло, совсѣмъ плохо...

— Да, всему есть предѣлъ, даже безумству храбрыхъ. Видимо, доживаемъ послѣднія минутки... Ну, что-жъ, на все Божья воля! говорили одни.

— Выворачивались изъ всякихъ обстоятельствъ, — замѣчали другіе. — Развѣ лучше было подъ Кереновской или у Усть-Лабы, подъ Некрасовской? На то Корниловъ... Вывернется и еще по рожѣ имъ накладетъ...

— Дай-то Богъ. Только большевики сегодня сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

И никто не тронулся, никто не заторопился, можетъ быть, потому что некуда было тронуться, не зачѣмъ торопиться. Все придетъ само собой въ свое время. Но кто имѣлъ револьверы, чаще обычнаго переводили на нихъ глаза.

Въ случаѣ катастрофы, это было единственное спасеніе отъ невыносимыхъ издѣвательствъ и мукъ.

Шрапнели снижались, еще усиленнѣе выли и причиняли еще большій вредъ людямъ и лошадямъ.

Каждую минуту можно было ожидать, что добровольческія цѣпи вотъ-вотъ будутъ сброшены внизъ, на обозъ.

Въ такомъ случаѣ для добровольческой арміи не оставалось бы выхода.

Ее ожидало поголовное истребленіе.

Обозъ пристылъ глазами къ своимъ защитникамъ.

Партизаны, съ утра дравшіеся въ арріергардѣ, съ большимъ успѣхомъ отражавшіе напоръ большевиковъ на оставшійся за спиной добровольцевъ хуторъ, наконецъ совсѣмъ разсѣявшіе передъ собою красныхъ, въ самый критическій моментъ по приказанію Корнилова были брошены на помощь изнемогавшему отряду Маркова.

Юноши, запыленные, усталые, но окрыленные новой, только что одержанной побѣдой, во главѣ съ своимъ бригаднымъ командиромъ — невозмутимо спокойнымъ генераломъ Богаевскимъ, стройными рядами бодро двинулись въ новый бой.

При переходѣ по мосту Корниловъ горячо благодарилъ ихъ за сегодняшнее молодецкое дѣло и ожидалъ отъ нихъ новой побѣды.

Похвала изъ устъ любимаго всѣми командующаго еще болѣе окрылила юныя сердца.

— Въ полчаса все кончимъ! увѣренно говорили Богаевскій и офицеры.

Пройдя поляну между повозками обоза, партизаны поднялись въ гору и на правомъ флангѣ офицерской бригады разсыпались въ цѣпь.

Марковцы прекратили отступленіе.

По всему фронту разгорѣлся еще болѣе горячій бой.

Отъ грохота орудій, отъ завыванія и разрыва снарядовъ, отъ рева пулеметовъ, отъ безпрерывнаго ружейнаго гула и шума разбушевавшагося сзади пожара, ничего не было слышно.

Но продолжался этотъ бѣшеный бой не болѣе получаса.

Большевики дрогнули.

Добровольцы дружно ринулись въ штыки.

Противникъ не принялъ удара и бѣжалъ.

XXV.

Минуя изрѣдка еще обстрѣливаемую артиллеріей дорогу, обозъ въ двѣ повозки рядомъ, по широкому и глубокому оврагу, подъ прикрытіемъ своей арміи двинулся впередъ къ юго-западу.

Скоро бой совсѣмъ отзвучалъ.

Потерпѣвшіе пораженіе большевики, понесшіе значительныя потери, расѣялись по неоглядной степи и ни единымъ движеніемъ или звукомъ не напоминали уже о своемъ существованіи.

Солнце низко склонилось къ кое-гдѣ заволоченному облаками горизонту.

Партизаны, слѣдовавшіе въ арріергардѣ, возбужденные сегодняшней двойной побѣдой, чувствуя себя героями дня, забросивъ ружья за плечи, вольнымъ шагомъ шли въ длинной колоннѣ по мягкой, слегка пыльной дорогѣ, извивавшейся по косогору надъ рѣчушкой.

Они дѣлились впечатлѣніями и особенно много толковали и сожалѣли о потерѣ въ сегодняшнемъ бою одного ротнаго командира — храбраго штабсъ-капитана Капельки.

Отсюда, съ высокаго бугра, передъ ихъ глазами открывалась картина шествія длинной, прерывистой вереницы обоза по извивавшейся, какъ громадная сѣрая змѣя, дорогѣ, начало котораго терялось гдѣ-то далеко, за нѣсколько верстъ впереди.

Пѣсенники вышли въ голову колонны.

Запѣвало — прапорщикъ Нефедовъ, широкоплечій и могучій, съ черными, вьющимися волосами надъ загорѣлымъ, энергичнымъ лицомъ, съ сѣрыми, огневыми глазами, завелъ любимую партизанами казачью пѣсню:

«Изъ лѣсовъ дрему-у-учихъ
«Ка-аза-аки идутъ,
«На рука-ахъ могу-у-чихъ
«Наѣздни-и-ика-а несутъ»...

Онъ молодецки встряхнулъ плечами, быстро вскинулъ на высоту головы свои руки съ разжатыми пальцами и столь же быстро бросилъ ихъ ладонями внизъ.

Хоръ грянулъ:

«Ужъ тучки, тучки понависли,
«На поле палъ туманъ.
«Скажи, о чемъ задумался,
«Скажи, нашъ атаманъ?»

Подголосокъ — молоденькій, круглолицый, съ смѣющимися сѣрыми глазами юнкеръ Кастрюковъ вдругъ сталъ задумчивымъ и серьезнымъ и своимъ свѣжимъ, нѣжнымъ, какъ дыханіе весны, ласкающимъ теноромъ покрылъ весь хоръ.

И казалось, что его чарующій и хватающій за душу голосъ, будящій какія-то невѣдомыя, тонкія сердечныя струнки, сразу оторвался отъ хора своихъ товарищей, какъ стрѣла, вспорхнулъ далеко-далеко ввысь и тамъ парилъ и кружилъ надъ ними, какъ паритъ и кружитъ, дѣлая несравненной красоты извороты и головоломныя петли сверкающій на солнцѣ въ поднебесьи своими крылами, бѣлый голубь, а внизу подъ нимъ дружно и плавно, но неизмѣнно на него равняясь, все впередъ и впередъ несется разномастная стая его товарищей и товарокъ...

И всѣмъ отъ этого пѣнія было и свѣтло, и легко, и радостно, и грустно, у всѣхъ всплывали въ воспоминаніи и стройной чередою проносились мечты, и образы, и цѣлыя картины.

Юрочка, отъ природы музыкальный, обладавшій прекраснымъ баритономъ, любилъ пѣть въ хору.

И теперь, увлеченный пѣніемъ, онъ весь отдался мечтамъ, навѣваемымъ словами пѣсни и припѣва.

Въ воображеніи его рисовалась грозная фигура атамана, богатыря-красавца, удалой головы.

Онъ представлялся ему въ образѣ есаула Власова, на дняхъ на его глазахъ убитаго подъ Выселками.

Юрочка не разъ любовался его исполинскимъ ростомъ, его совершенной фигурой, его матово-блѣднымъ, серьезнымъ лицомъ красавца, съ тонкими, черными, вьющимися усами, съ его властнымъ взглядомъ карихъ глазъ.

Жизнь Юрочки была такъ непосильно тяжка, что иногда о смерти онъ мечталъ, какъ о желанной избавительницѣ отъ всякихъ страданій и мукъ и думалъ, что за такимъ храбрецомъ, какъ Власовъ, онъ, не задумываясь, пошелъ бы въ пасть смерти.

«Носилки не просты-ы-ыя,
«Изъ ружей сло-о-ожены,
«Поперекъ стальны-ы-ые
«Мечи по-ло-о-ожены».

И снова грянулъ хоръ, исполняя припѣвъ, и снова подголосокъ-весна зачаровывалъ слухъ и сладко, и больно заставлялъ трепетать сердца.

Вдругъ откуда-то издалека спереди до слуха пѣвцовъ донесся взрывъ торжествующаго многоголосаго ура.

Ближе и ближе...

Звуки росли. Радостные крики перекидывались по вереницамъ повозокъ и по рядамъ пѣшихъ и конныхъ группъ, вспыхивая, какъ огни и разгораясь въ цѣлое пламя.

Скоро они слились въ одинъ облегчительный, протяжный возгласъ.

Пѣсня разомъ на полусловѣ оборвалась, точно ее обрубили.

Взоры всѣхъ съ недоумѣніемъ и пожирающимъ вниманіемъ устремились впередъ.

По косогорью имъ навстрѣчу скакалъ какой-то всадникъ.

Онъ былъ еще такъ далеко, что казался несущейся къ нимъ большой мухой.

Онъ быстро приближался.

Уже видно было, какъ онъ махалъ мохнатой темной папахой и что-то кричалъ.

И гдѣ онъ проскакивалъ, тамъ подхватывалось новое, неистовое, духъ захватывающее ура.

Всѣ предчувствовали какую-то большую радость, всѣ готовились услышать какое-то важное, счастливое извѣстіе, всѣ терялись въ догадкахъ.

И всѣ ревнивыми глазами нетерпѣливо слѣдили за приближающимся и вырастающимъ всадникомъ.

Совсѣмъ недалеко, отъ ближнихъ переднихъ повозокъ, вспыхнули новые, пододвинувшіеся, ликующіе клики.

И передъ глазами партизанъ на бугрѣ выросъ скачущій на взмыленной гнѣдой, ставшей отъ пота почти черной, лошади, низко пригнувшійся къ передней лукѣ всадникъ. Полы его сѣраго полушубка широко развѣва-

лись по вѣтру, темно-малиновый башлыкъ болтался за спиной.

Круглое, безбородое, съ короткими усами, лицо его было багрово-красно отъ скачки, напряженія и радости.

— Кубанская армія генерала Эрдели сейчасъ соединилась съ нами! зычнымъ, уже осипшимъ отъ крика, голосомъ грянулъ онъ.

Радость и счастіе какой-то огромной горой надвинулось и сразу всей своей тяжестью навалилось на измученныхъ, во все хорошее извѣрившихся партизанъ.

Духъ захватило въ гортани.

И вдругъ, точно по командѣ, изъ всѣхъ изнывшихъ въ безпрерывныхъ страданіяхъ грудей юношей и отроковъ вырвался одинъ облегчительный, побѣдный и грозный для побитаго и растрепаннаго врага вздохъ и вздохъ этотъ былъ могучее, дружное ура, присоединившееся къ еще неумолкнувшимъ радостнымъ кликамъ, раздававшимся по всей растянувшейся на десятки верстъ верениць обоза и войскъ.

Партизаны опомнились отъ перваго взрыва радости и счастія, хотѣли подробнѣе разспросить привезшаго такую живительную вѣсть офицера.

Тотъ былъ уже далеко, въ самомъ хвостѣ добровольческаго арріергарда.

— Такъ вотъ что значили эти вспышки въ степи. Помните, господа? Это когда мы дрались за Киселевскими хуторами. Помните? догадался одинъ изъ партизанъ.

— И гулы! Слышали гулы-то? Еще офицеры наши по-часамъ высчитывали, въ сколькихъ верстахъ идетъ бой, добавилъ другой.

— Значитъ, это къ намъ на соединеніе пробивалась армія Эрдели...

— Слава Богу! Теперь мы не одни, теперь мы покажемъ этимъ мерзавцамъ-большевикамъ...

— Говорятъ, у Эрдели до пяти тысячъ въ арміи и массу пушекъ и снарядовъ увезли съ собой изъ Екатеринодара...

— Снаряды у нихъ, должно быть, есть, не такъ, какъ у насъ. Ишь какъ гудѣли ихъ пушки по цѣлымъ днямъ.

— Теперь Екатеринодаръ, какъ пить дать, будетъ въ нашихъ рукахъ.

— Господа, а что, какъ все это онъ навралъ? И никакого Эрдели нѣтъ? усомнился кто-то.

— Кто навралъ?

— Да этотъ офицеръ.

Всѣ съ испугомъ, большими, вопросительными глазами глядѣли другъ на друга.

Разочарованіе было бы слишкомъ жестокимъ.

— Да тогда его повѣсить мало, упавшимъ голосомъ протянулъ одинъ изъ колонны.

— Не можетъ быть.

— Господа, такими вещами не шутятъ, — серьезно замѣтилъ Нефедовъ. — Чего же ради офицеръ взбулгачилъ бы всю армію и весь обозъ. Развѣ онъ безъ головы?! За это начальство по головкѣ не погладитъ. А верховный безъ разговоровъ прикажетъ повѣсить на первой осинѣ.

— Да, да. Правда. Этимъ не шутятъ. Небось, если бы вздумалъ взбрехнуть, ну сказалъ бы по секрету двумъ-тремъ...

— Но онъ могъ ошибиться...

— Какая тамъ ошибка?! Ошибки не можетъ быть.

— Эхъ, жаль. Не задержали его да не разспросили хорошенько.

Сомнѣнія разсѣялись и всѣ успокоились на мысли, что помощь близка.

Теперь и усталость прошла. Всѣ забыли, что не ѣли со вчерашняго дня, всѣ и думали, и говорили только объ одномъ: о соединеніи съ кубанской арміей, о движеніи на Екатеринодаръ, объ очищеніи отъ разбойничьихъ большевистскихъ бандъ казачьихъ земель, о желанномъ отдыхѣ и человѣческихъ условіяхъ жизни въ сносной обстановкѣ.

Тяжелы были почти безпрерывные бои и походы, но едва ли чины арміи меньше страдали и отъ холода, мокроты, грязи, вшей, голода и другихъ неудобствъ жизни.

Всѣ эти тяжкія условія и ужасающія обстоятельства дѣйствовали угнетающе на состояніе духа маленькой, измученной арміи.

Теперь окрылились дерзкія, яркія надежды, нахлынули ослѣпительныя мечты на близкое спасеніе несчастной, обманутой, гибнущей родины. Не даромъ же понесли они столько трудовъ, лишеній, жертвъ! Тутъ была ра-

дость, было счастье, точно въ тѣла этихъ до полусмерти замученныхъ молодыхъ людей вдругъ кто-то вдунулъ животворящій духъ.

Всѣхъ занимали вопросы: какова численность присоединившейся арміи, какой у нея запасъ снарядовъ, патроновъ, сколько пушекъ, каковы ея настроеніе и боеспособность.

Объ этомъ шли разнорѣчивые разсужденія и толки.

Одно для всѣхъ было ясно, что теперь они не одни, что ихъ непроницаемая доселѣ разъединенность со всѣмъ міромъ въ одномъ мѣстѣ уже прорвана, что шансы на одолѣніе трусливаго, гнуснаго и безчисленнаго врага значительно повысились.

А тамъ дальше прозрѣютъ и станутъ на ихъ сторону и всѣ кубанскіе казаки. Тогда силы ихъ увеличатся въ неизмѣримой степени.

И въ различныхъ частяхъ арміи и обоза еще долго вспыхивало и подхватывалось мощное радостное ура.

Разсѣявшіеся по степи, по камышевымъ зарослямъ, по лѣсистымъ буеракамъ и балкамъ большевики, слыша эти неистовые, побѣдные клики изъ рядовъ Добровольческой арміи, бросали ружья, сумки, даже верхнее платье и обувь, обрубали у артиллерійскихъ запряжекъ постромки и ополоумѣвшіе, конные и пѣшіе, опережая и еще болѣе пугая другъ друга, въ безпамятствѣ бѣжали и бѣжали, куда глаза глядятъ.

У всѣхъ была одна довлѣющая мысль, одинъ неумолчный крикъ сердца: спасаться, спасаться, во что бы то ни стало, отъ этихъ страшныхъ, неумолимыхъ, всегда побѣдоносныхъ «кадетовъ».

Но некому было преслѣдовать ихъ.

Добровольческая армія, переутомленная безперерывными походами и боями, съ порѣдѣвшими рядами, оборванная, голодная, не имѣвшая снарядовъ, израсходовавшая почти всѣ патроны, везшая въ своемъ неповоротливомъ обозѣ трупы своихъ убитыхъ, которыхъ некогда и негдѣ было похоронить, съ громаднымъ транспортомъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ нечѣмъ было накормить, нечѣмъ одѣть, нечѣмъ лечить и даже некѣмъ охранять, спѣшила на соединеніе съ кубанцами и жаждала отдыха и подкрѣпленій.

Вечеромъ добровольцы пришли въ полуопустѣвшую Рязанскую станицу, изъ которой казаки-фронтовики сегодня почти поголовно сбѣжали къ большевикамъ, а ихъ отцы и дѣды встрѣчали Корнилова съ хлѣбомъ-солью, какъ давно жданнаго дорогого гостя и на колѣняхъ, со слезами цѣловали его руки.

Совершалось что-то непостижимое, въ одной семьѣ, недавно столь дружной и согласной, шелъ великій разнобой, чреватый невообразимо страшными, гибельными послѣдствіями.

XXVI.

Теперь въ грязномъ, обвѣтренномъ и опаленномъ солнцемъ, загрубѣломъ и поѣдаемомъ вшами, росломъ, лохматомъ партизанѣ съ худымъ, большеглазымъ лицомъ, съ своеобразной боевой выправкой, въ затрепаной, рваной шинелишкѣ, въ дырявыхъ, тяжелыхъ ботинкахъ, съ ружьемъ въ рукахъ и съ сумкой патроновъ при боку едва ли можно было узнать прежняго нѣжнаго, хорошенькаго, краснощекаго, опрятно-одѣтаго, вымытаго и причесаннаго гимназиста Юрочку-любимца и баловня богатыхъ родителей.

И для самого Юрочки въ его собственномъ сознаніи вся жизнь его разительно и рѣзко переломилась пополамъ:

Одно—это то, что было до побѣга изъ Москвы, другое—невыразимо дикое, кошмарное и тѣмъ не менѣе непререкаемо реальное, дѣйствительное, ежечасно и ежеминутно ощутимое и переживаемое—послѣ побѣга.

Для него между этими двумя стадіями его жизни какъ будто ничего общаго не осталось.

Ему въ безпрестанной тревогѣ, голодѣ, холодѣ и кровавой борьбѣ за право двигаться и дышать на родной землѣ некогда было вспоминать о прежней жизни, о дѣтскихъ годахъ, когда же такія воспоминанія возставали передъ нимъ, то онъ гналъ ихъ, ибо они возбуждали въ немъ досаду, похожую на стыдъ за то, что онъ дошелъ до настоящаго нищенскаго состоянія, хотя и сознавалъ, что онъ нисколько неповиненъ въ тѣхъ невообразимыхъ злоключеніяхъ, какія выпали на его страшную долю и на долю такихъ же несчастныхъ, юныхъ и преслѣдуемыхъ,

какъ и онъ, русскихъ страстотерпцевъ и мучениковъ— его сверстниковъ.

И часто ему казалось, что не онъ, Юрочка, теперь такой грязный и вшивый, жилъ когда-то холеный и чистенькій подъ крыломъ любящихъ родителей въ роскошной квартирѣ, съ свѣтлыми, просторными комнатами, съ налощенными паркетными полами, покрытыми пушистыми коврами и звѣриными шкурами, съ мягкой, удобной мебелью, въ квартирѣ, въ которой столько картинъ, книгъ, зеркалъ, посуды и драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ, не его гувернантки учили тремъ иностраннымъ языкамъ, не онъ обѣдалъ въ родной семьѣ за столомъ, всегда покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью, имѣя свой собственный приборъ, не онъ спалъ въ своей комнатѣ въ чистой постели, не его ласкали прекрасныя, нѣжныя ручки матери, не отецъ баловалъ его, не онъ былъ любимцемъ семьи и школьныхъ товарищей, а кто-то другой, посторонній, мало общаго съ нимъ имѣющій.

Теперь онъ только партизанъ Кирѣевъ — смѣлый, искусный, гордый воинъ, никогда не отлынивающій, никогда не отказывающійся отъ самыхъ рискованныхъ и опасныхъ боевыхъ предпріятій, желающій жить, но знающій, что когда пробьетъ его предѣльный часъ, онъ безтрепетно, честно, геройски встрѣтитъ смерть и съ достоинствомъ отойдетъ въ царство тѣней изъ этой постылой, опакощенной всяческой ложью, хамствомъ, звѣрствомъ и кровавымъ кошмаромъ жизни, отойдетъ ни передъ кѣмъ не пресмыкаясь, ни у кого не вымаливая права на существованіе.

Большевиковъ ненавидѣлъ онъ безумно и мстилъ имъ жестоко за мученическую смерть отца, за неизвѣстную судьбу матери и сестренокъ, за убитыхъ, искалѣченныхъ и замученныхъ соратниковъ, за разрушенную и поруганную родину. Но больше и сильнѣе всего въ мірѣ презиралъ и ненавидѣлъ онъ евреевъ. Въ нихъ онъ инстинктомъ чувствовалъ, какъ чувствуютъ опасность, непримиримыхъ враговъ русскаго народа и у него, какъ и у всѣхъ его сверстниковъ въ отрядѣ, укоренилось нерушимое убѣжденіе, что никто другой, а только еврейство подготовило и устроило великую смуту и бойню на Руси и оно ведетъ Россію и русскій народъ путемъ невиданнаго погрома къ полному обнищанію и уничтоженію.

Онъ, какъ и всѣ его соратники, жилъ жизнью безпріютнаго звѣря въ такихъ ужасахъ и лишеніяхъ, что считалъ себя счастливымъ только тогда, когда въ чрезвычайно рѣдкое отъ походовъ, боевъ и сторожевокъ время ему удастся хоть чѣмъ-нибудь утолить постоянно мучавшій его голодъ, найти хотя бы грязный и вонючій, но теплый уголъ гдѣ-нибудь на голомъ полу среди вповалку лежащихъ товарищей, дабы высушить и отогрѣть свои иззябшіе, обмокшіе, натруженные до боли, усталые члены и поспать мертвымъ сномъ нѣсколько часовъ.

Но и такое скромное счастіе рѣдко выпадало на долю Юрочки.

Чаще же отъ постояннаго нервнаго напряженія, отъ физическаго переутомленія и хронической голодовки, онъ доходилъ до состоянія полнаго безразличія.

Ни пули, ни артиллерійскіе снаряды, свиставшіе и рвавшіеся вблизи него, убивавшіе и ранившіе его товарищей, не дѣйствовали тогда на него.

Онъ такъ уставалъ, что ему хотѣлось только сна, покоя, хотя бы такое блаженство пришлось купить цѣною собственнаго существованія.

Часто ему казалось, что та сверкающая, счастливая, нормальная и радостная жизнь въ родительскомъ домѣ, въ атмосферѣ родственной любви и ласки не была его собственной жизнью. Это была чья-то чужая. Ее онъ наблюдалъ гдѣ-то со стороны, видѣлъ въ сладкомъ, дразнящемъ, несбыточномъ снѣ, слышалъ о ней въ волшебной, чарующей сказкѣ.

Онъ же, Юрочка, совсѣмъ одинокій, всѣмъ чужой, безъ прошлаго, безъ будущаго, безъ надеждъ.

И такими же выброшенными изъ міра, безпощадно преслѣдуемыми имъ, одинокими оказались и всѣ его юные сверстники.

Все, что за всю его недолгую жизнь старательно внушали Юрочкѣ въ родительскомъ домѣ, въ школѣ, въ газетахъ, въ книгахъ, въ товарищеской средѣ, всѣ эти выспренныя, широковѣщательныя разглагольствованія о добрѣ, о правдѣ, о «высокихъ» демократическихъ и соціалистическихъ принципахъ, о свободѣ, братствѣ и равенствѣ, все это на дѣлѣ оказалось не только жалкой и вредной болтовней, а хуже — гнусной ложью, подлой преднамѣренной провокаціей и жесточайшимъ обманомъ. Все это теперь ежеминутно и ежесекундно показательно и неотразимо

опровергается кровавымъ кошмаромъ жизни. Все это оплевано, разбито, попрано и ежеминутно откровенно и цинично попирается грязными лапами торжествующихъ подлецовъ. За всѣ эти сладкія, выспренныя слова демократическихъ сиренъ глупые русскіе люди заплатили и еще заплатятъ потоками своей крови, невиданнымъ униженіемъ, страданіями, паденіемъ и нищетой. Только дураки это не видятъ и этого не понимаютъ. Юрочка уразумѣлъ это собственнымъ страшнымъ опытомъ.

Ужасная жизнь, опаснѣе и непригляднѣе жизни всякаго дикаго звѣря, выпавшая на его долю и на долю его однолѣтокъ въ своей родившей ихъ странѣ, среди своего родного народа, только ожесточила его безмѣрно испытавшее сердце и заставила ни во что доброе, правдивое и справедливое не вѣрить. на землѣ.

Жизнь показала ему только окровавленную, хищную пасть, острые зубы и когти.

Онъ видѣлъ только попранныя правду и справедливость и откровенное торжество негодяя, подлеца и обманщика.

Во всемъ подражая удальцу—Волошинову, любившему рукопашныя схватки, въ которыхъ онъ былъ положительно неодолимъ, Юрочка давно уже научился владѣть собою, въ бояхъ былъ спокоенъ, какъ зѣницу ока, берегъ патроны, стрѣлялъ только на близкихъ разстояніяхъ и при томъ всегда на выборъ, чтобы пуля не пропала даромъ.

Онъ презиралъ тѣхъ своихъ соратниковъ, которые, не успѣвши залечь въ цѣпи, уже не выдерживали, а открывали безрезультатную пальбу, какъ только завидятъ вдали противника.

На большевиковъ онъ смотрѣлъ, какъ на бѣшеныхъ собакъ, которыхъ надо истреблять, дабы самому не оказаться растерзаннымъ ими.

Онъ велъ счетъ собственноручно убитымъ врагамъ и каждое лишнее убійство доставляло ему особенное злорадное удовлетвореніе: однимъ свирѣпымъ, опаснымъ негодяемъ меньше.

Въ рукопашныхъ схваткахъ Юрочка, не задумываясь, съ холоднымъ ожесточеніемъ можжилъ прикладомъ болшевистскіе черепа и пропарывалъ штыкомъ животы и груди.

Къ большому огорченію Волошинова и другихъ «старыхъ» партизанъ рукопашные бои въ Кубанскомъ походѣ случались не такъ часто, какъ на Дону во времена Чернецова, потому что красные «народные» воины, въ началѣ испробовавъ на самихъ себѣ безпощадную силу штыковъ и прикладовъ «дохлыхъ» *) «кадетовъ», предпочитали вести бои на дальнихъ разстояніяхъ и тотчасъ же улепетывали, какъ только добровольцы, поднявшись во весь ростъ, переходили въ штыковую атаку.

И теперь въ этомъ изнурительномъ, неимовѣрно-тяжеломъ походѣ война на Дону въ отрядѣ Чернецова его немногимъ, оставшимся въ живыхъ, соратникамъ, казалась раемъ небеснымъ по сравненію съ настоящимъ.

По крайней мѣрѣ, тамъ всегда были сыты, всегда въ теплѣ, хорошо одѣты, не такъ смертельно переутомлялись, бои чередовались съ шумными, веселыми пирушками, а главное — впереди мерцали и манили надежды на близкій конецъ кроваваго большевизма, на отрезвленіе Родины отъ смрадныхъ дьявольскихъ чаръ революціи.

Здѣсь одни лишенія, бои, опасности и почти никакихъ надеждъ.

14-го марта въ степномъ черкесскомъ аулѣ Шенджи состоялось фактическое и формальное соединеніе Добровольческой и Кубанской армій подъ общимъ водительствомъ генерала Корнилова.

Собственно, Кубанской арміей остался командовать недавно еще въ императорскія времена капитанъ-летчикъ, а теперь революціонный генералъ Покровскій, соединенная же кавалерія обѣихъ армій поступила подъ начальство генерала Эрдели.

Силы увеличились почти вдвое.

Но самое важное было то, что малочисленная кавалерія добровольцевъ пополнилась цѣлой тысячью кубанскихъ казаковъ и у присоединившейся арміи имѣлись орудія и снаряды.

Та часть Кубанской области, въ которую вступили теперь соединенныя бѣлыя арміи, была бѣдна хлѣбомъ и продуктами. питанія.

На низины степныхъ черкесскихъ ауловъ съ недале-

*) Сытые, хорошо одѣтые красноармейцы называли добровольцевъ дохлыми за то, что тѣ были изможденны, худы и дурно одѣты.

кихъ Кавказскихъ горъ подулъ холодный вѣтеръ, нагналъ на синее небо мутныя тучи, закрывшія солнце.

Зазеленѣвшая уже земля подернулась сплошной темной, унылой тѣнью.

13 марта весь день накрапывалъ дождь, но было еще тепло, 14-го похолодѣло и дождь шелъ постояннѣе и сильнѣе.

Земля, подъ дѣйствіемъ жгучихъ солнечныхъ лучей за предыдущую недѣлю совершенно оттаявшая, теперь сразу превратилась въ черную, вязкую и липкую грязь.

Черкесы въ первые дни появленія въ ихъ сторонѣ добровольцевъ приняли нежданныхъ, но желанныхъ гостей съ чисто восточнымъ радушіемъ.

Они при всей своей бѣдности отпускали для добровольцевъ хлѣбъ и мясо даромъ, ни за что не желая получать денегъ, но узнавъ, что армія остановилась въ ихъ аулахъ только временно, мимоходомъ, черкесы жестоко пріуныли и уже не оказывали прежняго радушія.

Только-что похозяйничавшіе у нихъ большевики перебили почти всю ихъ молодежь, разграбили сакли, изнасиловали женщинъ.

Они знали, что съ уходомъ добровольцевъ со стороны красныхъ ихъ ждетъ безпощадная месть: аулы будутъ сожжены, добро разграблено, удѣлъ мужчинъ—истязанія и разстрѣлы, женщины вновь будутъ подвергнуты насиліямъ и позору.

На призывъ Корнилова встать въ ряды Добровольческой арміи, черкесы откликнулись охотно и быстро сформировали конный полкъ.

Юрочка и другіе партизаны съ обостреннымъ любопытствомъ стремились увидѣть въ домашней обстановкѣ черкесовъ—этотъ воспѣтый русскими поэтами минувшаго вѣка воинственный народъ.

«Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ,
«Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ»...

Цитировалъ Юрочка стихи безсмертнаго Пушкина и въ его воображеніи черкесъ рисовался воплощеніемъ мужской красоты, силы, безстрашія и ловкости.

Кто-то сказалъ ему, что степные кубанскіе черкесы, въ аулы которыхъ вступили теперь бѣлыя арміи, принадлежатъ къ самому воинственному и благородному племени кавказскихъ народностей а-ды-гэ.

Юрочку непріятно поразило то, что сакли черкесовъ были по большей части саманныя, низкія, тѣсныя, куда меньше и бѣднѣе жилищъ кубанскихъ казаковъ, а съ донскими нарядными, опрятными и просторными куренями, часто съ городской меблировкой и сравнивать нельзя. На тѣсныхъ улицахъ и въ дворахъ—нечистота, навозъ, грязь и вонь.

Черкесы и черкешенки представлялись Юрочкѣ высокимъ, стройнымъ народомъ, одѣтымъ въ свои живописные національные костюмы и непремѣнно всѣ — жгучіе брюнеты и брюнетки.

На самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ испуганный, подавленный, бѣдный народъ, обычнаго средняго роста, одѣтый почти такъ же, какъ одѣваются во всей Россіи фабричные и мастеровые, только цвѣта одеждъ поярче и легче обувь. Среди черкесовъ попадалось много сѣроглазыхъ, круглолицыхъ блондиновъ и блондинокъ и даже рыжихъ.

Объ оружіи не могло быть и рѣчи.

Его отняли большевики.

Все это разочаровало Юрочку.

XXVII.

Добровольцы воспользовались короткой передышкой отъ боевъ и на землѣ одного изъ ауловъ похоронили своихъ убитыхъ, тѣла которыхъ, дабы не отдать своихъ мертвыхъ на поруганіе презрѣнному врагу, по приказанію командующаго везли съ собою на подводахъ изъ подъ Лабинской, и Некрасовской станицъ, Киселевскаго и Филипповскихъ хуторовъ.

Въ бѣдныхъ аулахъ не находилось ни достаточнаго количества помѣщеній, ни дровъ для отопленія, ни мяса, ни хлѣба, ни молока.

Чины соединенныхъ армій, спасаясь отъ холода и непогоды, ютились въ сараяхъ, въ тѣсныхъ, съ желѣзными печурками, закоптѣлыхъ кунацкихъ, напихиваясь въ каждый клѣтушокъ, въ каждую комнатку, подъ каждую крышу по столько человѣкъ, что не всѣмъ представлялась возможность сидѣть, ѣли кукурузныя лепешки, прѣсный чурекъ и пышки на горчичномъ маслѣ и только немногимъ счастливцамъ удавалось купить немного баранины и буйволинаго молока.

Всѣмъ было и голодно, и холодно, и мокро.

Положеніе больныхъ и раненыхъ, несмотря на всѣ заботы командующаго, который никогда не забывалъ о своихъ выбитыхъ изъ рядовъ бойцахъ, оказалось хуже всѣхъ.

Въ послѣдней богатой станицѣ Рязанской для нихъ было реквизировано много одѣялъ и халатовъ и ими ихъ укрыли.

Но такъ какъ помѣщеній въ маленькихъ аулахъ было недостаточно, то большинство этихъ страдальцевъ по нѣсколько сутокъ не пришлось снимать съ повозокъ.

И они безъ свѣжихъ перевязокъ, безъ лекарствъ и почти безъ ѣды, дни и ночи проводили на улицахъ и площадяхъ подъ открытымъ, холоднымъ, дождливымъ небомъ.

У многихъ одѣяніе давно промокло, замѣнить его было нечѣмъ, просушиться негдѣ.

Съ 14-го на 15-ое марта всю ночь напролетъ шелъ проливной дождь, а на утро соединенныя арміи, каждая получивъ свою отдѣльную боевую задачу, Кубанская изъ станицы Калужской, Добровольческая изъ аула Шенджи, подъ непереставшимъ дождемъ вышли въ направленіи станицы Ново-Дмитріевской.

Обозъ добровольцевъ былъ направленъ на Калужскую.

Дорога отъ Шенджи до Калужской, чуть не сплошь перерѣзанная лѣсистыми оврагами, безчисленными ручейками и балками, пролегающая по бугроватой, со множествомъ болотъ, мѣстности, въ наступившую росторопь совсѣмъ раскисла и оказалась невообразимо тяжка не только для длиннаго, неповоротливаго обоза, но даже и для всадника.

Утромъ отъ косого, частаго и мелкаго дождя всю степь заволокло сырой, туманной пеленою.

Вѣтеръ, какъ разудалый добрый молодецъ, гулялъ и свисталъ по широкой степи, по буеракамъ, по частымъ водомоинамъ, трепалъ, рвалъ и выворачивалъ съ корнями попадавшіяся на его пути деревья.

На колеса повозокъ громадными, сплошными, отъ ободьевъ до ступицъ, пластами наворачивалась темно-бурая, липкая грязь.

Колеса походили на неуклюже обтесанные и густо осмоленные тяжелые мельничные жернова.

Лошади по колѣно и даже выше завязали въ грязи, хрипѣли и надрывались отъ натуги, рвали сбрую и уносы и изнеможенныя, падали сами, чтобы больше не встать и засасываемыя размякшей землею, лежали, покорно ожидая смерти.

Въ короткое время путь усѣялся сломанными и опрокинутыми на бокъ повозками, съ торчащими въ воздухѣ колесами, павшими лошадьми и отчаянно бившимися кучками людей, спасавшихъ себя и остатки своего послѣдняго имущества.

Больные и раненые стонали и кричали, взывая о помощи или прося у Бога смерти.

Они страдали не только отъ невзгодъ стихіи и отъ болей въ своихъ ранахъ, но и отъ каждаго толчка по дорогѣ, а толчки были на каждомъ шагу.

Имъ помогали, какъ могли, но въ сущности помочь было нечѣмъ.

Всѣ были одинаково несчастны, одинаково безпомощны и всѣ едва прикрыты остатками своихъ истрепавшихся одеждъ.

Поручикъ Клушинъ съ раздробленными ногами лежалъ въ одной изъ повозокъ обоза съ другимъ раненымъ — гвардейскимъ подпоручикомъ Кистеромъ изъ офицерскаго полка.

Оба были ранены подъ Киселевскимъ хуторомъ, оба съ тѣхъ поръ ѣхали вмѣстѣ.

Кистеръ былъ совсѣмъ еще мальчикъ.

Лѣвая рука его была перебита въ локтѣ, на правой оторвано три пальца, въ боку тяжкая рана съ переломомъ реберъ.

Нѣсколько разъ во время похода ихъ перевязывали, но за недостаткомъ времени, помѣщеній, лекарствъ и хирургическихъ инструментовъ не могли приступить къ основательнымъ операціямъ, чтобы удалить изъ ихъ тѣлъ осколки костей, а о гипсовыхъ повязкахъ и маскахъ и думать было нечего.

Матеріаловъ для нихъ армія не имѣла.

У всѣхъ была только одна надежда—дотянуть до обѣтованной земли, каковой представлялся Екатеринодаръ, въ которомъ надѣялись найти и сносныя помѣщенія и лекарства, и инструменты, и бѣлье, и ванны.

Раны у Клушина и Кистера загнаивались.

Оба приходили къ сознанію, что обречены на медленную, мучительную смерть.

Простая, короткая мужицкая телѣга, въ которой они ѣхали, какъ будто нарочно была сколочена для того, чтобы пересчитывать всѣ неровности ужасной дороги.

Каждое движеніе колеса отдавалось нестерпимой болью въ раздробленныхъ членахъ.

Въ послѣдній день ни одной уже сухой нитки на нихъ не осталось.

Одѣяло и шинели, которыми они были укрыты и нижняя одежда ихъ нѣсколько часовъ не просыхали.

Холодная дождевая вода забиралась имъ подъ рубашки.

Они согрѣвались только собственной теплотой и дыханіемъ.

Молоденькая сестра милосердія Александра Павловна, не вынесши созерцанія адскихъ страданій своихъ раненыхъ, укрыла ихъ своей единственной мѣховой шубкой городского покроя.

Она сдѣлала все, что могла, сама же въ пуховой вязаной кофточкѣ и шведской кожаной курткѣ, въ легкомъ платкѣ на головѣ и въ большихъ мужскихъ сапогахъ, съ лицомъ, почернѣвшимъ отъ холода, усталая и отупѣлая отъ своихъ и чужихъ страданій, вотъ уже нѣсколько часовъ подрядъ мѣсила грязь, идя рядомъ съ телѣгой, которую съ большой натугой едва тащила пара замореныхъ, мокрыхъ, какъ мыши, съ закурчавившейся шерстью лошаденокъ.

Отъ всѣхъ этихъ испытаній, а главное отъ сознанія полнаго своего безсилія чѣмъ-либо помочь раненымъ, она шла, вперивъ глаза въ пространство, съ выраженіемъ полнаго отчаянія и какой-то одервенѣлой безпомощности.

Кистеръ еще съ первыхъ дней своего раненія настолько ослабѣлъ, что по цѣлымъ часамъ лежалъ въ забытьи и бреду.

Когда стояла хорошая погода и грѣло солнце, онъ еще крѣпился. Видимо, у него еще были кое-какія надежды на продленіе жизни.

Но въ аулахъ, когда такъ рѣзко измѣнились къ худшему и условія существованія и погода, припадки забытья стали повторяться чаще и продолжительнѣе.

Одинъ разъ, придя въ себя послѣ обморока, Кистеръ съ тоскующими, страдальческими глазами обратился къ своему сосѣду съ мольбой:

— Не могу больше... Ради Бога, господинъ поручикъ, застрѣлите меня... Ну что вамъ стоитъ?! Разъ, два и готово... Если бы у меня не были изуродованы обѣ руки, я избавилъ бы васъ отъ этой непріятной операціи...

У Клушина былъ Наганъ съ пятью зарядами. Онъ тщательно скрывалъ его на всякій случай. Мысль о самоубійствѣ еще съ момента искалѣченія приходила ему въ голову, но у него еще тлѣли кое-какія надежды на жизнь. Онъ разсчитывалъ добраться до Екатеринодара, гдѣ затянутъ въ лубокъ его ноги и раздробленныя кости срастутся.

Просьба Кистера сначала показалась ему дикой и онъ наотрѣзъ отказался исполнить ее. Но одинъ за другимъ проходили мучительные дни. Положеніе ихъ все болѣе и болѣе ухудшалось. Страданія становились непереносимыми. Кистеръ стоналъ, кричалъ, приставалъ съ своей просьбой. На лицѣ его застыло выраженіе нестерпимой муки. И Клушинъ самъ уже находилъ, что иного выхода, кромѣ самоубійства, у нихъ у обоихъ больше нѣтъ.

Сегодня утромъ при выѣздѣ изъ Шенджи Кистеръ, корчась отъ боли въ боку и роняя крупныя слезы изъ глазъ, возобновилъ свою просьбу.

— Вы не подумайте, господинъ поручикъ, что я плачу отъ боли или отъ жалости къ самому себѣ... — объяснялъ Кистеръ. — О, нѣтъ! Я — крѣпкій. Все перенесу... Даю честное слово офицера... Но понимаете, уже никакихъ надеждъ... А тутъ разъ и концы въ воду...

Клушинъ задумался на нѣсколько секундъ. Кистеръ, не сводя своего страдальческаго взгляда съ лица товарища по несчастью, напряженно ждалъ.

— Потерпите немножко, подпоручикъ, — промолвилъ Клушинъ, — больше терпѣли. Вотъ когда совсѣмъ будетъ плохо, тогда вмѣстѣ...

— А позвольте знать... скоро?

— *Думаю... сегодня.*

— Даете слово? Не забудете, господинъ поручикъ? съ радостью ухватился Кистеръ.

— Даю слово.

— Честное слово офицера?

— Честное слово офицера, подтвердилъ Клушинъ.

— Вы меня много обяжете... такой услуги никогда не забуду. Теперь я спокоенъ. Я не знаю, какъ васъ благодарить, господинъ поручикъ...

— Не за что, подпоручикъ...

— Пожалъ бы вамъ руку, да нечѣмъ. Такъ не забудете?

— Я далъ слово.

— Слушаю, господинъ поручикъ.

XXVIII.

Часовъ съ 11-ти утра въ воздухѣ значительно похолоднѣло; вѣтеръ повернулъ съ недалекихъ горъ и съ каждой минутой усиливаясь, обдавалъ ледянымъ холодомъ, бурей завывая въ степной пустынѣ.

На глинистой землѣ, не успѣвавшей поглащать и впитывать громадное количество водяныхъ осадковъ, широко разливались лужи, быстро превращавшіяся въ сплошныя озера.

Вмѣсто дождя повалилъ частый, косой, мелкій снѣгъ, больно бившій въ лицо, слѣпившій глаза и проникавшій въ малѣйшія отверстія рваныхъ одеждъ, а потомъ закрутилъ, завертѣлъ и завылъ, точно гдѣ-то недалеко за сплошной бѣлой стѣной, мгновенно со всѣхъ сторонъ вставшей передъ глазами, гикали и рѣзвились торжествующіе бѣсы или щелкая зубами, злобно завывали огромныя стаи голодныхъ волковъ.

Клушинъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносилъ всѣ страданія, разболѣвшихся ранъ старался не замѣчать, мирился съ холодомъ и мокротой, но больше всего мучалъ его дурной запахъ, распространявшійся отъ Кистера, а въ послѣдніе дни и отъ него самаго.

«Заживо сгниваю, — съ холоднымъ, безнадежнымъ ужасомъ думалъ онъ. — И уже никто и ничто помочь не можетъ. Вотъ судьба!».

Нестерпимый холодъ пронималъ все мокрое тѣло Клушина. Раны были точно совсѣмъ обнажены на вѣтру и морозѣ. Все тѣло его нестерпимо, болѣзненно ныло и дрожало мелкой дрожью. Какъ ни силился Клушинъ отыскать въ умѣ своемъ какіе-либо ободряющіе выходы,

мысль его или растекалась въ безнадежномъ пространствѣ или билась, какъ птица въ клѣткѣ, наталкиваясь на однѣ только непреодолимыя преграды.

Всю жизнь беззаботный, веселый, жизнерадостный, Клушинъ и къ войнѣ, и къ своимъ многочисленнымъ раненіямъ относился, какъ къ маленькимъ, подчасъ забавнымъ эпизодамъ. Теперь, оказавшись безнадежно искалѣченнымъ, онъ сталъ серьезнѣе задумываться.

Этотъ молодой человѣкъ, прямо со школьной скамьи попавшій на войну, несознанной, органической любовью любилъ русскую армію и особенно свой полкъ, любилъ Царя, любилъ Россію и лилъ свою кровь за нихъ, потому что это его долгъ солдата и офицера, потому что это такъ надо. Во время революціи, когда Государь отрекся отъ Престола, Клушинъ пошелъ за революціонными генералами, потому что они лучше его, Клушина, знаютъ, что необходимо для славы русской арміи и для счастья Родины. Но когда Керенскій посадилъ Корнилова и другихъ генераловъ и офицеровъ въ Быховскую тюрьму за то, что они стояли за возстановленіе въ арміи дисциплины и порядка, что хотѣли покончить съ ядромъ революціонной гидры — совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, когда ему самому пришлось спасаться отъ самосуда собственныхъ солдатъ, съ которыми раньше при Царѣ у него рѣшительно никогда никакихъ недоразумѣній не было, Клушинъ пошелъ за Корниловымъ, потому что онъ вѣрилъ, что только одинъ Корниловъ можетъ спасти армію и Россію.

Теперь онъ отдалъ все отвергшей, безпощадно гнавшей и преслѣдовавшей его Родинѣ. Онъ искалѣченъ, безпомощенъ, никому не нуженъ и околѣваетъ хуже, чѣмъ собака подъ заборомъ. Но Клушинъ никого не винилъ и ни на кого не ропталъ. Что же дѣлать? Значитъ, такова его судьба.

Выходъ былъ одинъ. Часъ расчета наступалъ. Клушинъ ощупалъ свой револьверъ.

Съ такими безпросвѣтными мыслями онъ, озябшій и дрожащій, незамѣтно для себя забылся.

Онъ видѣлъ во снѣ свою родную орловскую деревню, маленькую, полузаброшенную усадьбу, въ которой онъ родился. Въ старый дѣдовскій, такой дорогой и знакомый домъ влетѣла птичка, похожая на щегла, только побольше и поярче его опереніемъ. Онъ совсѣмъ маленькій маль-

чикъ въ бѣлой рубашкѣ и въ брюкахъ съ подтяжками. Онъ поеживается, все тѣло его болитъ отъ холода. Надо бы одѣться потеплѣе, но ему некогда. Птичка можетъ улетѣть. Ему до смерти хочется ее поймать. Она испуганно и быстро летала по всѣмъ комнатамъ, билась во всѣ углы, жалобно и громко, не по-птичьи какъ-то пищала и человѣческимъ взглядомъ смотрѣла на него, какъ бы сама и просилась, и боялась попасть къ нему въ руки. Онъ бросился ловить ее, подкрадывался къ ней на цыпочкахъ. А она, уцѣпившись лапками гдѣ-нибудь за стѣну, за занавѣску, за карнизъ, или подоконникъ, казалось, ждала, чтобы онъ схватилъ ее и все жалобно, тоскливо пищала и пищала, точно манила его къ себѣ. Но каждый разъ, какъ только онъ уже касался рукой ея, она съ тоскливымъ пискомъ вспархивала и улетала... Ему было смертельно досадно, что никакъ не можетъ поймать ее, что она каждый разъ такъ предательски ускользала. Онъ вошелъ въ азартъ и долго, долго гонялся за ней по всѣмъ комнатамъ и угламъ и въ сердцѣ его вселилась безнадежность, что не поймать ему птички, а онъ чувствовалъ, что если не овладѣть ему этой крылатой летуньей, тогда пропало все, но что именно пропало, онъ не зналъ, но что-то важное, отъ чего зависитъ вся судьба и вся жизнь его... Наконецъ, птичка выпорхнула прямо изъ подъ его руки и черезъ открытую стеклянную дверь балкона исчезла въ воздухѣ.

— Улетѣла! съ испугомъ, съ великой горечью и тоской пробормоталъ онъ.

Съ этимъ словомъ на устахъ Клушинъ и проснулся.

Снизу исходилъ такой же пискъ, какимъ пищала приснившаяся птичка.

Онъ прислушался и понялъ, что при каждомъ своемъ поворотѣ, равномѣрно, черезъ опредѣленные промежутки времени, тоскливо скрипѣло одно колесо ихъ повозки.

Это окончательно вернуло Клушина къ ужасающей дѣйствительности.

Зачѣмъ не вѣчно снился этотъ сонъ? Зачѣмъ онъ не мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ и въ штанишкахъ съ подтяжками?

Онъ уже не дрожалъ, а лежалъ неподвижно, окоченѣлый, хотѣлъ откинуть отъ лица задубѣвшія одѣяло и шинель, но съ чрезвычайными усиліями да и то не сразу приподнялъ обезсилѣвшую и онѣмѣвшую правую руку.

Отъ напряженій все тѣло его дернулось.

Что-то заможжило въ ранахъ на ногахъ и нестерпимая боль, точно по проводамъ, прокатилась и отозвалась въ самомъ сердцѣ.

Изъ груди у него вырвались хрипъ и мычаніе, такъ какъ для крика у него не хватило голоса.

«Замерзаю. Кончено!» пронеслось въ его головѣ, но онъ не почувствовалъ уже ни прежняго ужаса, ни боязни, только боль во всемъ тѣлѣ стала непереносима, а въ сердце точно всадили толстое шило и ковыряли. и поворачивали имъ во всѣ стороны.

Прежде Клушинъ внутри себя чувствовалъ нѣчто такое, что согрѣвало всѣ его члены. Казалось, въ его организмѣ тлѣлъ какой-то маленькій очагъ, распредѣлявшій и разносившій теплоту къ периферіямъ.

Сейчасъ этотъ живительный очагъ погасъ. Все тѣло его отъ самаго нутра и до конечностей одинаково ровно застыло и захолодѣло.

«Э-э... плохо. Конецъ»... пронеслось въ его головѣ.

«Такъ нельзя. Довольно ужъ», безъ словъ сказалъ самому себѣ Клушинъ.

И каждое изъ этихъ несказанныхъ вслухъ словъ вырисовывалось передъ нимъ, какъ нѣчто значительное, огромное и непреложное, подобно непогрѣшимому, окончательному приговору.

Онъ какъ будто духовно переселился въ иной, болѣе опредѣленный и болѣе серьезный міръ, въ которомъ нѣтъ нашихъ условностей, виляній, лжи, обмана, гдѣ каждое душевное движеніе и каждая мысль мгновенно превращаются въ волю и дѣйствіе.

Клушинъ съ натугой изъ послѣднихъ силъ, точно многопудовую тяжесть, едва отвернулъ промерзлыя, занесенныя снѣгомъ шинели, одѣяло и шубку сестры.

На него пахнуло леденящимъ холодомъ и мелкій, кружащійся снѣгъ запорошилъ ему лицо.

Онъ увидѣлъ только тонкую, худенькую спину и низко склоненную голову сестры съ налипшимъ на нее снѣгомъ.

Дѣвушка, рукой въ перчаткѣ держась за край телѣги, едва передвигала ногами.

Совсѣмъ въ бѣломъ туманѣ и самъ, какъ привидѣніе, бѣлый, рядомъ съ бѣлыми лошадьми впереди дѣвушки маячилъ возница — мужикъ.

КНИГОБИРЖА „СТУДІОНУ“ у Львові

Все бѣло, все въ снѣгу, все, даже самый воздухъ, обвито бѣлымъ саваномъ.

Отъ всего вѣяло унынiемъ смерти, небытiя.

«И для чего жить? Не надо», сказалъ себѣ Клушинъ, и снова слова эти, какъ непреложный доводъ, отчеканились въ его сознанiи.

Онъ потянулся за револьверомъ, но его что-то мучало, что-то недодѣланное, забытое.

«Да, надо поблагодарить сестру».

Онъ хотѣлъ произнести нѣсколько словъ, но языкъ, какъ огромное бревно, почти не поворачивался во рту, а въ гортани совсѣмъ не оказалось голоса.

Онъ едва просипѣлъ что-то, но и самъ даже не разслышалъ, что сказалъ.

«Не надо!» повелительно кто-то со стороны продиктовалъ ему.

Онъ снова закрылъ лицо шинелями и одѣяломъ и все таки что-то безпокоило его, чего-то онъ не додѣлалъ, что-то забылъ.

Клушинъ долго возился, вынимая изъ кобуры револьверъ. Пальцы плохо повиновались ему.

Онъ усталъ и нѣсколько разъ вынужденъ былъ отдыхать. Отъ возни боли въ ногахъ и сердцѣ стали еще нестерпимѣе, точно каленымъ желѣзомъ жгли его. Онъ, стиснувъ зубы, не обращалъ на нихъ никакого вниманiя. Все равно, конецъ.

Но безпокойство, но догадка о чемъ-то неисполненномъ, недодѣланномъ все время не только не покидали его, но усиливались.

Вынувъ револьверъ изъ кобуры, Клушинъ нечаянно взглянулъ на Кистера, вспомнилъ мучавшее его и обрадовался.

Пригожее, чернобровое, съ обострившимися чертами, съ страдальческими складочками, лицо Кистера посинѣло.

Въ забытьи онъ слабо дышалъ.

«Слово далъ, слово офицера россiйской Императорской армiи. А оно нерушимо. Сдержать надо!» съ радостью подумалъ Клушинъ.

Онъ долго примѣривался и наконецъ приложилъ-таки дуло револьвера къ уху Кистера, слабо дѣйствующимъ пальцемъ съ усилiемъ нажалъ на спускъ.

Подъ шинелями раздался глухой стукъ.

«Ага, теперь не встанетъ! — съ удовлетвореніемъ подумалъ Клушинъ. Ему стало легко, точно большая тяжесть оторвалась отъ сердца. — Слово сдержалъ».

Онъ усталъ и передохнулъ не больше одной секунды, но она протянулась въ его сознаніи, какъ безконечный ударъ въ вѣчности. Онъ спѣшилъ, боясь, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ выполнить задуманное и съ усиліемъ, потому что каменѣла рука, поднялъ револьверъ къ своему виску...

«Готовъ!»

Раздался второй стукъ, точно на досчатое дно повозки швырнули небольшой камень.

Сестра въ завываніи бури услышала два странныхъ, подозрительныхъ стука и очнувшись отъ своихъ думъ, чуя что-то недоброе, закоченѣвшими руками отдернула одѣянія, закрывавшія раненыхъ.

Вѣтеръ рванулъ и завертѣлъ.

На мигъ въ носъ сестрѣ ударило кисловатымъ запахомъ пороха и крови и унеслось.

Передъ ея глазами на днѣ повозки лежали рядышкомъ два окровавленные трупа.

Вьюга съ злобнымъ воемъ заносила ихъ мертвыя, еще не остывшія, лица.

Сестра снова закрыла ихъ шинелями.

Она такъ привыкла къ сплошнымъ ужасамъ, что событіе это не потрясло и даже не удивило ее.

Она сама изъ послѣднихъ силъ боролась съ холодомъ и усталостью и только еще ниже поникнувъ головой, продолжала идти рядомъ съ повозкой.

По мѣрѣ того, какъ продвигался обозъ, стоны больныхъ и раненыхъ все усиливались, а снѣжный буранъ все неистовѣе и неистовѣе бушевалъ и ревѣлъ.

Въ такой обстановкѣ путешествіе продолжалось цѣлый день, хотя между Шенджи и станицей Калужской насчитывается едва ли болѣе 16-ти верстъ.

Къ вечеру, побрасавъ въ пути множество поломанныхъ, застрявшихъ въ грязи, занесенныхъ снѣгомъ повозокъ и выбившихся изъ силъ лошадей, головныя части обоза втянулись въ станицу Калужскую.

Не меньше, какъ на четверть аршина степь была покрыта снѣжнымъ саваномъ, который на большихъ пространствахъ плавалъ по насыщенной снѣгомъ водѣ.

Мало-по-малу раненые притихли.

Одни изъ нихъ лежали въ окоченѣніи и безпамятствѣ, обмороженные, другіе, благодаря реквизированному въ станицѣ Рязанской одѣянію, доѣхали благополучно.

Въ Калужской линейной станицѣ, куда съѣхались обозы соединенныхъ армій и куда, не исполнивъ возложенной на нее боевой задачи, вернулась Кубанская армія, каждый дворъ былъ набитъ повозками и лошадьми, многіе фургоны и автомобили кубанцевъ стояли прямо на улицахъ и площадяхъ, въ домахъ ютилось по двадцати и болѣе человѣкъ въ каждой комнатѣ.

Въ продовольствіи чувствовался недостатокъ, такъ какъ станица была не хлѣборобная, а промышляла нефтью и сама питалась съ базаровъ близкаго Екатеринодара, къ которому доступъ теперь былъ закрытъ.

Голодъ заглянулъ всѣмъ въ глаза.

Отъ безкормицы, переутомленія и непогоды въ дворахъ падали лошади.

Къ ночи вѣтеръ упалъ, буранъ стихъ, но снѣгъ усилился.

Теперь онъ валилъ на землю частыми, крупными хлопьями.

XXIX.

Добровольцы, съ самимъ Корниловымъ во главѣ, выйдя изъ Шенджи, направились на станицу Ново-Дмитріевскую и черезъ нѣсколько часовъ похода не имѣли на себѣ ни одной сухой нитки.

Помимо холода, дождя, вѣтра, а потомъ пурги, донимавшихъ ихъ и сверху и со всѣхъ сторонъ, съ недалекихъ Кавказскихъ горъ въ степь ринулись потоки и въ короткое время всѣ безчисленныя низины наполнились водой, буераки и балки обратились въ бурныя рѣчки, а ручейки и рѣчушки разлились въ цѣлыя рѣки.

Мосты почти повсюду снесло, а гдѣ они уцѣлѣли, то посерединѣ широкихъ водныхъ пространствъ сиротливо торчали наружу верхушки перилъ, а поверхъ мостовыхъ настиловъ хлестала вода.

Добровольческой пѣхотѣ во многихъ мѣстахъ пришлось брести по грудь въ водѣ.

Пушки перетаскивали и лошадьми, и на рукахъ.

Отъ командующаго арміей до послѣдняго рядового всѣмъ выпала одинаковая доля.

Пока шелъ дождь, двигаться по грязи и по водѣ въ полномъ боевомъ снаряженіи было трудно.

Но вотъ похолоднѣло, усилился вѣтеръ и закрутилъ снѣжный буранъ.

Ни впереди, ни по сторонамъ не было видно ни зги.

Люди, выходившіе изъ рѣкъ, съ ручьями стекавшей съ нихъ воды, сразу облѣплялись снѣгомъ и обмерзали.

Вѣтеръ захватывалъ духъ въ груди и валилъ съ ногъ долой.

Казалось, самыя стихіи ополчились противъ добровольцевъ, казалось, самая злобная вражеская фантазія не могла придумать болѣе мучительной пытки, какую наслала природа на эту кучку несчастныхъ, обездоленныхъ людей, казалось, такую кару Божію, обрушившуюся въ степной пустынѣ, не въ силахъ было вынести ни одно живое существо.

Но впереди своихъ желѣзныхъ полковъ ѣхалъ въ сопровожденіи конвоя на великолѣпной, игреневой масти, кровной лошади одинъ человѣкъ.

Онъ былъ не высокъ ростомъ, тонокъ, худъ, на видъ хилъ и слабъ, но стальной закалъ его тощаго тѣла, видимо, не уступалъ желѣзной волѣ его титаническаго духа.

Человѣкъ этотъ былъ Корниловъ.

Армія обожала его, беззавѣтно вѣрила ему и знала, что разъ, не взирая ни на какія стихійныя преграды, ведетъ ее Корниловъ, значитъ, такъ надо, значитъ, иначе нельзя.

Да и дѣйствительно, невозможно было терять ни одного дня.

Корнилову, какой бы то ни было цѣной, необходимо было взять Екатеринодаръ, пока большевики не укрѣпились въ немъ и не стянули силы отъ Новороссійска и Ставрополя.

Безъ занятія Екатеринодара всѣ уже принесенныя добровольцами тяжелыя жертвы мало того, что пойдутъ на смарку, но и самой арміи грозила неизбѣжная поголовная гибель.

На пути стояла Ново-Дмитріевская станица.

Надо было сломить эту преграду.

И вождь, не щадившій своихъ силъ и здоровья, оплакивая въ сердцѣ своемъ каждую пролитую каплю

крови своихъ бойцовъ, принималъ страшныя рѣшенія, требовалъ отъ себя и своей арміи сверхчеловѣческихъ трудовъ и подвиговъ.

Въ короткое время добровольческія колонны обратились въ вереницы бѣлыхъ, медленно двигающихся страшилищъ.

Заледенѣвшая одежда, словно панцыремъ, сковывала тѣло, мѣшала движеніямъ, но и отъ холода не защищала.

Винтовки падали изъ окоченѣвшихъ рукъ, онѣмѣвшія ноги отказывались служить.

Прошло нѣсколько часовъ непосильной борьбы людей съ суровыми стихіями.

Люди дошли до изнеможенія. Каждому не хотѣлось уже дальше двигаться, не хотѣлось ни о чемъ думать, всѣхъ тянуло лечь на землю и заснуть мертвымъ сномъ.

Командиры останавливали свои части и давали своимъ подчиненнымъ вольно.

И добровольцы, не разбирая чиновъ и положеній, схватывались другъ съ другомъ, боролись, кувыркались, катались по землѣ, дубасили одинъ другого прикладами и кулаками.

Отъ одежды во всѣ стороны летѣли ледяные осколки.

Поднимался шумъ, крикъ и смѣхъ.

А вьюга курила и бушевала.

Согрѣвшись, добровольцы строились въ колонны и продолжали свой путь.

Но пройдя версту, много — двѣ, они снова останавливались и снова начинали согрѣваться по прежнему способу.

Во второй половинѣ дня добровольцы подошли къ станицѣ Ново - Дмитріевской.

Тутъ имъ преградила путь вспучившаяся рѣка.

Кубанская армія, въ боевую задачу которой входило подойти къ Ново - Дмитріевской другой дорогой, со стороны станицы Григорьевской и поддержать добровольцевъ въ ихъ наступленіи, не выполнила своего назначенія и вернулась съ пути къ обозамъ, въ теплыя хаты станицы Калужской.

Этимъ обстоятельствомъ добровольцы были поставлены въ отчаянное положеніе.

Большевики, находившіеся въ теплѣ и сухѣ, не испы-

тывали рѣшительно никакихъ невзгодъ и не ожидали въ такую адскую погоду нападенія.

Однако ихъ артиллерія, расположенная на крутомъ берегу рѣки со стороны станицы, тотчасъ же загрохотала.

Добровольческія пушки застряли въ пути и были брошены.

Подъ огнемъ непріятеля добровольцы кинулись искать переправу.

Одни пѣхотинцы перешли рѣку въ бродъ, другихъ, такъ какъ они сами въ обмерзлой одеждѣ не могли повернуться, подсаживали на крупы лошадей кавалеріи. И всѣ бросались въ ледяную воду.

Добровольцы предпочитали смерть въ бою гибели отъ холода.

Очутившись на той сторонѣ, они сразу перешли въ штыковую атаку.

— Только одни наши баричи могутъ драться въ такую сатанинскую погоду! обронилъ крылатую фразу генералъ Марковъ, лично руководившій боемъ въ рядахъ своихъ офицерскихъ полковъ.

Въ то время, какъ на окраинахъ станицы шелъ жестокій бой и озвѣрѣвшіе добровольцы лоскомъ клали красныхъ, беря хату за хатой, улицу за улицей, въ серединѣ за бѣшенымъ завываніемъ бури большевики и не подозрѣвали о нашествіи страшныхъ «кадетовъ».

Ихъ захватывали врасплохъ.

Наконецъ-то измученные, голодные, полузамерзшіе люди дорвались до тепла.

Юрочка со своими друзьями-партизанами, перенеся всѣ ужасы этого дня, уже передъ вечеромъ, когда большевики были окончательно выбиты изъ станицы, еле живой дотянулся до отведенной для ихъ отдѣленія хаты, едва имѣлъ силы сбросить свою мокрую, промерзлую одежду и хлюпающую обувь и, повалившись на голый полъ, заснулъ, какъ убитый. Онъ былъ обмороженъ и разбитъ.

Ему было безразлично, останется ли онъ живъ или заснетъ на вѣки.

Ему хотѣлось только сна и покоя, а тамъ что будетъ.

Его примѣру послѣдовали и всѣ его не менѣе измученные товарищи.

Сутокъ двое продолжалось блаженство покоя. Нигдѣ не протрещалъ ни одинъ выстрѣлъ.

Добровольцы успѣли оправиться, отогрѣться и обсушить свои лохмотья.

Большевики собрались съ силами и внезапно въ полночь напали на станицу.

На улицахъ закипѣлъ кровопролитный бой, продолжавшійся до половины слѣдующаго дня.

Большевикамъ данъ былъ жестокій отпоръ.

Послѣ этого большевистская артиллерія цѣлые дни рѣдкимъ огнемъ обстрѣливала станицу съ дальнихъ разстояній.

На разрывавшіеся на улицахъ и въ дворахъ снаряды никто не обращалъ вниманія.

Такими пустяками нельзя было удивить добровольцевъ.

Между тѣмъ страшный степной буранъ улегся ночью того же дня, когда взята была станица Ново-Дмитріевская, но еще сутокъ трое снѣгъ, ни на минуту не переставая, ровно и прямо въ безвѣтренномъ воздухѣ валилъ на землю крупными, пушистыми хлопьями.

Въ степныхъ буеракахъ и балкахъ нанесло сугробы выше роста человѣка.

Потомъ расчистилось небо, съ голубой лазури засверкало жгучее весеннее солнце и вся степь, точно необъятный столъ, накрытый гигантской скатерью, бѣлѣла и искрилась миріадами граненыхъ алмазовъ.

Глазамъ было больно смотрѣть на излучающую снѣжную необозримую равнину.

Но это видѣніе продолжалось недолго.

Подъ дѣйствіемъ горячихъ лучей снѣгъ быстро посинѣлъ и осѣлъ; поверхность его затянулась тонкой коркой, по которой плавала вода; внизу по землѣ потекли безчисленные говорливые ручейки, съ крышъ и деревьевъ падала звонкая капель.

Воздухъ наполнился тихимъ, привѣтливымъ шумкомъ, точно въ природѣ шелъ таинственный дружескій шопотъ невѣдомыхъ существъ.

Потомъ кое-гдѣ небольшими пятнами зачернѣли прогалины. Съ каждымъ часомъ ихъ становилось больше числомъ; онѣ расширялись и точно расли и расползались во всѣ стороны.

Въ станицѣ по улицамъ уже нельзя было пройти и проѣхать: вязли въ снѣгу и грязи лошади, застрявали телѣги, пѣшеходы пробирались глубокими, черными тропочками вдоль стѣнъ и заборовъ.

Только дней шесть спустя по непролазной грязи, по залитымъ водою низинамъ, по лѣсистымъ буеракамъ и балкамъ, черезъ разлившіяся рѣчушки добровольческій обозъ съ великими затрудненіями былъ переведенъ изъ Калужской въ станицу Ново-Дмитріевскую.

Но время было дорого. И несмотря на полное бездорожье, надо было, во что бы то ни стало, двигаться впередъ.

На пути къ Екатеринодару стояла Георгіе-Афипская станица, на флангахъ и въ тылу въ станицѣ Григорьевской и въ хуторѣ Сибирскомъ скопились большія силы большевиковъ.

Чтобы двигаться впередъ, необходимо было выбить непріятеля изъ всѣхъ этихъ мѣстъ.

И снова походы, и снова жестокіе бои.

XXX.

Всѣ послѣдніе дни съ самаго выхода изъ аула Шенджи Юрочка чувствовалъ себя нехорошо.

По дорогѣ въ Ново-Дмитріевскую во время дождя и страшнаго бурана онъ промокъ и промерзъ до костей.

Его рваная одежда и обувь совсѣмъ не держали тепла и не защищали отъ мокроты и холода.

И если Юрочка не упалъ по дорогѣ среди степи, чтобы больше не встать, то этимъ всецѣло былъ обязанъ своимъ соратникамъ. Они ободряли его, Волошиновъ окуталъ его голову своимъ башлыкомъ, Матвѣевъ повязалъ его голую шею своимъ шарфомъ. Послѣднія версты полторы могучій Волошиновъ буквально тащилъ выбившагося изъ силъ Юрочку на своихъ плечахъ, при переправѣ же черезъ рѣчку передъ станицей поднялъ и посадилъ его на крупъ лошади казака, а самъ по поясъ въ водѣ брѣлъ рядомъ съ нимъ и поддерживалъ его.

Юрочка слегка обморозился, схватилъ простуду и два дня отлеживался на теплой печкѣ въ станичной хатѣ.

Въ ночномъ бою на улицахъ станицы онъ, не вполнѣ оправившійся, снова простудился.

Въ Добровольческой арміи считалось позорнымъ «ловчиться» и отлеживаться въ обозѣ.

Ловчилъ и трусовъ презирали.

Въ обозъ попадали или серьезно раненые или тяжко больные.

Самолюбивый, исполнительный и гордый, Юрочка и думать не хотѣлъ о томъ, чтобы уйти на нѣкоторое время до полнаго выздоровленія въ санитарный отдѣлъ. Да ему и жаль было разстаться съ своей ротой, съ своими друзьями, тѣмъ болѣе, что послѣ каждаго боя ихъ оставалось все меньше и меньше.

Въ ночь на 23-е марта Юрочка участвовалъ въ кровопролитномъ, тяжеломъ ночномъ бою партизанъ съ большевиками подъ хуторомъ Сибирскимъ въ то время, какъ офицерская бригада дѣйствовала подъ станицей Григорьевской.

Оба пункта были взяты добровольцами.

И онъ чувствовалъ себя довольно крѣпкимъ и бодрымъ.

На слѣдующую ночь партизаны форсированнымъ маршемъ прошли къ станицѣ Георгіе-Афипской и соединившись со всѣми силами своей и Кубанской армій, на разсвѣтѣ подъ личнымъ руководствомъ самого Корнилова вступили въ бой съ большевиками.

Несмотря на то, что Георгіе-Афипская, огражденная рѣкой съ бетоннымъ мостомъ, опоясанная желѣзной дорогой, представляла собой грозную защиту, не взирая на подавляющую численность большевиковъ, мощность ихъ артиллеріи и участіе съ ихъ стороны броневыхъ поѣздовъ, къ 12-ти часамъ дня, какъ намѣтилъ самъ Корниловъ, станица была взята добровольцами и обозъ бѣлыхъ армій уже втягивался въ ея улицы.

На ослабѣвшаго Юрочку потрясающе подѣйствовала смерть его старыхъ соратниковъ и особенно болѣзненно отозвалось тяжелое раненіе Матвѣева и мужественнаго, могучаго прапорщика Нефедова.

Оба они на глазахъ Юрочки были поражены осколками одного и того же снаряда, а Юрочка былъ слегка оглушенъ.

Преслѣдованіе разбитаго подъ Георгіе-Афипской врага было возложено на партизанскую бригаду.

Красные на открытомъ мѣстѣ не задерживались и слабо отстрѣливаясь, отбѣгали все дальше и дальше, пока не втянулись въ лѣсокъ, росшій верстахъ въ двухъ отъ станицы, по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна.

Здѣсь дѣло было труднѣе и подвигалось медленнѣе.

Прячась за кустами и стволами деревьевъ, большевики держались упорно, каждый шагъ свой сдавая только съ боя.

Ружейные выстрѣлы раскатисто и гулко раздавались въ обнаженномъ лѣсу, и кусты, и деревья, казалось, стонали, охали, какъ чувствующія живыя существа, протяжно, ропотливо шумѣли и перекликались многоголосымъ эхо.

Никогда Юрочка не чувствовалъ себя такъ худо, какъ сегодня. Его мужественную, закаленную въ бояхъ и невзгодахъ, всегда готовую на подвигъ и жертву, душу сегодня точно вынули и въ груди осталась гнетущая пустота.

Голова у него кружилась, въ ушахъ звенѣло, рябило въ глазахъ, нѣсколько разъ къ горлу подкатывался клубокъ — позывъ на тошноту, руки и ноги дрожали и подламывались въ колѣняхъ и несмотря на то, что въ воздухѣ совсѣмъ не было жарко, а скорѣе свѣжо, онъ нѣсколько разъ мгновенно обливался холоднымъ потомъ.

Но главное, что его особенно угнетало, это страхъ, съ которымъ онъ всегда прежде умѣлъ успѣшно бороться и въ горячкѣ боевъ совершенно одолѣвать его.

Сегодня Юрочка не узнавалъ себя и глубоко презиралъ. Онъ чувствовалъ, что труситъ. Ему все казалось, что каждый выстрѣлъ несетъ пулю прямо ему въ голову и если онъ крѣпился и дрожащими, невѣрными шагами шелъ въ цѣпи съ своими соратниками, а не повернулъ назадъ и не убѣжалъ съ поля сраженія, то только потому, что онъ былъ самолюбивъ и больше жизни дорожилъ твердо установившейся за нимъ репутаціей храбраго, находчиваго бойца и надежнаго, неизмѣннаго товарища.

Ему все казалось, что сегодня онъ будетъ или убитъ или искалѣченъ и въ бою ему не везло. За весь день онъ выстрѣлилъ только одинъ разъ, при томъ на близкомъ разстояніи и «промазалъ».

Какъ старый, опытный боецъ, не расходующій зря патроновъ, своего промаха онъ не могъ простить себѣ.

Проведя цѣлый день въ бою и уже передъ вечеромъ, продвигаясь по лѣсу въ цѣпи, ища глазами врага, напряженно всматриваясь впередъ и оглядываясь по сторонамъ, чтобы не оторваться отъ своихъ, Юрочка, держа на готовѣ винтовку, послѣ нѣкоторой нерѣшительности высунулся изъ-за ствола укрывавшаго его дерева и хотѣлъ перебѣжать впередъ до намѣченнаго имъ ближняго куста.

Пули не часто, съ визгомъ свистали вокругъ него, шлепались въ стволы, съ трескомъ и чмоканіемъ ломали сучья и вѣтки и царапали свѣжую, зеленую кору, тонкими и глубокими рваными полосками обнажая влажно-бѣлую древесину.

Вдругъ Юрочка услышалъ близкое, знакомое, даже привѣтливое жужжаніе и одновременно въ лѣвую ногу его выше колѣна съ внутренней стороны слегка толкнуло и какъ будто обожгло.

Сгоряча, не обративъ на это вниманія, онъ, опираясь на правую ногу, занесъ лѣвую и хотѣлъ на нее ступить, но она сразу отяжелѣла и мускулы голени и ляжки задрожали и задергались.

«Э, не раненъ ли?» съ горечью и испугомъ подумалъ Юрочка и опираясь на ружье, не дотрагиваясь лѣвой ногой до земли, торопливо отодвинулся за толстый стволъ того дерева, за которымъ только что стоялъ.

Тутъ Юрочка нагнулся и осмотрѣлся.

На потрепанной, насквозь промокшей и раскисшей обмоткѣ и выше — на рваныхъ, грязныхъ шароварахъ оказались маленькія капельки алой крови.

«Цѣла ли кость?» подумалъ Юрочка и еще болѣе испугался.

Противъ смерти и притомъ мгновенной онъ давно уже ничего не имѣлъ.

Она явилась бы только желанной избавительницей отъ всѣхъ непосильныхъ тяготъ, лишеній, страданій и постояннаго переутомленія. Живя же ежечасно и ежеминутно въ самомъ царствѣ насильственной смерти, онъ зналъ, что когда-нибудь и вѣроятно, не за горами придетъ и его чередъ отойти въ иной міръ. Мысль эта въ послѣдніе дни перешла у него въ твердую увѣренность, въ нѣкоторое предчувствіе, но возможность остаться навсегда калѣкой пугала его больше всего на свѣтѣ.

Онъ осторожно дотронулся раненой ногой до земли.

Острая, колющая боль отъ ноги пронизала все его тѣло и особенно нестерпимо отозвалась въ позвонкахъ, но кость не хряснула и не согнулась.

Это немножко ободрило его.

«Что же дѣлать теперь? — подумалъ растерявшійся Юрочка. — Куда дѣваться?».

Онъ опять попробовалъ ступить на раненую ногу, но чтобы не вскрикнуть отъ боли, прикусилъ губы.

Для него теперь стало ясно, что ходить безъ посторонней помощи онъ не въ силахъ. Мысль, что онъ можетъ быть забытъ и попасть въ руки большевикамъ, привела его въ ужасъ. Онъ оглядѣлся по сторонамъ.

Справа шагахъ въ пятнадцати впереди его шелъ Кастрюковъ, слѣва онъ увидѣлъ Андрюшу.

— Кастрюковъ, я раненъ! крикнулъ Юрочка и не узналъ своего голоса, такъ чувствовались въ немъ испугъ, истеричность и чуть не слезы.

Онъ спохватился и взялъ себя въ руки.

Кастрюковъ только что выстрѣлилъ и за громомъ выстрѣла, за гуломъ, шумомъ и стономъ эха ничего не слышалъ.

— Я раненъ, Кастрюковъ! уже во весь голосъ, нетерпѣливо закричалъ снова Юрочка.

Кастрюковъ, прильнувшій грудью къ дереву и, отклонивъ въ сторону голову, зорко по-охотницки всматривавшійся впередъ, наконецъ изъ тонкаго расходящагося порохового тумана обернулъ къ нему свое возбужденное, недоумѣлое лицо.

— Да раненъ же я! Иди сюда! уже со злобой и досадой въ третій разъ крикнулъ Юрочка.

— Да ну? какъ бы съ сомнѣніемъ и какъ-то небрежно, какъ показалось Юрочкѣ, точно рѣчь шла о самыхъ обыденныхъ, незначительныхъ вещахъ, переспросилъ Кастрюковъ, продолжая по-прежнему зорко всматриваться впередъ.

— Говорю тебѣ, что раненъ въ ногу. Да иди же скорѣе сюда... съ прежней досадой повторилъ Юрочка и его охватила жгучая зависть къ товарищу, что тотъ здоровъ и безпеченъ и ему стало до слезъ обидно, что тому нѣтъ никакого дѣла до случившагося съ нимъ несчастія.

Кастрюковъ оглядѣлся по сторонамъ, проворно опустилъ ружье и лавируя между кустами и стволами деревьевъ, чтобы быть ими постоянно закрытымъ, сильно

пригнувшись, быстро, широкими прыжками подбѣжалъ къ Юрочкѣ.

Съ другой стороны подоспѣлъ Андрюша.

О случившемся Кастрюковъ доложилъ высокому, съ рыжеватой бородкой, полуротному командиру.

Тотъ шелъ въ цѣпи, съ поднятой винтовкой въ рукахъ, ежесекундно готовый приложиться и выстрѣлить.

При докладѣ Кастрюкова офицеръ поморщился.

— Куда раненъ? отрывисто спросилъ онъ, даже не взглянувъ на Юрочку, внимательно слѣдя за продвиженіемъ своихъ подчиненныхъ и видимо, весь поглащенный ходомъ боя.

— Въ ногу.

«Теперь до меня никому дѣла нѣтъ, — съ горечью и обидой подумалъ Юрочка.— Я теперь никому ненуженъ, въ тиражъ вышелъ».

— Одинъ не дойдетъ?

— Никакъ нѣтъ. Ступить на ногу не можетъ...

— А-а... протянулъ онъ.

Своимъ измученнымъ и озабоченнымъ лицомъ офицеръ полуобернулся къ партизанамъ и ни на кого изъ нихъ не глядя, отрывисто, какъ бы бросая слова, проговорилъ:

— Ну такъ отведите его въ обозъ, туда, къ станицѣ, сдайте первой попавшейся сестрѣ или врачу... кого найдете... и немедленно возвращайтесь.

— Слушаемъ.

Кастрюковъ и Андрюша взяли Юрочку подъ руки и повели къ станицѣ.

Раненая нога набухала и все сильнѣе и сильнѣе дервенѣла. Отъ колѣна вверхъ и внизъ ползли мурашки. Было такое ощущеніе, что она уже вспухнула до размѣровъ толстаго бревна.

Опираясь руками на плечи товарищей, Юрочка прыгалъ на одной здоровой ногѣ, держа раненую на вѣсу.

Онъ былъ очень обиженъ тѣмъ, что его полуротный командиръ штабсъ-капитанъ Кузьминъ, хорошій, вѣжливый офицеръ, теперь на него, раненаго, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

«Теперь я никому не нуженъ», съ горечью и обидой думалъ Юрочка.

XXXI.

Послѣ многихъ разспросовъ партизаны на самомъ выѣздѣ изъ станицы въ головѣ обоза нашли пожилую сестру милосердія, сидящую въ передней половинѣ длинной, глубокой, сплошь окованной желѣзомъ повозки, на днѣ которой, громко хрипя, лежалъ покрытый шинелью раненый.

— Та-акъ... — непріятнымъ, грубоватымъ, скрипучимъ голосомъ протянула сестра съ большимъ, желтымъ лицомъ, обвязаннымъ по щекѣ сѣрой тряпкой и съ теплой, темной шалью на головѣ. Она, держа передъ ртомъ между двумя пальцами какъ-то особенно отчетливо и прямо тоненькую закуренную папироску, не поворачивая головы, покосилась на Юрочку своими суровыми, выцвѣтшими желто-сѣрыми глазами. — Прислали раненаго. А чѣмъ я васъ одѣвать буду? Объ этомъ не подумали? — спросила она, при каждой фразѣ негодующе и выразительно кивая головой. — Развѣ вашими лохмотьями? А перевязывать чѣмъ? То же все присылаютъ, только и знаютъ, что присылаютъ, а медикаментовъ и бѣлья пойди просить, не допросишься. Охъ, горе-горькое...

Сестра глубоко вздохнула, выпустила изо рта цѣлое облако сѣраго дыма, съ сердцемъ бросила на землю докуренную папироску, кряхтя приподнялась въ повозкѣ и опустивъ одну ногу, нащупала ею край ступицы колеса, оперлась на него и съ прежнимъ сердитымъ кряхтѣніемъ сошла на землю.

«Ну и вѣдьма», подумалъ Юрочка о сестрѣ милосердія, разглядывая ея большую, широкую, неуклюжую фигуру въ крѣпкомъ, желтомъ, замызганномъ полушубкѣ, перевязанномъ по таліи не то клѣтчатымъ платкомъ, не то поясомъ и въ грубыхъ мужскихъ сапогахъ, которыми она, возясь около своей повозки, безъ разбора шлепала по лужамъ.

Особенно ему не понравилось ея большое, прямоугольное, непривѣтливое лицо съ длиннымъ, некрасивымъ носомъ и сердитыми глазами.

«У нея совсѣмъ нечеловѣческая образина, — съ непріязнью къ сестрѣ подумалъ, разглядывая ее, Юрочка. — На кого она похожа? — Онъ задумался. — Да на лошадь. Лошадиная морда», рѣшилъ онъ и ухмыльнулся.

Сестра движеніемъ руки отодвинула къ одному боку своей широкой повозки безпрерывно хрипѣвшаго тяжелораненаго, неторопливо вынула изъ задка объемистый, крѣпкій деревянный сундучекъ, съ кряхтѣніемъ поставила его на слегка просохшую высокую обочину дороги, подозрительно оглядѣлась вокругъ и только тогда, доставъ изъ кармана полушубка ключикъ, отперла имъ висячій замочекъ и чуть-чуть приподняла крышку сундучка.

Недолго порывшись въ немъ, сестра снова быстро захлопнула крышку и заперла сундучекъ, не безъ усилія подняла, отнесла и поставила его на прежнее мѣсто, потомъ уже подошла къ Юрочкѣ, стоявшему на одной ногѣ, опершись на ружье.

Андрюша и Кастрюковъ, положивъ винтовки на плечи, устало шагая по лужамъ грязной дороги, пошли обратно въ бой.

Юрочка кричалъ имъ вслѣдъ:

— Поскорѣе выбивайте эту дрянь да скажите тамъ Волошинову и всѣмъ нашимъ, что я скоро вернусь въ роту.

— Хорошо, — спокойно, на ходу, полуобернувшись, отвѣчали тѣ, вынувъ изъ сумокъ по куску хлѣба и утоляя имъ свой голодъ. — Ихъ сейчасъ выбьютъ. Тамъ ихъ немного осталось. Выздоравливай...

Въ рукахъ у сестры оказались свертокъ новенькихъ бинтовъ, марля, вата и въ круглой коробочкѣ какая-то сильно пахнущая желтая присыпка.

Юрочка удивился.

Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ, какъ всѣ раненые, сестры и врачи жаловались на то, что отъ полнаго отсутствія бинтовъ и антисептическихъ средствъ у раненыхъ загнаивались раны.

А тутъ такая роскошь.

— Ну показывайте. Что у васъ тамъ? — сурово проскрипѣла сестра. — Куда ранены? Пулей?

Юрочка застыдился, покраснѣлъ и нерѣшительно отвернулъ полу своей рваной, грязной, промокшей и прокисшей шинели.

Онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ, униженнымъ и виноватымъ.

Стыдился онъ и того, что своей особой безпокоитъ постороннихъ, онъ, привыкшій къ полной самостоятельности солдата-бойца, стыдился своей грязи, своихъ ни-

щенскихъ лохмотьевъ, своихъ вшей, а главное того, что ему приходится показывать свою наготу женщинѣ.

Шаровары его были сплошь въ крови, грязи и прорваны во многихъ мѣстахъ, грубое, пропотѣлое, зловонное бѣлье не смѣнялось цѣлыя три недѣли.

Нагнувшись и внимательно осматривая рану, сестра своимъ прежнимъ суровымъ тономъ, глядя снизу ему прямо въ глаза, спросила:

— Небось, и бѣлья нѣтъ. Перемѣниться не во что?

Юрочка окончательно былъ уничтоженъ.

Онъ вспыхнулъ весь до корней волосъ и виноватымъ, безнадежнымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣту. Откуда же?!

— О, Господи! — вырвалось у сестры и она вздохнула. — А это-то зачѣмъ притащилъ съ собою? спросила она, разгибаясь, опять строго взглянувъ ему прямо въ глаза и кивнувъ головой на ружье.

Юрочка на мгновеніе растерялся.

— Винтовку-то?

— Ну да. Вѣдь не палка же это?

— Винтовка-то хорошая, безъ промашекъ. Еще у Чернецова въ отрядѣ ее получилъ. А тутъ боялся, что пропадетъ.

— А на что она теперь? накинулась сестра.

Юрочка удивился.

— Какъ же?! Какъ только поправится нога, сейчасъ же уйду въ роту. Не стану же я валяться въ обозѣ. У насъ большія потери... Вѣдь кость не перебита, сестра? Не перебита? Какъ вы думаете?

— Думаю, что нѣтъ. Вотъ посмотримъ.

И сестра засмѣялась усталымъ, скрипучимъ смѣхомъ, показывая дурные, больные зубы.

И къ удивленію своему Юрочка замѣтилъ, что «лошадиная морда» ея измѣнилась до неузнаваемости: на ней появились складки глубокой жалости, а въ суровыхъ глазахъ блеснуло выраженіе материнской нѣжности.

Госпо-оди! — воскликнула она, скользнувъ взглядомъ по обвѣтренному, пригожему, съ завалившимися щеками и большими голубыми глазами лицу, съ выбившимися изъ-подъ папахи и вьющимися у шеи и на вискахъ, давно нестриженными и нечесанными бѣлокурыми волосами и по всей худощавой, широкоплечей, тренированной фигурѣ Юрочки. Онъ ей очень понравился. — Поди ты.

Воинъ! .А самъ давно ли подъ столъ пѣшкомъ ходилъ. Господи! И всѣ эти бѣдныя дѣти таковы. Ну подождите. Довольно разговоровъ...

Она быстро отвернулась, но Юрочка съ удивленіемъ успѣлъ замѣтить, что на глазахъ у суровой сестры блеснули слезы.

Изъ своей необъятной крѣпкой нѣмецкой повозки, запряженной тройкой рослыхъ, поджарыхъ, сытыхъ и сильныхъ дончаковъ, она достала четвертную, сплошь оплетенную соломенной сѣткой, бутыль съ чистой ключевой водой и усадивъ Юрочку на обочину дороги, тщательно промыла и забинтовала рану, потомъ изъ тюфяка и изъ сѣна, котораго оказалось много на днѣ ея повозки, устроила ему постель и при помощи неповоротливаго хохла-возницы, на котораго то и дѣло сердито кричала, помогла раненому взобраться на повозку, раздѣла его до бѣлья и уложила въ постель, накрывъ ватнымъ стеганымъ одѣяломъ и сверху шинелью, а ружье и сумку приладила на днѣ, зарывъ въ сѣно.

— Ну рана у васъ ничего, слава Богу. Пуля прошла выше колѣннаго сгиба. Кость не задѣта. За это я вамъ лучше всякаго доктора поручусь. А все-таки доктору придется показаться, только теперь его не найдешь. Ничего.

Когда Юрочка, превозмогая привычный голодъ, съ успокоенной, саднящей раной, согрѣвшись, сталъ задремывать, одѣяло надъ его головой приподнялось и передъ глазами появилась рука съ сверткомъ бѣлья.

— Это вамъ рубашка и кальсоны, — услышалъ онъ скрипучій голосъ сестры. — Сейчасъ надѣньте. А ваше тряпье со всѣми «жителями» выбросьте. Небось, много «сѣрой пѣхоты» то накопили?

Сестра усмѣхнулась.

— Да есть... малость... съ конфузливой улыбкой сознался Юрочка.

— То-то. Выбросьте сейчасъ же.

— Слушаю.

— Какъ васъ зовутъ?

— Юрій.

— Хорошо. Я буду называть васъ просто Юрочкой. Не обидетесь?

— Нѣтъ. Пожалуйста. Меня всѣ такъ зовутъ.

Юрочка въ точности исполнилъ все, что приказала ему сестра.

Сухой, согрѣвшійся, въ чистомъ бѣльѣ, не одолѣваемый отвратительными насѣкомыми, на мягкомъ, не вонючемъ тюфякѣ и сѣнѣ, Юрочка удивлялся и боялся вѣрить своему благополучію.

«Не сонъ ли это?» думалось ему.

Забинтованная рана почти совсѣмъ не безпокоила его.

— Юрочка, ѣсть хотите? снова услышалъ онъ надъ своей головой скрипучій голосъ.

— Хочу...— тихо, поспѣшно отвѣтилъ Юрочка и спохватился. — Да вы не безпокойтесь, пожалуйста, сестра. Я не особенно... Я привыкъ...

— Та-акъ! Безпокойство! привыкъ! Такъ-то привыкала у цыгана кобыла не ѣсть, да на десятый день и околѣла... Мальчикъ голодный, а онъ — безпокойство! Тоже, сказалъ!... Небось, сегодня-то ничего не ѣлъ? Некогда было?

— Да, нѣтъ, ѣли мы... да только мало... въ бой повели. Большевиковъ выбивали...

— Я такъ и знала. Тоже, сказалъ: безпокойство! Ну, довольно разговоровъ...

И та же рука подала ему полную бутылочку молока, краюху мягкаго, теплаго, бѣлаго, какъ снѣгъ, хлѣба и по большому куску въ нѣсколько слоевъ нарѣзаннаго мяса и сала.

Такой вкусной, обильной благодати Юрочка давно уже не видалъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ушли съ Филипповскихъ хуторовъ, армія все время не доѣдала.

Все это Юрочка быстро съѣлъ и чего ужъ ни въ коемъ случаѣ не ожидалъ — выпилъ небольшой стаканчикъ краснаго вина, данный ему сестрой и чувствуя себя сытымъ, согрѣвшимся, пріятно усталымъ, уже слипающимися глазами взглянулъ на сѣрое, кое-гдѣ заволоченное черными тучами небо, на западъ, откуда слышались звуки рѣдкой, замирающей перестрѣлки и гдѣ, прорѣзывая тучи, отъ земли тянулись къ небу широкія и длинныя лучистыя полосы свѣта, съ облегченнымъ вздохомъ мгновенно заснулъ на мысли: «Мнѣ-то тутъ хорошо, а нашимъ-то каково? Все еще не выгнали большевиковъ. И эта рана? Зачѣмъ?..“

XXXII.

Юрочка проснулся отъ сильнаго толчка и отъ того, что въ раненой ногѣ чувствовалась боль и отъ того, что кто-то тяжелый навалился ему на лѣвый бокъ.

Онъ понимаетъ, что это привалился къ нему его сосѣдъ по повозкѣ, раненый, который по прежнему громко хрипѣлъ.

Юрочка, чтобы не разбередить рану и не повредить товарищу по несчастью, осторожно отодвинулся ближе къ правой сторонѣ телѣги, потомъ откинулъ отъ лица одѣяло.

Прямо передъ глазами нависло черное, безъ единой звѣзды, небо. Дождя не было, но въ воздухѣ чувствовалась бьющая въ носъ, промозглая сырость. Пахло болотомъ, гніющими растеніями и корнями.

Роса сплошными, мелкими капельками осѣла на шинели и одѣялѣ, которыми онъ былъ укрытъ.

Юрочка чувствуетъ, что ѣдетъ, что подъ колесами и копытами лошадей хлюпаетъ вода и грязь.

Спереди и сзади слышится то же хлюпанье, тяжкое и шумное дыханіе измученныхъ лошадей, громкое, разноголосое понуканіе и звонкіе, хлесткіе удары кнута.

Гдѣ-то, далеко-далеко слѣва, точно широкій лучъ мощнаго прожектора, на громадное разстояніе прорѣзывая ночную мглу, что-то горѣло.

Сзади виднѣлся такой же пожаръ.

Впереди себя Юрочка видитъ сгорбленную широкую спину сидящей сестры, еще дальше на передкѣ еле замѣтно маячила фигура возницы, но лошадей совсѣмъ уже не было видно, только иногда при поворотахъ извилистой дороги, когда повозка попадала въ полосы свѣта отдаленнаго пожара, вдругъ мелькнетъ то мокрый крупъ лошади съ сбившейся на бокъ, забрызганной грязью, сбруей, то верхняя часть головы съ потнымъ затылкомъ и насторожившимися мокрыми же отъ пота и росы ушами и снова все погрузится въ еще болѣе непроницаемый мракъ.

Съ боковъ дороги, то съ одной, то съ другой, то съ обѣихъ сторонъ сразу надъ головой свѣшивались длинныя, косматыя, кривыя вѣтви деревъ, точно безчисленныя руки притаившихся лѣшихъ, готовыхъ схатить зазѣвавшагося человѣка, а иногда высокой, плотной стѣной стоялъ частый, таинственно шелестящій камышъ.

Спорымъ шагомъ шедшія лошади вдругъ замедляли ходъ и наконецъ гдѣ-нибудь среди болота или въ заломахъ камышей совсѣмъ останавливались.

Сзади напирали другія повозки и слышались хриплые, раздраженные голоса.

— Ну, что еще тамъ?! Опять остановились? Заснули, сонные тетери! Ну, пошевеливайтесь! Эй, проснись! Пошелъ впередъ! Пошелъ, пошелъ! Нечего разсусоливаться...

Но обыкновенно прежде, чѣмъ раздавались эти крики, шевелилась фигура сестры и длинной палкой начинала колотить по спинѣ возницы, крѣпко засыпавшаго и свѣшивавшагося головой къ хвостамъ лошадей.

— Апанасъ, Апанасъ, проснись. Да проснись же, чортъ тебя возьми, толстый боровъ! кричала сестра, не переставая усердно гвоздить возницу палкой по спинѣ.

Апанасъ обыкновенно сонно хмыкалъ, съ усиліемъ поднималъ голову, выпрямлялъ спину, долго ловилъ руками распущенныя, вывалянныя въ грязи, вожжи и крякнувъ, тогда только лѣниво и недовольно процѣживалъ сквозь зубы:

— Ну вы, заснули!...

Лошади съ тяжелымъ вздохомъ натягивали мокрыя постромки, загрузшая въ грязи, тинѣ и водѣ повозка, стуча колесами объ выбоины дороги и корни деревъ, переваливаясь и подпрыгивая по безчисленнымъ рытвинамъ, трогалась, а голова Апанаса опять неудержимо клонилась все ниже и ниже, къ хвостамъ лошадей...

Снова хлюпаніе по водѣ, тинѣ и грязи, снова толчки колесъ, скрипѣніе и переваливаніе съ бока на бокъ на корняхъ и рытвинахъ, снова причудливо-кривыя, толстыя вѣтви надъ головой, снова заломы камышей съ качающимися султанами, хрипѣніе раненаго сосѣда, болѣзнетворный, вонючій болотный запахъ, цѣлыя озера стоячей воды, черезъ которыя пробирался обозъ, и все кромѣшная тьма и дальніе пожары, — и вездѣ мокрота, сырость, грязь, грязь...

Сзади и спереди крики надрыва и понуканіе лошадей.

То и дѣло приходилось объѣзжать сломанныя и брошенныя повозки, упавшихъ въ воду и тину лошадей. Изъ повозокъ раздавались стоны и крики раненыхъ. Около повозокъ въ общей кашѣ съ гомономъ и криками копошились въ темнотѣ измученные, раздраженные, охрипшіе

люди, натуживались подгоняемыя лошади. Другіе здоровые люди, утопая по колѣни въ водѣ или грязи, подбѣгали къ застрявшимъ, брались за постромки, за гужи, за колеса и съ неимовѣрными усиліями и трудомъ поднимали лошадей, вытаскивали повозки.

Такой дурной дороги Юрочка никогда не только не видалъ, но даже и вообразить не могъ.

«Адъ, совсѣмъ адъ! И эта тьма и это красное зарево!» думалъ онъ.

— Гдѣ это мы ѣдемъ? спросилъ онъ у сестры.

— А кто его знаетъ, — съ досадой отвѣтила та. — Вѣрно, лучшей-то дороги для насъ не заказано. Это мы сейчасъ подъ Кубанью, а называется это плавнями. Самое гиблое мѣсто. Тутъ даже и лѣтомъ-то днемъ не проѣдешь. А теперь весна, самая росторопь и темь. Вотъ куда насъ занесла нелегкая. И этотъ дурень — Апанасъ вѣчно спитъ. Того и гляди, вывалитъ въ грязь. Апанасъ! Апанасъ!

— А-а... я... заразъ! откликался, ища вожжи, снова заснувшій возница.

— То-то заразъ! — ворчливо выговаривала сестра. — Только и знаешь, что заразъ да заразъ и только за тобою и дѣла, что спишь. Боровъ, прямо боровъ, свинья. Сколько разъ говорила: не спи. Заснешь, станутъ лошади. Оторвемся отъ переднихъ, потеряемъ дорогу. И тогда что? Пропадать? Большевикамъ въ лапы? Тебѣ-то это только сладость, къ своимъ товарищамъ попадешь. А я покорно благодарю, я съ большевиками-то еще по Москвѣ знакома, больше не хочу. Да и рохля же ты, Апанасъ. Просто, горе съ тобою.

Тотъ молча выслушивалъ замѣчанія, понукалъ лошадей, но минуту-другую спустя снова засыпалъ, снова раздавался скрипучій голосъ сестры, разносившей возницу, снова длинная палка гуляла по его спинѣ.

Такъ ѣхали долго, цѣлую ночь. Казалось, нѣтъ конца этой дороги. Юрочка нѣсколько разъ просыпался, а на разсвѣтѣ всталъ окончательно.

Было туманно, промозгло и мокро. Дорога убійственна.

Вокругъ тоскливо и уныло: какая-то плоская, ржавая, насыщенная водой, земля, старые покосы, чахлыя деревья, вездѣ болотца и лужи.

Недалеко отъ дороги догорала огромная скирда соломы, зажженная добровольческимъ разъѣздомъ и свѣтившая ночью, какъ прожекторъ. Она-то и являлась путеводнымъ маякомъ для арміи и обоза въ кромѣшной тьмѣ минувшей ночи.

Обозъ свернулъ съ грязной, расхлябанной дороги, обратившейся въ сплошную жижу, въ которой выше ступицъ тонули колеса и огромнымъ табором расположился на лугу, упершись головными, во много рядовъ, повозками въ высокій берегъ какой-то рѣки съ росшими на немъ высокими, толстыми тополями.

Сквозь блѣдный серебристый покровъ деревьевъ, точно легкій румянецъ на свѣжемъ лицѣ юноши, извнутри проступала нѣжная зеленая окраска — цвѣтъ пробудившейся жизни и дѣятельности; далеко въ стороны отъ стволовъ протянувшіяся, подобно многочисленнымъ, мощнымъ рукамъ, еще безлистныя, искривленныя вѣтви распустили и кинули внизъ свои длинныя гирлянды бурыхъ, клейкихъ сережекъ. Внизу подъ деревьями еле замѣтно покрылся сѣрой пыльцой и набухнувшими почками мелкій прибрежный кустарникъ; зачервонѣли длинныя, тонкія, голыя лозины и между засохшими старыми, цѣпкими стеблями ежевики показались уже отъ корней новые, блѣдно-зеленые побѣги.

Всходило солнце, багрово-красное, точно съ сверхсильнымъ напряженіемъ пробивающееся среди окутавшаго его густого, сѣдого, широкимъ сплошнымъ пологомъ поднимавшагося вверхъ тумана.

Впереди все яснѣе и отчетливѣе вырисовывались низкія сакли, сараи и тонкій, стройный сѣро-синій минаретъ мечети черкесскаго аула.

Теплые лучи съ каждой секундой все разительнѣе и ярче пригрѣвали холодную, мокрую землю.

Съ каждой минутой въ прежде промозгломъ, холодномъ воздухѣ становилось яснѣе и теплѣе.

Казалось, что въ природѣ завязалась жестокая борьба между холодомъ и теплом.

И чувствовалось, что солнце одолѣвало.

Спустя какой-нибудь часъ стало жарко.

На огромномъ степномъ просторѣ, сколько могъ охватить глазъ, курились и клубились громадныя гряды сѣдыхъ тумановъ, поднимаясь все выше и выше къ небесамъ и тамъ разсѣивались.

Солнце грѣло все сильнѣе и ярче. И все вокругъ, точно заново покрытое лакомъ, блестѣло и сверкало: и многочисленныя болотца и лужи, и длинныя полосы съ разъѣзженными, широкими колеями дорогъ, и блѣдная, оживающая, уже зеленѣющая между старымъ покосомъ травка съ миріадами искрящихся на ней, какъ чистой воды брилліанты, капель росы, и всѣ строенія, и всѣ деревья.

Отъ всей поверхности млѣющей, распаренной земли и особенно отъ рѣки, лежащей въ глубокихъ, крутыхъ берегахъ поднимался тонкій, легкій паръ.

Казалось, природа наверстывала свой недавній капризъ — несвоевременную зиму съ метелями, вьюгами и холодомъ.

Тутъ совершалась какая-то величавая и непостижимая тайна.

Казалось, солнце спѣшило заполнить допущенные пробѣлы и заливало землю обиліемъ своихъ лучей, а земля всей своей обнаженной грудью, какъ на любовное свиданіе, со страстью тянулась на встрѣчу животворящему свѣтилу, всѣмъ своимъ необъятнымъ, мощнымъ тѣломъ жадно вдыхая и впитывая такъ щедро расточаемыя на нее жгучія ласки. И ласки эти были — свѣтъ и тепло.

Все и отъ всего въ природѣ дышало первой свѣжестью, радостнымъ пробужденіемъ къ жизни, преддверіемъ роскошной, нарядной причудницы — весны.

Въ обозномъ таборѣ царило оживленіе, все шевелилось, двигалось и говорило.

Всѣ здоровые и тѣ изъ больныхъ и раненыхъ, кто былъ въ силахъ, выползали изъ повозокъ, а кто оставался лежать, раскрывались на встрѣчу лучамъ.

Всѣ грѣлись на солнцѣ и развѣсивъ на повозкахъ, обсушивали свои грязныя, мокрыя лохмотья.

Съ берега рѣки, изъ подъ тополей люди тащили охапки сучьевъ и камыша.

Въ серединѣ и вокругъ табора запылали безчисленные костры. Обозъ закурился струями густо-синяго дыма. Варилась пища.

Распряженныя, въ хомутахъ лошади съ характернымъ, уютнымъ шумкомъ, производимымъ челюстями, часто отфыркиваясь, поѣдали ячмень и сѣно, подставляя свои отощавшія, измученныя и мокрыя тѣла на встрѣчу солнечнымъ лучамъ.

Отъ нихъ также курился паръ.

Екатерина Григорьевна (такъ звали сестру милосердія, на попеченіе которой попалъ Юрочка), поспѣшно соскочила съ повозки сейчасъ же, какъ только обозъ остановился на лугу и озабоченная, съ маленькой бутылочкой въ рукахъ, подошла къ хрипѣвшему раненому.

Юрочка видѣлъ, какъ она осторожно приподняла голову, повидимому, ничего не сознававшаго страдальца и стала поить его молокомъ.

Раненый — смуглый, черноволосый, молодой человѣкъ съ землистымъ лицомъ, съ потухшимъ, безсознательнымъ взглядомъ механически сдѣлалъ изъ бутылочки глотка два, на третьемъ поперхнулся.

Молоко вылилось у него изо рта и изъ носа и растеклось по щетинистому, небритому подбородку.

Онъ сомкнулъ синія, безъ кровинки, губы и снова захрипѣлъ.

Сестра съ выраженіемъ глубокой жалости въ глазахъ и на желтомъ, съ обвисшей кожей, лицѣ, тяжко вздохнувъ, тихо опустила его голову, приказала Апанасу поскорѣе развести костеръ, почистить и накормить лошадей, сама куда-то отлучилась.

Юрочка и ночью не разъ видѣлъ, что на всѣхъ остановкахъ сестра, шлепая по колѣни въ грязи и водѣ, поила молокомъ хрипящаго раненаго.

«Да она — хорошая», подумалъ Юрочка объ Екатеринѣ Григорьевнѣ, и въ его замкнувшееся, безъ вины оскорбленное и ожесточенное страшными потерями и испытаніями сердце стало закрадываться чувство благодарности и симпатіи къ этой чужой, старой и повидимому, не крѣпкой здоровьемъ женщинѣ.

Полчаса спустя, хрипя, какъ запаленная лошадь, изъ аула вернулась сестра, сгибаясь подъ тяжестью мѣшка съ прѣсными хлѣбами и половины жирнаго барана, которыхъ она принесла на собственныхъ плечахъ.

Другая сестра, подошедшая отъ заднихъ повозокъ, молоденькая, черноволосая и черноглазая, очень блѣдная и очень красивая, съ изящнымъ, хрупкимъ сложеніемъ, въ большихъ сапогахъ, въ черномъ романовскомъ полушубкѣ и въ черной шали, пока Апанасъ задавалъ корма и счищалъ соломой грязь съ лошадей, своими маленькими, потрескавшимися отъ грубой работы ручками развела костеръ сбоку повозки.

Дѣлала она это неумѣло.

Въ ея рукахъ постоянно гасли поджожки изъ мелкихъ сухихъ щепокъ; дымъ до слезъ разъѣдалъ ей глаза.

Апанасъ — молодой, дюжой и неуклюжій парень — хохолъ, съ толстыми губами, курносымъ носомъ и съ вялыми, маленькими глазами, принесъ изъ аула ведро колодезной воды, на берегу рѣки набралъ сухихъ вѣтвей, нарубилъ топоромъ дровъ изъ полѣньевъ, которыя по дорогѣ всегда собирала Екатерина Григорьевна и надъ костромъ утвердилъ въ землѣ желѣзный складной треножникъ съ закопченнымъ крюкомъ по серединѣ, на который повѣсилъ котелокъ.

Подъ емкой чугунной посудиной съ трескомъ разгорались дрова, шипѣли сырые сучья и камышъ; красно-желтое пламя короткими язычками лизало наружное дно котелка.

Мало-по-малу вода въ посудинѣ задвигалась, запѣнилась и забулькала.

Сестры розняли и обмыли бараній задокъ и куски мяса съ солью, пшеномъ, лукомъ и капустой бросили въ котелокъ.

— Ну, что, Юрочка, проморила я васъ сегодня голодомъ? ласково спросила Екатерина Григорьевна.

— Что вы, сестра?! Когда же было проголодаться? отвѣтилъ скакавшій на одной ногѣ, опираясь на палку, раненый.

— Потерпите немного. Сейчасъ и ѣда будетъ готова, сказала сестра.

Екатерина Григорьевна только что успѣла накормить и осмотрѣть всѣхъ своихъ раненыхъ, ѣхавшихъ въ другихъ повозкахъ, какъ обозу было приказано сняться и трогаться въ путь.

По невылазной грязи обозъ двинулся черезъ аулъ, миновалъ нѣсколько попутныхъ селеній и наконецъ, когда жгучее солнце подходило къ полудню, расположился по дворамъ аула Пенахесъ.

По дорогѣ встрѣчались пѣшіе и верхомъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ съ уносами черкесы, весело и охотно шедшіе и ѣхавшіе въ плавни собирать и вытаскивать застрявшія ночью въ грязи добровольческія повозки.

— Нынче день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Большой праздникъ. Птица гнѣзда не вьетъ. А мы,

несчастные, вмѣсто того, чтобы встрѣтить и проводить его въ церкви и дома, таскаемся, какъ неприкаянные... — съ глубокой грустью замѣтила Екатерина Григорьевна и убѣжденно добавила: — Видно, совсѣмъ отъ нашихъ грѣховъ засмердѣла русская земля, что Господь отвернулся отъ насъ, наслалъ такое невиданное и неслыханное попущеніе...

XXXIII.

Утренніе туманы унеслись куда-то безъ остатка. На синемъ, глубокомъ, ласковомъ небѣ ни тучки, ни облачка.

Мартовское солнце жгло нестерпимо и такъ ярко, что глазамъ было больно. И тѣмъ не менѣе оголодавшіе по теплу люди неохотно шли въ прохладныя сакли, а предпочитали лежать и сидѣть въ дворѣ, подъ тѣнью навѣсовъ и повозокъ.

Вездѣ, гдѣ только можно, на всѣхъ деревьяхъ, колахъ, заборахъ, телѣгахъ и просто на землѣ, на заросшихъ уже травою дворахъ сушились рубашки, шинели, носки и другія разновидности одежды.

Голые люди, не считаясь съ возрастомъ и поломъ и не стыдясь своей наготы, съ всепоглащающимъ вниманіемъ занялись истребленіемъ отвратительныхъ паразитовъ, выискивая ихъ въ своихъ нищенскихъ одѣяніяхъ.

Юрочка остатокъ дня провелъ въ одномъ дворѣ подъ навѣсомъ камышеваго сарая.

Всѣ были увѣрены, что въ Пенахесѣ проведутъ и ночь. Но передъ самымъ заходомъ солнца было получено приказаніе идти дальше.

Обозъ снялся съ мѣста и по дорогѣ среди болотъ двинулся къ Кубани, вечеромъ достигъ многоводной рѣки и заночевалъ на берегу въ виду большой, богатой, съ двумя прекрасными храмами, станицы Елизаветинской.

Въ обозѣ распространились слухи, что станица еще вчера очищена отъ большевиковъ и кавалерія генерала Эрдели будто бы заняла уже предмѣстье Екатеринодара и Пашковскую станицу.

Никто не сомнѣвался въ томъ, что городъ завтра же, самое позднее — послѣ-завтра будетъ взятъ добровольцами.

Надежды эти не основывались ни на какихъ реальныхъ данныхъ. Просто, люди такъ были измучены страшнымъ походомъ и тяжкими боями, что если не вѣрить въ конецъ своихъ нечеловѣческихъ испытаній, тогда, значитъ, надо ложиться и умирать.

Однако обозъ простоялъ на берегу весь слѣдующій день.

Изъ за станицы доносились звуки неумолкавшей ружейной и артиллерійской перестрѣлки.

Переправа черезъ быструю, мутную и полноводную въ это время года рѣку производилась на двухъ небольшихъ наскоро наведенныхъ паромахъ.

Одиночные люди переѣзжали на лодкахъ.

За первую ночь и день успѣли переправить только нѣкоторыя боевыя части и артиллерійскій обозъ.

Въ бой пошли партизаны, Корниловскій полкъ и кубанцы.

Раненыхъ и больныхъ оставили на берегу подъ прикрытіемъ офицерскаго отряда генерала Маркова.

Только на вторыя сутки дошла очередь и до повозки, въ которой лежалъ Юрочка съ пѣхотнымъ офицеромъ Горячевымъ, раненымъ въ бою подъ Усть-Лабинской пятью пулями, изъ которыхъ одна пробила ему грудь на вылетъ.

Подъ Екатеринодаромъ шли ожесточенные, безперерывные бои.

Екатерина Григорьевна была одной изъ старшихъ сестеръ и всѣхъ порученныхъ ея надзору раненыхъ размѣстила въ пяти широкихъ казачьихъ дворахъ по одной улицѣ.

Съ ранняго утра до поздней ночи сестра проводила въ постоянныхъ хлопотахъ, то обмывая, то перевязывая, то давая лекарства, то кормя своихъ калѣкъ, умудрялась даже, надѣвъ на переносье большія, круглыя очки съ толстыми, обмотанными нитками ободками, штопать ихъ истрепавшуюся, рваную одежду.

Она спѣшила, чтобы пользуясь остановкой послѣ долгаго, почти безперерывнаго похода дать возможно большія удобства своимъ раненымъ.

На обѣденномъ столѣ появилась говядина, баранина, даже куры, масло, яйца, молоко и медъ.

Хлѣбъ всегда былъ, какъ снѣгъ, бѣлый, мягкій и душистый. И всего было въ изобиліи.

У Юрочки рана дѣйствительно оказалась легкая, безъ поврежденія костей.

Онъ, держа на вѣсу забинтованную ногу, ходилъ на костыляхъ, вымытый, чистый, хотя и въ грубомъ, но свѣжемъ казенномъ бѣльѣ.

Юрочка повеселѣлъ и у него появилось снова давно потерянное довольство собою за то, что онъ опрятенъ, причесанъ, не голоденъ, что по его тѣлу не ползаютъ отвратительныя вши.

Офицеръ, хрипѣвшій всю дорогу и отказывавшійся отъ пищи, теперь почти уже не хрипѣлъ и часто пилъ теплое молоко и чай изъ рукъ Екатерины Григорьевны.

Землистый цвѣтъ лица его понемногу оживлялся, губы были не столь синія и ввалившіеся страдальческіе глаза, обведенные широкими, темными кругами, еще недавно столь безучастные ко всему на свѣтѣ, теперь часъ отъ часу оживали. На походѣ лежавшій въ повозкѣ пластомъ безъ движенія, теперь онъ самъ тихонько и осторожно приподнимался на собственныхъ исхудавшихъ рукахъ, по нѣсколько минутъ подрядъ сидѣлъ на кровати и вступалъ съ Юрочкой въ разговоръ.

Узнавъ отъ Юрочки, что армія соединилась съ кубанцами и что теперь дерется подъ Екатеринодаромъ, раненый заволновался.

— А скоро... возьмутъ Екатеринодаръ? напряженно глядя на Юрочку лихорадочно горѣвшими, темными, съ пожелтѣвшими бѣлками, глазами, слабымъ, прерывистымъ голосомъ спросилъ Горячевъ и сильно закашлялся.

— Скоро! — съ увѣренностью отвѣтилъ Юрочка. — Наши еще третьяго дня ворвались въ городъ вмѣстѣ съ кубанцами. Подъ Екатеринодаромъ сейчасъ наши партизаны дѣйствуютъ...

— А кубанцевъ много?

— Говорятъ, столько же, сколько насъ, если не больше.

— Это хо - ро - шо... раздѣльно прошепталъ раненый.

— Я слышалъ, что сегодня съ того берега пошелъ подъ Екатеринодаръ офицерскій отрядъ генерала Маркова. Весь обозъ уже перебросили сюда. Вѣроятно, сегодня возьмутъ. Съ минуты на минуту ждутъ извѣстій о взятіи города.

— А - а... отрядъ... генерала Маркова... онъ... здѣсь. Впрочемъ... гдѣ - жъ ему быть?!.. — Все лицо раненаго

пронизало внутреннимъ свѣтомъ. — Наши... орлы боевые... несчастные... и неизмѣнно-вѣрные... и Марковъ... герой — командиръ... — шепталъ растроганный раненый, самъ служившій въ рядахъ офицерской бригады. Отдышавшись, онъ продолжалъ: — Разъ... наши пошли... дѣло кончено... или возьмутъ... или полягутъ... поголовно... Передъ ними... никто не устоитъ...

Онъ задумался и отдохнувъ, прежнимъ слабымъ голосомъ спросилъ:

— А потери... большія?

— Говорятъ, въ нашемъ партизанскомъ отрядѣ большія... Много раненыхъ и убитыхъ.

Горячевъ перевелъ духъ и осторожно, и тихонько опустился на высоко взбитыя подушки.

Онъ помолчалъ, что-то напряженно соображая.

— Не хорошо... что такія потери... — снова заговорилъ Горячевъ. — Корниловъ... возьметъ Екатеринодаръ... непремѣнно... Онъ не отступитъ... не такой человѣкъ... или умретъ или... возьметъ... А вотъ... снарядовъ... у насъ много?

Онъ снова напряженно и пытливо взглянулъ въ глаза Юрочки.

— Говорятъ, совсѣмъ мало.

Горячевъ усталъ и замолчалъ, упершись взглядомъ въ одну точку.

— Плохо... Потери будутъ... большія... а потомъ... чѣмъ удержать... городъ? Силы не откуда взять... черезъ нѣкоторое время промолвилъ онъ.

— А большевики цѣлый день стрѣляютъ... такъ и кроютъ, такъ и кроютъ. И откуда у нихъ столько пушекъ и снарядовъ?

Раненый открылъ свои огромные, ввалившіеся глаза. Въ нихъ выразились гнѣвъ, негодованіе и брезгливость.

— Откуда же?! Всю Россію... обокрали и... ограбили... проходимцы... жидовня... поганая... все погубили...

— Слышете?

Хотя между Елизаветинской и Екатеринодаромъ мѣстные жители насчитываютъ не менѣе 16 верстъ и бой шелъ въ самомъ городѣ, однако въ домикѣ, въ которомъ помѣщались раненые, тихонько дребезжали и звенѣли оконныя стекла и стаканы въ поставцѣ, дрожали стѣны, а черезъ скутанныя ставни доносились раскаты, подобные огромнымъ обваламъ въ отдаленныхъ горахъ, точно ка-

кіе-то подземные титаны, напруживъ могучія спины, пыхтя и кряхтя, силились сорвать съ фундамента домикъ и разметать его по бревнамъ.

Горячевъ чуть-чуть покачалъ въ стороны головой. На лицѣ его выразилось страданіе.

— Плохо... плохо... едва слышно сказалъ онъ и съ прежней страдальческой миной задремалъ.

XXXIV.

И не одинъ Юрочка, а рѣшительно всѣ въ соединенныхъ осаждающихъ арміяхъ ни минуты не сомнѣвались, что Екатеринодаръ будетъ, во чтобы то ни стало, взятъ и всѣ каждую минуту трепетно и нетерпѣливо ожидали его паденія.

Къ достиженію этой желанной цѣли были приложены всѣ духовныя и физическія силы осаждающихъ армій.

Для добровольцевъ Екатеринодаръ являлся точкой опоры, той базой, которой имъ не доставало, гдѣ они могутъ оправиться, отдохнуть, собраться съ силами для новыхъ, грандіозныхъ операцій по освобожденію Родины отъ жидовско-большевистской нечисти и для продолженія войны до побѣдоноснаго конца надъ «исконными врагами» — нѣмцами, плечомъ къ плечу съ «вѣрными» союзниками.

У кубанцевъ, помимо иныхъ соображеній, еще больше было основаній поскорѣе овладѣть своимъ областнымъ городомъ, потому что у многихъ изъ нихъ тамъ остались семьи, родные, друзья.

И всѣ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, съ сверхчеловѣческими усиліями стремились къ овладѣнію городомъ и безоглядно лили свою кровь.

Но одинъ томительный день проходилъ за другимъ.

Бои становились все ожесточеннѣе и упорнѣе, канонада разгоралась все сильнѣе и транспорты съ убитыми и ранеными все чаще и чаще тянулись отъ Екатеринодара къ Елизаветинской.

Добровольцы, беря штурмомъ каждый домъ и каждый дворъ, истекали кровью, таяли, какъ воскъ на огнѣ.

У нихъ въ первые же дни изсякли всѣ снаряды, даже въ патронахъ ощущалась такая скудность, что въ артиллерійскомъ паркѣ на фермѣ Кубанскаго экономическаго общества, на берегу рѣки, подъ бокомъ у Екатеринодара,

Книгозбірня „СТУДІОНУ" у Львові

гдѣ находился самъ Корниловъ съ штабомъ, свободные отъ службы генералы и офицеры снаряжали патроны.

Между тѣмъ полчища большевиковъ, разъ въ двадцать превосходившія численностью своихъ противниковъ, занимая въ городѣ, какъ въ крѣпости, удобныя, защищенныя позиціи, съ могущественной артиллеріей, съ четырьмя броневыми поѣздами, располагая громадными складами, сверху до низу переполненными снарядами и патронами, развивали такой страшный ураганный огонь, что, казалось, не только небо и земля, но и вся вселенная стонали, гремѣли и грохотали.

Кто-то досужій по часовымъ стрѣлкамъ сосчиталъ, что въ послѣдніе дни боевъ подъ Екатеринодаромъ большевики выпускали въ среднемъ до 75 большихъ и малыхъ снарядовъ въ минуту.

Добровольческая армія сперва отвѣчала пятью выстрѣлами въ день, а потомъ за отсутствіемъ снарядовъ совсѣмъ умолкла.

Владѣя всѣми желѣзными дорогами, красные отовсюду, особенно со стороны Новороссійска и Ставрополя, стягивали войска, артиллерію и снаряды и тѣ громадныя потери, которыя они несли отъ оружія «кадетъ», постоянно съ избыткомъ пополнялись все пребывавшими и прибывавшими новыми силами и эти потери являлись для нихъ малоощутительными.

Какъ было прошлою осенью въ Москвѣ, такъ и теперь въ Екатеринодарѣ, съ одной стороны боролись многочисленныя, до зубовъ вооруженныя, отлично-одѣтыя въ насильственно-взятое съ чужого плеча, трусливыя, невѣжественныя, развращенныя массы за свое беззаконное право убивать и грабить всѣхъ, кто выше ихъ по общественному положенію, духовному развитію и достатку.

Тутъ разнуздался торжествующій, растленный и хищный хамъ, руководимый и подталкиваемый на массовыя преступленія рукой безпощаднаго, хитраго и мстительнаго провокатора, разсчитавшаго въ свое время осѣдлать и расходившагося не въ мѣру хама и въ свою очередь овладѣть всѣмъ тѣмъ, что награбилъ этотъ тупой и глупый негодяй.

Съ другой билась кучка оскорбленныхъ, ограбленныхъ, выгнанныхъ изъ родныхъ пепелищъ и никѣмъ не поддерживаемыхъ людей, билась за Богомъ данное право жить по закону и дышать воздухомъ на родной землѣ,

кучка героевъ, плохо одѣтыхъ, скудно вооруженныхъ, изнуренныхъ невообразимыми лишеніями и страданіями, но великолѣпно организованныхъ, искусныхъ и закаленныхъ въ бояхъ, вѣрящихъ своему вождю и въ свое правое дѣло.

И несмотря на свою малочисленность, на сравнительное равновѣсіе шансовъ въ уличныхъ бояхъ, гдѣ искусство маневрированія почти непримѣнимо, несмотря на недостатокъ патроновъ и снарядовъ, на чудовищныя потери убитыми и ранеными, эта кучка одолѣвала и твердо вѣрила, что окончательная побѣда будетъ на ея сторонѣ.

Съ ужасомъ вѣрили въ это и большевики.

Ихъ пугали ни съ чѣмъ несравнимые геройство, натискъ и упорство атакующихъ и страшное имя генерала Корнилова.

Нѣсколько разъ уже ихъ разбитыя банды бросали городъ и въ паникѣ разбѣгались, но имъ на смѣну являлись со всѣхъ сторонъ новыя и новыя силы. И бой продолжался еще упорнѣе, еще ожесточеннѣе съ незнавшими смѣны и отдыха добровольцами.

Пожилая казачка—хозяйка дома, въ которомъ остановилась Екатерина Григорьевна съ своими ранеными, въ началѣ встрѣтившая своихъ нежданныхъ гостей радушно и даже радостно, съ каждымъ днемъ становилась молчаливѣе и озабоченнѣе.

Какъ-то передъ вечеромъ проходя съ подойникомъ въ рукахъ мимо Юрочки, сидѣвшаго на крылечкѣ и прислушивавшагося къ страшной канонадѣ, хозяйка остановилась.

Лицо ея было сумрачное, осунувшееся и обезпокоенное.

— Якъ гуркае, якъ гуркае! И ни часу не мовчить, сказала она съ нескрываемымъ испугомъ.

— И все большевики стрѣляютъ, все большевики...— замѣтилъ Юрочка. — У нашихъ нѣтъ столько пушекъ. Ну да ничего. Все равно, наши городъ возьмутъ.

Хозяйка горестно покачала головой и возвразила:

— Ни. Не сдужають кадеты. У болшевикивъ силы богацко. А у васъ що? Нема сылы. Якъ тоди приходыли у насъ по станыци, казалы, що заразъ возьмуть городъ. Ни, видно, поки сонце взойде, роса очи выѣсть. Не возьмуть. А мій чоловикъ зъ двумя хлопцями тамъ у кадетивъ. Щось по наряду повізъ къ имъ. Ой, лыхо. Серце чуе

лыхо. Біда буде, якъ васъ прогонютъ, а къ намъ придуть болшевики. Всихъ порубаютъ...

Сидя здѣсь, на крылечкѣ, Юрочка такъ отчетливо слышалъ звуки огневого боя, доносившагося сюда по глади полноводной Кубани, точно сраженіе происходило не въ 16-ти верстахъ отсюда, а сейчасъ же за околицей станицы.

Пушечные выстрѣлы, звуки снарядныхъ разрывовъ, пулеметное татаканіе и ружейная дробь временами сливались въ одинъ сплошной грозный ревъ.

Иногда отъ города къ небесамъ поднимались огромные клубы дыма и пара и среди нихъ блистало пламя, потомъ раздавались громовые взрывы. Это, потрясая землю, взлетали на воздухъ пороховые и снарядные погреба.

Въ сердце Юрочки, раньше непоколебимо вѣрившаго въ овладѣніе Екатеринодаромъ, теперь тоже стало закрадываться сомнѣніе.

Такую же неувѣренность онъ сталъ читать и на лицахъ проходившихъ и проѣзжавшихъ офицеровъ, партизанъ, казаковъ, раненыхъ и жителей.

Сердце его сжималось тоской и дурными предчувствіями.

Въ послѣдніе дни большевики особенно сильно развили огонь изъ своихъ безчисленныхъ стрѣлковыхъ цѣпей, изъ сорока пушекъ и четырехъ броневыхъ поѣздовъ.

Казалось, само возмущенное людской кровожадностью и безуміемъ небо, какъ мать, созерцающая нещадную гибель дѣтей своихъ, кричало, стонало и негодующе скрежетало отъ безпрерывно шнырявшихъ и оглушительно разрывавшихся въ воздухѣ снарядовъ.

Осажденный городъ дни и ночи горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Въ ночь подъ 31-ое марта Юрочка особенно безпокойно и дурно спалъ.

Проснувшись, онъ услышалъ отдаленные, перекатные звуки.

Сердце его такъ же болѣзненно и тоскливо заныло, какъ въ ту страшную осеннюю ночь въ родительскомъ домѣ въ Москвѣ, когда началось вооруженное выступленіе большевиковъ, послѣ котораго потянулись всѣ его личныя мытарства и всѣ несчастія его семьи и новая кровавая

возмущающая сердце и душу глава исторіи многострадальной Россіи.

«Неужели и ночью бой? — задавалъ себѣ вопросъ Юрочка. — Вѣдь раньше по ночамъ хоть не дрались. Господи, да когда же это кончится?».

И теперь, какъ и тогда въ Москвѣ, онъ не хотѣлъ довѣрять ни собственному слуху, ни безошибочнымъ догадкамъ, такъ тяжела была дѣйствительность.

Проворочавшись на перинѣ довольно долго и чувствуя, что отъ тоски и безпокойства ему не заснуть, Юрочка потихоньку одѣлся, досталъ прислоненные сбоку къ стѣнкѣ костыли и крадучись, чтобы не услышала спавшая въ сосѣдней комнатѣ сестра, вышелъ на крыльцо.

Хотя и безнадежно, но ему до страсти хотѣлось убѣдиться въ томъ, что вселившіе въ его сердце такую невыносимую, томительную тоску звуки не есть звуки боя, а какіе-то иные.

На крылечкѣ слышно было гораздо яснѣе.

Юрочка съ стѣсненнымъ сердцемъ, стараясь не стучать костылями, по ступенькамъ низкой скрипучей лѣсенки спустился въ дворъ.

Мѣсяцъ уже скрылся. Ночь была тихая, темная, звѣздная. Млечный путь широкой и длинной туманной полосою тянулся по небу, сверкая міріадами искръ.

Станица спала. Ни одинъ близкій звукъ не нарушалъ тишины. За то тѣмъ отчетливѣе доносились обезпокоившіе Юрочку звуки.

У юноши опустилось и еще больнѣе заныло сердце.

Походило на то, какъ будто тысячи не обычныхъ, а какихъ-то чудовищныхъ, невиданныхъ по своей громоздкости и тяжести тракторовъ или повозокъ съ желѣзными колесами гдѣ-то далеко во всю лошадиную прыть бѣшено мчались по звонкой каменной мостовой.

И лошади должны быть иныя, огромныя, желѣзныя, сказочныя.

И вотъ топотъ многотысячныхъ копытъ, и стукъ колесъ, и громыханіе телѣгъ слились въ одинъ сплошной, перекатный, грозный ревъ, гудъ, трескъ и шумъ. И вдругъ въ фонъ этихъ хаотическихъ и однотонныхъ звуковъ вплетутся новые, болѣе отчетливые, болѣе рѣзкіе, долбящіе звуки, застрочатъ-застрочатъ, захохочатъ, какъ дьяволы въ дремучемъ бору и неожиданно смолкнутъ, чтобы черезъ нѣкоторый промежутокъ времени снова застро-

чить и захохотать, а перекатный громъ, ревъ и трескъ ни на секунду не умолкаетъ, а продолжается.

То на фонѣ горячей ружейной перестрѣлки раздавались звуки пулеметной стрѣльбы.

Простоявъ въ дворѣ довольно долго и убѣдившись, что бой минутами хотя и ослабѣвалъ, но каждый разъ вспыхивалъ съ новой, еще болѣе бѣшеной силой, Юрочка съ тяжелымъ вздохомъ повернулся, чтобы войти въ курень.

На лѣстницѣ, словно бродячая тѣнь, появилась хозяйка, босая, простоволосая, въ одной рубашкѣ и юбкѣ.

Она тоже вслушивалась въ звуки боя, была встревожена и безнадежно — печальна.

— Чуете, чуете! Ой, лыхо-жъ, лышечко. Не сдужають кадети. Ни. Нема сылы. А мово чоловика и хлопцивъ третій день нема. Какъ узялы, такъ и не вертается. Не вбилы-бы.

Юрочка прошелъ къ себѣ въ комнату, легъ въ постель, но спалъ дурно, проворочавшись до самаго утра.

XXXV.

Проснулся онъ поздно, потому что за ночь намучавшись сердцемъ, подъ утро крѣпко заснулъ.

Въ первый разъ послѣ смерти отца Юрочка видѣлъ его сегодня во снѣ.

Отецъ былъ съ иголочки одѣтъ, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ, въ черномъ пальто, въ перчаткахъ и шляпѣ, съ тростью въ рукѣ. Онъ былъ озабоченъ, куда-то спѣшилъ и настойчиво звалъ Юрочку съ собой. Такимъ упорнымъ и даже капризнымъ Юрочка никогда раньше не видѣлъ своего отца, и это открытіе какъ-то непріятно удивило его. Юрочка чувствовалъ, что ему непремѣнно надо идти съ отцомъ, что это путешествіе очень важно, но почему важно, онъ не зналъ и идти ему до смерти не хотѣлось, однако онъ пошелъ, не могъ не пойти, иначе случится что-то худое и разсердится отецъ. Юрочка всѣми силами принуждалъ себя исполнить желаніе отца, но какъ ни спѣшилъ, не могъ поспѣвать за нимъ. Ноги не повиновались и какая-то посторонняя сила тянула его назадъ. А отецъ шелъ безостановочно,

скоро, какъ-то безшумно скользилъ, сердился на то, что Юрочка отставалъ, знаками манилъ его къ себѣ и когда Юрочка съ неимовѣрными усиліями почти уже догналъ его, вдругъ неожиданно скрылся...

Юрочка былъ въ непріятномъ недоумѣніи и проснулся, измученный и потный, точно послѣ труднаго путешествія.

Екатерина Григорьевна принесла ему и тяжело раненому горячій чай, душистый медъ въ сотахъ, яйца, масло, теплый, бѣлый хлѣбъ и кипяченое молоко.

Юрочка наскоро умылся и принялся за завтракъ.

Только что видѣнный имъ сонъ не выходилъ у него изъ памяти и смущалъ его. Объяснить значеніе его онъ не могъ, но въ душѣ отъ этого сна у него остался слѣдъ какой-то тревоги, точно ожиданіе чего-то необычнаго и несчастливаго, что непремѣнно должно скоро случиться.

Сердце его ныло. Онъ не находилъ себѣ мѣста.

Передъ обѣдомъ возвратившаяся изъ санитарнаго отдѣла сестра принесла тревожную вѣсть о томъ, что сегодня утромъ Корниловъ раненъ. Но какъ, при какихъ обстоятельствахъ, произошло это горестное событіе, тяжелое или легкое раненіе, она ни у кого добиться не могла.

Горячевъ тяжелымъ, пытливымъ, страдальческимъ взглядомъ слѣдилъ за лицомъ сестры, когда она передавала то, что слышала.

Онъ какъ бы не довѣрялъ разсказчицѣ и хотѣлъ въ ея сердцѣ прочесть не то, что она говоритъ, а то, что знаетъ и скрываетъ.

Своимъ слабымъ, прерывистымъ голосомъ раненый задалъ сестрѣ нѣсколько вопросовъ по поводу слуховъ о раненіи командующаго.

Ея отвѣты, видимо, не удовлетворили Горячева.

Онъ, изнеможенный волненіемъ, глубже ушелъ головою въ подушки. Оживившееся за послѣдніе дни лицо его вдругъ потемнѣло.

Раненый огромными, неподвижными глазами глядѣлъ въ низкій, свѣжепобѣленный потолокъ. Посинѣвшія снова губы его шевелились.

Юрочка разслышалъ нѣсколько словъ.

— Спаси... Господи... Тогда... все пропало... все... всему конецъ...

Вѣсть о раненіи Корнилова съ быстротою молніи пронеслась по станицѣ.

Вездѣ по улицамъ собирались кучки странно притихнувшаго, какъ бы чѣмъ-то оглушеннаго народа и изъ устъ въ уста шопотомъ передавались подробности тяжкаго событія. Но никто ничего достовѣрнаго не зналъ. Одни говорили, что генералъ раненъ легко, другіе, — что тяжело, третьи утверждали, что онъ контуженъ. Всѣ боялись допустить мысль, что Корниловъ можетъ быть убитъ.

Всѣ ловили пѣшихъ и конныхъ, пріѣзжавшихъ съ позицій и прислушивались къ тому, что тѣ сообщали.

Пріѣзжіе и приходившіе — одни ничего не знали, другіе изъ тѣхъ, что побывали въ штабѣ на фермѣ, не отрицали, что генералъ раненъ. Лица у нихъ были сумрачныя и растерянныя, много говорить и пояснять явно избѣгали.

Послѣ обѣда стали бродить еще болѣе страшные слухи. Говорили, что Корниловъ убитъ и тѣло его уже перевезено съ городской фермы въ станицу, что мѣстный священникъ служилъ панихиду у его гроба.

Кромѣ штаба командующаго и весьма ограниченнаго количества случайныхъ свидѣтелей, никто еще правды не зналъ, но въ тылу были уже признаки смятенія. Всѣ ходили съ опущенными руками, на вытянутыхъ лицахъ читалась полная растерянность.

Напряженный бой въ городѣ продолжался цѣлый день, не только не ослабѣвая, но временами даже усиливаясь.

Всѣ знали, что въ ночь на 1-ое апрѣля Корниловымъ назначенъ рѣшительный штурмъ Екатеринодара.

Орлы боевые — чудесная офицерская бригада генерала Маркова, вызванная съ того берега Кубани еще 28-го марта, беря съ боя домъ за домомъ, кварталъ за кварталомъ, заняла половину Екатеринодара и вышла уже на Красную улицу — главную въ городѣ.

Большевики, испытывая на себѣ сверхчеловѣческій, не ослабѣвающій, а все возрастающій напоръ кучки героевъ, неся страшныя потери въ своихъ рядахъ и уже предчувствуя на завтра неизбѣжное паденіе города, на повозкахъ, грузовикахъ, автомобиляхъ, и цѣлыми поѣздами вывозили награбленное у жителей болѣе цѣнное и легкое имущество, бросая все громоздкое.

Между тѣмъ, часу въ шестомъ дня было отдано неожиданное распоряженіе — всему обозу построиться на

выѣздъ изъ станицы. Маршрутъ слѣдованія—на Ново-Титаровскую.

Кромѣ того, въ цѣляхъ облегченія арміи приказано было оставить въ станицѣ Елизаветинской часть тяжелораненыхъ подъ защитой и на попеченіе мѣстныхъ жителей.

Это послѣднее распоряженіе ударило всѣхъ, точно обухомъ по лбу.

Служащіе въ санитарной части были непріятно поражены.

Никому изъ нихъ никогда и въ голову не приходила такая чудовищная мысль, чтобы Корниловъ могъ отдать подобный, съ ихъ точки зрѣнія, безчеловѣчный приказъ.

Они знали, что при невообразимо-тяжкихъ условіяхъ боевой обстановки генералъ всегда заботился и въ первую очередь дѣлалъ все возможное для облегченія участи его искалѣченныхъ бойцовъ, знали, что за время его командованія нигдѣ никогда не былъ оставленъ или забытъ ни одинъ раненый, ни одинъ больной его арміи.

Корниловъ не простилъ бы виновныхъ и ничто не спасло бы ихъ отъ безпощадной кары.

И вдругъ онъ, онъ бросаетъ.

Такое рѣшеніе вопроса никакъ не вязалось съ высокимъ нравственнымъ обликомъ командующаго.

Такого приказа онъ, Корниловъ, не могъ отдать.

Или этотъ приказъ сплошное недоразумѣніе и будетъ со временемъ отмѣненъ или... Корниловъ тяжело раненъ, можетъ быть, убитъ, и командованіе арміей перешло къ кому-то другому.

Служащіе санитарной части, какъ и всѣ въ арміи знали, что оставленные раненые явятся жертвой вечерней. Они будутъ подвергнуты невыразимымъ мукамъ, нечеловѣческимъ истязаніямъ и ужасная смерть будетъ ихъ послѣднимъ удѣломъ, смерть не среди родныхъ, друзей и сочувствующихъ, а среди злорадствующихъ, оскорбляющихъ и торжествующихъ дьяволовъ. Всегда битый, разъяренный хамъ на этихъ обездоленныхъ калѣкахъ удовлетворитъ свою гнусную месть за всѣ пораженія и потери, которыя въ честныхъ, открытыхъ бояхъ нанесли ему добровольцы. Примѣры тому уже бывали. Предательски брошенные въ Новочеркасскѣ генераломъ Поповымъ раненые офицеры и партизаны въ февралѣ этого года всѣ

подверглись невообразимымъ издѣвательствамъ и звѣрски умерщвлены.

За что же расплачиваются эти калѣки? Не за то ли, что пролили свою кровь, что отдали свое здоровье за дѣло добровольческой арміи, за дѣло настоящей, подлинной Россіи?.

Юрочка видѣлъ и слышалъ, какъ Екатерина Григорьевна, остановившись въ дворѣ съ молоденькой черноглазой сестрой, вся красная отъ возмущенія, говорила:

— Никогда, никогда я этого не допущу. Ишь, что выдумали?! Это безсовѣстно, безчестно, прямо по-свински... Чтобы я своихъ тяжелыхъ бросила. Да за кого они меня считаютъ? Пусть они какія угодно мерзости выдумываютъ и приказываютъ. Меня это не касается. Да какъ же я ихъ брошу? За что же? За что? Мало, что ли, эти несчастные калѣки пострадали? Вѣдь эти хамы всѣхъ ихъ до единаго передушатъ...

Екатерина Григорьевна вдругъ всплеснула руками и горько зарыдала.

Юрочка былъ пораженъ тѣмъ, что такая похожая на мужчину сестра расплакалась, какъ дѣвочка.

— Но какъ же быть, Екатерина Григорьена, вѣдь начальникъ отдѣла приказалъ...

— Мало ли, что онъ прикажетъ, — оправляясь отъ плача и отирая платкомъ слезы, тихо и рѣшительно прервала старшая сестра. — Пусть тамъ въ другихъ отдѣленіяхъ что хотятъ, то и дѣлаютъ. Я сказала уже, что изъ своихъ тяжелыхъ никого не оставлю.

— Какъ бы за это не влетѣло... вставила молоденькая сестра.

— А вамъ что отъ этого?! Бейте въ мою голову! Я приказала. Пусть меня за это хоть повѣсятъ.

Молоденькая сестра помолчала, нерѣшительно топчась на мѣстѣ и глядя въ сторону.

— У меня Кушнаревъ совсѣмъ плохъ, едва ли вынесетъ тряски и на одинъ переходъ... Ивановъ уже со вчерашняго дня не приходитъ въ себя...

— Вы говорите, милая, на счетъ тряски... Горячевъ у меня не ѣлъ и не отзывался нѣсколько дней, а уже о тряскѣ, голодѣ, холодѣ и мокротѣ и говорить не приходится. Какъ теленка на рожкѣ, такъ я его молокомъ отпаивала. Зубы приходилось ложкой разжимать, чтобы влить въ ротъ нѣсколько капель. А теперь, поглядите

вонъ, только что не скачетъ, а сидитъ себѣ по цѣлымъ часамъ и горюшка мало, ѣстъ и пьетъ, Слава Тебѣ, Господи! А онъ — тяжелый, весь вдоль и поперекъ прострѣлянъ. Такъ неужели вы думаете, милая, что я его брошу?

— Я думаю, что Кушнаревъ и Ивановъ въ дорогѣ умрутъ. Лучше бы и не тревожить ихъ, не мучать...

Екатерина Григорьевна вспылила.

— И оставить здѣсь на истязаніе наглецамъ и негодяямъ? Нѣтъ, милая Вѣра Степановна, — и возмущенный голосъ старшей сестры звучалъ властно, — меня удивляетъ ваше странное предложеніе... Если они помрутъ въ дорогѣ, на то воля Господня, и мы тутъ не при чемъ. А раненыхъ моихъ, чтобы всѣхъ до единаго погрузили на повозки, мѣста всѣмъ хватитъ. А вы потрудитесь наблюсти. Всю отвѣтственность беру на себя. Повозкамъ прикажите выстроиться вотъ тутъ, у моихъ оконъ. Сама всѣхъ раненыхъ по списку провѣрю.

Екатерина Григорьевна рѣзко отвернулась.

Молодая сестра, что-то пробормотавъ, съ сконфуженнымъ, покраснѣвшимъ лицомъ вышла изъ двора.

— Апанасъ! Апанасъ! закричала старшая сестра.

Лѣнивый голосъ медлительнаго хохла донесся изъ глубины двора не сразу и только тогда, когда окликнули еще раза два.

Онъ возился у колодца, гдѣ, неистово гремя желѣзной цѣпью и ведромъ, поилъ лошадей.

— Сейчасъ же закладывай лошадей и иди въ курень. Надо выносить вещи и раненыхъ.

Апанасъ, какъ баранъ, уставился глазами въ землю, видимо, не сразу пережевывая смыслъ отданнаго ему приказанія.

— Уже треба іхать? спросилъ онъ.

— Ну да. О чемъ же я тебѣ толкую. Да не расчухивайся ты долго, а ради Христа, поживѣе поворачивайся.

— Заразъ, по прежнему лѣниво и равнодушно отвѣтилъ Апанасъ, все еще не рѣшаясь тронуться съ мѣста.

— Да живѣе, проклятый дураломъ! Да что ты у меня какъ мельница-вѣтрянка. Воротомъ тебя надо съ мѣста сдвигать. Скорѣй, чортъ тебя возьми!

Видимо, тутъ только Апанасъ окончательно понялъ и проникся тѣмъ, что ему приказывали.

Онъ зашевелился, зачмокалъ и потянулъ за поводья лошадей.

Старшая сестра по широкимъ ступенькамъ лѣсенки поднялась въ курень.

XXXVI.

Собравшійся въ нѣсколько рядовъ и на много верстъ растянувшійся обозъ долго, до самой темноты, стоялъ на выѣздѣ изъ станицы.

Повозка Екатерины Григорьевны какъ разъ приходилась противъ какого-то изъ старыхъ почернѣвшихъ тесаныхъ досокъ, по всей вѣроятности, кладбищенскаго забора.

Красный серпъ молодой луны, повернутый дугой къ западу, низко повисъ на небѣ.

Дорога была свободна для проѣзда.

Обозные и легко раненые, соскучившіеся сидѣть въ повозкахъ, собравшись въ кучки, возились на землѣ, курили, разговаривали и даже развели было маленькій костеръ, но другіе запротестовали и огонь былъ погашенъ.

Ждали армію, которая снимала осаду съ Екатеринодара и подъ покровомъ темноты часть за частью уходила изъ облитаго кровью города. Бой затихалъ. Изрѣдка только на короткое время, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ вспыхивала ружейная перестрѣлка да бухали иногда большевистскія пушки.

Мимо Юрочки почти безперерывно проходили по дорогѣ пѣшіе, проѣзжали конные и двигались повозки.

Въ этой вереницѣ Юрочка замѣтилъ прослѣдовавшую длинную, узкую у основанія арбу, съ высокими, вырисовывающимися въ темнотѣ разлатыми боками, которую везла пара лошадей въ артиллерійской запряжкѣ и на днѣ которой по неровной дорогѣ колыхался накрытый ковромъ или попонами, онъ не разобралъ, длинный ящикъ, по формѣ напоминающій гробъ.

Можетъ быть, въ другое время Юрочка и не обратилъ бы вниманія на эту арбу, если бы въ станицѣ изъ устъ въ уста не передавался упорный слухъ о смерти Корнилова и даже разсказывались подробности этого потрясающе-горестнаго событія.

Говорили, что командующій убитъ сегодня въ восьмомъ часу утра въ домикѣ на фермѣ Кубанскаго экономическаго общества. Большевистскій снарядъ пробилъ стѣну той комнаты, въ которой находился Корниловъ. Отъ ея взрыва генералъ былъ раненъ и подброшенъ на воздухъ. Ударившись грудью объ печку, онъ уже не приходилъ въ сознаніе и черезъ нѣсколько минутъ душа героя отлетѣла изъ бреннаго тѣла на берегу Кубани, у скамейки, куда вынесли его приближенные.

Особенно подозрительнымъ для Юрочки показалось то, что арбу сопровождали всадники.

Онъ всмотрѣлся въ нихъ и по своеобразной посадкѣ, по высокимъ мохнатымъ папахамъ безъ труда узналъ текинцевъ изъ конвоя командующаго.

Они ѣхали съ опущенными головами, молчаливые и подобно изваяніямъ, величаво неподвижные въ своихъ высокихъ сѣдлахъ.

Не успѣлъ Юрочка освоиться съ страшной догадкой, какъ слухъ его поразили близкіе отъ него клокочащіе хрипы, всхлипыванія и громкій шопотъ.

Онъ повернулъ голову и въ слабомъ красноватомъ лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ прямо передъ собою залитое слезами лицо Горячева.

Раненый, ухватившись одной рукой за край повозки, изо всѣхъ силъ напруживая свое больное тѣло, приподнялся и провожая арбу своими огромными, лихорадочно блестѣвшими въ глубинѣ темныхъ орбитъ глазами, правой крестился и плача шепталъ молитву.

Увидя Юрочку, онъ съ громкими хрипами въ груди повалился изнеможенной головой на подушку, горестно шепча:

— Это его... его везутъ... верховнаго... молитесь, Юрочка... за душу... раба... Божьяго... новопле... новопреставленнаго... болярина Лавра...

Раненый закашлялся. У него кровь хлынула горломъ.

Отплевывая на дорогу кровь, Горячевъ съ душу раздирающимъ горемъ, тоской и отчаяніемъ восклицалъ:

— Пропало... пропало... все... все! И армія пропала... и Россія пропала... Безъ него... безъ Лавра... Георгіева... Корнилова... все... все пошло прахомъ... все... погибло...

Екатерина Григорьевна, чуть ли не въ десятый разъ провѣрявшая въ повозкахъ своихъ раненыхъ, вдругъ вынырнула изъ темноты и бросилась къ Горячеву.

— Что вы, что вы, Петръ Григорьевичъ, Господь съ вами? Развѣ можно такъ? Вы себя убьете. Успокойтесь, *ради Господа. Только что, слава Богу, поправляться стали...* и вдругъ...

Но раненый не унимался да, видимо, не хотѣлъ и не могъ уняться.

— Мать вы моя родная, Катерина Григорьевна, — съ невыразимымъ отчаяніемъ, рыдая, кричалъ онъ и рвалъ свои повязки, — пусть погибнетъ... жизнь моя... душа моя... я все отдалъ... не жаль... Мнѣ... мнѣ... — Онъ задыхался. — Мнѣ... ничего не надо... Но почему... его... его не уберегли... ой... хоть бы смерть... не могу... не могу... Ой - ой - ой!..

— Петръ Григорьевичъ... Петръ Григорьевичъ... опомнитесь... Нельзя такъ убиваться... Господь знаетъ, что посылаетъ... по грѣхамъ нашимъ... говорила сестра, но раненый не слушалъ.

И онъ съ угасающей жизнью въ прострѣленномъ, какъ рѣшето, тѣлѣ, никогда не издавшій ни единаго звука жалобы на собственную бездольную судьбу, теперь, какъ изступленный, кричалъ и бился на днѣ повозки, изгибаясь и колотясь всѣмъ своимъ больнымъ, кровоточащимъ тѣломъ.

Горе и отчаяніе его были такъ безграничны, что утѣшить и успокоить его было невозможно.

Всѣмъ, происходившимъ на его глазахъ, Юрочка былъ потрясенъ, машинально крестился и его удивило, что когда онъ очнулся, все лицо его было залито слезами.

И тутъ только Юрочка понялъ, кого и что теряла Добровольческая армія и Россія въ героѣ — вождѣ.

Крики Горячева произвели смятеніе на сосѣднихъ повозкахъ.

Раненые насторожились, зашевелились. Въ темнотѣ надъ подушками и боками телѣгъ замелькали поднявшіяся головы...

По обозу поднялся крикъ, плачъ и неутѣшныя рыданія.

Выбитые изъ своихъ рядовъ бойцы стенаніями и слезами провожали священный для нихъ прахъ того, кому они вручали свои силы и жизни на спасеніе погибающей Родины. Теперь всѣ жертвы ихъ оказались напрасными...

Поздно вечеромъ обозъ тронулся въ путь.

Пришедшая изъ Екатеринодара усталая пѣхота была размѣщена въ переднихъ повозкахъ.

Вся кавалерія осталась позади.

Она была брошена съ тяжкимъ заданіемъ — своей грудью защитить и спасти потрясенную армію.

Почти не останавливаясь, ѣхали, на сколько возможно было развить быстроту съ такимъ огромнымъ хвостомъ изъ обоза и ѣхали быстро всю ночь и весь слѣдующій день.

Какъ при наступленіи нельзя было терять ни одного лишняго часа и стремиться впередъ и впередъ, такъ теперь надо было выигрывать время и откатываться назадъ скорѣе и скорѣе.

Покуда только въ этомъ отходѣ и было спасеніе.

Погода стояла солнечная, теплая.

Поля зеленѣли и въ голубоватой синевѣ неба, безпрерывно трепеща крылышками, то поднимаясь, то опускаясь, точно куколки на резиновыхъ ниточкахъ, которыхъ дергаетъ сверху невидимая рука, вездѣ надъ степью серебрянымъ, ликующимъ звономъ заливались жаворонки.

Армія и обозъ двигались быстро, но въ порядкѣ и полной боевой готовности.

Большевики, которыми кишмя — кишѣла степь, видимо, не опомнились еще и нападать не рѣшались.

Только подъ Андреевской съ броневыхъ поѣздовъ загремѣли пушки и полетѣли снаряды.

Но добровольцы въ бой не вступали и другою дорогой пропустили обозъ.

Никто не зналъ, кромѣ высшаго начальства, куда двигалась армія, но во всякомъ случаѣ не на Ново-Титаровскую, какъ было объявлено въ приказѣ.

Большевики искали всюду, но не могли напасть на подлинный слѣдъ добровольцевъ.

Кавалерія подъ командой Эрдели подъ деревней Садами въ виду Екатеринодара самоотверженно и бурно въ болотистой мѣстности атаковала густыя колоны наступавшихъ отборныхъ красныхъ пѣхотныхъ полковъ, въ значительной степени состоявшихъ изъ кубанскихъ пластуновъ.

Она оставила на полѣ битвы до 300 человѣкъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, но нанесла страшное пораженіе большевикамъ и этимъ маневромъ остановила опасный

фланговый ударъ на отходящую армію и присоединилась къ главнымъ силамъ въ тотъ же день 1-го апрѣля передъ вечеромъ.

Къ заходу солнца начальникъ кавалерійскаго арріергарда генералъ Эрдели съ своимъ штабомъ остановился на ночевку въ домикѣ около водяной мельницы, а пѣхота и артиллерія вмѣстѣ съ обозомъ, перейдя по плотинѣ ручей и перебравшись полемъ въ объѣздъ обширнаго болота, уже въ темнотѣ расположилась въ небольшой нѣмецкой колоніи Гначбау, верстахъ въ двухъ отъ мельницы.

XXXVII.

Утромъ 1-го апрѣля станица Елизаветинская казалась совершенно вымершей.

Казаковъ не было въ станицѣ. Одни ушли съ Добровольческой арміей, другіе къ большевикамъ, остальные попрятались въ садахъ, въ огородахъ и за рѣкой въ плавняхъ; матери, боясь и носа высунуть наружу, загоняли дѣтей въ дома.

Все приникло и онѣмѣло, какъ передъ надвигающейся страшной грозой.

Всѣ съ трепетомъ ждали прихода большевиковъ.

Въ одной просторной казачьей хатѣ въ улицѣ, по которой пролегала дорога на Екатеринодаръ, находились трое тяжело-раненыхъ добровольцевъ.

Одинъ изъ нихъ былъ прапорщикъ Нефедовъ—запѣвало партизанскаго хора, второй — партизанъ Матвѣевъ и третій — неизвѣстный молодой офицеръ изъ Марковской бригады.

Нефедовъ и Матвѣевъ были ранены осколками одного и того же снаряда подъ Георгіе-Афипской.

У Нефедова была раздроблена ступня лѣвой ноги и нѣсколько царапинъ на тѣлѣ.

Матвѣевъ лежалъ, страшно страдая. У него изъ живота извлекли осколки гранаты, но за отсутствіемъ антисептическихъ средствъ не удалось предотвратить воспаленія брюшины.

Офицера только третьяго дня привезли изъ подъ Екатеринодара.

У него была тяжкая рана головы съ раздробленіемъ черепныхъ костей.

Онъ по цѣлымъ часамъ находился въ забытьи, стоналъ, икалъ и только изрѣдка приходилъ въ себя.

При нихъ добровольно осталась сестра милосердія — Александра Павловна.

Побудило ее къ такому поступку и чувство человѣколюбія и нѣчто другое, болѣе мощное и личное.

У нея не хватило силъ разстаться съ Нефедовымъ.

Еще въ началѣ похода въ санитарномъ отдѣлѣ она случайно познакомилась съ прапорщикомъ, когда Нефедовъ, раненый въ бокъ, раза четыре на остановкахъ приходилъ туда на перевязку.

Тогда рослый, статный, съ боевой выправкой прапорщикъ обратилъ на себя ея особое вниманіе.

Ей понравилась его кудрявая, гордо поставленная голова на могучихъ плечахъ, широкое лицо съ короткимъ, прямымъ носомъ. Сѣрые, огневые глаза его, опушенные черными рѣсницами подъ густыми бровями, глядѣли открыто, спокойно и смѣло въ глаза всякому человѣку.

Казалось, ничто не могло ни смутить, ни испугать его.

«Что-то львиное въ немъ», глядя на Нефедова, каждый разъ думала дѣвушка.

Рана тогда у прапорщика была хотя и не тяжелая, но мучительная.

При всякомъ посѣщеніи ему предлагали остаться при обозѣ до выздоровленія. Прапорщикъ съ усмѣшкой, но рѣшительно каждый разъ отвѣчалъ: «если съ такими пустяковыми царапинами валяться въ обозѣ, то кто же воевать будетъ?!» по окончаніи перевязки забрасывалъ винтовку за плечо и не теряя ни одной минуты, уходилъ въ свою часть.

Судьба снова столкнула Александру Павловну съ Нефедовымъ.

Отъ самой Георгіе-Афипской до Елизаветинской они ѣхали въ одной повозкѣ.

Видя его на походѣ и здѣсь безпомощнымъ калѣкой, но всегда бодрымъ, съ стоическимъ терпѣніемъ переносящимъ всяческія лишенія и страданія, подолгу бесѣдуя съ нимъ, дѣвушка передъ уходомъ Добровольческой арміи вынуждена была признаться самой себѣ, что разстаться съ Нефедовымъ она не въ силахъ.

Между ними не было сказано ни единаго слова о любви и по наблюденіямъ Александры Павловны раненый далекъ былъ отъ мысли о какомъ-либо чувствѣ.

Его всецѣло поглощали думы о судьбѣ Добровольческой арміи и Родины.

Это не могло не огорчать дѣвушку.

И она грустила.

Съ утра перевязавъ, накормивъ и напоивъ раненыхъ, сестра отъ нервнаго безпокойства положительно не находила себѣ мѣста: то сложивъ руки, неподвижно сидѣла, то подходила къ окну и выглядывала на улицу, то наконецъ, выскакивала на дворъ и перегнувшись черезъ низкій досчатый заборъ, вслушивалась и всматривалась въ направленіи Екатеринодара.

Кромѣ крика пѣтуховъ, изрѣдка доносившагося съ разныхъ концовъ станицы, не слышно было ни единаго звука, даже собаки не лаяли и не видно было ни одного человѣка.

Эта зловѣщая пустынность и тишина еще сильнѣе взвинчивали ея и безъ того возбужденные нервы.

«Чего я боюсь? — ободряла себя дѣвушка, присѣвъ на край длинной скамьи, противъ святого угла съ образами, украшенными вѣнчиками изъ бумажныхъ бѣлыхъ, красныхъ, лиловыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ. Она облокотилась на выступъ коричневаго застекляненнаго поставца, наполненнаго рубомъ поставленными разнокалиберными тарелками, рюмками, стаканами. Въ гнѣздовища, вырѣзанныя въ доскахъ полокъ, были воткнуты мельхіоровыя ложки, вилки и ножи. — Вѣдь не звѣри же они. Вѣдь свои же русскіе люди. Сердце-то у нихъ есть. И что имъ эти несчастные калѣки? Они уже безвредны. Наконецъ, можно будетъ и поговорить съ ними. Ну, во имя ихъ матерей, женъ, невѣстъ, сестеръ буду просить, молить. Нѣтъ, это у меня нервы разошлись. Богъ дастъ, ни до чего такого... не дойдетъ».

Она обдумывала, какія слова скажетъ большевикамъ при ихъ приходѣ, какъ будетъ въ случаѣ какой опасности заступаться за несчастныхъ.

Нефедовъ вчера былъ пораженъ, когда узналъ, что армія ушла, бросивъ ихъ.

Съ секунду онъ стоялъ блѣдный, что-то соображая, потомъ на своихъ костыляхъ поспѣшно выскочилъ на улицу и вернувшись, горячо, страстно сталъ упрашивать сестру не оставаться съ ними, а бѣжать вслѣдъ за арміей, тѣмъ болѣе, что послѣднія повозки обоза только что вы-

тягивались изъ станицы и въ воздухѣ еще носился шумъ отъ людского гомона, стука колесъ и топота копытъ.

Сестра наотрѣзъ отказалась.

— Если бы я былъ увѣренъ, что на костыляхъ догоню обозъ, я непремѣнно ушелъ бы отсюда, — сказалъ Нефедовъ, — но мнѣ не догнать... — помолчавъ, онъ добавилъ: — А вы, сестрица, напрасно не слушаетесь моего совѣта, раскаетесь, горько раскаетесь.

До сегодняшняго утра онъ не проронилъ больше ни слова, ночью долго молился, всталъ рано, вымылся, выбрился, перемѣнилъ бѣлье и надѣлъ все самое лучшее изъ уцѣлѣвшихъ у него одеждъ.

Сейчасъ Нефедовъ сидѣлъ на сундукѣ, покрытомъ тонкимъ кавказскимъ коврикомъ, протянувъ по крышкѣ забинтованную раненую ногу, здоровую опустивъ на полъ и усиленно курилъ папиросу за папиросой, часто взглядывая на великолѣпную, бѣлую шею и нѣжный, задумчивый профиль сестры съ высокимъ, чистымъ лбомъ, увѣнчаннымъ роскошными, вьющимися у ушей, русыми волосами, собранными на макушкѣ въ большой, тугой узелъ.

«А хороша эта дѣвушка... какъ хороша... и мила... — мелькнуло въ головѣ Нефедова. Раньше онъ хотя и замѣчалъ ея красоту, но никогда не отдавалъ себѣ такого яснаго отчета, какъ сейчасъ. — И сердце великодушное, прекрасное, иначе... зачѣмъ бы ей оставаться здѣсь?!»

Ему стало жаль ея и захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь выразить ей свое расположеніе.

— О чемъ вы задумались, сестрица? спросилъ раненый.

Дѣвушка вздрогнула и очнулась.

Съ ласковой внимательностью глядѣлъ на нее партизанъ.

Всякій разъ взглядъ этихъ смѣлыхъ, умныхъ глазъ притягивалъ, смущалъ и приводилъ ее въ трепетъ.

Сейчасъ въ первый разъ она замѣтила въ этомъ взглядѣ что-то не безразличное къ ней, согрѣвающее.

И ей хорошо стало на душѣ.

Она расцвѣла и ожила.

Дѣвушка не успѣла еще ничего отвѣтить, какъ Нефедовъ, бросивъ окурокъ на блюдечко на столѣ передъ образами и накладывая изъ сѣренькаго кисета щепотку табаку на клочекъ старой газетной бумаги, скручивалъ новую папироску и пониженнымъ голосомъ продолжалъ:

— Вы все думаете, сестрица, объ этихъ негодяяхъ, которые вотъ-вотъ, что ни видно, пожалуютъ къ намъ? Бросьте, не волнуйтесь. Теперь уже не стоитъ. Я предупреждалъ васъ, чтобы вы ни за что не оставались. Не послушались. И напрасно. На что вы расчитывали? На ихъ великодушіе? Поймите, что у бѣшеной собаки скорѣй его найдете, чѣмъ у этихъ пьяныхъ скотовъ... Въ лучшемъ случаѣ вы увидите то, чего пусть бы никогда и во снѣ не увидать...

— Да что вы... что они могутъ сдѣлать? вся всколыхнувшись, воскликнула сестра, встревоженно и пытливо взглянувъ въ лицо прапорщика.

Нефедовъ, обслюнивъ языкомъ бумажку и своими длинными, ловкими пальцами мастерски скрутивъ папиросу, прищемилъ одинъ конецъ ея бѣлыми, крѣпкими зубами, невесело разсмѣялся и оглянулся на раненыхъ.

Офицеръ былъ въ забытьи. Матвѣевъ съ осунувшимся, раскраснѣвшимся отъ жара, юнымъ лицомъ, часто и тяжело дыша, дремалъ съ закрытыми глазами. Замѣтно было, какъ подъ грубой холщевой рубашкой вздымалась и опускалась его исхудалая грудь.

Нефедовъ, завязавъ кисетъ съ табакомъ и положивъ его въ карманъ своихъ синихъ, широкихъ, съ красными лампасами, шароваръ, чиркнулъ сдѣланной изъ патронной гильзы зажигалкой, закурилъ папиросу и вытянувъ въ сторону сестры шею, такъ, что особенно выдавался его энергичный, раздвоенный посрединѣ, подбородокъ, громко зашепталъ:

— Не хотѣлъ говорить... тяжело это... но надо... чтобы для васъ нѣчто такое, что произойдетъ на вашихъ глазахъ, не явилось неожиданностью. Тогда вы поймете, почему я такъ упрашивалъ васъ вчера бѣжать въ армію... Только не пугайтесь, сестра. Вы думаете намъ, раненымъ, можно ждать пощады? Напрасно. Насъ всѣхъ до единаго перебьютъ... Но это бы ничего... Этого ужаса не избѣжать. Но... все это произойдетъ на вашихъ глазахъ. Что за удовольствіе смотрѣть на такое безобразіе?!...

— Да Богъ съ вами... Зачѣмъ у васъ такія ужасныя мысли... — неувѣренно протянула сестра. — Ничего такого не будетъ... Богъ дастъ, все обойдется благополучно. Вотъ увидите...

На ея нѣжномъ, красивомъ лицѣ выразилось сильное безпокойство.

— Вашими бы устами медъ пить, сестрица, — съ той же невеселой улыбкой продолжалъ шептать Нефедовъ, — Но будетъ такъ, какъ я сказалъ. И за васъ боюсь...

— Нѣтъ, нѣтъ... — сестра обрадовалась что нашла вѣское возраженіе. — Вѣдь наше командованіе взяло у нихъ заложниковъ съ предупрежденіемъ, что если хоть надъ однимъ нашимъ раненымъ они учинятъ насиліе, всѣ заложники будутъ разстрѣляны.

Нефедовъ съ горькой ироніей улыбнулся.

— Да неужели вы думаете, что эти господа передъ чѣмъ-либо остановятся или подорожатъ головами своихъ?! Вы мало знаете ихъ, сестрица.

— Но почему же вы такъ веселы? Меня просто удивляетъ такое ваше отношеніе, точно... точно васъ это не касается.

Раненый, потупивъ до пола глаза, съ секунду помедлилъ, потомъ раза два затянувшись папиросой и выпустивъ дымъ, съ серьезнымъ видомъ заявилъ:

— Очень даже касается. И ни на одну минуту я объ этомъ не забываю. Но позвольте, о чемъ мнѣ журиться? Циклъ жизни пройденъ. Итоги подведены. Пора и къ праотцамъ. Здѣсь дѣлать уже нечего. Одно меня безпокоитъ: вотъ они; — при этихъ словахъ Нефедовъ выразительно кивнулъ головой въ сторону раненыхъ и пониженнымъ шопотомъ добавилъ: — хоть бы ихъ-то пощадили... Вѣдь подумайте только, сестрица, Матвѣевъ—ребенокъ, ему только 18 лѣтъ... И за что, за что?.. Ну что касается меня... я понимаю... Моя пѣсенка спѣта....

Прапорщикъ безнадежно махнулъ рукой.

— Господи, да зачѣмъ вы такъ говорите? Просто ужасъ беретъ слушать васъ... Вѣдь и безъ того такъ тяжело... столько горя...

— Ради Бога, сестрица, простите.

— Вы ничѣмъ меня не обидѣли.

Она глядѣла на свои безпомощно опущенныя на колѣни руки.

Нефедовъ пыхнулъ папироской и закутанный цѣлымъ облакомъ сизаго дыма, клубившагося въ проникавшихъ черезъ окно солнечныхъ лучахъ, послѣ недолгаго молчанія, съ иронической усмѣшкой на лицѣ снова заговорилъ.

— Вы знаете, сестрица, почему они сейчасъ не ѣдутъ?

— Почему? уже однѣми губами живо спросила дѣвушка, быстро взглянувъ на прапорщика.

Лицо ея вытянулось; на рѣсницахъ нависли слезы.

— Потому что они—невообразимые трусы и боятся, что наши устроили имъ гдѣ-нибудь засаду. Вотъ когда ихъ шпіоны удостовѣрятъ, что верховный дѣйствительно убитъ и что всѣ наши ушли, тогда они сейчасъ же нагрянутъ. А теперь они пьютъ, жрутъ, горланятъ на своихъ дурацкихъ митингахъ, поздравляютъ себя съ «побѣдой» и когда окончательно перепьются и вдоволь надерутъ свои хамскія глотки, тогда и пожалуютъ...

Нарисованная словами прапорщика картина казалась дѣвушкѣ слишкомъ чудовищной и не вполнѣ вѣроятной.

— Вы ужъ очень дурно о нихъ думаете, — возразила она.

— Вотъ увидите.

— Я не спорю, они иногда жестоки. Но нельзя же совсѣмъ отрицать у нихъ совѣсти и сердца. Не звѣри же они...

Лицо Нефедова судорожно искривилось, и зашепталъ онъ уже безъ тѣни шутливости, а серьезно, страстно, съ негодованіемъ:

— Эти звѣри хуже самыхъ отвратительныхъ, кровожадныхъ гадовъ. Такой гнусности, какъ эти двуногіе, міръ не видывалъ. Кажется, создавая ихъ, природа задалась цѣлью до виртуозности изощриться въ пакостяхъ и, какъ въ одномъ яркомъ фокусѣ, сосредоточила и олицетворила въ нихъ самое гнусное, самое низкое, преступное, жестокое и подлое. На человѣческомъ языкѣ не найдется имени и названія ихъ омерзительнымъ поступкамъ, ихъ отвратительному поведенію. Они все попрали, все оплевали, все втоптали въ кровь и грязь, надо всѣмъ, что для человѣка священно, надругались. Куда же дальше идти?! Вы упомянули о совѣсти. Ну какая же совѣсть можетъ быть у такого преступнаго негодяя, у гнуса?! Она у него и не ночевала. Вы можете подумать, что во мнѣ говоритъ одно озлобленіе только?! Нѣтъ. Говорю, потому что знаю ихъ по опыту, по горькому и страшному опыту. Дологъ и тернистъ былъ путь, по которому я пришелъ къ такому заключенію... Многое старался не замѣтить, другое оправдать, объяснить, простить. Но всѣ грани перейдены. Теперь мнѣ все равно, оторвалъ отъ

сердца, выбросилъ. Вѣдь я—кандидатъ правъ, юристъ, окончилъ Московскій университетъ, я съ младыхъ ногтей моихъ воспитанъ въ обожествленіи народа, въ преклоненіи передъ правдой и страданіями его, всю жизнь только и мечталъ служить ему не за страхъ, а за совѣсть. Правда?! Совѣсть?! Гдѣ это у мохнатаго дьявола, вора, убійцы, у ненасытнаго и неутомимаго кровопускателя правда, совѣсть? На собственномъ горбу теперь всѣ мы испытали, какова правда народная...

— Это помраченіе, психозъ, аффектъ. Это пройдетъ ..

— Оставьте, сестрица, ради Бога, эти мудреныя слова, они только съ толка сбиваютъ. Довольно словъ. Посмотрите просто, взгляните безобразной правдѣ прямо въ глаза и назовите вещи своими настоящими именами, а не драпируйте туманными, красивыми оправдательными словечками. Они есть ложь. Просто надо сознаться, что въ крови этого гнуснаго народа дремала органическая страсть къ грабежу, воровству, къ извращеніямъ, къ кощунству и ко всякимъ инымъ преступленіямъ. Жидо-соціалисты взлелѣяли и разбудили эту страсть, большевики сняли послѣднюю узду закона... отвѣтственности никакой... Вы говорите, что пройдетъ. Несомнѣнно, пройдетъ. Все проходитъ. Но пройдетъ это только тогда, когда эти гады, руководимые жидами, истребятъ все честное, порядочное и доблестное въ Россіи, а потомъ пожрутъ другъ друга. До этого момента они не успокоятся...

— Если вы такъ безнадежно смотрите на наше положеніе и пророчите такіе ужасы, зачѣмъ же вы остались?

. Нефедовъ засмѣялся съ какой-то жуткой веселостью.

— То-есть, позвольте васъ спросить, сестрица, какъ бы я не остался?! Развѣ спрашивали о нашихъ желаніяхъ? Вы же знаете, что насъ просто бросили, какъ ненужный хламъ. Почему? Значитъ, такъ надо. Мы обременяемъ армію, которой необходимо уйти, иначе она погибнетъ. Вѣдь не забывайте, сестрица, что армія потрясена чудовищными потерями, особенно подъ Екатеринодаромъ. Смерть верховнаго вконецъ доканала ее. Это такой страшный ударъ, отъ котораго, не знаю, можно ли оправиться. Арміи надо придти въ себя, пополнить ряды, отдохнуть и опомниться, хотя... хотя жертвы ранеными армію не спасутъ. Это скользкій, опасный путь, путь разложенія и гибели. Вы не знаете, сестрица, кто теперь вмѣ-

сто верховнаго комадуетъ? Не начальникъ штаба генералъ Романовскій?

— Нѣтъ. Называли какую-то другую фамилію...

— Какую?

— Кажется, Деникинъ...

— Деникинъ, Деникинъ... — шепталъ раненый, напряженно припоминая. — Слышалъ. Но вѣдь онъ ничѣмъ и никѣмъ не командовалъ здѣсь. Какъ же?..

Раненый замолчалъ и сразу измѣнился въ лицѣ.

— Теперь все понятно, — черезъ нѣсколько секундъ безнадежно промолвилъ онъ, — кончитъ тѣмъ, чѣмъ началъ. Ради спасенія своей шкуры броситъ свою армію въ самый критическій моментъ, какъ сейчасъ бросилъ насъ. Это ясно, орла видно по полету, а это — робкая ворона. Корниловъ никогда, ни въ коемъ случаѣ ничего подобнаго не сдѣлалъ бы. Ку-уда! Новый командующій недостоинъ своей арміи. Она несравненно выше его. Такіе люди, лучшіе люди, какихъ больше нѣтъ. Онъ погубитъ ихъ. Ну, «нѣтъ худа безъ добра». Я радъ и не жалѣю, что меня бросили. Все равно, я не пережилъ бы развала и гибели арміи. Теперь вы спрашиваете, почему я, зная, что намъ, раненымъ, ждать пощады нельзя, въ усъ себѣ не дую, даже веселъ и смѣюсь. Что же въ моемъ положеніи прикажете дѣлать? Остался ли бы я здѣсь добровольно, если бы меня спросили? Никакъ. На костыляхъ ушелъ бы вслѣдъ за арміей. А теперь, что же, прикажете горевать, плакать? На это я неспособенъ. Сердце мое давно уже всѣ слезы выплакало. Или думаете, что я дурачусь, шучу? Но вѣдь въ такія минуты, все равно, какъ передъ святымъ причастіемъ, непристойно шутить!

Послѣдніе слова онъ высказалъ съ волненіемъ и съ крайней серьезностью.

— Какія ужъ тутъ шутки?! — вырвалось у сестры и слезы хлынули изъ ея глазъ. — Только я не понимаю васъ... вашего отношенія...

Сестра съ выраженіемъ полнаго отчаянія на лицѣ отирала платкомъ слезы.

Несмотря на все сказанное Нефедовымъ, она хотя и опасалась, но все же не вѣрила въ возможность дикой расправы надъ ранеными, за то убѣдилась, что любитъ и любитъ безнадежно, безъ тѣни отвѣта.

Прапорщикъ сосредоточенно о чемъ то думалъ и курилъ, покачивая здоровой ногой.

XXXVIII.

— Хорошо, хотите, я вамъ все скажу, разъясню мою точку зрѣнія, пока не пожаловали незваные гости... предложилъ раненый, загасивъ окурокъ и бросивъ его на прежнее блюдечко.

— Очень хочу, взглянувъ на прапорщика, съ живостью отвѣтила дѣвушка.

— Мнѣ всего 29 лѣтъ. Какъ видите, не такъ ужъ старъ. Не правда ли? Если разсуждать по прежнему, по хорошему, т. е. по тѣмъ временамъ, когда былъ Царь на Руси, когда каждый зналъ свое мѣсто и всѣ мы жили въ безопасности и когда мы, ослы, только и дѣлали, что проклинали и всячески роняли Его власть, въ сущности я—молодой человѣкъ, у меня вся жизнь впереди и даже безъ ноги, которой лишили меня не германцы — наши враги, съ которыми я воевалъ три года, а братья по крови, свои «хрещеные богоносцы», можно бы еще много радостей и утѣхъ получить отъ жизни. Но вотъ въ чемъ, какъ хохлы говорятъ, заковыка. Я — не животное, жить въ собственное брюхо и ради только брюха не могу. Пробовалъ переломить, убѣдить себя, не могу, выше силъ. У меня были кое-какіе идеалы и всѣ они безъ остатка омерзительно, жестоко, по-хамски, вы понимаете, сестра, по-хамски, постыдно какъ-то поруганы и разбиты вотъ этимъ самымъ народомъ. Я его ненавижу и презираю. Вѣдь въ моихъ глазахъ чѣмъ онъ сталъ. Кто онъ такое? Это — безчисленное стадо воровъ, убійцъ, трусовъ, алкоголиковъ, вырожденцевъ, идіотовъ, поправшихъ всѣ божескіе и человѣческіе законы, вѣру, Бога, отечество... А вѣдь только этимъ создается и на этомъ только и держится жизнь. Такой народъ не имѣетъ будущаго. Онъ конченъ. Онъ — зловонный человѣческій соръ и какъ соръ, будетъ въ свои сроки сметенъ съ лица земли карающей десницей Всевышняго. А вѣдь этотъ народъ былъ моимъ богомъ. Вѣдь страшно и обидно, обидно до слезъ вспомнить объ этомъ. Это такая драма... — Онъ понизилъ шопотъ. — Ну еслибы, простите, вы мать свою родную, обожаемую, боготворимую, вашъ недосягаемый идеалъ,

вдругъ своими собственными глазами увидѣли предающейся пьянству или еще хуже... Простите за такое сравненіе, но вродѣ этого у меня. Понимаете? — Онъ съ безнадежнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой. — Что такое теперь народъ въ моихъ глазахъ? Это — ходячая на двухъ ногахъ нечистая тварь, ненасытное чудовище съ отвратительной пастью, съ ужасающими челюстями и брюхо... необъятное брюхо. Этимъ челюстямъ безперерывно надо чавкать, а ненасытному брюху переваривать. Ни капли справедливаго отношенія къ другимъ, ни малѣйшаго желанія трудиться, ни на іоту достоинства, ни разумѣнія, ни чести, ни совѣсти... Онъ, какъ свинья, давиться будетъ и все будетъ жрать и жрать и все будетъ находить, что ему мало, что его обдѣлили и когда все сожретъ, то даже и то корыто, въ которомъ былъ кормъ, т. е. свою же родную Россію, тупымъ рыломъ своимъ перевернетъ вверхъ дномъ и сгрызетъ всю, всю безъ остатка и не поперхнется и не пойметъ эта алчная, грязная свинья, какой бѣды онъ натворилъ и издохнетъ самъ, т. е. политически, государственно издохнетъ такъ же неопрятно, недостойно и отвратительно, какъ свинья, ни въ комъ не возбудивъ сожалѣнія. Раньше же этой поры онъ не опомнится. Нѣтъ. Куда ему?! Пока у него былъ Богъ и Царь надъ нимъ, онъ былъ смиренъ. Бога онъ давно пропилъ и слопалъ. Объ этомъ постарались его «благодѣтели» и «радители», Царя отъ него эти же самые непочтенные милостивые государи убрали и теперь ему самъ чортъ — не братъ. Но это до поры, до времени. Когда протретъ онъ свои пьяные, безстыдные, кровавые глаза, окажется нищимъ бродягой. Все приберутъ къ рукамъ его теперешніе руководители и владыки — жиды. Великой, православной Россіи не будетъ. Жидъ будетъ хозяиномъ надъ русской землей и поѣдетъ верхомъ на этомъ «свободномъ» революціонномъ народѣ, куда захочетъ и будетъ дуть его и въ хвостъ, и въ гриву. Видите, какіе «лучезарные» перспективы... Можно ли, сознавая все это, продолжать жить... да еще калѣкой?!

— Не говорите такъ, не говорите... Вѣдь это ужасно... И ничего возразить я не могу вамъ... — въ отчаяніи прошептала сестра и помолчавъ, добавила. — А все-таки у меня есть надежды... есть внутреннее убѣжденіе...

— Это ваше дѣло, сестрица.

— Да нѣтъ. Не все же погибло! Не всѣ же съ боль-

шевиками. Вотъ Добровольческая армія... казаки начинаютъ возставать... Вѣдь казаки — тоже народъ.

— Да, народъ. Я самъ — донской казакъ. Казаки — менѣе развращенный, менѣе преступный, болѣе законопослушный и здравомыслящій народъ. И совѣсти у нихъ больше, домовитѣе, зажиточнѣе и даже культурнѣе они. Надъ казаками не «работали» жиды, потому что по органическому противоположенію натуръ казакъ не выноситъ жида и не давалъ ему запакощивать свою землю. И потому Богомъ проклятому, отверженному племени абсолютно не было доступа въ казачьи хутора и станицы. Замѣтьте, сестрица, это говорю я, который еще недавно не только не былъ антисемистомъ, но во времена студенчества всякому перегрызъ бы горло, кто позволилъ бы въ моемъ присутствіи хоть слово одно пикнуть противъ еврейскаго равноправія... Вотъ какіе мы бараны. Насъ, какъ попугаевъ или скворцовъ, насвистывали съ голоса разные либеральные учителя, профессора, наставники, будь они трижды анаѳемой прокляты! А читать считалось приличнымъ только разныя «передовыя» жидовскія газеты и книжки. И какъ подумаешь, какимъ великимъ обманомъ и низкимъ жидовскимъ предательствомъ была опутана вся русская жизнь! За нее-то и расплачиваемся и еще какъ расплатимся-то! И все это подъ вывѣской гуманизма, либерализма, соціализма, демократизма, свободы, братства, равенства... Ахъ, проклятые шарлатаны!

— Ну хорошо. Все это такъ. Ошибки. Но нѣтъ же непоправимыхъ ошибокъ...

— Есть, сестрица. Вотъ я прозрѣлъ. Много ли такихъ? Милліоны еще слѣпы.

— Но Добровольческая армія, казаки, офицеры, многіе изъ интеллигенціи...

— Э, есть о чемъ говорить?! Поздно. И казаки опомнятся и возстанутъ да поздно. Надо все дѣлать во благовременіи. Пѣсенка ихъ спѣта и пѣсенка ужасная... кровью, собственною кровью захлебнутся. Ихъ раздавятъ. О, ежели бы они не оподлѣли такъ же, какъ и вся Россія и раньше взялись за умъ и возстали хотя бы прошлой осенью! — воскликнулъ онъ съ глубокой тоской. — Иная картина была бы, совсѣмъ иная... — тихо прошепталъ онъ, покачивая головой. — Это — грѣхъ атамана Каледина. Мертвыхъ не судятъ. Господь ему судья. Но вмѣсто того, чтобы оправдываться передъ всероссійскимъ

подлецомъ, предателемъ и провокаторомъ Керенскимъ въ своей вѣрности смрадной революціи, онъ собралъ бы съ развалившагося фронта своихъ казаковъ и тогда этому грязному бунту былъ бы капутъ. Вѣдь когда регулярная русская армія вся развалилась, казаки были въ полномъ порядкѣ, дисциплина держалась желѣзная. Всѣ чуяли надвигающуюся грозу, всѣ просились у атамана на Донъ на защиту своихъ очаговъ... Что онъ думалъ? Что онъ думалъ? Вѣдь на фронтѣ однихъ донскихъ конныхъ полновѣсныхъ полковъ было шестьдесятъ, болѣе полутораста отдѣльныхъ конныхъ сотень, тридцать пять легкихъ конныхъ батарей, не говоря уже о пластунскихъ баталіонахъ. Вѣдь это жъ была силища! Собери онъ подъ свое крыло всю эту силу и ранней осенью подними перначъ *) да на Москву... Что было бы! Вѣдь все многострадательное русское офицерство примкнуло бы къ этому крестовому походу противъ кровавой жидовской пятиконечной звѣзды... Что большевики могли противопоставить казачьей силѣ? Банды дезертировъ, матросовъ, рабочихъ и крестьянъ... Плетьми перепороли бы эту подлую революціонную сволочь, а жидковъ и полужидковъ — теперешнихъ вершителей русской жизни — всѣхъ этихъ гадовъ — Бронштейновъ, Ленинихъ, Апфельбаумовъ, Либеровъ, Дановъ, Керенскихъ и иже съ ними перевѣшали бы...

— Ну, а теперь поздно?

— Поздно. Добровольческая армія, молодежь, казаки будутъ истреблены. Это только Давиду удалось убить Голіафа пращей. Большевики — не дураки, они сорганизуются, помогутъ имъ въ этомъ всѣ: и друзья наши, и враги, у нихъ цѣлый великій государственный аппаратъ, деньги, многомилліонный дуракъ - народъ. Казаки потеряли свою войсковую организацію, а громадная масса фронтовиковъ, т. е. самый боеспособный элементъ, перешелъ къ большевикамъ на свою окончательную гибель. Ихъ обманули. Вѣдь кто же насъ выгналъ съ нашей прадѣдовской земли, изъ родного Новочеркасска? Не красная же мразь, которую мы, горсть людей, били, какъ хотѣли, а свои же одурѣвшіе станичники - фронтовики съ войсковымъ старшиной Голубовымъ и подхорунжимъ Подтелковымъ во главѣ...

— Развѣ не красные?

— Красные-то красные, только казаки, а не солдаты и не матросы. И жидъ свое дѣло сдѣлаетъ. Руками рус-

*) перначъ—укороченная булава, знакъ атаманскаго достоинства.

скихъ, пользуясь ихъ глупостью и подлостью, уничтожитъ Россію. Несомнѣнно, въ жидовскіе планы завоеванія и уничтоженія Россіи въ первую голову входитъ истребленіе всей русской интеллигенціи, которая сама того не подозрѣвая, усердно лила свою воду на жидовскую мельницу, всѣми силами помогала жидамъ развращать и губить Россію. Жиды послѣдовательны. Теперь въ ней, въ этой пустоголовой интеллигенціи, надобность миновала. «Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ долженъ уйти». Мало этого, эта интеллигенція, подъ ежечаснымъ, опытнымъ воздѣйствіемъ «благъ» революціи, можетъ, подобно мнѣ, поумнѣть, опомниться и оказаться имъ опасной. И они, не задумываясь, истребятъ ее подъ разными революціонными лозунгами руками русскаго быдла, истребятъ всю безъ остатка нашу несчастную жертвенную учащуюся молодежь, вотъ этихъ Матвѣевыхъ, Ивановыхъ, Петровыхъ — будущую интеллектуальную силу Россіи, истребятъ и казаковъ, потому что казакъ скорѣе умретъ, чѣмъ пойдетъ подъ ярмомъ пархатаго жида. Мерзавцы они, оподлѣли теперь, но не забывайте, что они никогда не были рабами и имѣютъ свою собственную героическую исторію...

— Что вы говорите? Что говорите? Это ужасно, это невозможно... Что же тогда дѣлать? Какъ жить? вся трепеща, точно отмахиваясь отъ страшныхъ призраковъ, прошептала взволнованная сестра.

— Передъ смертью не лгутъ и не зубоскалятъ, сестрица. Попомните мое слово, я сегодня умру, а вы, можетъ быть, останетесь жить и все, все увидите... съ страстнымъ убѣжденіемъ воскликнулъ Нефедовъ.

— Господи, Господи, да что же это?

— И обратите вниманіе, сестрица, на то, что ни среди насъ, ни среди большевиковъ въ боевыхъ рядахъ жидовъ нѣтъ. Что они — презрѣнные трусы, это всему міру извѣстно. Но тутъ есть еще и свой расчетъ. Своихъ «дитю» жиды берегутъ для будущаго. И вотъ, когда истребятъ насъ, всю чисто русскую интеллигенцію и молодежь, на пиръ жизни изо всѣхъ поръ земли, отовсюду, откуда даже и не подозрѣваешь, повылѣзутъ жиды и жиденята. И этой лопоухой, мокроглазой арміи будетъ несмѣтная сила. Вѣдь они плодовиты, какъ морскія свинки и со временъ еще фараоновъ не любятъ, чтобы ихъ считали. На самомъ дѣлѣ на землѣ этихъ пейсатыхъ, крючконосыхъ

человѣкообразныхъ гораздо больше, чѣмъ значится по самой точной статистикѣ. Они будутъ отъ лица будто бы народа вершить все русское дѣло, т. е. такъ же, какъ сейчасъ уже продѣлываютъ у большевиковъ. Это тоже будетъ очередное грандіозное мошенничество. Этимъ только они и живутъ. На это они неподражаемые мастера. И накинутъ они такой арканъ на шею русскаго быдла, что тотъ во вѣки вѣковъ не сброситъ этой петли. И чортъ съ нимъ. Мнѣ ни капельки не жаль. Онъ достоинъ такой участи. Пусть до кровавыхъ слезъ протрутъ ему безстыдные, алчные глаза. Не сдобровать потомъ и жиду. Это — законъ возмездія. Я же лично теперь уже не хочу влачить существованіе на этой прекрасной планетѣ, да и противъ судьбы, какъ противъ рожна, не попрешь. Довольно. «Насыщенъ днями» выше горла. Послѣ того, что видѣли мои глаза, что перечувствовалъ сердцемъ, переболѣлъ душою и позналъ умомъ, мнѣ рѣшительно ничего не надо и ничто не страшно. Умереть сумѣю, хотя... конечно, умереть, какъ скотина подъ обухомъ... чтобы тебя терзала и волочила по землѣ грязная толпа воровъ, убійцъ и пьяницъ... ужасно... не хотѣлось бы... Вся природа моя возстаетъ... Но!

Онъ сдѣлалъ энергичный, но безнадежный жестъ рукой.

Дѣвушка хотѣла что-то сказать и только открыла было ротъ, какъ ея слухъ поразилъ отдаленный выстрѣлъ, затѣмъ донеслось нѣчто вродѣ недружнаго залпа.

Александра Павловна вздрогнула и, точно защищаясь отъ удара, поднесла одну руку къ лицу, другую безжизненно опустивъ вдоль тѣла, съ огромными, неподвижными глазами прислушалась.

— Начинается... Прологъ... Занавѣсъ поднимается... — глухо проговорилъ Нефедовъ. Лицо его было блѣдно и серьезно, глаза горѣли. — Ну нечего дѣлать, надо готовиться въ послѣдній путь. Благо, багажа туда никакого не надо... Можно совсѣмъ налегкѣ...

Онъ криво усмѣхнулся.

Сестра съ вытянутымъ, безъ кровинки лицомъ и съ огромными глазами сдѣлала нетерпѣливый жестъ рукой, чтобы Нефедовъ замолчалъ, съ секунду прислушивалась и когда съ улицы донесся неясный гулъ множества человѣческихъ голосовъ, быстро вскочила и легко, какъ тѣнь, выскользнула изъ куреня.

XXXIX.

Нефедовъ продолжалъ сидѣть неподвижно въ густыхъ облакахъ дыма, мрачно попыхивая папиросой. Только двѣ глубокія стрѣльчатыя морщинки отъ переносья во весь лобъ подъ пышной львиной гривой свидѣтельствовали, что мысль его напряженно работала.

Выстрѣлы и гулъ голосовъ приближались. Уже можно было различить отдѣльные выкрики.

— Ага, пошло дѣло! Скорѣе... блѣдными губами прошепталъ Нефедовъ, скрипнувъ зубами, возмущеннымъ взглядомъ обвелъ комнату и глубоко вздохнулъ.

Матвѣевъ открылъ лихорадочно блестѣвшіе глаза.

— Что это... на улицѣ? слабымъ голосомъ простоналъ онъ.

— Ничего, Петя. Это мальчишки забавляются. Ты лучше бы заснулъ.

— Да... я и такъ... все сплю... и сплю... пить.,, говорилъ онъ, облизывая языкомъ медленно шевелившіяся, пересохшія губы.

— Сейчасъ придетъ сестра. Можешь подождать маленько? А то мнѣ съ моей ногой...

Совсѣмъ явственно донесся звукъ выстрѣла.

— Тамъ... гдѣ-то стрѣляютъ...

— Да ничего. Успокойся. Это такъ, пустяки... говорилъ Нефедовъ.

Выраженіе жалости и состраданія появилось на его мрачно нахмуренномъ, рѣшительномъ лицѣ.

На лѣсенкѣ, по корридорчику, потомъ въ передней послышались неровные, поспѣшные, заплетающіеся шаги бѣгущаго человѣка и въ распахнутую дверь, схвативъ себя одной рукой за грудь, другой за голову, вскочила Александра Павловна.

Дѣвушка была почти въ истерикѣ, задыхающаяся, съ безумными глазами.

— Боже... Боже мой!.. Что они дѣлаютъ!.. Что дѣлаютъ!.. — ломая руки и запрокинувъ голову, съ искаженнымъ, помертвѣвшимъ лицомъ, внѣ себя, кричала она. — Они... они... убиваютъ людей... раненыхъ... раненыхъ нашихъ... топорами... топора - ми... тамъ... тамъ... въ дворѣ,,, недалеко... какія-то дѣти пробѣжали... кричатъ...

Вдругъ подъ дѣйствіемъ внезапно озарившей ее мысли она быстро - быстро заметалась по комнатѣ.

Матвѣевъ недоумѣнными глазами испуганно слѣдилъ за всѣми движеніями дѣвушки.

— Кто это... тамъ? Большевики?

Ему никто не отвѣтилъ.

Пешевелился офицеръ съ повязкой на головѣ, полуоткрывъ одинъ заплывшій сине-багровой опухолью глазъ.

Схвативъ прислоненные къ углу печки костыли, дѣвушка совала ихъ въ руки Нефедову.

— Бѣгите, бѣгите... Спрячтесь тамъ... въ дворѣ... Тамъ солома. Зайтесь. Еще есть время... Скорѣе, скорѣе...

Нефедовъ покорно взялъ въ руки костыли, но не тронулся съ мѣста.

— Успокойтесь, сестрица — глухо проговорилъ онъ. — Я никуда не пойду... да и поздно... да и не нужно...

Дѣвушка на мгновеніе остановилась передъ раненымъ. Гибкая, высокая и стройная въ своемъ сѣромъ костюмѣ сестры милосердія, въ бѣломъ передникѣ съ краснымъ крестомъ на груди, потрясенная и трепещущая, она вся была, какъ туго натянутая струна.

Ужасъ, смертныя опасенія, всепоглащающее и уже нескрывающееся чувство, безмѣрная мука и полное отчаяніе выразились на ея поблѣднѣвшемъ, поводимомъ судорогами лицѣ и особенно въ свѣтлыхъ глазахъ, казавшихся огромными.

— Ради Бога... ради Создателя умоляю васъ... Еще не все пропало... — Голосъ ея безперерывно срывался. — Минутка... и все пропало... ради всего святого... ради матери вашей...

Раненый дернулся всѣмъ тѣломъ, исподлобья взглянулъ въ лицо дѣвушки и какъ будто удивился.

Съ секунду съ выраженіемъ поразившей его догадки онъ пытливымъ окомъ глядѣлъ на сестру и вдругъ перевелъ глаза на полъ.

— Поздно! глухимъ, безнадежнымъ голосомъ пробормоталъ онъ, зашевелился на мѣстѣ и оглядѣлся по сторонамъ.

Дѣвушка упала передъ нимъ на колѣни.

Нефедовъ вздрогнулъ и отшатнулся.

Она, вся трепещущая, своимъ умоляющимъ взглядомъ ища его взгляда, полубезумная, схватила его за руки.

— Не поздно... не поздно... — внѣ себя лепетала она. — Скорѣе, скорѣе... если не ради себя, то... ради меня... неужели не видите? Что же скрываться?!.. Я не переживу васъ... Боже мой... Всю жизнь отдамъ вамъ... неужели... неужели и этого вамъ мало?

— Вы?... Вы?... страшнымъ шопотомъ, который, казалось, поползъ и наполнилъ собою всѣ углы дома, воскликнулъ раненый. — Да какъ же это?... Я... я... самъ не зналъ... не подозрѣвалъ... Господи, да что же это? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Онъ встрепенулся весь. Глаза его вспыхнули. Все лицо озарилось какимъ-то непередаваемымъ свѣтомъ, точно духъ его, неожиданно прорвавъ плотскія преграды, вырвался на волю.

Съ секунду Нефедовъ съ любовью и неописуемой тоской глядѣлъ въ глаза дѣвушки. Да, онъ любилъ ее, и только сейчасъ неожиданно открылъ это и догадался, что ради него она, рискуя своей головой, осталась здѣсь. И его вдругъ съ бурной, неудержимой силой потянуло къ жизни, къ счастію, къ отчаянной смертной борьбѣ... Онъ поспѣшно схватился за костыли, сразу во весь ростъ приподнялся на нихъ, страшнымъ, нечеловѣческимъ по энергіи взоромъ обвелъ комнату, заглянулъ черезъ окно въ дворъ, измѣривая разстоянія и взвѣшивая возможности спасенія. Но въ тотъ же мигъ онъ сообразилъ, что борьба безполезна, надѣяться не на что. Онъ какъ звѣрь въ крѣпкихъ тенетахъ. Сердце его упало и какъ бы въ изнеможеніи, онъ снова опустился на сундукъ.

Взглядъ его ушелъ внутрь. Въ глубинѣ обращенныхъ на дѣвушку зрачковъ выразились и удивленіе, и нѣжность, и сожалѣніе, и страданіе, и какъ будто горькій, кроткій укоръ.

На глазахъ сестры лицо его какъ-то вдругъ померкло, осунулось, изъ блѣднаго стало сѣрымъ и покрылось множествомъ морщинъ, точно въ мигъ одинъ затянули его старымъ пергаментомъ и по пергаменту провели рѣзкія полоски карандашемъ.

— Поздно, поздно... — шепталъ онъ побѣлѣвшими губами, поводя быстрыми глазами отъ дверей къ окну и обратно. — Если бы раньше! въ смертельной тоскѣ вырвалось у него.

Но дѣвушка и слушать ничего не хотѣла.

Она продолжала умолять его и тащила за руки.

— Милый мой, родной... радость и счастье мое... Скорѣе, скорѣе... Я не могу... Я не переживу васъ... Съ вашей смертью для меня все кончено... Я не могу допустить такого ужаса... такого несчастья... Неужели для того только встрѣтились, чтобы...

— Безполезно. Не судьба, не судьба... родная... — говорилъ онъ, одной рукой крѣпко обнявъ ее за талію, другой съ трогательной нѣжностью поглаживая ея руки, волосы, дикимъ взглядомъ еще разъ окинулъ комнату, какъ бы ища опоры и защиты и въ отчаяніи скрипнулъ зубами. — Не судьба. Зачѣмъ такъ поздно... а-ахъ!

Онъ схватился за голову.

Съ улицы подъ окнами передней комнатки послышалась рѣзко отдававшаяся стрѣльба, пьяные крики, ругань, топотъ лошадиныхъ копытъ, шмыганіе человѣческихъ ногъ, грохотъ, шипѣніе и гудки автомобилей.

Дѣвушка вскочила съ колѣнъ и съ быстротою испуганной лани выбѣжала изъ дома, крѣпко прихлопнувъ за собою входную дверь.

У нея мелькнула въ головѣ отчаянная мысль — не допустить большевиковъ въ комнату къ раненымъ.

— Куда? Зачѣмъ? Не надо, не надо! Не уходите! громовымъ голосомъ крикнулъ Нефедовъ, доспѣшно бросившись на своихъ костыляхъ вслѣдъ за дѣвушкой.

Она была уже въ дворѣ и ничего не слыхала.

Раненый въ раздумьи съ секунду помедлилъ у порога, потомъ рѣзко повернулся и подойдя къ сундуку, снова сѣлъ на него.

Лицо у него было по-прежнему блѣдное, совершенно непроницаемое, точно мертвое.

Матвѣевъ и офицеръ безпокойно заметались на своихъ перинахъ, недоумѣлыми и испуганными глазами обернувшись къ дверямъ.

Они не вполнѣ понимали, что имъ грозитъ, но уже чуяли недоброе.

Грозные звуки все приближались.

По ступенькамъ лѣсенки и въ корридорчикѣ раздался громкій топотъ многихъ тяжелыхъ ногъ, точно скакалъ цѣлый табунъ взбѣшенныхъ лошадей, доносился пьяный, злобный гомонъ голосовъ, точно громкое, яростное жужжаніе какого-то отвратительнаго чудовища.

Дверь, какъ подъ порывомъ буйнаго вѣтра, молніеносно распахнулась и съ грохотомъ ударилась объ стѣнку.

Съ низкаго потолка зашуршалъ посыпавшійся на полъ песокъ съ кусками сухой глины.

— Гдѣ они?... Тутъ што ли?... Ишь въ какіе хоромы забрались... Буржуи... спрашивалъ хриплый, пьяный голосъ, пересыпая слова свои виртуозными, ужасающими ругательствами.

— Тута, тута... гдѣ же имъ быть, господинъ комиссаръ, ваша благородія?... Ужъ никуда не уйдутъ... Я всю ноченьку глазъ не сомкнувши... не спала... Ихъ подстерегала... чтобы не убѣгли, значитъ... отвѣчалъ лебезящій бабій голосъ.

XL.

Какъ грязной текучей водой во время прибоя, вся улица, часть двора, лѣсенка, корридорчикъ, маленькая передняя и та комната, въ которой находились раненые, наполнились вооруженными мужчинами и женщинами съ палками.

Они размахивали руками, потрясали въ воздухѣ кулаками, револьверами, ружьями, во всю мочь пьяно орали, ругались, сопѣли, кряхтѣли и толкали другъ друга.

Воздухъ сразу засмердѣлъ терпкимъ запахомъ человѣческаго пота и виннаго перегара.

Между красногвардейцами протискивались три—четыре бабы, въ крикахъ, озлобленіи и брани не уступавшія сопровождавшимъ ихъ мужчинамъ.

Это были мѣстныя жительницы - большевички изъ иногороднихъ, которыя добровольно за условленную мзду по-штучно взялись указать товарищамъ тѣ дома, въ которыхъ были оставлены раненые «кадеты».

Нефедовъ съ почернѣвшимъ нахмуреннымъ лицомъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, не перемѣнивъ даже позы.

Впереди пьяной, разнообразно одѣтой и до зубовъ вооруженной толпы шелъ средняго роста нескладный мужчина, съ длинной, темной бородой на широкомъ, рябомъ лицѣ, съ крупнымъ, толстымъ носомъ и маленькими, потерявшимися въ мѣшечкахъ и складочкахъ, глазами.

Даже для неопытнаго глаза сразу было замѣтно, что на немъ все было съ чужого плеча: и почти новое офицерское пальто съ явными слѣдами на плечахъ отъ содранныхъ погонъ, и криво приправленный на выпяченномъ

животѣ въ серебряной съ подчернью оправѣ кинжалъ, и драгоцѣнная кавказская шашка и пара револьверовъ въ черныхъ подъ серебромъ кобурахъ, болтавшихся у него по толстымъ бокамъ на ременномъ поясѣ.

На груди у него помимо огромнаго краснаго банта съ длинными лентами, красовалась еще массивная золотая съ брелоками изъ драгоцѣнныхъ камней цѣпь.

На головѣ у него была неумѣло надѣтая и нелѣпо державшаяся низкая, рыжая казачья папаха.

Онъ походилъ на неискусно ряженаго театральнаго статиста.

Протискавшаяся среди толпы и высунувшаяся впередъ, худая, старая, морщинистая баба въ короткой, темной кацавейкѣ съ подтыканными по бокамъ юбками, въ черномъ платкѣ, изъ подъ котораго выбивались сѣдыя космы, потрясала надъ головой кулаками и съ захлебываніемъ, во весь голосъ кричала:

— Вотъ они, вотъ они, эти кадети, буржуи, сукины сыны! Вотъ они эти самые, кто народушка то божьяго несчастненькаго сколько перепортилъ. У, душегубцы проклятущіе... Я ихъ указала, я, я... Эти — мои, господинъ комиссаръ, ваша благородія... Въ энтой-то, значитъ, хатѣ-то, что давеча-то... вотъ сычасъ то рубили... энти всѣ Хвеклины... тетки Хвеклы. Я къ имъ и не касаюсь. А эти — мое, мое... Я указала, я... У, кровопивцы...

Баба, еле держась на ногахъ и часто шмыгая широкими, черными ноздрями небольшого, узкаго въ подлобьи, подвижного носа, топталась около мужчины въ офицерскомъ пальто.

Выцвѣтшіе, слезящіеся, глубоко ввалившіеся глаза бабы отъ ярости, казалось, готовы были выпрыгнуть.

Изъ поблекшаго рта съ тонкими въ ниточку растянутыми губами и грязными, полусгнившими зубами брызгала слюна.

Баба съ растопыренными пальцами темныхъ, костлявыхъ рукъ, напоминавшими вороньи лапы, бросилась къ прижавшемуся къ стѣнкѣ Матвѣеву.

На лицѣ раненаго застыло выраженіе ужаса и безпомощности.

— Пошла къ чорту, баба! Куда лѣзешь? Безъ тебя дѣло обойдется! рявкнулъ тотъ, кого она называла комиссаромъ и схвативъ ее за плечи, изо всѣхъ силъ толкнулъ колѣномъ.

Баба упала.

— О-хъ, родименько-ой, за что же, за что? — пьянымъ, слезливымъ голосомъ бормотала опѣшенная баба, поднимаясь на четвереньки. — Я же, я указала... я жъ тебѣ услужала, а ты же меня пхаешь...

— Взять ихъ. Тащи на дворъ! Тамъ разберемся! повелительно крикнулъ комиссаръ.

Неуклюжимъ, театральнымъ жестомъ одной руки, сверкавшей драгоцѣнными камнями, онъ указалъ на раненыхъ, другой подбоченился.

Вдругъ среди сумбурнаго гомона и гула, какъ могучій ударъ колокола, прорѣзался возбужденный, музыкальный голосъ, точно кто-то повелительно пропѣлъ:

— Товарищи, расправиться успѣете, а пока вниманіе! Прошу два слова...

Гулъ голосовъ мгновенно смолкъ; протянутыя было къ раненымъ руки опустились.

Всѣхъ этотъ голосъ озадачилъ; всѣ оглянулись на Нефедова.

Онъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи на сундукѣ, приложивъ подъ мышки костыли, точно собираясь встать.

— Товарищи, — повторилъ онъ, — я знаю, что вамъ надо, зачѣмъ вы пришли. Вамъ нужны наши муки, наша кровь. Но вотъ что я хотѣлъ вамъ предложить: берите меня, сдирайте кожу, рѣжьте, жгите, рвите на куски, лейте мою кровь, однимъ словомъ, дѣлайте надо мною, что вашей душенькѣ угодно. Весь къ вашимъ услугамъ. Если вы меня оставите въ живыхъ, то я, хотя и безъ ноги, не скрою отъ васъ, могу еще много навредить вамъ. Но вы меня не оставите. Я это знаю и не думаю просить васъ объ этомъ, а умоляю вотъ о чемъ: вотъ тамъ на койкахъ лежатъ мои несчастные умирающіе товарищи. Обоимъ жить недолго, оба при смерти, оба еле дышутъ. Прошу васъ, умоляю васъ, не мучайте, не убивайте ихъ, дайте имъ умереть спокойно... Какая вамъ отъ этого выгода?! Вѣдь, все равно, каждый изъ нихъ больше двухъ-трехъ дней не протянетъ... Клянусь вамъ честью. Вѣдь не звѣри же вы. Вѣдь есть же у васъ крестъ на шеѣ...

— Вишь ласай какой... — раздался сзади злобный голосъ крѣпко при этомъ выругавшагося краснаго. — Соловьемъ заливается... Вишь не трогай ихъ! Чего? Всѣхъ кадетовъ рѣзать, всѣхъ...

— Чего ихъ слухать?!.. Ихъ такъ-то до ночи не переслухаешь... — поддержалъ перваго другой голосъ изъ передней и, пересыпая свои слова отборными ругательствами, продолжалъ: — Сколько нашихъ товаришовъ эти самые кадети поперехлопали... И ишь какое дѣло? Ихъ же и слухать... да еще и миловать... Видали такихъ-то...

— Тувариши, тувариши, слухайте, слухайте... истерично, торопливо закричалъ третій, стоявшій рядомъ съ комиссаромъ.

Теперь онъ выдвинулся впередъ, суетливо извиваясь всѣмъ тѣломъ, оглядывался во всѣ стороны, вздергивалъ развинченными плечами и безтолково и несуразно размахивалъ надъ головой руками. Все его рыжевато-бѣлобрысое, густо-покраснѣвшее лицо и вытаращенные водянистые глаза подергивались. Видъ у него былъ такой, точно онъ только-что сдѣлалъ какое-то необычайно важное открытіе, о которомъ спѣшилъ повѣдать міру.

— Тувариши, триста лѣтъ пили нашу кровь, триста лѣтъ дерли нашу шкуру, триста лѣтъ жмали насъ... — при этомъ ораторъ съ вытаращенными глазами и вытянутыми книзу руками присѣдалъ до самаго пола, въ лицахъ показывая, какъ ихъ «жмали». — Теперича пришелъ нашъ чередъ жмать...

— Да будетъ, будетъ. Слыхали. Всѣхъ не переслухать. Бери, тащи. Чего тамъ?! закричали въ толпѣ.

— Тувариши, тувариши... триста лѣтъ... крутясь на подобіе пущеннаго въ ходъ волчка и оглядываясь во всѣ стороны, кричалъ ораторъ.

Но онъ ни у кого не нашелъ сочувствія, растерянно оглядѣлъ толпу, съ видомъ сожалѣнія махнулъ рукой, сразу осѣлъ и стушевался. Все воодушевленіе его сразу пропало.

— Тащи. Чего? Волоки ихъ... Бей! заревѣли въ толпѣ.

— Чуръ не бить здѣся! На дворъ! на дворъ! кричалъ комиссаръ.

Его тоже никто не слушалъ. Да и никто никого не слушалъ.

Толпа разомъ завыла, заревѣла и зарокотала, точно разгулялся и закрутилъ на морѣ смерчъ.

Замелькали осатанѣлыя, багровыя, сопящія и рычащія лица, засверкали яростные глаза; раздались невообразимыя, поганыя ругательства; зашмыгало и затопотало множество ногъ; замахало множество рукъ. Все сцѣпилось

и скрутилось въ какой-то отвратительный, ужасающій, живой клубокъ изъ напруженныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Матвѣева сбросили на полъ.

Среди галдежа и шума прорѣзался нечеловѣческій, душу раздирающій крикъ, крикъ смертельнаго ужаса и боли.

Онъ не повторился.

Слышались только тупые удары тяжелыхъ сапогъ по тѣлу, усиленное сопѣніе и рычаніе.

Бѣлобрысый ораторъ надсѣдался отъ усердія и, силясь въ толпѣ достать ногами Матвѣева, при каждомъ ударѣ нелѣпо размахивалъ въ воздухѣ то одной, то другой рукой.

Схвативъ на руки офицера, раскачивали его, какъ мясную тушу, потомъ ударили объ полъ.

Несчастный при паденіи тихо замычалъ, перевернулся со спины на бокъ и судорожно изгибаясь, затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

Почти на лету его поймалъ молодой, черноволосый красногвардеецъ, съ красивымъ, искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ и нажавъ колѣнями на грудь раненаго, вмѣстѣ съ волосами сорвалъ съ его головы повязку, потомъ поспѣшно изо всей силы, точно молотками по наковальнѣ, сталъ бить кулаками по лицу и головѣ несчастнаго.

Кулаки шмякали.

Голова раненаго, какъ отрубленная, ерзала отъ ударовъ по полу.

Во всѣ стороны брызгала кровь...

Раненый находился въ глубокомъ обморокѣ.

Нефедова схватили за руки и за больную ногу, но онъ съ зубовнымъ скрежетомъ вырвалъ ее и успѣвъ встать на костыли, подталкиваемый подзатыльниками, пошелъ въ толпѣ, ежеминутно. чуть не падая и навѣрное упалъ бы, если бы сгрудившіеся около него плотной кучей люди своей массой каждый разъ не удерживали его отъ паденія.

На толчки отвѣчая толчками, на ругательства ругательствами, онъ вмѣстѣ со своими палачами вышелъ въ корридорчикъ и даже спустился по ступенькамъ въ дворъ.

Онъ искалъ глазами въ толпѣ ту, которую любилъ, не думая о себѣ, такъ какъ его страшная участь была внѣ сомнѣній, но все время среди сумбура, кошмара и борьбы всѣмъ сердцемъ безпокоился о ней, дрожалъ за ея жизнь.

На одинъ мигъ среди людскихъ головъ погасшей звѣздой блеснуло ея, похожее на рѣдкій перламутръ, помертвѣвшее лицо.

Онъ хотѣлъ ободрить ее улыбкой, но его сильно пихнули съ лѣстницы, онъ едва устоялъ и упустилъ ее изъ поля зрѣнія.

«Слава Богу, не убили!» мелькнуло въ его головѣ. Ему стало легче.

Матвѣева и офицера выволокли за ноги.

— Дорогу, дорогу, тувариши, тувариши! кричали волочившіе.

Въ толпѣ, тѣсня другъ друга, разступались.

Раненые колотились головами объ пороги и затылками пересчитывали ступеньки лѣстницы.

За ними оставался кровавый слѣдъ.

Среди двора ихъ бросили.

Оба корчились въ судорогахъ, оба потеряли сознаніе.

Нефедова поставили около лежащихъ товарищей по несчастію.

Обреченныхъ окружили.

За дворомъ, заборчикъ котораго оказался уже наполовину сломаннымъ, толпились конные и пѣшіе красногвардейцы, пьяные, шумные, переругивающіеся, налѣзающіе на плечи другъ друга и жадными глазами старающіеся не пропустить ни единаго штриха изъ происходящаго дѣйствія.

Комиссаръ въ офицерскомъ пальто широко размахнулъ въ обѣ стороны руками и зычнымъ, хриплымъ голосомъ крикнулъ:

— Раздайсь, товарищи, раздайсь. Ну, вы тамъ, товарищъ Щедровъ, чего замѣшкались? Скорѣйча справляйте свое дѣло... По скончаніи останки-то допьете...

Толпа громко, сочувственно захохотала, точно заржалъ цѣлый табунъ лошадей.

Осклабился и комиссаръ.

Оторвавшись отъ бутылки съ водкой, на ходу уже пряча ее въ карманъ и обтирая ладонью пьяное лицо, въ кругъ вскочилъ съ весело вращающимися, выпученными глазами крупный, тучный, съ желтоватыми кудерьками на вискахъ, красногвардеецъ, весь по плечамъ и по животу опоясанный пулеметными лентами, съ засаленной красной тряпкой на груди, съ брызгами свѣжей крови на его темно-сѣромъ пиджакѣ.

Въ рукѣ у него сверкнулъ новенькій, но уже окровавленный топоръ.

Во всей его фигурѣ и въ тупомъ, веселомъ выраженіи значительно утолщеннаго книзу британаго, съ оставленными только усами, лица читалось: «Какъ прикажете? мигомъ сварганю!».

— Кого перваго свѣжевать? Этого, стоячаго, что ли? спросилъ красногвардеецъ, кивнувъ головой на Нефедова.

Въ толпѣ взрывъ хохота.

— Ну этотъ сумѣетъ. Не сдастъ. Нѣ-ѣ... послышались одобрительныя замѣчанія.

Красногвардеецъ подмигнулъ толпѣ.

— Валяй хошь стоячаго! распорядился комиссаръ.

— Зачѣмъ стоячаго?! Лежачихъ, лежачихъ... сперва лежачихъ! — закричали въ толпѣ. — А то какъ бы не издохли. Ишь какъ ихъ раздѣлали! А энтотъ стоячій пущай подождетъ... Чего ему? Здоровый...

Красногвардеецъ — по прежней профессіи мясникъ, на раскаряченныхъ ногахъ наклонившись передъ раненымъ офицеромъ, занесъ надъ головою топоръ.

— Ухъ, сычасъ ухну! обернувшись разгоряченнымъ, пьянымъ лицомъ въ сторону толпы, съ усмѣшкой крикнулъ онъ.

— Поднять! Поднять! — закричали настойчивые голоса. — Ничего не видно. Чего съ ими короводиться... Подними его на ноги. На ноги подними. Чего на его глядѣть! Ишь, не можетъ на ногахъ стоять! Мы те поставимъ!

Палачъ опустилъ топоръ и выпрямилъ спину, точно натрудившійся плотникъ.

Два другіе красногвардейца вскочили въ кругъ и схвативъ офицера подъ мышки, рывками подняли его съ земли.

Ноги не держали раненаго; руки его безжизненно болтались вдоль тѣла; голова вся залитая кровью и представлявшая собою сплошную рану, сперва запрокинулась назадъ, открывъ изуродованное, окровавленное, опухнувшее лицо съ однимъ выскочившимъ изъ впадины мертвенно-неподвижнымъ глазомъ, потомъ отъ толчка державшихъ его красногвардейцевъ безпомощно, словно отрубленная, свѣсилась на открытую, окровавленную грудь.

Онъ отрывисто и громко всхрапывалъ.

Кровавая пѣна выбивалась у него изо рта и изъ носа.

Изъ-за разорванной въ клочья рубашки на груди у него блеснулъ золотой крестикъ.

— Вотъ... и плата мнѣ за работу! жадно и пьяно осклабляясь и показывая изъ за толстыхъ губъ грязные лошадиные зубы, сказалъ палачъ.

— Бери! Ишь на что позарился?! Завидущіе глаза! Бери... намъ не жаль... кричали въ толпѣ.

— Рази! Руби! ревѣли другіе.

Оскаленные зубы щелкали; налитые кровью глаза выскакивали изъ орбитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Постой! — не менѣе настойчиво и страстно кричали третьи. — Воды! Водой его облейте, чтобы очухался. А то што жъ такъ-то, коли онъ не въ себѣ... Ничего и не пойметъ...

— Вѣрно, вѣрно. Правда... чтобы понималъ, значится, почуялъ... Воды, воды! кричали уже всѣ.

Нѣсколько красногвардейцевъ, громко топоча по ступенькамъ лѣсенки ногами и пихая другъ друга, бросились въ хату.

Одинъ изъ нихъ мигомъ притащилъ цѣлое ведро.

Баба въ красномъ платкѣ вырвала у него воду.

У бабы уже на ходу силой завладѣлъ ведромъ новый красногвардеецъ и, подскочивъ къ офицеру, съ размаха вылилъ всю воду ему на голову, облившись и самъ.

Толпа захохотала надъ неловкимъ товарищемъ.

Теперь всякіе пустяки смѣшили ее.

Раненый весь затрепеталъ, зашевелилъ руками, слабо уперся объ землю ногами, приподнялъ голову...

Одинъ распухшій глазъ его полуоткрылся, другой — безжизненный и страшный мотался наружу.

Повидимому, офицеръ начиналъ приходить въ себя.

— А-а-а... буржуй! Очухивается... руби! Катай! Чего тамъ?! А то опять обоморетъ! съ неистовымъ злорадствомъ и съ неизбѣжными ругательствами заревѣли въ толпѣ.

Топоръ, поднятый обѣими руками палача, мелькнулъ въ воздухѣ.

Толпа затихла.

Красногвардеецъ — по профессіональной привычкѣ какъ-то гекнулъ и при ударѣ шумно выпустилъ воздухъ изъ широкой груди.

Ударъ пришелся по шеѣ, ниже уха.

Шмякнуло, хряснуло, фонтаномъ брызнула кровь.

— Вотъ такъ! Такъ! Ловко! Попили нашей кровушки... Теперь довольно. Однимъ меньше. Такъ его, биржуаза!.. слышались злобные, удовлетворенные голоса.

Голова офицера склонилась къ правому плечу, и изъ перерубленной, выпертой хрящемъ наружу гортани вмѣстѣ съ брызнувшей струями кровью послышался хрипъ.

— Готовъ! Будетъ! Довольно! Давай другого! Другого подавай! Ну, шевелитесь тамъ, скорѣича, тувариши! Нечего мѣшкать... — въ кровавомъ опьяненіи, весело ревѣли въ толпѣ.

Подручные палача бросили хрипящее, съ подвернувшейся подъ плечо головой, судорожно подрыгивающее тѣло офицера и со смѣхомъ обтирая ладонями залитыя кровью лица, подбѣжали къ Матвѣеву.

Встряхнувъ за руки, они подняли его съ земли.

Раненый тяжко застоналъ и поддерживаемый своими мучителями, всталъ на колеблющіяся ноги.

Онъ тихо, точно воротъ рубашки жалъ ему горло, повелъ въ обѣ стороны головой, качающейся на тонкой юношеской шеѣ, какъ измятый цвѣтокъ на стебелькѣ, и переступилъ съ ноги на ногу, готовый упасть.

Въ блуждающихъ глазахъ его склоненнаго къ плечу лица и въ полуоткрытыхъ, запекшихся кровью губахъ, изъ за которыхъ блеснулъ оскалъ бѣлыхъ зубовъ, выражалась нестерпимая мука.

На него тоже вылили ведро холодной воды, вытащенной тутъ же изъ колодца.

Юноша вздрогнулъ и точно пробудившись отъ тяжкаго сна, медленно провелъ рукой по разбитому лицу, открылъ глаза и тверже всталъ на ноги.

Въ глазахъ скользнули скорбное, страдальческое сознаніе и ужасъ.

— А-а-а!... Ахъ, оставьте... оставьте... что вы дѣлаете?.. кто вы? закричалъ онъ и нагнувъ голову, порываясь бѣжать, безпомощно пошевелилъ плечами.

— А... не по нраву пришлось? панокъ, биржуазъ. Ну ка, хорошенько раздѣлай его, туваришъ, хорошенько... такъ на первый сортъ... какъ говядину, чтобы зналъ нашихъ!.. пересыпая нестерпимыми по своей смрадности ругательствами, злорадствовали въ толпѣ.

— Ну скорѣе, скорѣйча, товарищъ Щедровъ, не мѣшкайте! Еще сколько дѣловъ впереди! поторапливалъ комиссаръ.

— Убери руки!.. Руки, говорю, убери прочь, чо - ортъ! — примѣриваясь въ воздухѣ топоромъ къ бившемуся и извивавшемуся всѣмъ тѣломъ въ рукахъ подручныхъ раненому, зашипѣлъ на своихъ помощниковъ палачъ. — А то вразъ оттяпаю... за одно... потуль и видали... Возьми за локти его... за локти, говорю, возьми! Крѣпче! Ы - ыхъ, непопятные! Черти рогатые, пра, черти рогатые!..

Палачъ, повѣсивъ топоръ на сгибѣ руки, самъ торопливо показалъ, какъ надо держать юношу.

Подручные растянули въ стороны руки кричавшаго и еще порывавшагося бѣжать раненаго, крѣпко перехвативъ его локти.

Раненый задыхался. Нечеловѣческій ужасъ выразился въ его глазахъ.

— Такъ! сказалъ палачъ.

Новый ударъ топора. Шмяканіе, короткій хрякъ костей.

Помню выстрѣлъ охотника, помню отчаянный крикъ на смерть раненаго зайчика, помню, какъ на заднихъ лапкахъ крутился онъ по снѣгу, а передними протиралъ окровавленную мордочку съ разбитыми, незрячими глазами. Онъ кувырнулся и упалъ, вздрагивая въ предсмертныхъ судорогахъ... И больше ничего. Но крикъ его, чисто дѣтскій крикъ жалобы, тоски, испуга смертнаго и невообразимой муки потрясъ всего меня невыразимымъ ужасомъ, жалостью наполнилъ мое сердце и эхомъ нечеловѣческой боли отозвался въ душѣ моей. Онъ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти, и не могу я безъ дрожи во всемъ тѣлѣ вспоминать этотъ крикъ...

Юноша застоналъ, только разъ коротко, ужасно крикнулъ и облитый кровью, замертво упалъ на землю.

Лѣвая рука Матвѣева отвалилась отъ плеча, вмѣстѣ съ рваным рукавомъ рубашки перегнулась пополамъ и повисла на ладони одного изъ помощниковъ палача.

— Ловко! Вотъ это ловко! Ого - го - го! О - го, о - о - о... Ого... го!

Толстогубый, приземистый, низенькій красногвардеецъ, съ задраннымъ носомъ въ видѣ грубой глиняной дѣтской свистульки, веселыми глазками оглядывалъ толпу, точно взвѣшивая на ладони кровоточащую руку.

Всѣмъ ясно было, что онъ хочетъ выкинуть какую-то забавную штуку.

— Ну бабы, дѣвки... вотъ вамъ гребешокъ на ночь патлы расчесывать! со смѣхомъ крикнулъ шутникъ и бросилъ руку вверхъ надъ головами толпы. Съ секунду она виднѣлась въ воздухѣ съ широко разжатыми пальцами.

Толпа со смѣхомъ и нервными вскриками шарахнулась въ стороны.

Рука шлепнулась и покатилась по пыльному косогорчику.

Ближніе, особенно бабы и дѣвки, съ испугомъ подбирали и уносили свои ноги, точно мертвая рука могла кого-либо изъ нихъ схватить.

— И во снѣ-то приснится, такъ помрешь съ одного страху... ой... пронесся испуганный бабій голосъ.

Толстогубый подручный, снявъ съ головы папаху и отирая съ лица потъ и капли крови, паясничая и кривляясь, прокричалъ:

— Фу, чортъ, всего раскровянилъ! Сколько у этихъ биржуазовъ крови...

— Всю нашу кровушку... всю начисто у трудящаго-то народу выпили... — замѣтилъ кто-то изъ толпы. — Какъ у ихъ не быть много крови... Вся, значится, наша кровушка у ихъ...

— У насъ гдѣ же кровь?! — дополнилъ другой. — Всю паны высосали... Нашему брату, къ примѣру, палецъ отрѣжь, кровь не потекетъ... у трудящаго-то народу какая кровь?!..

Толпа нервно, съ завываніями хохотала.

Палачъ, жестомъ руки сбивъ на самый затылокъ папаху, въ три удара, съ дѣловитой серьезностью, каждый разъ съ характернымъ геканіемъ и придыханіемъ откромсалъ другую руку и обѣ ноги выше колѣнъ.

Толпа расхватала отрубленные члены и самый обезображенный трупъ и, какъ футбольные мячи, катала ихъ ногами по двору.

Буйный хохотъ и безстыдныя, смрадныя слова носились и повисали въ воздухѣ.

XLI.

Нефедовъ, на полъ головы выше всей толпы, безъ шапки, въ верхней сѣрой рубашкѣ съ разодраннымъ воротомъ, неподвижно стоялъ на своихъ костыляхъ въ кругу.

Широкая, могучая грудь его высоко и часто вздымалась.

Легкій вѣтерокъ игралъ его пышными, темными кудрями.

Онъ ни разу не взглянулъ ни на толпу, ни на работу палачей.

Они были ему отвратительны и ненавистны.

При каждомъ ударѣ топора сѣрое, съ землистымъ оттѣнкомъ, лицо его, въ нѣсколько минутъ страшно осунувшееся и постарѣвшее, поводило судорогами.

Смерть уже не страшила его. Ея не избѣжать. Съ ней онъ уже примирился. Но вся природа его возмущалась противъ такого вида смерти. «Кромсаютъ, какъ барановъ», проносилось въ его головѣ.

Негодованіе и презрѣніе къ истязателямъ и убійцамъ возрастали въ немъ съ каждой секундой.

Нестерпимо ярко, молніеносно, спѣша и толпясь, безъ связи, сами собой проносились въ его головѣ обрывки мыслей и воспоминаній...

Родной домъ, садъ... рѣзко отчетливо почему-то вырисовалась почернѣвшая скворечница на высокомъ шестѣ... щелкающій, сидя на леткѣ, трепеща крылышками, весь взъерошенный скворецъ, восторженно привѣтствующій весеннее солнце... Только-что разрубленный на части Матвѣевъ, который передъ приходомъ истязателей просилъ пить... на мигъ блеснулъ свѣтлоструйный Донецъ въ сѣрыхъ скалистыхъ берегахъ и медленно шедшій паромъ, на которомъ онъ переѣзжалъ родную рѣку... Исполненные смертнаго ужаса глаза одного красногвардейца, котораго въ свалкѣ онъ прикончилъ штыкомъ... страшно — далекій образъ старушки - матери, ея прощальный взглядъ, отчаянный всплескъ руками... это когда она провожала его изъ станицы въ послѣдній походъ... Тогда у него такъ больно - больно повернулось сердце. Жаль стало родимой. Чуяла недоброе...

Какъ далеко, отчуждено все это... Онъ, точно корабль передъ погруженіемъ въ таинственную морскую бездну, когда сломаны уже весла и руль, изорваны паруса и снасти, обрублены мачты и якоря...

И вдругъ отстранивъ, заслонивъ и подавивъ собою все, выплыло и вырисовалось передъ нимъ блѣдное, прекрасное лицо и полные ужаса, любви и мольбы свѣтлые глаза Александры Павловны.

Отъ муки и боли у него чуть не разорвалось затрепетавшее сердце.

Онъ любилъ ее, и долго объ этомъ не зналъ, но это было здѣсь, въ этомъ мірѣ, это было давно уже и какъ теперь непереходимо далеко. Что эта жизнь и все мірское? Для него они уже прошли.

Его потянуло увидѣть ее.

Онъ скользнулъ глазами по толпѣ и тотчасъ же опустилъ ихъ.

«Къ чему? Не надо. Теперь ужъ все равно. Поздно».

Мысль эта похороннымъ звономъ прокатилась въ его сознаніи и канула. Безумная предсмертная тоска, томленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе поскорѣе покончить съ этимъ подлымъ, опоганеннымъ міромъ всецѣло захватила Нефедова.

Вся жизнь точно уходила отъ конечностей и сосредотачивалась гдѣ-то внутри, въ глубинѣ, казалось, сворачивалась все въ болѣе и болѣе тугой и меньшій по объему клубокъ. Онъ уже почти не чувствовалъ собственнаго одервенѣвшаго тѣла.

Отдуваясь послѣ работы и лѣниво переваливаясь съ ноги на ногу, съ опущеннымъ топоромъ въ рукѣ, къ нему медленно приближался палачъ.

Толпа притихла въ ожиданіи новаго кроваваго зрѣлища.

Теперь все вниманіе раненаго какъ-то разомъ было сосредоточено на этомъ человѣкѣ и больше ни на комъ и ни на чемъ.

Вся фигура палача со всѣми мельчайшими подробностями отчеканилась въ глазахъ Нефедова, точно влѣзла къ нему въ зрачки съ своими пулеметными лентами, съ бантомъ, съ толстыми ляжками, съ сапогами, съ топоромъ, съ крупными каплями пота на лбу...

Взгляды палача и жертвы встрѣтились.

Пьяное, тупое, съ нездоровой одутловатостью, слегка раскраснѣвшееся, лоснящееся свинымъ довольствомъ и веселостью лицо, съ бѣлесоватыми, ткнувшимися концами въ ротъ, заслюнявившимися усами, мутные, подъ бѣлесыми же рѣсницами, моргающіе глаза.

Обреченный угадалъ его мысль.

Тотъ соображалъ, какимъ способомъ «освѣжевать» его, буржуя, чтобы вышло похлеще, позаористѣе и потѣшнѣе.

«И этотъ гнусный, тупой хамъ будетъ рубить меня... разнимать на части мое тѣло, какъ свиную тушу?».

Онъ весь содрогнулся холодной внутренней дрожью. Духъ его возмутился. Злоба душила его.

Нефедовъ, не сводя своего взгляда съ лица красногвардейца, дернулся на своихъ костыляхъ...

Палачъ, точно ошпаренный, отшатнулся.

Половина хмѣля выскочила изъ его головы.

«Ого, энтому дьяволу съ глазу на глазъ не попадайся, даромъ что безъ ноги... — Онъ вдругъ обозлился. — Ишь сволочь, биржуазъ, смерть на носу, а онъ хошь бы тебѣ глазомъ моргнулъ... ни за што не покоряется. Пожди, дай срокъ. Я те доѣду»...

— Ну, што, орелъ, пошибли тебѣ крылья-то!.. — слегка раскачивая топоромъ передъ самымъ лицомъ Нефедова и обругивая смертника скверными словами, заговорилъ онъ. Чувство довольства, злорадства и сознанія своей силы надъ безпомощной жертвой увлекало его на издѣвательства. — Винтовку ищешь...— Тутъ снова слѣдовало непечатное ругательство. — Да ты — казакъ, народный палачъ, значится... Можетъ, тебѣ еще коня да шашку въ руки, чортова породушка? То-то надѣлалъ бы дѣловъ! Чего буркалы выпятилъ?! Нѣтъ, братъ, Царя-то твого убрали... отошло ваше времячко... освѣжую я тебя, сукина сына, за первый сортъ... доволенъ останешься...

— Охъ-хо! Ого. Ого-го-го! Го-го! Вотъ это такъ! Вотъ это сказалъ! Да бей его! Съ ими такъ и надо... съ народными палачами... съ казаками... Скорѣй. Чего съ имъ лясы точить. Рубани! Ну-ка, хорошенько рубани! Да не убивай сразу, чтобы чувствовалъ, значитъ... и чтобы не сразу сдохъ...

Нефедовъ съ презрѣніемъ и брезгливостью посмотрѣлъ на палача, потомъ возмущеннымъ окомъ скользнулъ по толпѣ.

Какъ она отвратительна!

Эти злобныя, тупыя, торжествующія хари, эти хищные глаза...

Палачъ правъ. Будь у него винтовка въ рукахъ, не далъ бы убить себя, какъ скотину. Онъ знаетъ, чего стоитъ эта вооруженная до зубовъ толпа трусовъ, убійцъ, воровъ и пьяницъ. И безъ ноги онъ дорого продалъ бы свою жизнь и первому не сдобровать бы палачу.

Къ смерти онъ готовъ, но глумленія хамовъ... непереносимы.

Хоть бы скорѣй!

Комиссаръ вынулъ часы, раскрылъ, но даже и не взглянулъ на циферблатъ, а держалъ ихъ далеко отъ себя, чтобы всѣ видѣли, потомъ растянулъ толстую цѣпь во всю длину, повертѣлъ ею, показывая за-одно и драгоцѣнныя кольца на пальцахъ и сказалъ:

— Ну, товарищъ Щедровъ, поторапливайтесь, не задёрживайте... не задёрживайте...

Палачъ шевельнулся и приподнялъ топоръ...

Нефедовъ стоялъ такъ же неподвижно, какъ и прежде, впившись въ палача взглядомъ...

— Руби, негодяй! не испугаешь, гнусная тварь! съ уничтожающей брезгливостью, съ пламенѣющими глазами сквозь зубы прошипѣлъ онъ.

Палачъ съ секунду въ нерѣшительности помедлилъ. Смертникъ парализовалъ его силы.

— А, это энтотъ оратель... — пронесся одинокій, какъ бы при видѣ добраго знакомаго обрадованный и удивленный голосъ среди снова установившейся тишины ожиданія. — Это энтотъ, што давеча въ хатѣ рѣчь-то говорилъ... што ишо за товарищевъ своихъ заступался...

— Глядите, товарищи, да это, правда, ораторъ! — подхватилъ другой голосъ. — Пущай передъ концомъ слово скажетъ. Товарищъ комиссаръ, орателю... слово!

— Слово! Слово! Орателю... слово! со смѣхомъ и непечатными прибавленіями заревѣли со всѣхъ концовъ улицы и двора.

Толпа ухватилась за мысль поразнообразить зрѣлище.

— Сло-о-ово! широко раскрывъ ротъ, оралъ одинъ веселый парень, сидя верхомъ на заборѣ и, какъ зритель съ театральной галерки, звонко хлопалъ въ ладоши. — Сло-о-ово!

На широкомъ, рябомъ лицѣ комиссара промелькнула снисходительная усмѣшка.

Онъ, держа одну руку на рукояткѣ кинжала, на отбитыхъ въ колѣняхъ ногахъ приблизился къ Нефедову.

— Свободный пролетарскій трудящій народъ даетъ вамъ слово, товарищъ. Желаете говорить? предложилъ комиссаръ.

Нефедову, уже наполовину принадлежавшему иному міру, говорить на потѣху своихъ истязателей не хотѣлось.

Предсмертная тоска и невыносимое томленіе овладѣвали имъ. Но онъ усиліями воли не хотѣлъ давать имъ торжества надъ собой.

Всякое промедленіе слишкомъ усиливало его муки.

Онъ раздваивался. Въ немъ властно боролись два начала: оскорбленный духъ рвался изъ тѣла, отъ этого постылаго, опоганеннаго міра. Но молодой, мощный организмъ, человѣческіе инстинкты и страсти противились смерти.

Съ секунду обреченный молчалъ, пустыми, бездонными, отрѣшенными уже отъ всего земного глазами глядя на комиссара, не сразу даже понявъ смыслъ его предложенія, потомъ взглянулъ на толпу.

Въ глазахъ его вспыхнуло недоброе пламя.

— Хорошо. Беру слово, глухо промолвилъ онъ.

— Начинайте! скомандовалъ комиссаръ.

Въ толпѣ загудѣли; послышался смѣхъ; задніе снова ринулись впередъ и насѣли на переднихъ. Тѣ уперлись ногами въ землю и толчками, спинами, ругней сдерживали насѣдавшихъ.

— Тсс! Тсс! Тувариши, тувариши! Смертникъ слово скажетъ. Тсс! Вотъ потѣха! Да помолчите, черти косолапые! Куда прете, дьяволы? кричали изъ толпы любители порядка.

Все смолкло.

— Я не назову васъ товарищами, — началъ Нефедовъ, кинувъ на толпу мрачный, полный негодованія и презрѣнія взглядъ. — Вы недостойны и этого огаженнаго вами наименованія. Вы просто... мерзкія твари, подлые трусы и гнусные мучители и убійцы...

По толпѣ пронесся точно вой приближающейся бури.

— Чего онъ говоритъ? Онъ оскорбляетъ благородный пролетарскій народъ. Какъ онъ смѣетъ, буржуй? Заткни ему глотку... Рѣжь языкъ... Бей его!.. Чего на его глядѣть?!.. понеслось со всѣхъ сторонъ съ многоэтажнымъ переплетомъ изъ неизбѣжныхъ сквернословныхъ прибавленій.

— Успѣете! Я въ вашихъ рукахъ. Никуда не убѣгу! — покрывая всѣ голоса крикнулъ Нефедовъ. И въ громовомъ голосѣ смертника, въ его трясущейся львиной гривѣ и въ выраженіи его мечущихъ искры глазъ толпой почув-

ствовалась сила, приковавшая ее къ мѣсту. Никто не двинулся къ обреченному. — Это вамъ только присказка, а сказка впереди... Я не просилъ слова и не желалъ его брать. Но вы сами его мнѣ навязали, хотѣли позабавиться рѣчью смертника... Вамъ мало оказалось другихъ издѣвательствъ и забавъ нашей кровью, нашими муками, и смертью... Такъ получайте, позабавьтесь, выслушайте... Я хочу сказать вамъ горькую правду. Потомъ вспомните меня. Или и на это не хватитъ васъ, палачи?

— Ну вы, товарищъ, того... на поворотахъ полегчае... неровенъ часъ, и зацѣпитесь... замѣтилъ комиссаръ.

Обреченный даже не взглянулъ на него.

— А ну, а ну... Чего онъ тамъ скажетъ... — гудѣли въ толпѣ. — Пущай. Намъ што? Биржуазъ, одно слово... Пущай передъ концомъ похорохорится, душу отведетъ... Ему только всего этого и осталось..... Все равно, крышка... А намъ што? Пущай... Отъ слова не станется...

— Пущай, пущай напослѣдяхъ, на краюшкѣ... Ухи не завянутъ... соглашались другіе.

Всѣ притихли. Только сзади, на улицѣ бушевало нѣсколько человѣкъ, особенно возбужденныхъ и пьяныхъ, требовавшихъ немедленной расправы.

— Помните, — продолжалъ Нефеловъ. Могучій голосъ его окрѣпъ; языкъ отчетливо и точно отчеканивалъ каждый звукъ, разносившійся по двору и далеко по улицѣ и во всѣхъ точкахъ былъ явственно слышенъ. — Теперь у васъ пиръ горой. Вы празднуете побѣду надъ нами, буржуями, бѣлогвардейцами, упиваетесь нашей кровью, грабежомъ, воровствомъ, насиліями и всяческими злодѣяніями. Не думайте, что такое счастливое житіе ваше, ваше пиршество продлится вѣчно. Когда-нибудь наступитъ и отрезвленіе. Но чѣмъ дольше и разгульнѣе будете пировать, тѣмъ тяжелѣе и больнѣе будетъ ваше похмѣлье. Сейчасъ вы убиваете только насъ, бѣлогвардейцевъ, образованныхъ и состоятельныхъ людей, забираете наше имущество, воруете, грабите, насилуете, льете нашу кровь, какъ воду... Однимъ словомъ, торжествуете. Что-жъ, торжествуйте, радуйтесь. Въ писаніи сказано: «ваше время и власть тьмы». А вы — тьма, безпросвѣтная, тупая и злая. Но вотъ вопросъ: надолго ли продлится ваша радость, ваше торжество? Вы объ этомъ не подумали? Да впрочемъ гдѣ вамъ и чѣмъ вамъ думать?! У васъ вмѣсто мозга навозъ... въ головѣ. А вѣдь придетъ пора и она не

за горами, и вы не замѣтите, какъ она нагрянетъ, когда насъ, буржуевъ, уже не будетъ, когда все наше добро будетъ уже начисто разворовано и растаскано вами, когда вамъ грабить и душить уже будетъ нечего и некого... Вы думаете, что чужое награбленное добро пойдетъ вамъ въ прокъ? Нѣтъ, вы его не удержите, промотаете и пропьете, и оно осядетъ въ карманахъ тѣхъ, кто на нашей несчастной, разоренной, опоганенной родинѣ, обманувъ васъ посулами, заварилъ всю эту страшную, кровавую кашу и кто теперь ведетъ васъ къ позорному рабству и гибели... Вѣдь всѣ тѣ невообразимыя безобразія и злодѣянія, которыя вы теперь творите и о которыхъ еще года полтора назадъ вы и помыслить-то не смѣли, вы думаете, что дѣлаете по своей волѣ? Осуществляете свои свободы? Нѣтъ, тамъ, гдѣ льется кровь своихъ ближнихъ, гдѣ воруютъ и грабятъ, оскверняютъ святыни, гдѣ насилуютъ женщинъ, обездоливаютъ и губятъ неповинныхъ дѣтей, никакой свободы быть не можетъ. Тамъ только хамское своеволіе и дикое буйство разнузданной черни. И кто такое вы теперь? Чѣмъ стали? Вы не народъ, а тупая, своевольная, никуда негодная, презрѣнная чернь...

— Да заткните ему глотку... Чего онъ тамъ? Довольно! закричали одиночные голоса въ толпѣ.

— Нѣтъ. Пущай. Нехай договоритъ. Чего? Дали слово, такъ слухай... А не хошь, заткни ухи... запротестовали другіе.

— Продолжайте, товарищъ, только полегче, полегче, а то... сказалъ комиссаръ.

— Мало этого, — продолжалъ Нефедовъ, — вы думаете, что всѣ эти гнусности совершаете по собственной волѣ? Нѣтъ. Васъ, какъ тупыхъословъ, подгоняютъ погонщики. И погонщики эти — чужіе намъ люди, какъ вамъ, такъ и намъ, буржуямъ, бѣлогвардейцамъ. Имъ надо нашими же руками истребить и насъ, и васъ, чтобы уничтожить Россію и завладѣть нашими землями и богатствами. Вы спросите, кто эти люди? Я вамъ отвѣчу: жиды. Ихъ предки распяли Христа Спасителя міра, ихъ потомки бездомные бродяги и гнусные ненасытные кровососы, пригрѣтые нашими дѣдами, теперь платятъ намъ за наше гостепріимство тѣмъ, что распинаютъ и уничтожаютъ Россію. Сейчасъ вы слѣпы. Кровавый туманъ застлалъ вамъ глаза. Вы мнѣ не повѣрите, потому что я— буржуй, офицеръ, бѣлогвардеецъ, но когда-нибудь вы

вспомните меня. Только будетъ уже поздно. Кто сейчасъ руководитъ всѣми вашими невообразимо преступными дѣйствіями? Жиды, одни жиды. Кто подбиваетъ васъ на жестокія расправы съ нами, безпомощными калѣками? Жиды. Вѣдь то, что вы сейчасъ дѣлаете, ни одинъ язычникъ-дикарь не сдѣлаетъ. Въ немъ все-таки есть хоть капля человѣческаго благородства и состраданія къ людямъ, которые и безъ того пострадали и обездолены. А вы? Хотя вы и злобны, и алчны, и тупы, но вѣдь вы всетаки христіане, васъ крестили въ купели, вы бывали въ церкви у св. Причастія и сами на такія гнусности и злодѣянія, какія сейчасъ творите, не рѣшились бы. Васъ на это подталкиваютъ жиды. Какъ дураковъ, распалили васъ митинговыми рѣчами, а вы и пошли крушить. Ну для примѣра: развѣ этотъ бородачъ сейчасъ распоряжается вашими дѣяніями? — При этихъ словахъ Нефедовъ презрительно кивнулъ головой на комиссара въ офицерскомъ пальто. — Нѣтъ, онъ только купленный, такой же тупой и преступный исполнитель чужой злой жидовской воли, какъ и всѣ вы. Онъ вотъ пришелъ сюда «на своихъ на двоихъ» ногахъ, какъ и всѣ вы, самое большее, что могли дать ему, — это потрястись отъ города сюда на какомъ-нибудь одрѣ, а тѣ, кто дѣйствительно властвуетъ надъ вами, кто управляетъ вами, какъ скотомъ на грязную работу, сидятъ сейчасъ въ роскошныхъ, чужихъ автомобиляхъ. Я не видѣлъ ихъ, мнѣ и смотрѣть не надо, но знаю, что тамъ сидятъ жиды и эти лопоухіе нехристи заправляютъ вами вотъ черезъ этихъ тупыхъ бородачей, а вы и не знаете этого. И такъ во всей великой Россіи. Вы дѣлаете грязное дѣло, льете кровь, воруете, грабите, а царствуютъ надъ вами и собираютъ въ свои карманы наворованное и награбленное ваши комиссары, а у васъ сплошь всѣ комиссарскія должности заняты жидами и только для отвода глазъ кое-гдѣ на низшихъ рабскихъ ступеняхъ сидятъ природные русскіе. Жиды комиссарствуютъ надъ вами здѣсь, жиды во всѣхъ городахъ и весяхъ Россіи, жиды въ Петербургѣ и Москвѣ, откуда и заправляютъ всей нашей несчастной, одураченной Родиной. И вы отдали жидамъ душу свою, совѣсть свою за беззаконное, преступное право убійства, воровства и грабежа продали презрѣнному, поганому жиду свою родную Россію и послушно, какъ ослиное стадо, идете туда, куда жидъ васъ посылаетъ и дѣлаете то, что онъ

вамъ черезъ такихъ вотъ бородачей, какъ этотъ вашъ горе-комиссаръ, приказываетъ. Помните, еще отъ начала вѣковъ жидъ никому добра не сдѣлалъ, ничему доброму не научилъ, а зла всѣмъ народамъ, которые его пріютили, во всѣ времена натворилъ бездну, неисчислимую бездну. Натворилъ уже и еще натворитъ и вамъ. Спохватитесь вы, да будетъ поздно. Вспомните и насъ офицеровъ, буржуевъ, которыхъ теперь мучаете и убиваете, какъ мухъ...

Въ толпѣ захохотали.

— Ну ужъ этого не дождетесь. Добромъ не вспомнимъ... Нѣтъ. Пососали нашей кровушки... Довольно ужъ...

— Вспомните и еще какъ... — продолжалъ Нефедовъ. — Свергнувъ съ Всероссійскаго Престола по указкѣ жидовъ своего прирожденнаго кроткаго православнаго Царя, вы тѣмъ самымъ посадили себѣ на шею аспида, въ видѣ этихъ безчисленныхъ комиссарствующихъ обрѣзанныхъ нехристей-жидковъ, кровожадныхъ, хитрыхъ, алчныхъ и трусливыхъ, какъ хорьки. И помните и не забудьте, что эти комиссары-жидки протрутъ вамъ глазки, протрутъ до кровавыхъ слезъ, такъ поцарствуютъ надъ вами, такъ похозяйничаютъ въ нашей родной прародительской землѣ, что когда вы всѣхъ насъ передушите, ограбите и перебьете и когда убивать и грабить вамъ ужъ будетъ некого, вы вцѣпитесь, мертвой хваткой вцѣпитесь въ глотку другъ другу и пожрете, помните, гнусно, пакостно, какъ подобаетъ хамамъ, пожрете одинъ другого, братъ брата, отецъ сына, сынъ отца, не оставите на нашей несчастной, опакощенной вами и распятой жидами Родинѣ ни одного уголка, не разграбленнаго, не разореннаго, не политаго кровью и не огаженнаго вашими злодѣяніями. И вы не успокоитесь... Впрочемъ, что такое вы? Развѣ вы что-нибудь понимаете? Развѣ вы разумные люди? Вы просто головотяпы, глупцы... Не успокоятся ваши теперешніе царьки-жиды, пока отъ могучей великой, державной Россіи одинъ только прахъ и пепелъ останется. Пустыня будетъ, пустыня зловонная, хоть шаромъ покати... Все слопаете, все пропьете, промотаете, все огадите, все разнесете на клыкахъ, какъ глупая свинота. А земля ваша, нажитая безчисленнымъ рядомъ поколѣній вашихъ предковъ, не будетъ вашей. Жиды будутъ хозяевами на

ней, а вы, вы будете у него рабочей скотиной. И сдѣлано это будетъ «чисто» по-жидовски, видимая законность будетъ соблюдена, нигдѣ комаръ носа не поддѣнетъ, а все ваше достояніе, всѣ несмѣтныя богатства русскія окажутся у жидовъ въ карманахъ. Ихъ оттуда потомъ во вѣки вѣчные никакими клещами не вытащишь. И этими русскими землями и богатствами жиды за милую душу расторгуются со всѣмъ «просвѣщеннымъ» человѣчествомъ. Всѣхъ свяжутъ, всѣхъ запутаютъ, въ этотъ свой грандіозный «честный» гешефтъ. У всѣхъ государствъ и народовъ въ бывшей, разрушенной вашими руками, родной и вамъ, и намъ Россіи окажутся свои «кровные» интересы. А вы, теперь торжествующіе, «свободный», революціонный народъ и ваше потомство будете безъ разгиба работать на жидовъ и на ихъ «дитю», на ихъ безчисленное ное потомство. Они зажмутъ вамъ ваши широкія, пьяныя глотки и зажмутъ покрѣпче, поплотнѣе, чѣмъ вы теперь всѣмъ зажимаете... Свѣта Божьяго не взвидите...

— Хо-хо. Вишь, што понесъ, чѣмъ испужать хочетъ. Жидами. Такіе же люди и еще лучше, чѣмъ православные.

Нефедовъ передохнулъ.

— Помните это. — Голосъ его повысился и подобно набатному колоколу загудѣлъ и задрожалъ металлическимъ звономъ. — Говорю это я, смертникъ, безвинно обреченный вами на муки и смерть. И еще помните, что за всѣ ваши безмѣрныя злодѣянія, надругательства, насилія и кощунства, вы заплатите страшной цѣной и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Земля не выдержитъ вашего злодѣйства и гнусности и возопіетъ къ небу. Богъ услышитъ ея жалобу и поразитъ васъ. Вся та невинная кровь, кровь моихъ соратниковъ и братьевъ, которую вы льете, какъ воду и которой прольете еще цѣлыя рѣки, не пройдетъ вамъ даромъ, падетъ на ваши преступныя головы и головы вашихъ дѣтей. И заплатите за все великимъ горемъ, великими бѣдами и въ своемъ торжествѣ и опьяненіи и не замѣтите, какъ всѣ эти невиданныя отъ начала міра бѣды и горе обрушатся на васъ и проклянете день и часъ вашего рожденія, возненавидите женъ, и матерей, и дѣтей вашихъ, и будете искать смерти, и не сразу найдете ее. Помните это, негодяи, скоты, гнусные, кровожадные гады, жидовскіе рабы, отдавшіе свой отчій домъ, свою Россію, самихъ себя и своихъ дѣтей въ полное безконтрольное обладаніе смердящему жиду. Это

вамъ мой предсмертный завѣтъ. Для этого только я и воспользовался словомъ, иначе я и не захотѣлъ бы даже плюнуть въ ваши гнусныя хари. Я кончилъ. Не хочу больше метать моего бисера передъ вами, грязными, поскудными свиньями. Все равно, потопчете ногами. И такъ я слишкомъ много удѣлилъ вамъ вниманія. Будьте вы прокляты со всѣмъ вашимъ злымъ дьявольскимъ отродьемъ и со всѣми вашими паршивыми жидами. Вы другъ друга стоите!

По толпѣ давно уже несся угрожающій вой и рокотъ, точно по степи мчался буйный вѣтеръ или въ половодіе забурлила рѣка.

Комиссаръ позеленѣлъ. Изъ щелочекъ его глазъ вдругъ высунулись и торчали двѣ колючія, какъ острія иголокъ, маленькія точки. На нижней части лица, около полуоткрытаго рта, черезъ щель котораго виднѣлись огрызки сломанныхъ переднихъ зубовъ, играла усмѣшка кошки, держащей въ когтяхъ мышь.

Онъ медлительно повернулся къ Нефедову.

Глаза ихъ встрѣтились.

И вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное: партизанъ плюнулъ прямо въ лицо комиссару.

— Вотъ вамъ! Получайте и расписывайтесь. Не стоите вы моего плевка. Ну да гдѣ наше казачье не пропадало! Плюю на васъ всѣхъ въ ваши кровавыя свиныя хари, мерзкіе, гнусные негодяи. А муками, смертью не устрашите. Готовъ! громовымъ голосомъ прокричалъ Нефедовъ.

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІЇ“ У Львові

XLII.

Это было такъ неожиданно и такъ необычайно, что толпа растерялась и на мгновеніе онѣмѣла.

— Убить! разодрать на части... Чего ему въ зубы глядѣть?! Ишь што сказалъ... Ишо харкается... комиссару прямо въ мурло... Бей!.. Рѣжь!.. черезъ секунду съ изступленными, кощунственными ругательствами, въ которыхъ въ невообразимо-отвратительныхъ, мерзостныхъ сочетаніяхъ оскорблялись имена Бога и Его Пречистой Матери, въ одинъ голосъ заревѣла толпа.

— На меня такъ-то никто не харкалъ... Ей Богу, никто... въ удивленіи, растерянно пролепеталъ комиссаръ,

недоумѣло оглядываясь по сторонамъ и унизанной драгоцѣнными кольцами рукой обтирая заплеванное лицо.

Вдругъ онъ весь побагровѣлъ. Изъ щелочекъ его глазъ посыпались злобныя искры. На искривленныхъ губахъ огромнаго рта появилась пѣна.

— Нѣтъ, малой, шалишь!.. прошипѣлъ онъ, неуклюжимъ козлинымъ прыжкомъ, такъ, что въ воздухѣ взмахнула его борода, бросаясь къ своей жертвѣ...

Въ толпѣ передъ глазами Нефедова на одинъ краткій мигъ, точно въ грозовомъ сумбурномъ бреду, мелькнуло полумертвое, полное отчаянія, ужаса и муки лицо Александры Павловны.

Оно было такое дорогое и милое, такое туманное и далекое, какъ потерянная мечта....

Это было то, что еще тянуло его къ этому міру, кровными нитями связывало его съ нимъ.

Ему такъ больно кольнуло въ сердце, что онъ вздрогнулъ и едва не выронилъ костыли.

Это было послѣднее изъ всего здѣшняго, съ чѣмъ онъ навѣки простился.

Странная, болѣзненная улыбка скривила губы раненаго.

Нефедовъ съ усиліемъ оторвалъ глаза отъ дѣвушки и съ душу раздирающей тоской взглянулъ на небо. Теперь все было покончено съ этимъ міромъ. Душа его затаилась, ушла куда-то вглубь, точно упруго сжалась, приготовившись къ послѣднему прыжку.

Мгновенія чеканились въ его сознаніи и молніеносно быстро, и томительно медленно, и какъ-то особенно нестерпимо значительно.

«Страшно... жутко... неизвѣстно... черная бездна»... — какими-то огромными, мутными волнами или въ грозовомъ освѣщеніи колыхающимися, столь же огромными полотнищами проносилось въ его мозгу.

Ни откуда никакого просвѣта, никакой помощи. Но онъ вспомнилъ...

— Боже мой, прости меня за всѣ прегрѣшенія мои! въ смиренномъ сосредоточеніи и въ пламенномъ порывѣ прошепталъ онъ блѣдными, пересохшими губами.

О Богѣ Нефедовъ всегда много думалъ, на войнѣ онъ былъ уже на пути къ вѣрѣ, сегодняшняя ночная молитва многое открыла ему. Онъ душой своей позналъ

Бога, прикоснулся къ Нему и окончательно увѣровалъ въ Него, во всемъ дальнѣйшемъ положившись на Его святую волю.

Сейчасъ всю его изстрадавшуюся, оскорбленную душу неудержимо потянуло туда, въ горнія, къ Богу. Онъ какъ измученный путникъ, достигшій безопаснаго пристанища, всѣмъ существомъ своимъ обратился въ одинъ порывъ, въ пламенную испепеляющую молитву къ Нему, все предвидящему, все устрояющему.

Отъ земли и отъ всего земного духомъ своимъ онъ оторвался уже окончательно.

И вдругъ совершилось что-то такое, что не передается на человѣческомъ языкѣ.

На мигъ, на одно краткое мгновеніе, Нефедовъ услышалъ неизрѣченные глаголы, но не здѣшнимъ плотскимъ ухомъ. Какъ въ огромной панорамѣ, съ непередаваемой выпуклостью, непререкаемо и ярко передъ нимъ развернулась полностью картина всей этой жизни. Но видѣлъ онъ ее уже не плотскими очами. Онъ разомъ охватилъ и постигъ весь смыслъ и уразумѣлъ страшную разгадку ея, но не своимъ человѣческимъ разумомъ. Духъ его отдѣлился уже отъ бреннаго тѣла и на все земное, и на самого себя взиралъ со стороны.

«Вотъ оно что!» въ невыразимомъ удивленіи, весь потрясенный, радостный и счастливый подумалъ Нефедовъ.

— Господи, прости меня грѣшнаго, прости и имъ! прошепталъ раненый и успѣлъ перекреститься.

Вся душа его и все сердце пламенѣли неисчерпаемой любовью и глубокой, неизобразимой жалостью ко всѣмъ, особенно къ своимъ мучителямъ.

«Зачѣмъ они, зачѣмъ? О, если бы они знали!»...

Въ его просвѣтленныхъ нездѣшнимъ свѣтомъ глазахъ, они были такъ слѣпы, такъ тупы, и такъ несчастны!

Комиссаръ кричалъ, ругался, размахивалъ руками, распихивалъ, силясь разогнать надвигавшуюся на Нефедова со всѣхъ сторонъ яростную толпу.

За полученный плевокъ онъ хотѣлъ отплатить смертнику изощренными пытками, издѣвательствами и медленной, мучительной смертью.

Въ его головѣ возникъ цѣлый длинный ритуалъ истязаній съ вырываніемъ ногтей и зубовъ, съ вырѣзываніемъ на ногахъ лампасъ, съ сдираніемъ кожи, съ скоб-

леніями десенъ, вплоть до кола, на который подъ конецъ хотѣлъ посадить свою жертву.

Но толпа чуть не сбила съ ногъ и его самого.

Цѣлая туча кулаковъ взмахнула въ воздухѣ и опустилась на голову и лицо Нефедова; послышалось снова яростное рычаніе, вой, суматошливый топотъ, шмыганіе ногъ, усиленное сопѣніе и возня...

Нѣсколько мгновеній въ воздухѣ надъ толпой колебалось залитое кровью лицо Нефедова, потомъ сразу скрылось, точно нырнуло въ людскую пучину...

Надъ нимъ, лежащимъ уже на землѣ, плотной массой возились и копошились согнувшіяся и изгибавшіяся человѣческія фигуры...

Его били кулаками, ногами, прикладами, палками... потомъ всѣ, кто только дотянулся, схватили его за руки, за ноги, за голову, за волосы, волочили по землѣ въ разныя стороны, разрывали на части.

Ни единаго возгласа, ни малѣйшаго крика, пришитая къ зрѣлищу неподвижными, расширенными зрачками глазѣющая толпа... полная, какъ будто даже дѣловитая, живая тишина... А на фонѣ ея — возня, сопѣніе, шмыганіе, кряхтѣніе, клокотъ, точно люди надсѣдались отъ безмѣрныхъ усилій, таща непосильную тяжесть...

— Здорово! рявкнулъ кто-то изъ глазѣвшей толпы, шумно выпустивъ, точно изъ бочки, застоявшійся въ груди воздухъ, когда все было кончено...

Этимъ возгласомъ неизвѣстный какъ бы сорвалъ залпъ другихъ голосовъ.

Затрещалъ заборчикъ. Толпа повалила его и съ криками ринулась въ дворъ...

Александра Павловна, рѣшившая уговорить большевиковъ пощадить раненыхъ, при первыхъ же ея словахъ была грубо, съ силой отброшена со ступенекъ низкой лѣсенки въ дворъ. Она кричала, просила, умоляла, цѣпляясь за платье красногвардейцевъ, напоминала о Богѣ, но ее не только не слушали, но никто даже не обратилъ на нее вниманія. Всѣ были, точно помѣшанные и отравленныя местью и злобой, всѣ жаждали «кадетской» крови, всѣ были поглощены предстоящей «потѣхой». Потомъ она людскимъ потокомъ выпертая за дворъ и притиснутая къ низкому покосившемуся забору, не моргающими полубезумными глазами пристыла къ ужасному зрѣлищу.

У дѣвушки, пока она, онѣмѣвшая, смотрѣла на рас-

правы съ офицеромъ и Матвѣевымъ, уже все медленно кружилось, плыло и ползло передъ глазами. Временами она стояла, какъ автоматъ, ничего не сознавая, временами, какъ при вспышкахъ ослѣпительныхъ зарницъ въ черную воробьиную ночь, то, что она видѣла, что творилось на ея глазахъ, своимъ чудовищнымъ ужасомъ превосходило всякое вѣроятіе, всякіе больные, кошмарные сны и подавляло всю ее. Ей все хотѣлось куда-то бѣжать, куда-то спѣшить, кого-то просить, молить, кричать, плакать, кому-то жаловаться, но она не сдвинулась съ мѣста, не издала ни одного звука. Не могла. Воля ея была парализована. Она оцѣпенѣла.

Мгновеніями ей чудилось, что она бредитъ, что такому невиданному кошмару, такому безмѣрному ужасу, какой совершается сейчасъ, не можетъ быть мѣста на землѣ. Это просто немыслимо, невозможно, недопустимо. И вмѣстѣ съ тѣмъ она трепетно ждала еще чего-то куда болѣе худшаго, какого-то послѣдняго дѣйствія, послѣдняго удара, который сразитъ ее на смерть. И это самое худшее, самое чудовищное связано съ представленіемъ о томъ, кого она любила, кому въ послѣднія трагическія мгновенія своей жизни всю душу свою отдала, отдала безъ остатка. И странно, это ожиданіе еще болѣе ужаснаго, личнаго, непоправимаго давало ей силы пережить то страшное и кошмарное, что сейчасъ совершалось.

Потомъ, какъ въ горячечномъ бреду, дѣвушка слышала, точно исходящій уже изъ нездѣшняго міра глубокій, потрясающій, трагическій голосъ и видѣла смертельно блѣдное лицо того, кого она такъ любила и кого такъ ужасно теряла чуть ли не въ ту самую минуту, когда только что нашла его, даже уловила его странную, болѣзненную улыбку и восприняла ее, какъ послѣдній ударъ въ сердце.

Она дернулась головой, издала слабый звукъ и пошатнувшись, непроизвольно и судорожно ухватилась руками за заборъ, не отрывая безумныхъ глазъ отъ лица Нефедова.

Наконецъ, она увидѣла эту яростную толпу, со всѣхъ сторонъ облѣпившую раненаго, поднятые и замахавшіе надъ нимъ кулаки... На мигъ мелькнуло еще разъ его уже залитое кровью лицо, всклокоченные волосы... Потомъ все рухнуло...- рухнуло и оборвалось все и въ ея сердцѣ...

Какъ запутавшаяся въ тенетахъ птица, она затрепетала и оторвала глаза отъ толпы.

И вдругъ клочекъ синяго неба вмѣстѣ съ крышами хаты, сараевъ, надворныхъ построекъ, съ золотымъ стогомъ соломы, съ яблоневымъ садомъ сплошь въ блѣдно-розовомъ цвѣту и съ частью зеленѣющаго поля сдвинулись съ своихъ мѣстъ и съ шумомъ, и съ звономъ, и съ грохотомъ понеслись и стали опрокидываться на нее и она сама опрокинулась, закружилась и понеслась со всѣми этими строеніями, со стогомъ, съ цвѣтущими яблонями и зеленѣющимъ полемъ въ какомъ-то странномъ, зыбучемъ вихрѣ...

Она увидѣла свои колѣни и ступни ногъ близко передъ своими глазами, на высотѣ лица.

Какъ рыба, вытащенная изъ воды, дѣвушка раза два съ сверхсильной натугой глотнула воздухъ, но онъ не проникалъ ей въ легкія.

Она почувствовала, что задыхается и умираетъ.

Еще разъ уже передъ самыми ея глазами мелькнула земля, зеленые, пыльные, раздавленные листочки притоптанной травы и старыя, сухія былинки, показавшіеся ей такими большими и значительными. Это ее удивляло.

Мелькнувшіе передъ глазами полы одежды, сапоги, терпкій, рѣзко бьющій въ носъ запахъ пыли и дегтя были послѣдними ея ощущеніями.

Она въ глубокомъ обморокѣ свалилась у забора.

Около толпились люди, даже наступали на нее. Она ничего не чувствовала и никто не замѣчалъ ея.

Всѣмъ было не до того. Всѣ до страсти и до самозабвенія были поглащены тѣмъ, что происходило въ дворѣ.

XLIII.

На улицѣ, въ хвостѣ толпы, стояли, тихонько, равномѣрно шипя, заторможенные, переведенные на холостой ходъ, автомобили съ красными флажками.

Въ передней — мощной, блиставшей отлакированными запыленными боками, машинѣ фирмы Поккартъ все время, пока производилась расправа съ ранеными добровольцами, сидѣла нарядная парочка.

Она въ весенней, съ красными цвѣтами и съ крас-

ными лентами, шляпѣ надъ высоко и пышно взбитыми кащтановыми волосами, съ слегка вздернутымъ носикомъ на красивомъ овальномъ лицѣ, съ такимъ толстымъ слоемъ на немъ румянъ, бѣлилъ, пудры и туши, что нельзя было разобрать, очень ли она молода или не очень молода.

На худенькихъ плечахъ ея высокой, гибкой фигурки была наброшена пелерина изъ великолѣпныхъ соболей съ роскошными пушистыми хвостами.

Шелковое платье цвѣта chair и высокіе лакированные ботинки на стройныхъ, породистыхъ ножкахъ въ шелковыхъ же подъ цвѣтъ платья чулкахъ, столь тонкихъ, что сквозь нихъ блестѣла мраморная бѣлизна кожи, дополняли ея одѣяніе.

Она, положивъ ногу на ногу такъ высоко, что короткая юбка только-только прикрывала ея колѣни и прищуривая съ длиннымъ разрѣзомъ голубые глаза, курила папиросу.

Сѣрый дымъ цѣлымъ облакомъ окутывалъ ея лицо и тонкими, синими струйками медленно растекался въ тепломъ весеннемъ воздухѣ.

Иногда она подносила къ прищуреннымъ глазамъ лорнетъ въ черепаховой оправѣ на перекинутой черезъ шею длинной золотой цѣпочкѣ, взглядывала на толпу, но тотчасъ же отдергивала.

На капризномъ лицѣ ея выражались недовольство и скука.

Ея кавалеромъ былъ головастый молодой человѣкъ, ростомъ съ маленькую женщину, въ военномъ фрэнчѣ защитнаго цвѣта, безъ погонъ, въ широкихъ красныхъ гусарскихъ чакчирахъ покроя галифэ съ золотымъ галуномъ по продольному шву, съ большимъ, ярко-краснымъ бантомъ на впалой груди подъ кривыми плечами.

Онъ своими ногами въ лакированныхъ сапогахъ, съ гусарскими розетками на головашкахъ голенищъ, то вскакивалъ на щегольское, новенькое, эластичное кожаное сидѣніе и приподнимаясь на носки, черезъ головы толпы старался разсмотрѣть подробности происходившей въ дворѣ кровавой операціи, то садился рядомъ съ своей дамой, безперерывно ерзая, вертясь и часто поправляя на своемъ большомъ носу pince-nez съ толстыми стеклами безъ оправы, но съ массивнымъ золотымъ переносьемъ.

Видимо, молодой человѣкъ отъ всего происходившаго нервничалъ, но любопытство брало верхъ.

Опустившись чуть ли не въ двадцатый разъ на сидѣніе и съ напускной важностью откинувшись всѣмъ корпусомъ въ глубину автомобиля, онъ сказалъ своей дамѣ: .

— Охъ, знаете, Люси, столько работы, столько работы съ этими несознательными товарищами... Охъ!

Онъ вздохнулъ и оттопырилъ и безъ того вывороченную и выдавшуюся впередъ нижнюю губу и придавъ своему бритому лицу брезгливый видъ, сдѣлалъ передъ носомъ неопредѣленный, но характерный жестъ рукой и еще разъ вздохнулъ.

Говорилъ по-русски молодой человѣкъ почти правильно, только чуть-чуть пришептывалъ: «знаете» у него смахивало на «жнаете», а «столько» на «штолько».

— Но, Serge, я не понимаю, зачѣмъ было ѣхать сюда?! — капризно возразила Люси. — Вы настаивали, а я вовсе не хотѣла. И ничего тутъ интереснаго нѣтъ...

Молодой человѣкъ называлъ себя Сергѣемъ Борисовичемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ Сруль Борухович Гольдштейнъ.

Онъ снова тяжко вздохнулъ и опершись на рукоять своей гусарской сабли, прижмурилъ темные, съ рыжеватымъ отливомъ, глаза, придавъ имъ выраженіе глубокомыслія и задумчивости.

— Нельзя, знаете. По моему служебному положенію я долженъ здѣсь непремѣнно присутствовать. Знаете, надо слѣдить за революціонной закономѣрностью поступковъ моихъ подчиненныхъ. Я за все отвѣчаю. Не забывайте, Люси, что я—военный комиссаръ съ особо высокими и отвѣтственными полномочіями. Вы знаете, здѣсь мнѣ почти всѣ подчинены. Что захочу, то и сдѣлаю. Да...

И на его не по росту большомъ, носатомъ, одутловатомъ лицѣ, съ толстыми, розоватыми щеками, на которыхъ сплошной щетной выступала черная щетина, появилось выраженіе самодовольной важности, строгости и высокомѣрія.

Сегодня на митингѣ въ Екатеринодарѣ, поздравляя товарищей съ «блестящей побѣдой» надъ бѣлогвардейскими «бандами», Сруль Боруховичъ въ зажигательной рѣчи первый бросилъ мысль о расправѣ съ оставленными въ Елизаветинской станицѣ ранеными «кадетами», пролившими столько «благородной», «невинной» пролетарской

крови, вопіющей объ отмщеніи. Другіе товарищи-ораторы высказались въ томъ же духѣ.

У обозленныхъ огромными потерями, пьяныхъ красногвардейцевъ чудовищная мысль упала на подготовленную почву и страшное дѣяніе сейчасъ на его глазахъ осуществлялось.

Въ душѣ Гольдштейнъ торжествовалъ и гордился своимъ «подвигомъ».

Вообще съ начала революціи и особенно послѣ воцаренія большевиковъ Гольдштейнъ жилъ въ полномъ удовлетвореніи и упоеніи и своимъ «высокимъ» положеніемъ, и своимъ значеніемъ, и своей властью, и своимъ вліяніемъ, а главное — своимъ богатствомъ.

Жизнь развернулась передъ нимъ подобно головокружительной волшебной сказкѣ. Всѣ обольщенія и вся роскошь, которые раньше и во снѣ не снились ему, теперь были ему доступны, а главное — все доставалось даромъ, почти ни за что ему не приходилось платить.

Ѣздилъ онъ въ краденыхъ шикарныхъ автомобиляхъ, въ краденой шикарной одеждѣ, въ краденомъ шикарномъ вооруженіи, съ своей шикарной подругой — русской дворянкой и институткой, купленной на краденыя русскія деньги.

Чуть ли не съ перваго дня революціи его общественное положеніе быстро улучшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ неимовѣрно расло и его матеріальное состояніе. Теперь Гольдштейну — по его собственнымъ словамъ — уже «есть что кушать».

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ очутился на гребнѣ волны близко къ «верхамъ» революціонной власти, онъ успѣлъ прикопить кругленькую сумму денегъ и всевозможныхъ процентныхъ бумагъ, а главное — золота, брилліантовъ, жемчуговъ, рубиновъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, цѣна на которыхъ съ каждымъ днемъ повышалась. Гольдштейнъ мечталъ уже о милліонахъ.

Всѣ эти деньги и цѣнности въ разное время «взяты» и ежедневно «берутся» революціоннымъ путемъ у «кровопійцъ-буржуевъ» и тщательно хранились имъ въ краденомъ буржуйскомъ крокодиловой кожи чемоданѣ.

Другія, болѣе громоздкія краденыя цѣнности наполняли еще пять большихъ краденыхъ чемодановъ. Еще болѣе громоздкія, тоже краденыя вещи хранились въ вагонахъ комиссарскаго поѣзда.

Гольдштейнъ, по его словамъ — «имѣлъ вкусъ» къ хорошимъ шикарнымъ вещамъ, зналъ толкъ въ нихъ и очень дорожилъ ими.

И все это украденное, награбленное, стянутое съ замученныхъ и убитыхъ русскихъ людей, Гольдштейнъ съ чистой совѣстью считалъ своей священной, неотъемлемой собственностью, законно и честно имъ пріобрѣтенной.

Его соціализмъ былъ постольку, поскольку это касалось чужого добра, если же чужое какимъ бы то ни было путемъ попадало къ нему въ руки, то тутъ ужъ онъ являлся неисправимымъ, закоренѣлымъ собственникомъ.

Сынъ ремесленника-еврея, пробивавшагося съ хлѣба на квасъ въ глухомъ мѣстечкѣ Волыни, выросшій въ нищетѣ, грязи и невѣжествѣ, недоучившійся гимназистъ, потомъ фармацевтъ, промѣнявшій свою скучную профессію на полуголодное существованіе сперва странствующаго актера, а потомъ сотрудника и корреспондента жалкихъ провинціальныхъ жидовскихъ газетокъ, по расовому отвращенію къ тяготамъ и опасностямъ военной службы, какъ заяцъ, бѣгавшій отъ воинской повинности. Гольдштейнъ путемъ неимовѣрныхъ ухищреній и домогательствъ къ концу войны попалъ-таки въ зем-гусары князя Львова.

Тамъ нашлись свои люди и Гольдштейнъ сталъ понемногу оперяться. Ходилъ онъ въ феерической формѣ, всегда до зубовъ вооруженный, съ прямымъ проборомъ волосъ до самаго затылка, ругая жидовъ и тщательно скрывая свое іудейское происхожденіе, въ видахъ чего изъ написанія своей фамиліи выпустилъ только двѣ буквы: «ь» и «д» и вмѣсто «Гольдштейнъ» подписывался «Голштейнъ», выдавая себя за кровнаго россійскаго дворянина — потомка одного древняго выходца изъ Голштиніи.

Въ революціонное время звѣзда его въ созвѣздіи безчисленнаго множества его соплеменниковъ взошла такъ высоко, что въ началѣ онъ и самъ не сразу повѣрилъ своему благополучію, но по прирожденной самоувѣренности освоился съ нимъ почти мгновенно и принималъ дары Фортуны, какъ нѣчто должное и заслуженное. Съ воцареніемъ же большевиковъ Гольдштейнъ почувствовалъ себя большой персоной.

Во всемъ вновь образовавшемся правящемъ кругѣ, въ революціонныхъ «верхахъ», замѣнившихъ собою прежнее теперь истребленное родовитое русское дворянство и

распоряжавшихся къ выгодѣ и во слану Израиля судьбами несчастной, обманутой Россіи, оказались почти сплошь только свои люди, своего іудейскаго племени, нашлись даже и родственники. И такимъ образомъ Гольдштейнъ съ тысячами другихъ отпрысковъ сѣмени Іуды возносился все выше и выше.

Теперь онъ уже не скрывалъ своего іудейскаго происхожденія, а наоборотъ, открыто гордился принадлежностью къ самой «передовой» націи — носительницѣ «истинной свободы», но предпочиталъ называть себя Сергѣемъ Борисовичемъ, находя свое подлинное имя и отчество недостаточно благозвучнымъ.

Несмотря на его торжество, у Гольдштейна сегодня сильно, до тоски и боли сосало и ныло подъ ложечкой.

Вчера вечеромъ, когда онъ, на смерть перепуганный ужасающей бомбардировкой со всѣми своими чемоданами уже усаживался въ автомобиль, чтобы бѣжать изъ предмѣстья Екатеринодара на Крымскую уже въ десятый разъ за время осады, пришла вѣсть о «побѣдѣ».

Ночью подъ впечатлѣніемъ этой «побѣды», выпитаго въ честь ея шампанскаго, шикарнаго буржуйскаго ужина съ цвѣтами и музыкой въ лучшемъ ресторанѣ и любовныхъ утѣхъ онъ настолько разнѣжился, что послѣ безчисленныхъ ласкъ и просьбъ Люси подарилъ ей соболью накидку.

Какъ онъ могъ тогда такъ опростоволоситься, Гольдштейнъ рѣшительно не могъ понять.

Положимъ, накидка ему ровно ничего не стоила, взята съ плеча какой-то «кровопійки-буржуйки» во время обыска и революціоннымъ путемъ перешла къ нему въ собственность, но Гольдштейнъ ни на минуту не могъ теперь забыть, что такую рѣдкую вещь со временемъ можно было продать за большія деньги.

Въ своемъ изворотливомъ, отъ природы способномъ ко всякимъ «дѣловымъ» комбинаціямъ умѣ Гольдштейнъ уже примѣривался, какъ и за что именно обмѣнить у Люси свой подарокъ, но какъ ни прикидывалъ и ни ухищрялся, пока ничего путнаго не выходило.

Къ его досадѣ и огорченію выяснилось, что Люси— не дура и настолько-то знаетъ цѣнность накидки, что на какой-нибудь дряни, вродѣ колечка съ мелкими камешками ее не проведешь. Онъ уже закидывалъ удочку. Слѣдовательно, приходится вымѣнивать свой же соб-

ственный подарокъ на что-либо другое, болѣе цѣнное, ему принадлежащее. Это было и досадно, и обидно, и оскорбительно какъ-то и страшно нервировало его. Были въ его чемоданѣ изъ крокодиловой кожи нѣсколько паръ цѣнныхъ серегъ, кулоны, жемчужныя ожерелья, браслеты съ камнями, медальоны. Можетъ быть и удалось бы на одну изъ этихъ вещей произвести обмѣнъ, но съ каждой изъ нихъ ему до смерти жаль было разстаться. Вѣдь всѣ онѣ, эти вещи, ему принадлежали и вчера еще накидка была его собственностью...

Была и другая опасность: если Люси открыть, что у него имѣются такія солидныя и замѣчательныя драгоцѣнности, то дѣвушка станетъ выпрашивать ихъ. Онъ не дастъ. Начнутся ссоры.

Что хорошаго?! Онъ этого не любитъ.

Мелькала и еще одна соблазнительная идея: пользуясь своей властью, отнять у Люси накидку, а ее самое прогнать.

Но во первыхъ, онъ — человѣкъ интеллигентный, передовой, не сторонникъ насилій вообще, во вторыхъ, Люси ему еще не надоѣла, хотя, конечно, онъ съ его положеніемъ, съ его богатствами и съ его наружностью «шикарнаго» мужчины можетъ пользоваться благосклонностью женщинъ лучшаго происхожденія, высшихъ кровей и несравненно болѣе красивыхъ, чѣмъ Люси.

Сколько теперь этихъ подыхающихъ съ голода нищихъ гоекъ изъ бывшихъ хорошихъ и богатыхъ русскихъ семей. Всѣ онѣ теперь выброшены революціей на улицу изъ разоренныхъ до тла собственныхъ домовъ и усадебъ, беззащитныя, до нитки обобранныя, обездоленныя и загнанныя. А между ними сколько попадается образованныхъ, молоденькихъ, воспитанныхъ и прелестныхъ! А онъ, Гольдштейнъ, всегда имѣлъ особую склонность къ женщинамъ изъ бывшаго хорошаго, родовитаго русскаго общества. Тогда онѣ смотрѣли на него, какъ на тварь, на человѣка низшей расы. Для нихъ онъ былъ пархатый жидъ и только. Ну а теперь другое дѣло. Теперь что такое эти недавно гордыя, неприступныя женщины и дѣвушки? Онѣ же нищія и изъ за куска хлѣба вынуждены продаваться кому угодно.

А онъ теперь правительственный комиссаръ, „ши-

карный», богатый, молодой мужчина, у котораго впереди огромная революціонная карьера.

Каждая изъ гоекъ должна почесть за счастіе, если онъ удостоитъ ее своимъ вниманіемъ.

Онъ бы пожалуй и не прочь разстаться съ Люси, лишь бы получить обратно перелину, но опасался скандала.

Люси настойчива, капризна, упряма, своимъ характеромъ подавляетъ его и конечно, отомститъ за обиду. Во-первыхъ, грубыхъ, непріятныхъ сценъ не оберешься, во-вторыхъ, завистники у него есть, и не прочь подставить ему ножку, конечно, интрижка съ женщиной, да еще съ гойкой — пустяки. Ну, а что какъ дѣло обернется для него худо? Тогда прощай и карьера и все, чего еще можно черезъ нее достичь. И это изъ-за пелерины.

Пожалуй, выйдетъ невыгодно.

И эти неотвязчивыя мысли и соображенія портили комиссару сегодняшній счастливый и радостный день.

— Ну что тутъ хорошаго?! На что тутъ смотрѣть?!— раздражительно и капризно, надувъ крашеныя губки, съ приподнятыми на самый лобъ бровями, сбоку глядя въ лицо своему возлюбленному, говорила Люси. — Глядѣть, какъ мужики расправляются съ кадетами. Удивительно интересно! Мнѣ ужъ все это до тошноты надоѣло...

— Не мужики, а сознательные граждане, товарищи... Пора бы вамъ помнить, что теперь съ паденіемъ кроваваго самодержавнаго режима, у насъ въ свободной россійской республикѣ, ни мужиковъ, ни зубровъ-дворянъ, ни поповъ, ни офицеровъ нѣтъ... Сейчасъ товарищи совершаютъ свой священный народный судъ надъ своими угнетателями и палачами! внушительно и сурово поправилъ Гольдштейнъ.

— Товарищи, граждане!.. Мнѣ все равно. Не хочу больше смотрѣть на эту гадость. Довольно. Насмотрѣлась! Я уже проголодалась. Зовите шоффероѣ. Поѣдемте домой. Я хочу салатъ изъ раковыхъ шеекъ подъ майонезомъ. Вчера мнѣ понравился... Ѣдемте!

— Нельжя, нельжя... — выпуча глаза, брызгая слюной и стараясь грозно глядѣть на дѣвушку, отъ горячности совсѣмъ откровенно шепелявилъ Гольдштейнъ. Въ углахъ губъ его сбилась бѣлая пѣна. — Я, жнаете, своими обязанностями не привыкъ манкировать...

— А я хочу, хочу... Знаю всѣ ваши обязанности... Хоть предо мной-то не ломайтесь и не лгите... Наглядѣлась, довольно, знаю...- Не дура, раскусила... Плевать мнѣ на всѣ ваши обязанности!... — притопывая носкомъ и каблукомъ ботинка, отрывисто, упрямо и раздраженно говорила Люси. — Зови шоффероѣ. Ѣдемъ. А если не позовешь, пѣшкомъ уйду. Ну поворачивайтесь. Нечего...

Съ секунду Гольдштейнъ сидѣлъ съ страшно нахмуреннымъ, суровымъ видомъ. Ему хотѣлось выдержать передъ Люси характеръ.

Эта дѣвушка совсѣмъ не считалась съ его «высокимъ» положеніемъ и каждый день досаждала ему своимъ упрямствомъ, капризами, а при постороннихъ иногда такъ обращалась съ нимъ, точно онъ — лакей.

Люси отвернулась и такъ раздражительно, нервно подергивалась плечами, что раскачивались пушистые хвосты ея роскошной пелерины и дразнили и разжигали завистью его, Гольдштейна, который еще вчера владѣлъ этой драгоцѣнностью...

— Ну что же, намѣрены вы звать шоффероѣ? кинула она въ сторону своего кавалера.

Тотъ, не взглянувъ на нее, а обернувъ сурово нахмуренное лицо въ сторону толпы, громко позвалъ:

— Товарищъ шоффѣръ! Товарищъ шоффѣръ!

На зовъ никто не откликнулся.

XLIV.

Помедливъ съ минуту, Гольдштейнъ съ высокомѣннымъ, надутымъ и надменнымъ видомъ, вытягиваясь всѣмъ тѣломъ, чтобы казаться стройнѣе, выше и молодцеватѣе, неторопливо открылъ дверку, но выходя изъ автомобиля, неловко зацѣпился шпорой за коврикъ, лежавшій въ ногахъ, а саблей за подножку и чуть не упалъ.

Это маленькое приключеніе еще болѣе испортило ему настроеніе, потому что, стараясь не распластаться по-лягушечьи на землѣ, онъ сдѣлалъ весьма некрасивыя тѣлодвиженія и слышалъ, какъ Люси съ злой иронией разсмѣялась ему вслѣдъ и проговорила:

— Еще туда же, куда и люди! Съ шпорами...

Онъ, выругавшись себѣ подъ носъ, не оглядываясь, пошелъ прочь.

Лопоухій, близорукій и лупоглазый, маленькій и одутловатый, съ явной наклонностью къ полнотѣ, съ большимъ, загнутымъ на подобіе птичьяго клюва, носомъ, точно вѣчно нюхающимъ что-то дурно пахнущее на своей бритой, вывороченной верхней губѣ, въ широкихъ красныхъ галифэ съ позументомъ, съ своими вогнутыми внутрь ступнями короткихъ, толстыхъ, дряблыхъ, сближенныхъ въ колѣняхъ ногъ, Гольдштейнъ, размахивая слегка согнутыми въ локтяхъ руками, широко шагалъ, подражая походкѣ заправскаго браваго кавалериста.

Саблю онъ несъ, придерживая двумя пальцами, точно такъ, какъ шкловскіе и бердичевскіе франты носятъ по субботамъ свои тросточки.

Онъ былъ до крайности каррикатуренъ и смѣшонъ.

Гольдштейнъ о своей особѣ и о своей наружности былъ иного мнѣнія, по расовой самовлюбленности и самоувѣренности ни на одну минуту не усомнившись въ томъ, что онъ — одинъ изъ шикарнѣйшихъ и красивѣйшихъ мужчинъ. Онъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что для женщинъ онъ — неотразимый обольститель, а для постороннихъ и особенно для подчиненныхъ величественъ, внушителенъ и вообще удивителенъ.

Несомнѣнно, что Гольдштейнъ по своему моральному и физическому типу являлся представителемъ одной изъ разновидностей тѣхъ многочисленныхъ, юркихъ еврейчиковъ, которые начавъ свою житейскую карьеру съ самыхъ низовъ, безъ гроша въ карманѣ, съ весьма поверхностнымъ и скуднымъ образованіемъ и умственнымъ багажемъ, но съ неограниченнымъ запасомъ прирожденной оборотливости и наглости, обыкновенно къ зрѣлому возрасту ворочаютъ милліонными дѣлами, именуются въ «передовыхъ» еврейскихъ газетахъ не иначе, какъ «уважаемыми», «видными» общественными «дѣятелями», а по внѣшности напоминаютъ жирныхъ клоповъ, до отвала насосавшихся человѣческой кровью.

Толпа, сбившись въ тѣсную груду, съ возбужденнымъ вниманіемъ слушала рѣчь смертника — Нефедова и никто не обернулся, никто не взглянулъ даже на Гольдштейна, точно его здѣсь и не было.

Ему до боли стало досадно.

«Эти тупые скоты не понимаютъ, кому они обязаны сегодняшнимъ торжествомъ. О, еслибы они понимали!» съ горечью и злобой подумалъ обиженный такимъ невниманіемъ Сруль Боруховичъ.

Онъ, не вмѣшиваясь въ толпу, остановился въ позѣ Наполеона, слегка склонивъ голову къ груди, лѣвой рукой опершись на саблю, правую заложивъ за открытый бортъ своего шикарнаго фрэнча.

Онъ соображалъ, какъ и чѣмъ напомнить толпѣ о себѣ, о своей неограниченной власти и о своемъ значеніи...

Въ напряженной тишинѣ, не нарушаемой даже сдержаннымъ дыханіемъ толпы, до слуха Гольдштейна вдругъ донесся со двора четкій, негодующій и страстно-трагическій голосъ смертника.

...«Жиды комиссарствуютъ надъ вами здѣсь, жиды во всѣхъ городахъ и весяхъ Россіи, жиды въ Петербургѣ и Москвѣ, откуда и заправляютъ всей нашей несчастной, одураченной родиной. И вы отдались жидамъ, душу свою, совѣсть свою за беззаконное, преступное право убійства, воровства и грабежа продали презрѣнному, поганому жиду и послушно, какъ ослиное стадо, идете туда, куда жидъ васъ посылаетъ и дѣлаете то, что онъ вамъ черезъ такихъ вотъ бородачей, какъ этотъ вашъ горе-комиссаръ, приказываетъ»...

Гольдштейна точно кто-нибудь хватилъ обухомъ по лбу.

Выспренныя мечты обратить на себя вниманіе толпы сразу выскочили изъ головы, точно ихъ и не бывало.

Онъ опустилъ руки, съежился, какъ-то слинялъ весь, сразу вспотѣлъ и задрожалъ.

Сердце, какъ овечій хвостъ, затрепетало у него въ груди, даже огромныя, оттопыренныя, какъ у летучей мыши, уши его какъ-то по заячьи захлопали. Вороватые, безпокойные глаза его съ выраженіемъ смертельнаго испуга и растерянности съ молніеносной быстротой забѣгали отъ толпы къ автомобилю и обратно.

«О, этотъ проклятый смертникъ, чтобъ онъ поскорѣе издохъ, что онъ такое говоритъ?! А-й! И какъ допустили?»

Одинъ только вопросъ теперь всецѣло овладѣлъ комиссаромъ: не пора ли улизнуть? Но гдѣ же шоферъ? Къ несчастью, самъ онъ управлять автомобилемъ не умѣетъ.

Въ первыя мгновенія въ сознаніи полной своей без-

помощности онъ непроизвольно чуть даже не крикнулъ «гевултъ». Едва во время сдержался.

Онъ стоялъ, не переводя дыханіе, не шевелясь, только дрожали руки да колѣни колотились одно о другое. Онъ напряженно оглядывалъ и ощупывалъ толпу глазами поверхъ pince-nez и теперь до смерти былъ радъ, что здѣсь никто не зналъ его.

А страшный, какъ бы выходящій изъ загробнаго міра голосъ смертника продолжалъ чеканить ужасныя слова, точно острыми гвоздями, вбивавшіяся въ хлопающія уши еврея.

... «Свергнувъ съ Всероссійскаго Престола по указкѣ жидовъ своего прирожденнаго кроткаго православнаго Царя, тѣмъ самымъ посадили себѣ на шею аспида, въ видѣ этихъ безчисленныхъ комиссарствующихъ обрѣзанныхъ нехристей-жидковъ, кровожадныхъ, хитрыхъ, алчныхъ и трусливыхъ, какъ хорьки. И помните, и зарубите у себя на носу, что они, эти комиссары-жидки, протрутъ вамъ глазки, протрутъ до кровавыхъ слезъ, такъ поцарствуютъ надъ вами, такъ похозяйничаютъ на нашей родной прародительской землѣ»...

О-охъ.. осторожно перевелъ духъ комиссаръ и трепещущій продолжалъ слушать, иногда извиваясь и изгибаясь всей своей плюгавой фигурой, точно подъ ударами хлыста.

Гольдштейнъ съ видомъ ошпаренной собаки повернулся было уже, чтобы потихоньку унести подальше ноги, какъ замѣтилъ, что слушатели не намѣрены были воспринимать слова смертника и онъ самъ, будучи опытнымъ демагогомъ, сообразилъ почему. Раненый добровольцъ не только не скрывалъ, но еще намѣренно, нестерпимо обидно подчеркивалъ свое глубочайшее презрѣніе къ слушателямъ и дѣянія ихъ называлъ своими страшными именами, нисколько не щадя ихъ самолюбія. Понялъ Гольдштейнъ и то, что если бы смертникъ захотѣлъ, онъ могъ бы стать даже и въ эти послѣднія для него минуты страшно опаснымъ. Только заворожи толпу, а онъ это можетъ и поверни свою рѣчь иначе и онъ могъ бы повести своихъ мучителей куда угодно. При огромномъ прирожденномъ ораторскомъ талантѣ смертника, при его безумной смѣлости и пламенномъ темпераментѣ онъ натворилъ бы большихъ бѣдъ. Тогда ему, Гольдштейну, и Бакалейнику, и Розенблюму, и Эпштейну и всѣмъ здѣшнимъ «отвѣт-

ственнымъ» совѣтскимъ работникамъ — сплошь евреямъ пришлось бы плохо. Ногъ не унести.

Теперь же онъ убѣдился, что этотъ смертникъ нарочно озлобляетъ, дразнитъ и настраиваетъ противъ себя толпу, и его рѣчь явилась для товарищей вродѣ краснаго лоскута для разъяреннаго быка.

Этой самоубійственной тактики со стороны человѣка передъ лицомъ самой ужасной смерти Сруль Боруховичъ никакъ не понималъ и только удивлялся.

«Они, эти русскіе бѣлые, ничѣмъ, даже собственной жизнью,, не дорожатъ!.. И что они думаютъ?»

Это безстрашіе передъ лицомъ кошмарной смерти озадачивало и пугало еврея.

Онъ почти совсѣмъ успокоенный, осторожно выпустилъ изъ груди воздухъ и утомленный, точно послѣ труднаго подъема въ гору, весь мокрый, съ прилипшей къ тѣлу, насквозь пропотѣвшей рубашкой, дождался той минуты, когда толпа, разорвавъ на куски тѣло Нефедова, на шашкахъ, кинжалахъ, штыкахъ и палкахъ разнесла ихъ по улицѣ и со стрѣльбой вверхъ, со свистомъ, шумомъ, гамомъ и устрашающими криками бурными волнами направилась къ другимъ дворамъ, гдѣ мучителей и убійцъ ждали брошенные своимъ начальствомъ безпомощные и беззащитные калѣки, готовясь испить свою послѣднюю чашу.

Злорадная усмѣшка полнаго удовлетворенія змѣилась на толстыхъ губахъ Гольдштейна.

Но его тянуло подальше отъ мѣста побоища.

— Пфе ужасно, какъ это безобразно и дико! прошепталъ онъ, скрививъ и носъ, и губы.

И у него послѣ всего только-что переиспытаннаго появилась неотразимая потребность поскорѣе удалиться отсюда. Довольно этихъ непріятныхъ впечатлѣній! Самъ чортъ не разберетъ этотъ паршивый русскій народъ: сейчасъ онъ ползаетъ передъ комиссарами и по ихъ указкѣ, какъ пуляркъ, рѣжетъ своихъ братьевъ по крови, но не ровенъ часъ, можетъ разомъ перевернуться и опрокинуться на нихъ, на комиссаровъ.

О, этотъ смертникъ былъ опасенъ. Самъ не захотѣлъ, а то бы...

„СТУДІОНУ“ У Львові

«Вотъ такъ же и тебя разнесли бы по клочкамъ на штыкахъ и палкахъ, какъ этого смертника, — подумалъ онъ. — Ну и что съ нихъ возьмешь за это?!»

Отъ одной только этой мысли холодъ пробѣжалъ по мокрой спинѣ Гольдштейна, и онъ непроизвольно передернулъ и плечами, и животомъ.

На комиссара въ толпѣ наскочилъ его шоферъ, чуть не сваливъ его съ ногъ.

— Товарищъ шоферъ! Товарищъ шоферъ! Псс! Пожалте! Садитесь въ мой автомобиль.

Шоферъ и его помощникъ, оба въ разстегнутыхъ шинеляхъ, съ красными бантами на груди, оба рослые, разбитные малые, съ раскраснѣвшимися отъ волненія, веселыми лицами, съ хищнымъ огонькомъ въ глазахъ, въ недоумѣніи, точно со сна, не вполнѣ понимая приказаніе своего начальника, остановились передъ комиссаромъ.

Они не насладились еще зрѣлищемъ и хотѣли бѣжать за толпой.

— Мнѣ сейчасъ по экстренному служебному дѣлу въ городъ непремѣнно надо...

— Товарищъ комиссаръ, но дозвольте... Тамъ еще пошли рубить... Страсть, што будетъ... Дозвольте сбѣгать на минутку... Однимъ духомъ...

— Занимайте ваши мѣста! вдругъ крикливо скомандовалъ Гольдштейнъ, самъ испугался своего неожиданно-задорнаго тона и повернувшись, пошелъ къ автомобилю.

— «Ну и что, какъ они не исполнятъ моего приказанія? Ой-й!» думалъ онъ, боясь обернуться и посмотрѣть на своихъ подчиненныхъ и чувствуя, какъ, несмотря на все его стараніе казаться спокойнымъ и бравымъ, голова его ныряла, а плечи какъ-то сами собой валились впередъ, точно хотѣли оторваться и убѣжать.

Въ эту минуту Гольдштейнъ походилъ на маленькую, трусливую обезьянку, которая безпрерывно проказничая и дрожа, чтобы за это ее не отколотили, напускаетъ на себя нахальный, храбрый и даже вызывающій видъ.

Шоферъ съ прежнимъ веселымъ возбужденіемъ на лицѣ съ секунду постоялъ на мѣстѣ, съ сожалѣніемъ поглядѣлъ вслѣдъ удалявшейся толпѣ, махнулъ рукой и опрометью бросился къ автомобилю.

Схвативъ за рукоятку, онъ энергичнымъ движеніемъ руки съ натугой и раскачиваніемъ всего своего корпуса,

точно хотѣлъ сломать не только машину, но и самого себя, съ ожесточеніемъ завелъ моторъ и сѣлъ къ рулю.

Рядомъ съ нимъ на передкѣ помѣстился его помощникъ.

Автомобиль запыхтѣлъ, загудѣлъ и задрожалъ всѣмъ своимъ остовомъ, не трогаясь съ мѣста.

XLV.

Гольдштейнъ, уже совершенно успокоенный за безопасность собственной особы, зайдя за кузовъ своего автомобиля, крикнулъ:

— Товарищъ Бакалейникъ, псс!

Онъ остановился, придавъ своимъ ногамъ положеніе, какъ во фронтѣ, своими широкими красными галифэ напоминая мохноногаго пѣтуха и придерживая лѣвой рукой саблю, указательнымъ пальцемъ правой дѣлалъ передъ своимъ носомъ выразительные знаки, подзывая къ себѣ своего помощника.

Теперь онъ нарочно нѣсколько медлилъ, чтобы дать почувствовать своимъ подчиненнымъ, какъ онъ увѣренъ въ непоколебимости своей власти, какъ онъ никого и ничего не боится и чтобы они ждали его столько времени, сколько онъ захочетъ.

Изъ второго автомобиля выскочилъ тоже въ военной формѣ и также до зубовъ вооруженный бритый молодой человѣкъ, ростомъ нѣсколько выше Гольдштейна, тоже въ галифэ только краповаго цвѣта съ серебрянымъ голуномъ, тоже съ пятиконечной красной звѣздой на нарочно для удали и шика спереди смятой, низко на затылокъ надѣтой фуражки и подбѣжалъ къ комиссару.

По черно-бурымъ, съ рыжиной, мелкокурчавымъ волосамъ, оттопыреннымъ ушамъ и крючконосому хеттейскому профилю онъ былъ несомнѣнно одного племени съ своимъ начальникомъ.

— Счасъ я уѣзжаю по неотложнымъ дѣламъ въ городъ и поручаю здѣсь наблюденіе вамъ. Вы понимаете, командованіе переходитъ къ вамъ... Ну, слышете, товарищъ Бакалейникъ? За порадокъ вы мнѣ отвѣчаете.... Поняли? стараясь походить на настоящее начальство и казаться внушительнымъ, оффиціальнымъ и строгимъ, говорилъ Гольдштейнъ.

— Слушаюсь. Вы, значитъ, товарищъ комиссаръ, теперь уѣзжаете отсюда въ городъ, въ Екатеринодаръ? пытливо глядя на свое начальство, спросилъ Бакалейникъ, какъ-то нелѣпо взмахивая у уха растопыренными пальцами и своей тощей фигурой изображая нѣчто вродѣ запятой.

Гольдштейнъ нахмурился и еще строже и внушительнѣе отвѣтилъ:

— Ну да. Я же сказалъ вамъ, товарищъ Бакалейникъ...

— Ага. Слушаюсь. У васъ тамъ дѣла? подозрительно снова спросилъ Бакалейникъ, какъ-то въ носъ растягивая послѣднюю фразу.

— Ну да. Конечно же, дѣла... А ви подумали себѣ, что нѣтъ? уже съ раздраженіемъ спросилъ Гольдштейнъ.

— Что ви, что ви, товарищъ комиссаръ? — горячо запротестовалъ Бакалейникъ. — Боже сохрани! Я жъ такъ не думаю... Я тольки спросилъ для свѣдѣнія... И какъ ви могли подумать, что я такое подумалъ? Боже сохрани. Мнѣ что? Это жъ ваше дѣло...

Онъ вздернулъ плечами, скорчилъ жалкую гримасу на лицѣ и вскинулъ передъ собой обѣ руки ладонями вверхъ.

— Ну, конечно же, мое дѣло... — отвѣтилъ Гольдштейнъ. — Такъ вотъ, значитъ, товарищъ Бакалейникъ, ви вступите въ командованіе... Вамъ издѣсь всѣ подчинены... Приказывайте, распоражайтесь... А ви отвѣчаете мнѣ. Поняли? говорилъ Гольдштейнъ, размахивая руками и особенно краснорѣчиво жестикулируя указательнымъ пальцемъ правой руки.

— Понялъ. Слушаюсь. Ви, значитъ, уѣзжаете, а я за васъ остаюсь издѣсь. Всѣ подъ моимъ командованіемъ и я за все отвѣчаю... повторилъ Бакалейникъ, тоже особенно сильно жестикулируя однимъ указательнымъ пальцемъ.

— Ну да, ну да...

Со стороны могло показаться, что до сего времени оба разыгрывали какой-то шутовской фарсъ, стараясь и себя, и другихъ увѣрить, что все это необычайно серьезно и важно.

Вдругъ совершенно неожиданно Гольдштейнъ вплотную подскочилъ къ Бакалейнику, крѣпко зацѣпилъ пальцемъ за отворотъ его френча на груди и не отпуская,

скорѣе оттащилъ, чѣмъ отвелъ его еще шаговъ на пять отъ своего автомобиля.

Здѣсь, наклонившись къ самому носу своего помощника и безпрерывно поводя выпученными глазами по сторонамъ, онъ тряся головой, что-то быстро-быстро скороговоркой въ полголоса залопоталъ, точь въ точь, какъ на базарахъ и площадяхъ въ мѣстечкахъ осѣдлости толкуютъ ихъ соплеменники о гешефтахъ.

Теперь уже по позамъ и выраженіямъ разгоряченныхъ лицъ обоихъ собесѣдниковъ безошибочно можно было утверждать, что показная игра кончена, что дѣло пошло всерьезъ и начался настоящій, обоихъ одинаково и всецѣло захватившій, дѣловой разговоръ.

— Товарищъ Бакалейникъ... — таинственно и страстно загалдѣлъ Гольдштейнъ, — счасъ же, немедленно поѣзжайте туда...—онъ мотнулъ головой въ сторону толпы.— И распоражайтесь... моимъ именемъ распоражайтесь. Понимаете? Чтобы все тольки на вашихъ глазахъ... Понимаете? И чтобы никакихъ этихъ митинговыхъ рѣчей... Довольно. Ша! Поняли? Ви счасъ удивляетесь. Ну это всэ потому, что ви-жъ ничего не знаете, а я знаю... Тамъ такое говоратъ, такое говоратъ... — Онъ мотнулъ головой въ сторону опустѣвшаго двора, — что ви себѣ и представить не можете...

— И что такое? скосивъ и прищуривъ глаза, подозрительно, тревожно и тихо, какъ-то въ носъ протянулъ Бакалейникъ, еще ближе наклоняясь склоненнымъ лицомъ къ лицу своего товарища-начальника и проницательно взглядывая въ его глаза.

— Такое вожмутительное... такое... ну, о жидахъ... ну, извѣстное... черносотенное...

— О-охъ...

На мгновеніе Гольдштейнъ отлипъ отъ Бакалейника.

Съ секунду оба, какъ два индюка, распустившіе носовые отростки, напряженно и изумленно, выпуча глаза настолько, что, казалось, они у нихъ вотъ-вотъ выскочатъ, глядѣли другъ на друга.

Бакалейникъ перевелъ духъ.

— Ну и что-же они тамъ говоратъ?

— Ну ви сами понимаете, какова это гнусная клевета, что будто бы всѣ комиссары — одни евреи, что евреи ведутъ Россію къ гибели...

— Это жъ вожмутительно! — съ вытянутымъ лицомъ пролепеталъ Бакалейникъ. — И это сѣасъ, тутъ?

— Ну да, ну да. О чемъ же я говору?! Теперь счасъ, тутъ вотъ, на дворѣ... гдѣ ихъ рѣзали... Самъ собственными ушами... вотъ этими своими ушами слушалъ... страстно загалдѣлъ Гольдштейнъ и для пущей убѣдительности пальцами трясъ себя за толстыя мочки своихъ ушей.

Оба бросились снова и теперь уже прилипли другъ къ другу.

Гольдштейнъ снова крѣпко захватилъ уже не однимъ пальцемъ, а всей рукой за отворотъ фрэнча своего помощника.

Теперь большіе, крючковатые носы ихъ почти касались другъ друга. Они усиленно трясли головами, топтались на одномъ мѣстѣ, покачивались въ разные стороны своими корпусами, быстро жестикулировали, говорили почти одновременно и крѣпко держали одинъ другого, точно боясь, какъ-бы кто-нибудь изъ нихъ не улепетнулъ первымъ.

— Ви понимаете себѣ, понимаете?.. Эта-жъ бѣлогвардейская шволочь... эти офицера... — галдѣлъ Гольдштейнъ, а такъ какъ онъ сильно волновался, и стѣсняться было не передъ кѣмъ, то родное произношеніе выступало у него рѣзче обычнаго, — даже передъ шмертью, когда ихъ бьютъ, какъ паршивую трефную шкотину... вы представляете себѣ, приживаютъ... при-зываютъ ну къ чему, какъ вы себѣ думаете?...

Бакалейникъ, глядя въ упоръ въ лицо своему собесѣднику, вдругъ поблѣднѣлъ.

— Ну и къ чему же? къ еврейскимъ погромамъ? И это теперечки? Когда швабода и равноправіе? Пхе?!.

— Ну да, ну да. О чемъ я говору!.. — почти съ торжествомъ воскликнулъ Гольдштейнъ. — Тольки и говоратъ: жиды, жиды... послѣ каждаго слова жиды... таки да... жиды и жиды... Ви понимаете, товарищъ Бакалейникъ, чѣмъ это можетъ запахнуть?... Ну? Да... Это жъ вожмутительно, это жъ недопустимо... Швабода и погромъ! Пхе! Это жъ я не жнаю што... Ви тутъ поняли себѣ, товарищъ Бакалейникъ, что-нибудь?

При этомъ Гольдштейнъ съ вытянутымъ, удивленнымъ и возмущеннымъ лицомъ пальцемъ свободной руки коснулся лба.

— Какое безобразіе! И что они себѣ думаютъ, а?

Что же, развѣ прежній самодержавный режимъ? Времена Николая кроваваго?

— Вы поняли теперички... Значитъ, надо принять мѣры. Чтобы порадокъ полный... чтобы никакихъ рѣчей... ни справа, ни слѣва... ни товарищамъ, ни смертникамъ... такъ и передайте отъ моего имени товарищу-комиссару Тетерину... Таки-такъ и скажите: я моей властью строго запретилъ. Поняли? Конечно, я самъ бы... но жнаете, у меня дѣла... О-оххъ, штольки дѣловъ, штольки дѣловъ! ежели бы жнали? Такъ и скажите: я запретилъ!

— Слушаюсь.

— Понимаете, смертникамъ... Ша!

— Ша!

— То-то.

Бакалейникъ, пожавъ протянутую руку товарища-начальника, мотнулся къ своему автомобилю, а комиссаръ къ своему.

— Псс! Псс! быстро обернулся и снова позвалъ Гольдштейнъ.

Бакалейникъ подбѣжалъ.

— Понимаете, чтобы разъ и готово. Поняли?

— Съ смертниками?

— Ну да, ну да.

— Слушаюсь.

— Вы скоро изволите пожаловать, Сергѣй Борисычъ? Долго-ли еще прикажете ждать вашу милость? послышался изъ автомобиля капризный, нетерпѣливый и раздраженный голосъ Люси.

— Счасъ. Вы все поняли, товарищъ Бакалейникъ? Разъ, и готово и... ша!

При этомъ Гольдштейнъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукой, энергично отмахнувъ ладонью параллельно землѣ, показывая этимъ, какъ надо кончить съ смертниками.

— Ша! кивнувъ головой, сказалъ Бакалейникъ.

— Ну, бувайте здорови себѣ...

— Бувайте и ви себѣ...

Бакалейникъ опять нелѣпо размахнулъ у своего уха растопыренными пальцами и по прежнему изобразивъ своей фигурой покачнувшуюся впередъ запятую, пожалъ еще разъ протянутую руку товарища-начальника.

Теперь они уже окончательно разстались.

Одинъ пошелъ къ своему автомобилю, другой въ припрыжку побѣжалъ къ своему.

— Ну и дѣла! Вотъ дѣла, товарищъ-комиссаръ! — потряхивая головой и оборачиваясь съ своего сидѣнія все еще разгоряченнымъ лицомъ въ сторону Гольдштейна, говорилъ шоферъ. — Энтотъ смертникъ-то ну и ораторъ, ужъ такъ говорить, такъ говорить, прямо какъ пишить, заслухаешься, ажно въ потъ прошибаеть, похлеще всѣхъ нашихъ будеть... Ку-уды! Ну и говорокъ. Ху!

Онъ опять потрясъ головою и для чего-то звонко чмокнулъ губами.

— Всѣхъ нашихъ за поясъ заткнетъ... — жадно глотая дымъ папироски, замѣтилъ помощникъ шоффера. — Вотъ къ намъ бы его на митинки...- Идѣ нашимъ сговорить противъ его?! И близко не подпустить. Всѣхъ общипетъ. И перья на заводъ не оставитъ.

— Ку-уды! Ни перья, ни пуха. А разодрали! Всего начисто разодрали... на клочки. Ху-у! Страсть. Ну и сурьезный, вотъ сурьезный...

— Изъ казаковъ. Съ красными ланпасами, — выпуская изо рта цѣлый клубъ дыма и сплюнувъ на землю, замѣтилъ помощникъ шоффера. — Эти завсегда сурьезные. Ни почемъ не сдался, никого не боится, ругается, такъ ругается... и такъ правду-матку и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ... Подумаешь, што и смерть надъ имъ не стояла, а какъ у насъ на митинкахъ... Ну и человѣкъ! Ай-яй-яй... онъ опять сплюнулъ и покачалъ головой.

— Разодрали... Што кровиши-то этой самой и кишки эти такъ и болтаются, што у скотины. Ху! Ажно страшно. Куда, товарищъ-комиссаръ? Въ городъ?

— Въ городъ! приказалъ Гольдштейнъ, сидя на своемъ мѣстѣ и укутывая великолѣпнымъ, пушистымъ краденымъ англійскимъ пледомъ ноги Люси и свои.

«Ну и что это все о кишкахъ да о крови?! Какъ это грубо и необразованно. Пфе!» съ брезгливой гримасой на лицѣ подумалъ Гольдштейнъ и передернулъ плечами.

Скорѣе, скорѣе подальше отсюда, отъ этихъ ужасныхъ, кровавыхъ впечатлѣній!

Онъ былъ счастливъ, что уѣзжаетъ и даже неразрѣшенный еще вопросъ о собольей пелеринѣ не такъ сильно его угнеталъ, какъ прежде. Онъ повеселѣлъ.

Машина, шипя и гудя, сдѣлала полукругъ и быстро покатила по дорогѣ къ Екатеринодару.

Машина Бакалейника двинулась въ противоположную сторону.

Уже разъѣзжаясь, при встрѣчѣ автомобилей, оба служителя красной, воровской, человѣкоистребительной власти, стараясь показать себя изысканно галантными и старательно копируя прежнихъ императорскихъ гвардейцевъ, по-военному еще разъ привѣтствовали другъ друга, съ улыбками приложивъ правыя руки къ козырькамъ и, слегка раскланиваясь.

Въ душѣ каждый изъ нихъ любовался своей «шикарностью».

«Знаемъ тебя, Срульке, хорошо знаемъ. Какъ гдѣ опасность, отвѣтственная работа, такъ сейчасъ поѣзжай Бакалейникъ, все распутай, уладь, а самъ въ кусты... Шкурникъ несчастный, гнусный паникеръ, подлый трусъ! И всегда у него дѣла, дѣла! Знаемъ дѣла... съ Люськой. Теперь какъ бы опять не удралъ въ Крымскую и будетъ тамъ отсиживаться. Сколько разъ ужъ удиралъ»...

Такъ разсуждалъ Бакалейникъ, когда автомобиль уносилъ его на «отвѣтственную работу».

Но въ своихъ мысленныхъ упрекахъ Гольдштейну, Бакалейникъ очевидно, забылъ, что каждый разъ неизмѣнно съ нимъ вмѣстѣ, а иногда и отдѣльно удиралъ и онъ Бакалейникъ, и Розенблюмъ, и Эпштейнъ, и Моргуліесъ, и всѣ другіе представители родного ему племени.

Для нѣжныхъ барабанныхъ перепонокъ сыновъ Израиля екатеринодарская канонада оказалась слишкомъ не музыкальна, а живое воображеніе безпрерывно рисовало безпощадные штыки и приклады корниловскихъ бѣлогвардейцевъ, съ которыми входить въ непосредственное соприкосновеніе у носителей «истинной свободы» не было рѣшительно ни малѣйшей охоты.

И сейчасъ Бакалейникъ не чувствовалъ никакого расположенія исполнить въ точности приказаніе своего товарища - начальника.

«И что Гольдштейнъ себѣ думаетъ? — разсуждалъ Бакалейникъ. — Чтобы я туда поѣхалъ и чтобы съ меня нечаянно содрали мою кожу и нафаршировали меня, какъ субботнюю щуку... Нашелъ дурака»...

По дорогѣ онъ уже сообразилъ, какъ все сдѣлать. Онъ черезъ шоффера вызоветъ къ автомобилю Тетерина, задастъ ему здоровую головомойку за допущенную рѣчь и строго-настрого прикажетъ, чтобы впредь подобныхъ

вещей не допускалось. Тетеринъ дрожитъ и держится руками и зубами за свое комиссарство и ослушаться ему нѣтъ никакой выгоды. Самъ же онъ отъѣдетъ въ конецъ станицы поближе къ Екатеринодару и тамъ дождется конца расправы.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Густыя, буро-сѣрыя облака пыли наполняли широкую улицу.

Снова тишина и нигдѣ ни души.

Только у полусломаннаго забора того двора, гдѣ люди только-что лили кровь, издѣвались, мучали своихъ братьевъ и рвали на части животрепещущее человѣческое тѣло, неподвижно лежала одинокая женская фигура.

Облака мало-по-малу разсѣялись и улеглись, стоялъ только сѣрый, пылевой туманъ.

Опасливо озираясь по сторонамъ, изъ двора показалась женщина — хозяйка дома, на минуту пріостановилась въ воротцахъ, высунувъ наружу только голову въ темномъ платкѣ и дикимъ отъ испуга взглядомъ внимательно оглядѣла улицу.

— Маню, Маню! — тихо позвала она, — ходи, доченька, до мене. Панночку поднять треба. Не вмерла бы?! О, Боже жъ мій...

Женщина вышла наконецъ изъ двора и все еще боязливо осматриваясь, блѣдная и дрожащая, наклонилась надъ безчувственной Александрой Павловной.

Въ воротцахъ появилась худенькая, трепещущая, босоногая дѣвочка лѣтъ 13-ти, видимо, при малѣйшей опасности готовая мгновенно вспорхнуть, какъ вспугнутая птичка.

— Та ходы жъ до мене, дурочка, бо никого нема.

— Боюсь, мамусю... — нервно прошептала дѣвочка.

Бѣлые, мелкіе зубы ея колотились, какъ въ лихорадкѣ; на глазахъ крупными брилліантами нависли слезинки.

— Та Господь съ тобою... Вже нема цихъ гаспидивъ. Вси втикли... Ходи, ходи...

Дѣвочка нерѣшительно выступила изъ воротецъ, вдругъ опрометью бросилась къ матери и вся дрожа, такъ и вцѣпилась въ ея юбку.

Обѣ стали поднимать и тащить безчувственную сестру въ хату...

XLVI.

Ночь и утро слѣдующаго, такого же солнечнаго и теплаго дня, какъ и предыдущій, въ Гначбау прошли спокойно, но съ полденъ надъ колоніей, дворы и улицы которой были биткомъ набиты повозками съ больными и ранеными, конными и пѣшими людьми, загудѣли большевистскія пушки и стали рваться шрапнели, разя людей и лошадей.

Армія уже безошибочно знала, что вождя, которому беззавѣтно вѣрила, за которымъ шла на всевозможныя лишенія, страданія, раны и смерть, нѣтъ въ живыхъ.

Никто офиціально пока не объявлялъ объ этомъ, но всѣ признаки рокового событія были на лицо: и неожиданный отходъ отъ Екатеринодара наканунѣ рѣшительнаго штурма, и поспѣшный уходъ по неизвѣстному направленію, и растерянность на лицахъ генераловъ и старшихъ офицеровъ, точно они хотятъ что-то скрыть и боятся, что будутъ пойманы съ поличнымъ.

Но главные, убѣждающіе въ дѣйствительности горестнаго событія, были два неотразимыхъ факта.

Первый то, что въ станицѣ Елизаветинской при отступленіи бросили вчера около восьмидесяти тяжело раненыхъ.

Всѣ въ Добровольческой арміи отъ мала до велика знали, на что обречены покинутые. Не могли того же не знать тѣ, кто рѣшилъ и имѣлъ власть ихъ оставить.

Корниловъ никогда ни при какихъ обстоятельствахъ этого не сдѣлалъ бы. Онъ умеръ бы самъ, защищая ихъ.

Второй фактъ тотъ, что въ послѣдніе два дня никто не видѣлъ небольшой, бодрой фигуры командующаго и на его чудесной лошади теперь гарцевалъ какой-то никому неизвѣстный казачій офицеръ.

Многіе видѣли и арбу съ гробомъ, слѣдовавшую съ обозомъ до Гначбау въ сопровожденіи молчаливыхъ текинцевъ.

И сомнѣній въ смерти вождя не оставалось никакихъ, но никто съ этой мыслью не хотѣлъ мириться.

Кто же теперь командуетъ арміей?.

Всѣ знали, что при арміи, въ качествѣ верховнаго и политическаго ея руководителя, находился генералъ Алексѣевъ, но знали и то, что больной старикъ въ оперативныя дѣла не вмѣшивался.

Пронеслось имя генерала Деникина, но его, кромѣ высшихъ генераловъ и незначительнаго числа офицеровъ, никто не зналъ, ничѣмъ рѣшительно за время похода онъ себя не проявилъ, даже никакой частью не командовалъ и естественно, что въ арміи онъ никакимъ обаяніемъ не пользовался.

Юрочка и его товарищи-партизаны, нѣсколько разъ видѣвшіе тучнаго, ниже средняго роста, съ черными, густыми бровями и съ сѣдѣющей бородкой господина, ѣздившаго верхомъ въ обозѣ, никакъ не подозрѣвали, что этотъ господинъ и былъ генералъ Деникинъ, къ которому и перешло теперь командованіе соединенными силами добровольцевъ и кубанцевъ.

Въ Гначбау маленькая армія пережила ужасный день, день паденія духа, смятенія и полной растерянности.

Юрочка отлично помнилъ этотъ тяжелый, мрачный день.

Не оставалось уже никакихъ сомнѣній въ томъ, что вождь умеръ.

И всѣ эти люди, столь много пережившіе, безтрепетно каждую минуту лицомъ къ лицу встрѣчавшіеся со смертью, дравшіеся, какъ львы, еще недавно не допускавшіе и мысли о своемъ пораженіи, привыкшіе ко всему самому тяжкому и страшному на свѣтѣ, безропотно переносившіе невообразимыя лишенія, тутъ сразу потеряли духъ.

Почти безперерывно со свистомъ и трескомъ рвавшіеся надъ головами шрапнели и гранаты, убивавшія скученныхъ на улицахъ и дворахъ людей и лошадей, далеко не всѣхъ интересовали.

Угнетала, лишала силы, пугала и разъединяла всѣхъ этихъ закаленныхъ въ бояхъ, спаянныхъ постоянной опасностью и общей цѣлью людей потеря верховнаго, какъ изъ уваженія и любви къ личности Корнилова называли его добровольцы въ память того, что покойный въ свое время былъ верховнымъ главнокомандующимъ русской арміи.

Случилось нѣчто, подобное тому, что бываетъ съ дружнымъ пчелинымъ роемъ, когда истратится матка.

Рой буйно, вразнобой гудитъ.

Пчелы, бросивъ работу и не зная, что имъ дѣлать, тѣсня другъ друга, озабоченныя, испуганныя и злыя вылетаютъ изъ улья и безтолково, суматошливо, съ тревожнымъ жужжаніемъ носятся въ воздухѣ.

Всѣ въ этой маленькой арміи, заброшенной въ глухихъ, угрюмыхъ кубанскихъ степяхъ, среди безбрежнаго океана людской ненависти, окруженной во много разъ сильнѣйшимъ, отлично вооруженнымъ, жаждавшимъ ея крови и уничтоженія врагомъ, вдругъ почувствовали, какъ они малочисленны, слабы, лишены снарядовъ, патроновъ, продовольствія, фуража, и во главѣ ихъ нѣтъ того, чьимъ разумомъ, чьей геройской волей и безграничной жертвенностью они на своемъ крестномъ пути были ведомы, кто всегда умѣлъ справляться со всѣми невообразимыми трудностями, кто гибельныя положенія своей арміи всегда превращалъ въ легендарныя побѣды и кто ни при какихъ обстоятельствахъ не только не покидалъ своихъ раненыхъ на поруганіе, издѣвательства и мучительную смерть отъ руки презрѣннаго врага, но даже увозилъ въ обозѣ и трупы своихъ павшихъ бойцовъ, дабы въ подходящее время и въ надежномъ мѣстѣ предать ихъ достойному христіанскому погребенію.

Среди добровольцевъ ходилъ теперь разсказъ о томъ, какъ однажды на походномъ военномъ совѣщаніи кто-то изъ генераловъ, какъ средство для облегченія арміи, предложилъ бросить въ одномъ селѣ раненыхъ.

Предсѣдательствовавшій Корниловъ, не поднимая своихъ быстрыхъ, холодныхъ глазъ и ни къ кому въ особенности не обращаясь, въ тактъ своихъ словъ стукая по столу костяшками пальцевъ своей маленькой, точеной, блѣдной руки и по обыкновенію отчеканивая каждый звукъ, своимъ мужественнымъ внушительнымъ голосомъ заявилъ: «сейчасъ я такого предложенія не слышалъ. Армія должна вся до послѣдняго человѣка умереть, защищая каждаго изъ своихъ раненыхъ, иначе она—не армія, а жалкій сбродъ бродягъ. Таковой презрѣнной я, командующій, мою армію не представляю, а потому если я подобное гнусное предложеніе услышу, то не считаясь съ чинами, положеніемъ и заслугами предложившаго, прикажу немедленно его повѣсить».

Никто бы не поручился за то, что такой случай на самомъ дѣлѣ былъ, но это такъ походило на Корнилова, такъ вязалось со всѣмъ его нравственнымъ обликомъ, такъ гармонировало со всѣми его дѣйствіями, что въ Добровольческой арміи никто не сомнѣвался, что такъ, а не иначе это могло быть.

Новый командующій съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности сразу показалъ, чего можно было отъ него ожидать.

Прежде всѣмъ этимъ людямъ, ради спасенія Родины отрѣшившимся отъ самихъ себя и въ голову не приходило думать о дальнѣйшей судьбѣ своей, разъ его постигнетъ несчастіе. Всякій зналъ, что армія отъ командующаго до послѣдняго рядового сперва ляжетъ вся костьми, но на поруганіе врагу не выдастъ ни одного изъ своихъ искалѣченныхъ братьевъ.

Теперь всякій изъ бойцовъ сталъ задумываться о своей участи, всякій боялся раненій, чтобы не оказаться въ положеніи того живого хлама, который новое командованіе, повидимому, съ легкимъ сердцемъ выбрасываетъ на полный произволъ, на невиданныя истязанія и глумленія не знающаго пощады хама.

Подавленные люди, укрываясь отъ снарядовъ въ дворахъ подъ навѣсами крышъ, подъ стѣнами домовъ, какъ заговорщики, шопотомъ передавали другъ другу слухи одинъ тревожнѣе и тяжелѣе другого.

Говорили, что двѣ сотни конныхъ казаковъ Елизаветинской станицы въ прошлую ночь бросили отрядъ генерала Эрдели и куда-то ушли, вѣроятно, передались большевикамъ. Говорили, что конные донцы, составлявшіе значительную часть всей арміи, сговариваются силой захватить пулеметы и ночью уйти на Донъ на соединеніе съ арміей походнаго атамана Попова. Говорили, что почти всѣ офицеры полковъ генерала Маркова рѣшили распылиться, по одиночкѣ и группами добраться до моря, а оттуда на фелюгахъ какъ-нибудь переправиться въ Крымъ. Говорили, что доблестный Корниловскій полкъ, 30-го марта потерявшій въ бою своего славнаго командира Нѣжинцева, теперь замитинговалъ. Поговаривали даже о заговорѣ, будто бы возникшемъ въ офицерской средѣ, говорили, что будто-бы кучка офицеровъ задумала арестовать и предать большевикамъ высшій командный составъ и тѣмъ купить себѣ право на жизнь.

Послѣднее совсѣмъ не вязалось съ духомъ, царившимъ въ Добровольческой арміи.

Многое говорили и было скверно; руки опускались.

Юрочка собственными глазами видѣлъ, какъ въ томъ дворѣ, въ которомъ онъ находился, юнкера-артиллеристы по приказанію начальства рубили палашами передки и

дубовыя колеса пушекъ, вынимали замки, а потомъ построившись, недовольные и сумрачные, не оглядываясь на обезображенныя и брошенныя пушки, точно они совершили надъ ними что-то гнусное и стыдное, сконфуженно уходили въ пѣхотныя и кавалерійскія части, уводя съ собой и лошадей.

Бродившіе въ арміи слухи въ средѣ партизанъ производили тяжелое, болѣзненное впечатлѣніе, но никто изъ нихъ и не подумалъ ни о распыленіи, ни тѣмъ болѣе о какомъ-либо предательствѣ.

Настроеніе у юношей было глубоко подавленное, но они съ прежнимъ мужествомъ и самопожертвованіемъ готовы были и впредь безоглядно подчиняться своимъ начальникамъ и нести свой тяжкій кровавый крестъ.

Одиннадцать орудій со всѣхъ сторонъ безперерывно громили колонію, но люди, точно ихъ это мало касалось, не трогались съ своихъ мѣстъ.

Сѣрые, голубые и разныхъ темныхъ оттѣнковъ безстрашные глаза на молодыхъ, загорѣлыхъ лицахъ подъ вой и грохотъ шрапнельныхъ и гранатныхъ разрывовъ устремлялись въ даль.

Глубокая, безнадежная тоска свѣтилась въ нихъ.

О чемъ думали эти молодые, такъ много пережившіе люди?

О большевистскихъ шрапнеляхъ? Но развѣ на своемъ недолгомъ вѣку они мало видѣли ихъ? Развѣ не привыкли къ нимъ? О томъ, что ждетъ ихъ впереди? Но развѣ они сомнѣвались въ томъ, что участь каждаго изъ нихъ уже предрѣшена? Что они такъ же мужественно, и славно умрутъ на полѣ брани, какъ умерли уже многія и многія тысячи ихъ братьевъ и товарищей, умерли за обманутую и поруганную Родину, ту Родину, которая сейчасъ въ своемъ самоубійственномъ умопомѣшательствѣ ополчилась противъ нихъ — ея самыхъ вѣрныхъ, любящихъ и доблестныхъ сыновъ.

Нѣтъ. Объ этомъ они не думали. Безысходная печаль обуревала ихъ головы.

Они чувствовали себя осиротѣлыми, брошенными и глубоко скорбили о своей незамѣнимой утратѣ.

Зачѣмъ ты, вождь любимый, оставилъ насъ? Развѣ мы не оберегали тебя? Зачѣмъ на зло судьбѣ всегда игралъ своей безцѣнной головой? Зачѣмъ? Или не вынесла смердящей лжи твоя правдивая казацкая душа? Или твой

духъ титана изнемогъ въ борьбѣ съ несмѣтной ратью подлости и грязи, поднявшейся со дна? Вѣдь тучи комаровъ одолѣваютъ и слона. Мы это знаемъ. И что же вышло? Кто замѣнилъ тебя на посту отвѣтственномъ и тяжкомъ? Мелкіе, презрѣнные людишки съ душой трусливою пономаря. И посмотри, что сдѣлали они, лишь ты смежилъ на вѣки свои очи?, Твоихъ подшибленныхъ орлятъ, безпомощныхъ и беззащитныхъ, предали на растерзанія, глумленія свирѣпому врагу... И что же дальше ждать отъ нихъ? Придетъ пора и въ свои сроки предадутъ они и всѣхъ насъ хаму, дабы спасти лишь свои шкуры.

Такія мысли бродили въ головахъ добровольцевъ.

Большевистская канонада по колоніи длилась до наступленія темноты.

Кавалерія днемъ отдыхала въ полѣ; обозъ, которому въ страшной тѣснотѣ маленькой колоніи уже невозможно было держаться, еще засвѣтло окольными тропами, подъ рвущимися шрапнелями и гранатами былъ выведенъ въ поле въ верстѣ отъ Гначбау; пѣхота цѣлый день безъ передышки боемъ защищала отъ большевиковъ подступы къ колоніи.

Положеніе создалось критическое, такъ какъ у добровольцевъ оказалось не больше полдюжины снарядовъ, которыхъ берегли на самый крайній случай, а изъ артиллерійскаго парка всѣ патроны были уже розданы по рукамъ.

Передъ заходомъ солнца изъ обоза видно было, какъ, поднимая густыя облака пыли, мимо него окольною дорогою проскакала кавалькада изъ членовъ кубанскаго правительства и рады съ охранявшимъ ихъ многочисленнымъ, отлично одѣтымъ, бывшимъ царскимъ казачьимъ конвоемъ, промчались еще какіе-то конныя части и быстро скрылись изъ вида.

— Эти подлые трусы вонъ какъ охраняютъ свои драгоцѣнныя особы! — роптали въ обозѣ. — А насъ бросили на расправу большевикамъ. Эхъ, всталъ бы Корниловъ изъ гроба...

Стемнѣло. Сзади, влѣво отъ оставленной колоніи все еще часто сверкали вспышки выстрѣловъ и грохотали большевистскія пушки.

Въ обозѣ стали бродить тревожные, скверные слухи о томъ, что командованіе рѣшило пожертвовать ими, и что боевыя части будто бы куда-то ушли.

Дѣйствительно, на военномъ совѣтѣ въ Гначбау оста-

новились на мысли — въ крайнемъ случаѣ пожертвовать обозомъ и ранеными въ виду того, что безъ артиллеріи и даже безъ патроновъ при наличіи всего 1800—2000 бойцовъ немыслимо охранять обозъ въ 1500 повозокъ.

Обыкновенно спокойный и тихій на стоянкахъ даже подъ огнемъ непріятеля обозъ, теперь наполнился снующими между повозками людьми и тревожнымъ гуломъ голосовъ.

Ропотъ и смятеніе съ каждой минутой усиливались. Всѣ волновались. Поднялись крики. Звали обознаго коменданта.

Не оказалось ни его самого и никого изъ его помощниковъ.

Волненіе возрастало.

Тревожные, скверные слухи какъ будто оправдывались.

Вскользь брошенныя, неосторожныя слова и предположенія, передаваясь по повозкамъ, вырастали въ опредѣленные и кошмарные выводы.

Всѣ останавливались на одной страшной мысли: новый командующій генералъ Деникинъ началъ свое водительство арміей тѣмъ, что въ Елизаветинской бросилъ тяжело раненыхъ, въ Гначбау сдѣлалъ тоже. Вчера подъ Садами кавалерія Эрдели оставила на полѣ послѣ побѣдоноснаго боя около 300 своихъ убитыхъ и раненыхъ на поруганіе врагу. Ничего подобнаго не могло быть при Корниловѣ. Никто и помыслить не посмѣлъ бы поступить такимъ образомъ. Корниловъ не пощадилъ бы виновныхъ. Почему же такъ съ первыхъ шаговъ зарекомендовавшему себя Деникину не бросить теперь и весь связывающій его по рукамъ и ногамъ обозъ и не спасать свою драгоцѣнную особу, прикрываясь одной только арміей? Это легче.

Больше всего горячились и кричали въ обозѣ гражданскіе бѣженцы, тѣ разные «общественные» дѣятели, которые въ свое время либеральничали, подготовляли революцію, валили «растреклятый» самодержавный режимъ, а теперь за спиной многострадательной арміи спасали свои шкуры отъ проявленія тѣхъ «свободъ», которыя они съ ослинымъ упорствомъ всю жизнь насаждали.

Особенно неистовствовалъ и сѣялъ панику одинъ всероссійски извѣстный своей печальной памяти дѣятельностью «государственный» мужъ.

Огромный, толстый, съ выдавшимся,горбатымъ носомъ, подобно копнѣ сѣна, сидя верхомъ на большой, гнѣдой лошади, онъ своимъ громоподобнымъ басомъ извергалъ цѣлые потоки проклятій на головы новаго, преступнаго командованія.

Раненые, а ихъ насчитывалось болѣе полуторы тысячи человѣкъ, держали себя значительно тише.

Почти не сомнѣваясь въ томъ, что они брошены на расправу врага, эти калѣки со дна повозокъ достали ружья и зарядили ихъ послѣдними обоймами.

У каждаго изъ нихъ еще днемъ отобрали всѣ патроны, оставивъ на рукахъ только по пяти: четыре для врага и пятый для себя.

Въ послѣдній часъ они еще горѣли желаніемъ сразиться съ ненавистнымъ, презрѣннымъ врагомъ.

Юрочка, какъ и всѣ его товарищи по несчастію, тоже вытащилъ свою винтовку, тщательно осмотрѣлъ ее, протеръ тряпкой, нѣсколько разъ щелкнулъ затворомъ, зарядилъ и терпѣливо сталъ ожидать дальнѣйшаго.

Ни паники, никакого испуга онъ не ощущалъ.

Что жъ, умирать, такъ умирать. Пора. Ему не хотѣлось только попадаться въ руки врага, но съ этой стороны онъ былъ обезпеченъ и потому спокоенъ.

Въ Гначбау въ повозку Екатерины Григорьевны положили третьяго раненаго — молодого, веселаго офицера изъ Марковской бригады и они условились, что какъ только выпустятъ по четыре пули въ большевиковъ, такъ сейчасъ же одновременно въ упоръ по командѣ: «разъ, два, три!» разстрѣляютъ другъ друга.

Въ такой тревогѣ прошло безконечно много времени.

А со стороны Гначбау вечернюю темноту все чаще и чаще прорѣзывали вспышки пламени и доносились раскаты пушечныхъ выстрѣловъ.

Но вотъ прискакалъ какой-то всадникъ и молодымъ, громкимъ отчетливымъ голосомъ заявилъ, что генералъ Марковъ приказалъ обозу стоять на мѣстѣ, пока онъ самъ черезъ часъ не присоединится къ нему.

Всѣ облегченно вздохнули.

Немного горячаго, но прямого, честнаго солдата, храбраго генерала Маркова въ арміи отлично знали и всѣ вѣрили ему.

Однако тревога была такъ велика, что смятеніе улеглось не сразу.

Ждать пришлось недолго.

Издали, со стороны гремѣвшихъ орудій послышалось недружное, разноголосое ура, трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, потомъ все смолкло.

Настала полная тишина.

Не прошло и получаса, какъ изъ темноты вынырнули стройныя колонны людей и добровольческая пѣхота, чудесно отбивая шагъ по старой пахотѣ, въ облакахъ поднятой пыли прослѣдовала къ головѣ обоза.

У всѣхъ отлегло на душѣ.

Большевистское кольцо было прорвано, но надо было выигрывать время и спѣшить, чтобы не попасть въ новую западню.

Куда-то впередъ была послана кавалерія.

Громадный обозъ, наполняя степь стукомъ копытъ и громыханіемъ телѣгъ, сломя голову, задыхаясь въ пыли, въ ночной темнотѣ мчался во всю лошадиную мочь.

Никто не зналъ, куда вело его командованіе.

Маршрутъ по-прежнему хранился въ строгой тайнѣ.

Такъ съ бѣшеной быстротой скакали съ десятокъ верстъ, дали передохнуть лошадямъ и помчались снова.

Опять по обозу поползли тревожные, низкіе слухи, что уходя, кавалерія будто бы заявила, что она ввиду безнадежности дальнѣйшей борьбы, бросаетъ армію и будетъ самостоятельно пробиваться въ горы.

XLVII.

Въ повозкѣ Екатерины Григорьевны было тѣсно и потому Юрочкѣ и новому раненому пришлось спать, скорчившись, въ полусидячемъ положеніи. Протянуться было невозможно.

Юрочка долго крѣпился, не спалъ. Отъ неудобнаго положенія все тѣло его было разбито, ноги нѣмѣли и рана давала себя чувствовать. Но мало по малу усталость сковала всѣ его члены; отяжелѣвшія вѣки сами собой падали и смыкались.

Было очень вѣтряно и очень холодно.

Ночная весенняя свѣжесть, пробираясь подъ лохмотья его шинели, леденила его тѣло, и чтобы хоть нем-

ного отогрѣться, Юрочка чуть ли не поминутно мѣнялъ положенія, переворачивался съ бока на бокъ или скорчившись, садился такъ, чтобы не разбередить рану, чѣмъ безпокоилъ своихъ сосѣдей по повозкѣ, такъ же страдавшихъ отъ неудобнаго положенія, отъ усталости и холода и такъ же поминутно ворочавшихся, какъ и онъ.

Хорошо укрыться не хватало одежи, потому что на трехъ было только два одѣяла.

Юрочка поминутно засыпалъ, но отъ дорожныхъ толчковъ, отъ боли въ ногѣ, отъ холода, отъ неудобнаго сидѣнія тотчасъ же просыпался, чтобы снова мгновенно забыться.

Обрывки впечатлѣній, образовъ, мыслей и сновъ въ странныхъ неестественныхъ сочетаніяхъ смѣшивались въ его полуснѣ, полубодрствованіи.

То ему казалось, что онъ плыветъ по водѣ и набѣжавшая волна холодитъ его правый бокъ и онъ даже видитъ эту волну и боится, какъ бы она его не захлестнула, а въ то же время лѣвый бокъ его горячъ, точно къ нему приложили припарку.

Юрочку это мучаетъ и удивляетъ.

Захлестнула!.. Отъ испуга передъ нахлынувшей волной и отъ толчка, отдавшагося въ больной ногѣ, онъ на мигъ полуоткрываетъ отяжелѣвшія, смертельно усталыя вѣки и догадывается, что никакой воды нѣтъ, что онъ полулежитъ, полусидитъ въ повозкѣ и что новый раненый, лежащій справа, согрѣлъ его своимъ тѣломъ, а сверху морозитъ его свѣжимъ ночнымъ вѣтеркомъ. И это долго, долго и мучительно...

Проснувшись въ тридцатый, а можетъ быть, въ сороковой разъ, Юрочка въ темнотѣ передъ собою различаетъ что-то большое и рѣзко-желтое и оно какъ будто даже блеститъ вродѣ червоннаго золота.

Онъ всматривается и понимаетъ, что это стогъ соломы сбоку дороги, со всѣхъ сторонъ облѣпленный голодными лошадьми. Онѣ тянулись къ нему мордами, но вѣки у Юрочки падаютъ, и это уже не стогъ и не лошади, а вѣковой сосновый лѣсъ. Точно горячей красной мѣдью облиты стройные стволы лучами вечерняго солнца. По землѣ стелятся рѣзкія, черныя тѣни... А вотъ «сіяющій огнями»... Гдѣ это написано? Передъ Юрочкой прекрасный, бѣлый барскій домъ. Всѣ окна освѣщены. «Тамъ тепло, а мнѣ вотъ холодно», съ завистью подумалъ Юрочка. Опять

толчекъ, опять боль въ ногѣ. Онъ снова открываетъ глаза... Вся безконечная вереница повозокъ, конныхъ и пѣшихъ людей остановилась. Юрочка задремалъ и въ полуснѣ почувствовалъ, какъ добрыя, усталыя лошади съ натугой и покорно потащили ихъ повозку. «Тронулись, летимъ,—промелькнуло въ головѣ Юрочки.—Да не мы летимъ»... Надъ головой, паря въ воздухѣ распластанными крыльями, вдругъ пролетѣлъ орелъ! «А-а, — протянулъ Юрочка, — онъ летитъ». Но что это?! У царственной птицы человѣческое лицо и веселые, смѣлые, знакомые глаза. «Да это голова Чернецова, — удивленно подумалъ Юрочка. — Не можетъ быть, — соображалъ онъ дальше, — у того есть руки и красные лампасы на шароварахъ, а у орла ихъ нѣтъ. Но все равно, это же такъ. Это Чернецовъ и у него крылья, а говорили, что его убили»... У Юрочки отъ радости затрепетало сердце. Онъ снова на мигъ просыпается, жалѣетъ, что на самомъ дѣлѣ Чернецова нѣтъ въ живыхъ и снова мгновенно засыпаетъ. И опять безконечная, сумбурная череда полусновъ, полудѣйствительности, мучительная усталость, разбитость во всѣхъ членахъ...

И такъ долго, долго, безъ конца.

Вдругъ, что-то оглушительно, казалось, надъ самымъ ухомъ рявкнуло.

Скала ли грянула съ горной высоты на крѣпкую каменную дорогу, громъ ли ударилъ съ неба, заревѣлъ ли въ лѣсу чудовищный звѣрь?

Всѣ эти представленія и догадки мгновенно пронеслись въ головѣ Юрочки.

Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, онъ привскочилъ на мѣстѣ съ острой болью въ потревоженной ногѣ и открылъ глаза.

Вздрогнувъ, проснулись Горячевъ съ другимъ раненымъ, зашевелилась на своемъ обычномъ сидѣніи впереди Екатерина Григорьевна и только Апанасъ, перегнувшись въ дугу, распустивъ вожжи, крѣпко спалъ на своемъ мѣстѣ головой подъ хвостами лошадей и даже не пошелохнулся.

Обозъ стоялъ.

Въ темнотѣ низко надъ головами что-то, повидимому, большое, медлительно, съ усиліемъ, тяжело двигаясь, скрежетало, точно какая-то адская челюсть съ большими желѣзными зубами яростно силилась разгрызть крѣпкій

камень, но зубы каждый разъ соскальзывали и ударяясь другъ о друга, громко и жалобно лязгали.

Вправо недалеко надъ землей вспыхнуло невысокое, красное пламя, разсыпался длинный снопъ погасающихъ искръ и вдругъ раздался оглушающій громъ гранатнаго разрыва.

Несомнѣнно, стрѣляли изъ пушки. Но кто, гдѣ и по комъ стрѣлялъ? Выстрѣлъ раздался съ непріятельской стороны и снарядъ разорвался недалеко отъ повозокъ обоза.

Спереди доносились какіе-то не совсѣмъ далекіе, сумбурные крики.

Юрочкѣ недолго пришлось прислушиваться. Его опытное ухо сразу уловило знакомые звуки завязавшагося рукопашнаго боя.

Снова въ небѣ проскрежеталъ снарядъ и снова разорвался въ томъ же направленіи и почти на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ и первый.

Конные и пѣшіе бросились впередъ узнать, что происходитъ.

Отъ головы обоза неслись крики. Они передавались по повозкамъ въ глубь. Крики громкіе, поспѣшные, но не сумбурные и не тревожные.

Юрочка своимъ чуткимъ ухомъ быстро уловилъ приближающіяся и повторяющіяся слова: «зарядный ящикъ перваго орудія, на позицію!»

Слова эти скоро докатились и до повозки Екатерины Григорьевны, которая шла близко къ самой головѣ обоза.

— На позицію... зарядный ящикъ перваго орудія, на позицію! кричали вокругъ.

— Есть, есть! откуда-то сзади и справа отвѣчали бодрые, молодые голоса.

Совсѣмъ недалеко впереди затрещали сперва рѣдкіе винтовочные выстрѣлы, потомъ все чаще и чаще. Откуда-то слѣва издалека полохнулъ взрывъ.

Сквозь звуки боя и гулъ человѣческихъ голосовъ вдругъ прорвалось какое-то сильное, равномѣрное, сердитое шипѣніе, точно невидимая гигантская змѣя, раскрывъ широкую пасть, кому-то злобно грозила.

И Юрочка видѣлъ, какъ по мягкому, вспаханному полю, топча зеленя, мимо него быстро провезли на минуту замаячившій въ темнотѣ артиллерійскій зарядный ящикъ и мелькнула молодецкая фигура ѣздового юнкера,

наклонившагося всѣмъ корпусомъ впередъ и нагайкой понукавшаго свою лошадь.

Спереди изрѣдка въ прежнемъ направленіи стрѣляла пушка; снаряды съ рѣзкимъ трескомъ рвались у самой земли, по прежнему доносились человѣческіе крики, трещали выстрѣлы, наконецъ что-то загорѣлось.

Сильный степной вѣтеръ раздувалъ и рвалъ пламя и скоро колеблющійся, красный огненный свѣтъ, прорѣзывая темноту, широкой полосой упалъ на обозъ.

И въ заревѣ пожара Юрочка увидѣлъ впереди себя длинную вереницу повозокъ, рѣзко чернѣвшія въ багряномъ воздухѣ дуги, шеи и головы стоящихъ, боязливо поводящихъ ушами, лошадей.

Въ обозѣ замѣчалось напряженное любопытство.

Предположенія и слухи одни смѣнялись другими.

Скоро изъ разговоровъ выяснилось, что бой разгорѣлся по почину добровольцевъ, что стрѣляла добровольческая пушка и разбила большевистскій паровозъ броневого поѣзда.

Всѣ терпѣливо и спокойно ожидали конца, почти не сомнѣваясь въ побѣдѣ.

Предразсвѣтная черная тьма мало по-малу начинала рѣдѣть. На востокѣ надъ самой землей засвѣтлѣла широкая полоса неба и ровная линія степного горизонта отчеканилась на немъ такъ тонко, такъ четко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нѣжно, точно какой нибудь искусный мастеръ провелъ ее черной тушью по блѣдно-синему картону.

Чаще и звонче, точно вырвавшись изъ тѣсноты на просторъ, затрещали ружья и въ дѣло вошли три-четыре пулемета.

Бой разгорался.

Востокъ начиналъ краснѣть. Линія свѣта поднималась по небу все выше и выше. Съ каждой минутой тьма разсѣивалась.

Прямо передъ глазами все яснѣе и отчетливѣе открывались черные контуры строеній желѣзнодорожной станціи, а дальше уже виднѣлись крыши домовъ съ торчащими трубами и верхушки деревъ какого-то селенія.

XLVIII.

Еще около часа послѣ восхода солнца продолжалась вдругъ разгорѣвшаяся ожесточенная перестрѣлка, вся сосредоточившаяся около строеній по линіи желѣзной дороги.

Добровольцы штыками выбивали большевиковъ изъ зданій.

Единственная, введенная въ бой со стороны добровольцевъ пушка, давши нѣсколько выстрѣловъ, умолкла. Разстрѣляны были послѣдніе снаряды. Большевистскіе пулеметы татакали часто и посылали тучи пуль; ружейная перестрѣлка мало по-малу удалялась.

Головныя повозки обоза, стоявшія во время боя у самаго полотна, вскачь двинулись впередъ подъ частыми выстрѣлами пулеметовъ.

Проѣзжая черезъ линію желѣзной дороги, Юрочка увидѣлъ, что вправо отъ него на путяхъ, какъ упавшій на переднія колѣна навьюченный верблюдъ, лежалъ, накренившись на лѣвый бокъ, израненный потухшій паровозъ, за нимъ три товарныхъ вагона, отъ колесъ до верха охваченные пламенемъ, уже догорали. Въ нихъ то и дѣло шипѣли и цѣлыми десятками разомъ рвались патроны, черезъ провалившіяся крыши пули съ чмоканіемъ и съ жалобнымъ безсильнымъ свистомъ взвивались не высоко въ воздухѣ, падая тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ.

Вездѣ около вагоновъ броневого поѣзда и на путяхъ валялись окровавленные трупы красныхъ.

Тутъ копошились вызванные начальствомъ раненые и обозные добровольцы, съ оживленными, веселыми лицами вынося изъ вагоновъ ящики съ патронами и снарядами и погружая ихъ въ свои повозки.

Добровольцы, уже успѣвшіе оттѣснить большевиковъ изъ этого района, выбивали остатки ихъ изъ крайнихъ хатъ и зданій станціи.

На площади всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ стояла обращенная своей обрубленной, тупой глоткой къ израненному паровозу пушка.

На видъ безобидная, она, казалось, отдыхала.

Юнкера-артиллеристы подводили къ ней пугавшихся пожара и упиравшихся лошадей съ уносами.

Откуда-то слѣва сверху, вѣроятно, съ крышъ хатъ

прерывисто, торопливо и неувѣренно татакали три большевистскихъ пулемета.

На нихъ никто не обращалъ вниманія, потому что посылаемыя ими пули пролетали поверхъ безостановочно мчавшагося обоза и далеко на площади злобно впивались въ сухую сѣрую землю. Вся площадь курилась безчисленными клубочками пыли.

На переѣздѣ черезъ пути у желѣзнодорожной будки виднѣлась тонкая фигура молодого генерала Маркова въ сѣромъ, съ прямымъ станомъ, не доходившемъ до колѣнъ, ватномъ пальто, въ высокой, бѣлой, косматой папахѣ, въ длинныхъ, запыленныхъ сапогахъ и въ форменныхъ узкихъ съ кантиками брюкахъ, съ толстой казачьей нагайкой въ рукѣ.

Около него толпились ординарцы.

Узкое, небольшое, чуть-чуть горбоносое лицо его, съ темной бородкой клиномъ, дѣлавшее его похожимъ на француза временъ Наполеона III, было весело. Глаза, зорко глядѣвшіе изъ-за космъ папахи, сіяли счастьемъ побѣды.

Въ Добровольческой арміи любили, уважали, но и побаивались не щадившаго себя героя.

Тамъ знали, что благодаря его храбрости, находчивости, энергіи, знанію боевого дѣла и наконецъ, требовательности къ самому себѣ и къ подчиненнымъ армія безконечное число разъ выходила побѣдительницей изъ безпримѣрно тяжелыхъ положеній.

И теперь раненые бойцы въ обозѣ, увидя своего божка, какимъ-то верхнимъ чутьемъ постигали, что и сегодня, только ему одному всецѣло обязаны своимъ спасеніемъ, а армія побѣдой при самой катастрофически сложившейся для нея обстановкѣ.

Неувѣренное, робкое ура вспыхнуло въ головныхъ повозкахъ и окрѣпнувъ, понеслось, перекидываясь дальше, къ серединѣ.

Искалѣченные люди, цѣпляясь руками за бока повозокъ, приподнимали свои блѣдныя, истомленныя лица, головы и руки въ повязкахъ, искали глазами фигуру генерала и не жалѣя больныхъ грудей, наперерывъ другъ передъ другомъ привѣтствовали его.

И Юрочка, и его товарищи по повозкѣ, и даже Екатерина Григорьевна, и ѣхавшіе съ ними рядомъ, и спереди, и сзади до надрыва и слезъ кричали ура.

Видъ героя приводилъ ихъ въ неожиданный для нихъ самихъ восторгъ, доходившій до какого-то неистовства.

Генералъ торопилъ проѣздомъ обозъ и ласково, съ счастливой улыбкой, горящими глазами оглядывалъ проѣзжавшихъ мимо и привѣтствовавшихъ его людей, продолжая отдавать приказанія пѣшимъ и коннымъ ординарцамъ.

Торопить проѣздомъ было время, потому что пулеметы уже причиняли раненымъ потери.

Добровольцы выбили красныхъ изъ станціонныхъ построекъ и выжимали изъ околицы къ полю.

Обозъ, безостановочно проскакавъ широко и просторно раскинувшуюся своими дворами и садами кубанскую станицу, переправился по гати черезъ заросшую камышами рѣчку и сосредоточился на выгонѣ у вѣтряныхъ мельницъ.

Боевыя части продолжали еще ликвидацію сраженія.

Кое гдѣ почти безперерывно раздавались еще одиночные выстрѣлы; перестрѣлка то разгоралась, вспыхивая, какъ догорающее пламя, то потухала.

Обозъ долго стоялъ на выѣздѣ за станицей, не получая приказанія, куда ему двигаться.

Станица, которую прошла Добровольческая армія была Медвѣдковская, а не та, которая была названа въ приказѣ.

Это было опять сдѣлано командованіемъ для того, чтобы обмануть большевиковъ и замести слѣдъ уходившей арміи.

Въ обозѣ сперва недоумѣвали, не зная смысла всего происшедшаго, но скоро пріѣхавшіе съ поля битвы офицеры разсказали, какъ все произошло.

Генералъ Марковъ, передъ разсвѣтомъ захватившій съ сопровождавшими его офицерами желѣзнодорожную будку, арестовалъ сторожа и узналъ отъ него, что на станціи Медвѣдково, всего въ полуверстѣ отъ будки находятся два бронированныхъ поѣзда.

Онъ послалъ двѣ офицерскія роты захватить станцію, а самъ по телефону, обманувъ большевиковъ, вызвалъ къ будкѣ бронированный поѣздъ.

Потомъ онъ быстро перевелъ одно изъ орудій черезъ путь, поставивъ его противъ будки, по обѣимъ же сторонамъ дороги въ темнотѣ разсыпалъ стрѣлковыя цѣпи.

Скоро со станціи, пыхтя и стуча колесами, вышелъ броневой поѣздъ, съ прицѣпленными къ нему освѣщенными классными вагонами.

Когда паровозъ поравнялся съ желѣзнодорожной будкой, стоявшій здѣсь генералъ Марковъ своимъ громовымъ голосомъ крикнулъ:

— Стой!

— А ты кто? спросилъ машинистъ.

— Свой...

Стоявшее въ нѣсколькихъ шагахъ орудіе выстрѣлило въ паровозъ.

Офицеры и самъ генералъ забросали паровозъ ручными гранатами. Мгновенно былъ убитъ машинистъ и разворочена топка.

Раненая машина накренилась на бокъ и освободившіеся пары съ шипѣніемъ и свистомъ огромными клубами повалили изъ котла.

Добровольцы, не теряя времени, бросились къ поѣзду и безъ малѣйшей пощады перебили красныхъ.

Въ суматохѣ кто-то поджегъ одинъ изъ товарныхъ вагоновъ, оказавшійся наполненнымъ патронами, отъ перваго загорѣлись два другихъ. Остальные дружными усиліями добровольцевъ удалось откатить отъ пожарища.

Армія, бросившая въ Гначбау восемнадцать орудій только изъ-за того, что къ нимъ не имѣлось ни одного снаряда, израсходовавшая послѣдніе патроны, здѣсь взяла съ боя 800 снарядовъ и больше ста тысячъ патроновъ.

Угнетенный духъ добровольцевъ сразу воспрянулъ.

«О, мы еще можемъ воевать! — думалъ каждый. — Верховнаго нѣтъ. Замѣнить его никѣмъ нельзя, но у насъ есть Марковъ. А съ такими, какъ онъ, умирать еще рано!».

Всякая армія должна имѣть своего божка, которому она беззавѣтно вѣритъ, котораго любитъ и обожаетъ. Тогда она неодолима. У добровольцевъ умеръ Корниловъ и побѣдоносная, геройская армія, имѣвшая въ своихъ рядахъ множество храбрыхъ генераловъ и офицеровъ, лишилась своей вѣры, своего бога. И она заколебалась, была близка къ развалу.

Подъ Медвѣдковской она нашла новаго божка въ лицѣ генерала Маркова, котораго она знала, который своими подвигами выдѣлялся и въ европейской войнѣ, и на Дону, и на Кубани.

И она увѣровала, что для нея еще не все кончено.

Армія, не тревожимая противникомъ, въ тотъ же день отошла въ сосѣднюю станицу Дядьковскую.

Никто среди добровольцевъ, не исключая даже высшаго командованія, не зналъ, гдѣ просвѣтъ, гдѣ населеніе отрезвилось отъ большевистскаго дурмана, гдѣ примутъ измученную армію если не съ распростертыми объятіями, то хотя бы безъ вражды и у всѣхъ была одна сверлившая мозгъ и сушившая сердце неотвязная мысль: какъ вырваться изъ смертоносной большевистской петли и куда теперь двинуться?

XLIX.

Въ Дядьковской станицѣ добровольцы пробыли дня два.

Было тепло и даже жарко. Жгучее солнце и горячій степной вѣтеръ сушилъ зеленѣвшія поля; точно жирными сливками облѣпленныя цвѣтомъ, почти безъ листьевъ плодовыя деревья роняли лепестки въ такомъ изобиліи, что земля подъ ними оказывалась покрытой розовато-блѣднымъ, мягкимъ ковромъ.

Положеніе арміи высшимъ командованіемъ признавалось отчаяннымъ.

Чтобы сохранить кадры, по тайному плану штаба предстояло совершать огромные переходы, всячески избѣгая ввязываться въ большіе бои съ неисчислимыми полчищами красныхъ, которыя окружали армію со всѣхъ сторонъ, которыя родились на каждомъ шагу, точно всякій разъ разверзалась земля и изъ нѣдръ ея выходили все новыя и новыя банды.

Высшее командованіе сознавало, что армія, потрясенная смертью вождя, понесшая чудовищныя потери, израсходовавшая наступательную энергію въ неудачной осадѣ Екатеринодара, малочисленная, переутомленная, извѣрившаяся, лишенная всего необходимаго, крайне нуждается въ отдыхѣ, въ пополненіяхъ и переформированіи.

Но гдѣ найти спокойствіе и желанный отдыхъ? Куда идти? Кѣмъ и какъ пополнить порѣдѣвшіе ряды? Гдѣ взять вооруженіе, фуражъ, провизію, людей и лошадей?

Всѣ эти вопросы во весь ростъ уже не одними только грозными призраками, а въ неумолимой дѣйствительности

вставали передъ командованіемъ и требовали спѣшнаго, безотлагательнаго разрѣшенія.

Ни подходящаго мѣста для отдыха, ни людей, ни матеріальной части нигдѣ не находилось.

Положеніе создавалось безвыходное.

Оставалось только одно: куда-то уходить, гдѣ-то бродить, чего-то ждать, чего-то нащупывать, искать, потому что стоять на какомъ-либо мѣстѣ, значитъ, обречь всю армію на вѣрную и страшную гибель.

Чтобы двигаться, надо быть налегкѣ. А тутъ громадный обозъ съ ранеными, съ больными, съ бѣженцами...

Значитъ, для того, чтобы облегчить движеніе, необходимо обрубить длинный, тяжелый, неповоротливый хвостъ.

Попытки къ этому уже были сдѣланы: въ Елизаветинской станицѣ и въ Гначбау бросили тяжело-раненыхъ, пушки, повозки....

Пришлось снова идти тѣмъ же путемъ.

Между тѣмъ, въ Добровольческой арміи уже бродили, Богъ вѣсть кѣмъ принесенные слухи о томъ, что и въ Елизаветинской станицѣ, и въ Гначбау большевики, сперва подвергнувъ брошенныхъ добровольцевъ невыразимымъ издѣвательствамъ и мукамъ, въ концѣ концовъ всѣхъ порубили топорами*)...

Въ отдѣленіи, которымъ завѣдывала Екатерина Григорьевна, происходила драма.

У нея насильно отбирали и оставляли въ Дядьковской человѣкъ шесть ея тяжело-раненыхъ.

Для сестры это былъ непоправимый ударъ въ самое сердце.

Семейное положеніе каждаго изъ этихъ несчастныхъ обреченныхъ она знала, не досыпая ночей, не доѣдая куска, за каждымъ изъ нихъ она ходила, за каждаго болѣла сердцемъ, кормила, обмывала, обшивала, лечила, съ ревнивымъ вниманіемъ и радостью слѣдила за каждымъ малѣйшимъ улучшеніемъ въ ихъ здоровьи. Они были ея самыми обездоленными, безпомощными, а потому и наиболѣе любимыми дѣтьми.

И вотъ теперь у нея отрывали ихъ и оставляли на издѣвательства, муки и смерть...

---

*) Впослѣдствіи выяснилось, что изъ всѣхъ брошенныхъ въ Елизаветинской несчастныхъ раненыхъ какимъ-то чудомъ спаслось трое, въ Гначбау убиты всѣ.

Она ходила, какъ въ воду опущенная. Руки отваливались; пораженныя застарѣлымъ ревматизмомъ ноги давали себя чувствовать; сердце изныло. Она осунулась; кожа на лицѣ еще болѣе пожелтѣла и обвисла; ввалившіеся глаза еще суровѣе глядѣли изъ за опухнувшихъ отъ слезъ вѣкъ.

Въ числѣ оставляемыхъ былъ и поручикъ Горячевъ.

Несмотря на всѣ неудобства, связанныя съ постоянными длинными переходами, несмотря на всевозможныя лишенія, на недостатокъ лекарствъ и на нравственныя потрясенія, раненый замѣтно крѣпъ и поправлялся.

Свѣжій, молодой организмъ преодолѣвалъ все.

Екатерина Григорьевна не хотѣла оставлять его.

Но Горячевъ уперся.

— Не могу я ѣхать съ вами, Катерина Григорьевна,— говорилъ онъ, — разъ начальство отдало такой приказъ. Ему виднѣе. Значитъ, такъ надо. Наше дѣло — только повиноваться и никакихъ гвоздей. Ежели-бы я раньше узналъ о такомъ приказѣ, то остался бы еще въ Елизаветинской. Теперь мы не нужны. Мы — обуза. Нужны были наши силы, наше здоровье. Теперь у насъ все это взято. Мы собой только погубимъ армію. А вы знаете, какія отъ этого могутъ быть послѣдствія? Все погибнетъ, Россія погибнетъ. Слѣдовательно, о себѣ нечего думать...

Въ спокойныхъ, размѣренныхъ словахъ раненаго не замѣчалось ни тѣни обиды или озлобленія.

— Петръ Григорьевичъ, да неужели вамъ было такъ дурно у меня, что вы сами хотите тутъ остаться? — допрашивала опѣшенная сестра. — Вѣдь, слава Тебѣ, Господи, дай Богъ въ добрый часъ сказать, вы съ каждымъ днемъ поправляетесь. Развѣ такой вы были, когда попали ко мнѣ? Я боялась, что вы въ тотъ же день Богу душу отдадите...

— Катерина Григорьевна, о чемъ толковать? — съ признательностью и печалью, мѣняясь въ лицѣ, задрожавшимъ голосомъ, быстро проговорилъ раненый. — Вотъ какъ хорошо мнѣ было у васъ, какъ у родной матушки за пазухой. Умирать буду и въ послѣдній часъ молитва моя будетъ за мать мою родную и за васъ — мою вторую мать. Да вѣдь для чего-нибудь издается приказъ. Намъ только честно исполнять его надо. Нельзя же, чтобы въ арміи каждый дѣлалъ только то, что ему хочется... Тогда арміи не будетъ...

— Петръ Григорьевичъ, вѣдь вы уже настолько понравились, что я покажу васъ въ числѣ легкихъ.

Раненый горько улыбнулся и покачалъ головой.

— Зачѣмъ, мать, лукавить? Какой же я легкій, когда самъ ни сидѣть, какъ слѣдуетъ, ни ходить не могу, еле на минутку приподнимаюсь и по цѣлымъ днямъ лежу въ повозкѣ, какъ колода. Я — человѣкъ конченный... тихо и упрямо заключилъ онъ.

— Но вѣдь васъ же истерзаютъ и убьютъ здѣсь! — не выдержавъ, воскликнула сестра и заплакала. — Слышали, что они сдѣлали съ нашими ранеными въ Елизаветинской? — продолжала она сквозь слезы. — Что же и вы того хотите?

— Какъ не слыхать?! слыхалъ, слыхалъ. Что же другого ожидать отъ такихъ негодяевъ! Они уже потеряли обликъ человѣческій... — отрывая рифмошки отъ своей рубашки и съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдя глазами за своей работой, тихо и спокойно отвѣтилъ Горячевъ. — Такой смерти кто же захочетъ?! Ну, а ежели придется, такъ вѣдь не откажешься. Лишь бы не долго мучали. На то мы — воины, защитники Родины. Насъ этимъ не испугаешь. Ну... а на послѣдній конецъ есть и вотъ что...

При этомъ раненый указалъ глазами на револьверъ, висѣвшій у него на ремешкѣ, съ которымъ онъ никогда не разставался.

— Да вы въ Бога-то вѣруете? съ испугомъ спросила сестра.

— Какъ же не вѣровать?! «Кто на войнѣ не бывалъ, тотъ Бога не знаетъ». А я, слава Богу, четвертый годъ воюю... И вѣрую, и молюсь Ему каждый день.

— А то, что вы хотите сдѣлать надъ собой — грѣхъ непростительный...

— Знаю... Но это на самый послѣдній случай, ежели силъ не хватитъ. А ежели сразу прикончатъ, спасибо скажу.

— Некогда будетъ сказать... не успѣете... горестно замѣтила сестра.

Горячевъ задумался.

Истощенное, темное лицо его еще болѣе поблѣднѣло. На молодомъ лбу нависли глубокія морщинки.

— Вы меня убѣдили, мать... — раздѣльно и тихо выговорилъ онъ, едва шевеля тонкими губами. — Непо-

сильнаго креста Господь не посылаетъ. Возьмите это отъ меня... отъ грѣха... «Претерпѣвый до конца спасется»...

Онъ отстегнулъ пряжку пояса, снялъ съ него револьверъ въ кобурѣ и передалъ его сестрѣ.

— Возьмите! съ жестомъ рѣшимости повторилъ онъ.

Екатерина Григорьевна машинально приняла оружіе и держа револьверъ въ рукѣ, горько зарыдала.

Она до послѣдняго часа не отпускала Горячева, но по его упорному настоянію передъ самымъ уходомъ арміи подвезла его къ станичному правленію, въ обширномъ зданіи котораго былъ сборный пунктъ для всѣхъ оставляемыхъ. Ихъ здѣсь бросили около 300 человѣкъ.

— Ну, Катерина Григорьевна, — говорилъ растроганный раненый, цѣлуя заскорузлыя отъ грубой работы руки сестры, — спаси васъ Господь за всѣ ваши материнскія заботы обо мнѣ и за уходъ за мной. И ничѣмъ-то вамъ отплатить не могу, — съ горечью продолжалъ онъ,— но умирать буду, а не забуду васъ. Вы мнѣ замѣнили мою родную мать...

Сестра отняла руки и залилась слезами.

— Убьютъ, убьютъ они васъ, измучаютъ... истерзаютъ...

— На все воля Божья. Что Онъ опредѣлилъ, такъ тому и быть. И ничего не попишешь.

Подъ Гначбау большевики заперли Добровольческую армію со всѣхъ сторонъ.

Но она вырывается и наноситъ страшное пораженіе большевикамъ подъ Медвѣдковской.

Отъ самаго Гначбау путь Добровольческой арміи долженъ былъ быть яснымъ ея врагамъ.

Запереть ей ходъ, остановить на любой изъ многочисленныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя всѣ находились въ рукахъ красныхъ, казалось бы, не стоило большого труда.

Но «народные» воины, всегда при столкновеніяхъ съ «барчатами» встрѣчали такой невиданный напоръ, такое сверхчеловѣческое геройство и несли отъ почти безоружной горсти враговъ такія неисчислимыя потери, что близко сходиться съ ними послѣ первой пробы они уже не проявляли ни малѣйшей охоты.

Одними ранеными — по признанію самихъ большевиковъ — красные за бои только подъ Екатеринодаромъ

потеряли больше 16000 тысячъ человѣкъ. Убитыхъ никто не считалъ.

Отъ Дядьковской началась деннонощная безумная скачка по степи огромнаго табора изъ людей, лошадей и повозокъ.

5-го апрѣля Добровольческая армія вышла изъ станицы согласно приказа на Березанскую, но на полдорогѣ круто свернула вправо, безъ остановки прошла Журавскій хуторъ и ночью у Малевиннаго перешла желѣзную дорогу.

Почти безостановочно шли весь день и всю ночь, а 6-го утромъ двигались уже по широкой, свѣтлой долинѣ рѣки Бейсуга, ночью на 7-ое перешли новую желѣзнодорожную линію на Бекешевскомъ переѣздѣ и по пути захватили даже большевистскій товарный поѣздъ.

Все движеніе происходило въ грозномъ желѣзнодорожномъ треугольникѣ Екатеринодаръ — Тихорѣцкая — Кавказская, въ которомъ всѣ станціи были переполнены бандами красныхъ съ броневыми поѣздами.

Каждую минуту на любомъ пунктѣ большевики могли сосредоточить подавляющія силы и раздавить своего врага.

Но у нихъ ничего не выходило.

Всѣ партіи красныхъ, нарывавшіеся на добровольцевъ, были безпощадно разбиваемы.

8 апрѣля утромъ армія вошла въ линейную Ильинскую станицу.

Безперерывный, утомительный переходъ длился 70 часовъ подрядъ.

Необходимо было дать нѣкоторый отдыхъ замученнымъ людямъ и лошадямъ.

Но на слѣдующій же день завязались безперерывные бои, продолжавшіеся до выхода арміи изъ станицы.

Теперь кубанскій войсковой атаманъ и правительство во всѣхъ хуторахъ и станицахъ, которые проходили, начиная съ Ильинской, объявили мобилизацію среди казачьяго населенія, набирали конныя и пѣшія части и ставили ихъ въ строй.

Армія пополнялась новыми формированіями, но у штаба не хватало вооруженія для всѣхъ призванныхъ.

L.

Юрочка отъ бездѣлія изнывалъ въ обозѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда у него окончательно затянется рана, чтобы поскорѣе вернуться въ строй, къ друзьямъ и зажить прежней тревожной и опасной боевой жизнью.

На походѣ къ нему иногда случайно забѣгали нѣкоторые изъ партизанъ и отрывочно сообщали, что то того, то другого изъ соратниковъ уже нѣтъ въ ихъ рядахъ.

Хотѣлось ему въ строй и потому, что здѣсь въ постоянной праздности его мучала тоска, тяжелыя воспоминанія и думы объ утраченномъ и разоренномъ родительскомъ домѣ, о безчеловѣчно убитомъ отцѣ, объ участи матери и сестренокъ.

Въ арміи больше всего занималъ всѣхъ одинъ вопросъ: куда вожди ведутъ ихъ?

Поговаривали о Ставропольской губерніи и Астраханскихъ степяхъ, но такая перспектива никому не улыбалась. Въ Ставропольщинѣ сплошь большевистское мужицкое населеніе, въ степяхъ — безлюдіе и голодъ. Прошелъ слухъ о возможности прорыва въ горный Баталпашинскій отдѣлъ, въ которомъ казаки ведутъ отчаянную борьбу съ красными. Кубанцамъ эта мысль нравилась, но всѣ сознавали, что пробиться въ такую даль едва ли мыслимо. Взоры и сердца большинства старыхъ добровольцевъ устремлялись къ сѣверу, къ свѣтлымъ берегамъ негостепріимно проводившаго ихъ Дона.

Тамъ ближе къ сердцу Россіи и не такъ глухо, какъ на Кубани.

Въ станицѣ Ильинской всѣхъ облетѣла робкая и радостная молва о томъ, что Донъ поднимается, что одиннадцать южныхъ станицъ Черкасскаго округа уже объединились и свергнувъ совѣтскую власть, вооруженной рукой не безуспѣшно ведутъ борьбу съ большевиками.

Привезъ это ободряющее извѣстіе только-что вернувшійся съ Дона мѣстный масляный торговецъ.

Говорить открыто онъ ни за что не рѣшался, потому что зналъ, что по уходѣ добровольцевъ за такія свѣдѣнія ни ему, ни его семьѣ не сдобровать. Разстрѣляютъ.

Командующему и начальнику штаба онъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ, что собственными глазами ви-

дѣлъ возведенныя донцами полевыя укрѣпленія, наблюдалъ бои и съ похвалой отзывался о воодушевленіи и храбрости возставшихъ и о томъ, что они очень интересуются судьбой Добровольческой арміи и стремятся войти съ ней въ непосредственную связь.

Въ подтвержденіе своихъ словъ торговецъ предъявилъ экземпляръ печатнаго воззванія донцовъ, подписанное Егорлыкскимъ станичнымъ атаманомъ урядникомъ Харлановымъ.

Эта радостная вѣсть была первой ласточкой — молвой, залетѣвшей черезъ черту заколдованнаго круга.

И это извѣстіе показалось добровольцамъ такимъ радостнымъ, страннымъ и невѣроятнымъ, что они удивились, какъ удивился бы человѣкъ, безконечно долго проблуждавшій одинокимъ въ дремучемъ лѣсу и потерявшій всякую надежду выбраться изъ него, вдругъ неожиданно увидѣлъ просвѣтъ.

Разошедшаяся среди добровольцевъ вѣсть всколыхнула всѣхъ.

Возникали новыя надежды.

Однако въ безперерывныхъ перестрѣлкахъ и бояхъ съ большевиками вспыхнувшія надежды быстро испарились. Подтвержденія основательности ихъ ни откуда не приходило.

12-го апрѣля въ солнечный весенній день Добровольческая армія снялась и въ первый разъ не тревожимая непріятелемъ, сдѣлавъ 25-ти верстный переходъ среди зеленѣющихъ полей, заняла удаленную отъ желѣзныхъ дорогъ станицу Успенскую, выславъ на сѣверъ къ Наволокинскимъ хуторамъ и на югъ къ Расшеваткѣ отдѣльные отряды, гдѣ начались безперерывные бои.

Утромъ слѣдующаго дня по станицѣ пронеслась молніеносная вѣсть, что съ Дона сюда прорвался казачій разъѣздъ.

Всѣ, кто только могъ, спѣшили на церковную площадь, къ станичному правленію.

Юрочка, забросившій уже свои костыли, съ палкой въ рукахъ, слегка прихрамывая, пошелъ туда же, куда шли всѣ.

На площади стояло человѣкъ пятнадцать вооруженныхъ, рослыхъ молодцовъ, держа въ поводу великолѣпныхъ осѣдланныхъ лошадей.

По бодрымъ осанкамъ и спокойнымъ лицамъ людей, по хорошимъ тѣламъ лошадей нельзя было и представить себѣ, что они только-что совершили въ одну ночь бѣшеный пробѣгъ въ 90 верстъ отъ Егорлыкской до Успенской станицы по степи, въ которой большевики являлись полновластными хозяевами.

Донцы привезли командованію Добровольческой арміи отъ штаба повстанцевъ важныя оффиціальныя бумаги.

Около прибывшихъ давно уже образовался кругъ изъ толпы добровольцевъ.

У многихъ изъ этихъ людей въ Новочеркасскѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ, по станицамъ и хуторамъ остались семьи. Всѣмъ хотѣлось хоть что-нибудь узнать о положеніи дѣлъ на Дону.

Пріѣхавшихъ засыпали вопросами.

Въ одномъ мѣстѣ добровольцы облѣпили со всѣхъ сторонъ крѣпкаго, средняго роста урядника-калмыка съ перевязанной бѣлымъ платкомъ щекой.

— Не знаете ли что-нибудь, станичникъ, о Новочеркасскѣ? Въ чьихъ онъ рукахъ? несмѣло спросилъ Юрочка.

Калмыкъ оказался словоохотливъ, довольно интеллигентенъ, говорилъ по-русски хорошо, съ чуть замѣтнымъ инороднымъ акцентомъ.

— Теперь не знаю, — отвѣтилъ онъ, хитро блеснувъ своими узкими, черными глазами на большомъ скуластомъ плоскомъ, почти безъ растительности, лицѣ. — Должно быть, большевикъ еще тамъ хозяйничаетъ. А въ мартѣ я тамъ былъ...

— Вы сами были? переспрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Да, самъ, улыбаясь и показывая крупные, желтые зубы, отвѣтилъ разсказчикъ.

— Ну и что же тамъ?

— Московская улица вся начисто разорена... всѣ магазины разграблены... Я самъ проходилъ. Рѣдкій домъ уцѣлѣлъ. Памятникъ Платову противъ дворца взорвали, а на Ермака накинули желѣзныя цѣпи и стащили тракторами... Три или четыре трактора заразъ работало...

— Ахъ, проклятые! — вырвалось въ толпѣ. — Даже памятники помѣшали имъ. Вотъ гнусныя животныя... Ну и что же? Куда дѣвали Ермака?

— Куда-то стянули... въ балку... — посмѣиваясь, видимо, довольный своей ролью сенсаціоннаго разсказчика,

мѣшая правду съ ложью, продолжалъ калмыкъ. — Въ февралѣ сперва тамъ былъ войсковой старшина Голубовъ съ красными казаками. И было ничего себѣ, спокойно. А когда явились матросы и красный Титаровскій полкъ, тутъ ужъ и пошло...

— Ну что же, что?

— Много офицеровъ и генераловъ разстрѣляли... страсть... А владыку вашего, архирея...

— Какого? Гермогена?

— Нѣтъ. Главнаго... стараго...

— Архіепископа Арсенія?

— Да, да. На Арсенія надѣли мѣшокъ, на голову шапку съ пятиконечной звѣздой и водили по улицамъ, били, плевали въ лицо...

— Ах-хъ, животныя! Ахъ скоты! Ну и что же, замучали старика?

— Говорятъ, умеръ. Они его сперва посадили на габвахту, сидѣлъ въ одной камерѣ съ атаманомъ Назаровымъ.

— А атаманъ что? Гдѣ?

— На томъ свѣтѣ — отвѣтилъ стоявшій тутъ рослый, свѣтлоусый донецъ. — Тогда же въ февралѣ мѣсяцѣ въ Краснокутской рощѣ подъ Новочеркасскомъ его разстрѣляли.

— Какъ? Развѣ онъ не ушелъ въ степи съ Донской арміей?

— Нѣтъ. Да развѣ вы не знаете? — снова вступилъ въ разговоръ калмыкъ. — Атаманъ остался тогда въ Новочеркасскѣ съ Войсковымъ Кругомъ. Кругъ тогда заявилъ, что не подчинится насильникамъ, что онъ одинъ есть законная власть на Дону. Атаманъ посмѣялся надъ членами Круга и сказалъ: «Я знаю, на что иду» и остался. Армія ждала его въ Старочеркасскѣ, не дождалась и ушла. 12-го февраля вошли въ Новочеркасскъ красные казаки. Голубовъ съ своимъ конвоемъ прибѣжалъ въ залу судебныхъ установленій. Тамъ былъ весь Кругъ въ сборѣ. Голубовъ кричитъ: «Это что за самозванное сборище? Встать!» Всѣ и встали. Сидитъ только атаманъ Назаровъ. «Ты кто такой-сякой?» кричитъ Голубовъ и подступаетъ съ кулаками къ атаману. Тотъ сидитъ и спокойно отвѣчаетъ: «я — войсковой атаманъ Войска Донского, а вы кто?» «Я — народный избранникъ, товарищъ Голубовъ». «Вы — просто самозванецъ». «Взять его такого-сякого!»

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОНУ“

кричитъ Голубовъ своимъ казакамъ и собственноручно сорвалъ съ атамана генеральскіе погоны. Казаки схватили атамана и поволокли. Потомъ Голубовъ назвалъ Войсковой Кругъ сволочью и приказалъ всѣмъ разъѣхаться по домамъ сейчасъ же, пока цѣлы. Кругъ и разъѣхался...

— Ну а потомъ что? спрашивали изъ толпы.

— А потомъ Волошинова — предсѣдателя Круга и Назарова посадили на габвахту...

— Ну а потомъ когда же разстрѣляли? Кто разстрѣливалъ? спрашивали изъ толпы нетерпѣливые голоса.

— Разстрѣляли красные, только не казаки...

— Какъ же казаки допустили?

— Тамъ мѣшанина какая-то вышла... Казаки разъѣхались по станицамъ, а красныхъ привалила сила! Ночью вывели атамана Назарова, Волошинова, генерала Усачева и еще четырехъ въ Краснокутскую рощу и всѣхъ семерыхъ разстрѣляли...

— Еще самъ атаманъ Назаровъ красными командовалъ... замѣтилъ тотъ-же высокій донецъ съ свѣтлыми усами.

— Какъ такъ?

— Красные привели ихъ въ рощу и заставили раздѣться. Ну раздѣлись. Холодно. Красные замѣшкались. Атаману Назарову надоѣло стоять, крикнулъ: «Стройтесь!» Тѣ построились. «Слушать мою команду!» Разсчиталъ, кто въ кого долженъ стрѣлять. Потомъ командуетъ. «Сволочь, цѣлься!» Тѣ прицѣлились. «Сволочь, пли!» Ну они ихъ и разстрѣляли...

— Молодецъ! — вырвалось въ толпѣ. — Храбрый былъ генералъ. Только зачѣмъ ему было оставаться въ Новочеркасскѣ? Ушелъ бы съ арміей Попова. Даромъ погибъ.

— Ну а что слышно про бывшаго товарища войскового атамана Митрофана Богаевскаго? Гдѣ онъ?

Черноволосый и черноглазый, широкоплечій казакъ отвѣтилъ:

— Его надась числа 1-го апрѣля въ Ростовѣ въ Балабановской рощѣ товарищъ Антоновъ разстрѣлялъ...

— Это еще что за новость? Кто этотъ Антоновъ?

— Говорятъ, мальчишка, хромой, теперешній Новочеркасскій комиссаръ, изъ гимназистовъ...

— Это кто же, все Голубовъ выдалъ?

— Говорятъ, онъ. Мы ѣхали сюда, такъ слушокъ прошелъ, что и Голубова на станичномъ сборѣ въ Заплавахъ застрѣлилъ студентъ Пухляковъ...

— Когда?

— 6-го числа, кажись.

— Ну, слава Богу, хоть одного мерзавца укокошили.

— 1-го апрѣля кривяне съ войсковымъ старшиной Фетисовымъ брали Новочеркасскъ... сказалъ черноглазый казакъ.

— Ну и что же?

— Три дня продержались, а потомъ красные подтянулись изъ Ростова и выгнали. Что кривяне набили красныхъ — сила... особенно шахтеровъ... земля отъ нихъ черна была на Соборной площади....

— Какъ же они не удержались?

— А какъ удержать?! У красныхъ ружья, пулеметы, антиллерія, а у кривянъ, кромѣ вилъ да лопатъ, ничего. Будь у нихъ оружіе, они бы тамъ надѣлали дѣловъ. Красные цѣлый мѣсяцъ съ утра до ночи жарили съ Новочеркасскаго вокзала по Кривянкѣ и все цѣлили въ церкву да такъ и не попали. А кривянцы отбили у нихъ одну пушку съ пятью снарядами и передъ наступленіемъ такого нагнали на нихъ страху, что тѣ давай Богъ ноги...

— А Донская армія генерала Попова гдѣ?

— У насъ слышно было, что подалась изъ Сальскихъ степей въ 1-й Донской округъ, — отвѣтилъ свѣтлоусый донецъ. — Теперича она двигается сюда, на низъ, къ Новочеркасску...

— А слыхали, господа, — спросилъ калмыкъ, — нѣмцы подходятъ къ Дону...

— Какіе нѣмцы? Откуда? со всѣхъ сторонъ послышались возбужденные голоса.

Возможность такого событія никому и въ голову не приходила и извѣстіе о немъ произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы.

— Да, у насъ слыхать было, — въ одинъ голосъ подтвердили донцы.

Добровольцы были ошеломлены.

— Идутъ изъ Кіева, — отвѣтилъ калмыкъ, — уже подходятъ къ Таганрогу.

— Да съ кѣмъ же они воюютъ?

— Бьютъ большевиковъ.

— Какъ же это? Они, проклятые, насадили у насъ большевизмъ, а теперь противъ большевиковъ?

— Они ихъ изъ Украины гонятъ въ Совдепію...

— Подѣлили Россію-матушку. Такъ... Пропало, все пропало...

Какъ передъ солнцемъ меркнутъ звѣзды, такъ всѣ прежнія горестныя извѣстія померкли передъ громаднымъ фактомъ нашествія враговъ — нѣмцевъ на Донъ.

Всѣ спрашивали другъ друга, что бы это значило и какъ къ такому факту отнестись?

Всѣ стояли на совершенно-непримиримой позиціи къ врагамъ-нѣмцамъ, а между тѣмъ по обстановкѣ выходило такъ, что и у добровольцевъ, и у нѣмцевъ теперь одинъ общій врагъ — большевики.

Какъ разобраться въ такой путаницѣ?

LI.

Въ тотъ же день послѣ многолюднаго собранія въ зданіи станичнаго правленія, на которомъ генералъ Алексѣевъ выступалъ съ горячей патріотической рѣчью, къ повстанцамъ съ обратнымъ донскимъ разъѣздомъ былъ посланъ смѣлый и толковый подполковникъ генеральнаго штаба Барцевичъ.

Задача его состояла въ томъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ боевой обстановкой на Дону и съ подробнымъ докладомъ вернуться въ Успенскую.

Вечеромъ, какъ только стемнѣло, отважные развѣдчики выѣхали изъ станицы.

Ночная тьма и безпредѣльность степи скрыли ихъ движеніе.

Къ назначенному сроку Барцевичъ вернулся съ новымъ казачьимъ разъѣздомъ повстанцевъ и въ томъ же залѣ станичнаго правленія въ присутствіи высшаго командованія, кубанскаго правительства, рады и множества офицеровъ сдѣлалъ подробный и обстоятельный докладъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ и съ высокой похвалой отозвался о духѣ возставшихъ, объ ихъ организаціи, объ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ, причемъ подчеркнулъ, что добровольцамъ слѣдовало бы кое-чему поучиться у возставшихъ донцовъ.

Съ того дня храброму, энергичному и дѣльному офицеру не нашлось мѣста въ рядахъ Добровольческой арміи.

Высшее командованіе не простило ему того, что онъ, восхваляя донскихъ повстанцевъ, тѣмъ самымъ какъ бы унизилъ добровольцевъ.

16-го апрѣля утромъ Добровольческая армія двинулась въ путь, взявъ направленіе на сѣверъ.

Конечный путь слѣдованія попрежнему оставался въ тайнѣ, но никто уже не сомнѣвался въ томъ, что продвигаются къ берегамъ Дона.

Всѣ ожили, повеселѣли. Духъ арміи поднялся. «Значитъ, теперь мы не одни, — думалъ каждый изъ добровольцевъ. — Донцы съ нами. Силы наши увеличились. А тамъ еще немножко и прозрѣетъ весь одурманенный русскій народъ».

Снова началось бѣшеное движеніе.

Шли день, шли всю ночь, изрѣдка только давая отдыхъ измученнымъ лошадямъ на переправахъ черезъ рѣчки и для кормежки.

На разсвѣтѣ среди цвѣтущихъ полей перебрались черезъ линію желѣзной дороги.

По обыкновенію своему и на этотъ разъ большевики не угадали пункта перехода Добровольческой арміи и ихъ броневики появились только тогда, когда полотно было уже взорвано и армія съ обозомъ шла внѣ досягаемости пушечныхъ выстрѣловъ...

Кавалерійскіе разъѣзды и головныя части обоза уже втягивались въ мужицкое село Горькую Балку, какъ встрѣчены были выстрѣлами изъ оконъ, изъ-за заборовъ и изъ садовъ.

Снова рѣзня, устроенная черкесами надъ большевистской бандой, короткая передышка, снова походъ среди цвѣтущихъ полей. Къ ночи добровольцы дошли до станицы Плосской, а къ вечеру 18-го апрѣля армія съ обозами расположилась въ Лежанкѣ — въ томъ селѣ, въ которомъ произошелъ первый большой бой съ большевиками въ февралѣ по пути на Кубань.

И Юрочка чувствовалъ на самомъ себѣ общій подъемъ духа, и въ немъ пробудились нѣкоторыя надежды и мечты.

«Можетъ быть, — думалъ онъ, — и мамочка, и сестренки, и mademoiselle, и Аннушка живы. Не всѣхъ же успѣли передушить эти гады. Пріѣду въ Новочеркасскъ

и найду ихъ тамъ. Милая моя мамочка, какъ она обрадуется, когда увидитъ меня живымъ и здоровымъ и... въ этомъ одѣяніи... Она такимъ никогда меня не видала... Вотъ удивится-то»...

Онъ подумалъ, сколько имъ придется разсказать другъ другу, особенно ему...

Онъ не безъ удовольствія и гордости осматривалъ свою выросшую, возмужавшую и окрѣпшую фигуру, свою новую рубашку, шаровары, обмотки и черные, грубые, но прочные, высокіе ботинки на шнуркахъ.

Всѣмъ этимъ благодаря хлопотамъ сестры снабдилъ его подвижной складъ арміи.

Юрочкѣ показалось, что минула цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ изъ Москвы.

Онъ высчиталъ по пальцамъ.

Прошло всего только пять мѣсяцевъ.

Это его удивило.

Но Боже мой! сколько же за это время переиспытано, какъ въ жизни все измѣнилось и измѣнился онъ самъ.

«Ну, что же дальше?»

И Юрочка почувствовалъ острую боль въ сердцѣ. Въ немъ съ страшной силой заговорила тоска по родному дому, по матери, по сестренкамъ.

Но у него уже ничего нѣтъ. Ни дома, ни родныхъ. Кому-то надо было лишить его всего того, что принадлежало ему по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ. Нажитое его предками состояніе, прикрываясь какими то соціалистическими, а на самомъ дѣлѣ грубо мошенническими лозунгами, разворовали чужіе люди и теперь онъ — нищій бродяга, которому нѣтъ пристанища подъ небомъ, который каждый глотокъ воздуха на родной землѣ вынужденъ отвоевать съ оружіемъ въ рукахъ.

Да что же это за родина? Чѣмъ онъ провинился? Гдѣ же справедливость? За что онъ такъ много перенесъ и выстрадалъ? Себя онъ не узнавалъ. Тогда въ Москвѣ онъ былъ безпечный, веселый ребенокъ, съ душой открытой для добра, сейчасъ онъ — взрослый человѣкъ, извѣрившійся во все чистое, благородное, высокое и справедливое, но готовый каждую минуту на смерть биться и отдать душу свою за торжество этихъ свѣтлыхъ началъ.

Онъ стосковался въ обозѣ.

Сегодня Юрочка увидѣлъ на походѣ своихъ парти-

занъ, стройными рядами, отбивая по пыльной, твердой дорогѣ шагъ, проходившихъ мимо его повозки.

Сердце его затрепетало.

Онъ почувствовалъ, что больше не быть въ ихъ средѣ, не раздѣлять ихъ страду онъ уже не въ силахъ.

Хотя рана его и затянулась, но не совсѣмъ зажила.

Онъ давно уже мучался угрызеніями совѣсти за то, что почти здоровый «валяется» въ обозѣ, когда его товарищи и братья безсмѣнно бьются съ врагомъ, когда тамъ на счету каждый воинъ.

Сестра урывками успѣла обшить Юрочку, снабдила его новымъ бѣльемъ, мыломъ, чаемъ и сахаромъ.

Онъ вычистилъ винтовку, уложилъ въ сумку всѣ свои вещички и заторопился одѣваться.

— Вы куда? спросила сестра, уже догадавшаяся о намѣреніяхъ Юрочки.

— Къ себѣ, Екатерина Григорьевна, — весь покраснѣвъ, отвѣтилъ онъ. — Пора. Довольно. Я и такъ ужъ слишкомъ загостился...

Напрасно сестра пугала его докторомъ, который раньше, чѣмъ черезъ недѣлю не выпишетъ его изъ числа больныхъ и тѣмъ, что въ строй не примутъ его безъ медицинскаго удостовѣренія.

Юрочка никакихъ доводовъ не слушалъ.

— Нельзя, нельзя, Екатерина Григорьевна. Я не могу, не могу больше... — рѣшительно возражалъ онъ. — Видите, я уже не хромаю. Надо служить, надо, пора... Еще сочтутъ меня ловчилой, трусомъ. Нельзя...

Онъ зналъ, въ какомъ кварталѣ села расквартированы партизаны и спѣшилъ къ нимъ, пока не услали ихъ на позиціи.

Сестра видѣла, что всѣ ея доводы и просьбы разобьются объ нетерпѣливое, страстное желаніе юноши, во чтобы то ни стало, уйти въ строй.

Настаивать было уже безполезно.

И Юрочка въ тщательно заштопанной руками сестры шинели, съ сумкой при боку и винтовкой на плечѣ бодро пошелъ со двора.

Сестра, молча, съ понуренной головой, проводила его до обширной площади.

Они уже простились еще въ хатѣ, а здѣсь оба съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ на минутку пріостановились.

Сестрѣ давно хотѣлось сказать партизану нѣсколько словъ. Она все колебалась, но наконецъ рѣшилась.

— Юрочка, — своимъ скрипучимъ голосомъ тихо промолвила она, — ежели, сохрани Богъ, васъ опять ранятъ, дайте мнѣ слово, что тогда вернетесь ко мнѣ... Ужъ я-то васъ выхожу...

— Екатерина Григорьевна, родная, да къ кому же мнѣ больше идти?! Конечно, къ вамъ, къ вамъ, даю честное слово и ни къ кому больше...

— Ну то-то же, — облегченно сказала сестра. — Ну Господь съ тобою. Дай на прощаніе я тебя перекрещу...

Юрочка снялъ папаху и наклонился.

— Ну, теперь поди, поди, — перекрестивъ юношу и сурово сжавъ брови, сердито и нетерпѣливо говорила сестра, — и да сохранитъ тебя Господь Милосердый...

Сестра рѣзко отвернулась.

Это было въ первый разъ, что она обратилась къ Юрочкѣ на «ты».

У юноши больно защемило сердце.

Нагнувъ голову и опустивъ глаза, онъ сдѣлалъ съ десятокъ шаговъ и оглянулся.

Онъ чувствовалъ, что сестра провожаетъ его взглядомъ.

Дѣйствительно, Екатерина Григорьевна стояла на томъ же мѣстѣ, на которомъ онъ ее оставилъ и не сводя глазъ, глядѣла ему вслѣдъ.

Ему стало еще больнѣе и чтобы ободрить ее, онъ снялъ папаху и кланяясь, улыбнулся ей.

Она отмахнула ему рукой.

Невеселыя думы обуревали ея старую голову.

Она думала, сколько такихъ юныхъ, прекрасныхъ, искалѣченныхъ прошло черезъ ея руки, сколькихъ она вернула къ жизни, поставила на ноги. И всѣ они до единаго уходили туда, въ царство ужасовъ и смерти, такъ понимали и выполняли они свой тяжкій долгъ и не возвращались больше къ ней, даже не удавалось ей видѣть ихъ. Почти всѣ они поздно ли рано ли являлись жертвой безжалостному, кровавому Молоху.

— Не въ отцовъ пошли... Нѣтъ... не похожи, совсѣмъ не похожи... Изъ другого тѣста... — шептала старая женщина, думая о юношахъ, и сердце ея разрывалось отъ жалости и боли. Она не знала, плакать ли и рыдать объ ихъ загубленныхъ жизняхъ, или гордиться

ими, ихъ безпримѣрными подвигами, ихъ непоколебимой стойкостью, ихъ непревосходимымъ, скромнымъ терпѣніемъ и геройской борьбой за право, правду и поруганную родину, когда все, все, даже судьба противъ нихъ.

«Тѣ умѣли только мотать, болтать, критиковать, кричать о «свободахъ», — съ негодованіемъ думала она объ отцахъ. — Доболтались, сдали самихъ себя, свои семьи, все свое достояніе, всю Россію жидамъ на потокъ, разграбленіе и измывательства, собственныхъ дѣтей, какъ агнцевъ безвинныхъ, бросили на закланіе. Теперь, когда за ихъ грѣхи и преступленія къ расчету стройся, всѣ притаились по угламъ, какъ каменной горой, прикрылись грудями своихъ дѣтей-героевъ».

И она припомнила тѣхъ знакомыхъ ей отцовъ, которые тащились теперь въ обозѣ, въ хвостѣ арміи тогда, какъ ихъ сыновья и даже дочери безсмѣнно бились съ врагомъ въ передовыхъ рядахъ и гибли.

Но вся душа Екатерины Григорьевны возмущалась тѣмъ, что и здѣсь, въ этомъ ужасѣ, уготованномъ руками отцовъ, въ этомъ аду, который, казалось бы, долженъ же чему-нибудь научить, эти господа не унимались, а по-прежнему либеральничали, критиковали, мутили...

— О, поскудники, проклятые суесловы, Іуды и Пилаты собственныхъ дѣтей! шептала она по адресу старшихъ поколѣній.

Къ этому уходящему теперь мальчику, одинокому, застѣнчивому, нѣжному, съ возвышенной, готовой на подвигъ душой, она особенно по-матерински привязалась.

— Ну и этотъ не вернется, какъ и всѣ они... погибнетъ... Господи! шептали губы сестры.

Забывъ обо всемъ, она долго стояла за дворомъ и все слѣдила взглядомъ за удаляющимся Юрочкой, пока онъ ни прошелъ площадь и ни скрылся за стѣнами крайней хаты.

Юрочка нѣсколько разъ оборачивался и привѣтствовалъ сестру, размахивая папахой надъ головой...

— Ускользнулъ, какъ тѣнь... Такъ всѣ они — тѣни. Что это, жизнь или больной бредъ?! промолвила сестра.

Только тогда, когда скрылся юноша, сестра очнулась, смахнула нависшія слезы съ суровыхъ глазъ и тяжело вздохнувъ, съ опущенной головой пошла въ свой дворъ.

LII.

Юрочка отыскалъ ту роту, въ которой было расквартировано его отдѣленіе.

Въ дворѣ встрѣтилъ его Волошиновъ.

Гигантъ со всѣхъ ногъ бросился къ нему на встрѣчу.

— Юра, да это ты? — взволнованнымъ голосомъ спрашивалъ партизанъ, до боли сжимая руку Юрочки и радостными глазами заглядывая въ его лицо. — Я тебя такъ ждалъ, такъ ждалъ... ты и представить себѣ не можешь, какъ я по тебѣ соскучился... думалъ, что ужъ больше и не увидимся на этомъ свѣтѣ... Господи, какъ хорошо, что ты наконецъ пришелъ! Вѣришь ли, каждый день о тебѣ вспоминалъ...

— Я тоже, Валя... — отвѣчалъ не менѣе обрадованный Юрочка. — Я давно бы... да меня не пускали, и рана все не подживала, а сегодня увидѣлъ на походѣ своихъ и рѣшилъ, крышка, больше не могу... надоѣло валяться въ обозѣ, надо къ своимъ...

— Ну пойдемъ въ хату... Впрочемъ, нѣтъ, тамъ народа много, лучше сюда, ко мнѣ. Я тутъ расположился вмѣстѣ съ курами. Сосѣдство не важное, ну да ничего, на одну ночь можно. Завтра насъ опять куда-то двинутъ. Тутъ у меня и все мое имущество...

Онъ провелъ Юрочку въ глубину двора, подъ навѣсъ открытаго сарая, къ плетневой стѣнкѣ котораго въ одномъ углу среди мусора были прислонены бороны съ желѣзными зубьями, служившія по ночамъ нашестями для куръ, о чемъ свидѣтельствовали оставленные птицами цѣлыя кучи самыхъ недвусмысленныхъ слѣдовъ...

Въ противоположномъ углу за сложенными другъ на другѣ чуть не до самаго верха дровнями и за сломанной телѣгой безъ колесъ было брошено нѣсколько обмолоченныхъ пшеничныхъ сноповъ. На нихъ лежали шинель, кожаная куртка, шерстяная рубаха и сумка Волошинова, а къ стѣнѣ была прислонена винтовка.

— Вотъ и квартира моя. Давай твою винтовку. Поставимъ вмѣстѣ. Раздѣвайся.

Пока Юрочка снималъ свою шинель, Волошиновъ прислонилъ къ стѣнѣ рядомъ съ своею Юрочкино ружье.

Солнце далеко уже свернуло съ полденъ; черныя тѣни удлинялись, но въ застоявшемся, безвѣтряномъ воздухѣ было жарко и душно.

Казалось, Волошиновъ не могъ наглядѣться на своего друга, такъ онъ былъ радъ.

— Ну, разсказывай, Юра.

— А гдѣ же наши?

— Кто? переспросилъ Волошиновъ.

— Ну Андрюша? Вѣдь помнишь, онъ всегда съ нами вмѣстѣ останавливался...

Волошиновъ сѣлъ на снопы и закуривая крученку, взглянувъ снизу вверхъ на Юрочку, измѣнившимся голосомъ сказалъ:

— Да развѣ ты не знаешь?

— Что?

— Что Андрюша убитъ?

— Когда? воскликнулъ Юрочка.

— Давно, — протянулъ Волошиновъ, гася зажигалку и опуская глаза. — Его нашли послѣ боя на улицѣ въ Екатеринодарѣ... и недалеко отъ меня. Я и не видѣлъ, какъ его убило. Лежалъ на спинѣ... на повалъ разрывной пулей въ грудь... — Помолчавъ, онъ добавилъ: — Я любилъ этого мальчика. Такой стойкій и безотвѣтный былъ. Куда его ни пошли, все сдѣлаетъ.

— А Дукмасовъ?

— И о немъ ничего не знаешь?

— Да говори... застывъ на мѣстѣ, тихо, нетерпѣливо промолвилъ Юрочка, чувствуя, какъ вся кровь приливала у него къ сердцу.

— Ему осколкомъ гранаты перебило позвонки въ Гначбау. Тамъ его вмѣстѣ съ другими тяжело-ранеными и бросили... Онъ не хотѣлъ ни за что оставаться... Его пристрѣлили свои...

— Какъ? съ затаеннымъ дыханіемъ переспросилъ Юрочка, большими глазами глядя на Волошинова.

— Что жъ ты удивляешься, Юра?—продолжалъ разсказчикъ, почему-то избѣгая взгляда своего друга и упавшимъ голосомъ продолжалъ: — Тамъ много нашихъ раненыхъ свои пристрѣлили, чтобы избавить отъ мукъ и издѣвательствъ красныхъ. Что же, ихъ бросали... Они сами умоляли объ этомъ и Дукмасовъ умолялъ... Ну, его и прикончили. Тамъ братъ брата разстрѣливалъ... Вѣдь всѣ у насъ уже знали, какъ большевики мучали и убивали нашихъ раненыхъ въ Елизаветинской. Тамъ даже доктора и двухъ сестеръ замучали и зарубили топорами, третья сестра, помнишь, милая такая и красавица, Александра

Павловна, какъ-то нечаянно уцѣлѣла. Большевики спохватились, пришли убивать, но ее спрятали, а она отъ всѣхъ ужасовъ сошла съ ума.

Юрочка онѣмѣлъ.

Послѣ недолгаго молчанія Волошиновъ снова заговорилъ.

— Какой храбрый и твердый, какъ желѣзо, былъ Дукмасовъ и все молчкомъ, а на видъ водой не замутитъ, нѣжный, женственный. Помнишь, какъ мы изводили его тѣмъ, что онъ — переряженная дѣвочка...

— А Матвѣевъ, Балабинъ, Агаповъ? весь блѣднѣя, спрашивалъ Юрочка.

— Матвѣева зарубили топорами въ Елизаветинской, Балабина бросили въ Дядьковской... У него одна нога оторвана... Агаповъ раненъ въ голову подъ Екатеринодаромъ, теперь въ обозѣ.

Затягиваясь дымомъ папиросы, Волошиновъ разсказалъ дальше, какъ на его глазахъ голосистому донскому соловью партизанскаго хора Кастрюкову подъ Екатеринодаромъ снарядомъ оторвало обѣ ноги, и онъ, ползая на рукахъ, умеръ на улицѣ отъ потери крови. Потомъ разсказчикъ сообщилъ Юрочкѣ про смерть и раненія другихъ знакомыхъ имъ партизанъ.

— Кто же изъ нашихъ старыхъ остался? не поднимая головы, и опускаясь на солому рядомъ съ Волошиновымъ, тихо спросилъ Юрочка.

— Въ нашемъ отдѣленіи только ты да я! — коротко отвѣтилъ тотъ и прибавилъ: — все новые, собираютъ «съ бора да съ сосенки» и не тѣ, Юра, что были, совсѣмъ не тѣ. Того прежняго духа нѣтъ, хотя дерутся не дурно, но далеко не такъ... нѣтъ, не такъ... не по-прежнему.

Юрочка былъ потрясенъ.

Онъ зналъ, что у партизанъ были большія потери, но никакъ не ожидалъ, что въ ихъ рядахъ получилось чуть ли не поголовное опустошеніе.

Юноши долго сидѣли молчаливые и задумчивые.

Волошиновъ сосредоточенно курилъ, а Юрочка, ничего не замѣчая передъ собой, машинально обкусывалъ соломинку за соломинкой.

— Знаешь, Юра, — затянувшись нѣсколько разъ, прервалъ молчаніе Волошиновъ. — Я вотъ сколько ни думаю, а все вспоминаю покойнаго Нефедова... его слова...

— Какого? — спросилъ Юрочка, съ испугомъ взглянувъ на товарища и даже привскочивъ на мѣстѣ. — Нашего прапорщика? Развѣ и онъ...

— Замученъ въ Елизаветинской... вмѣстѣ съ Матвѣевымъ... Разорвали на части...

Юрочка едва перевелъ духъ.

Волошиновъ продолжалъ:

— Я же тебѣ говорилъ, что тамъ всѣхъ нашихъ раненыхъ съ сестрами и съ докторомъ порубили, помучавъ и поиздѣвавшись надъ ними всласть... — При послѣднихъ словахъ глаза его вспыхнули грознымъ негодованіемъ.— Одно хорошо, жилъ Нефедовъ героемъ, орломъ, такъ по-орлиному и умеръ. Настоящій партизанъ! Передъ смертью красные, должно быть, на посмѣшище заставили его рѣчь говорить! Такъ онъ насказалъ имъ такого чорта въ стулѣ, ну и про жидовъ упомянулъ, что даже этихъ толстокожихъ гадовъ пронялъ, рты разинули, а подъ конецъ комиссару въ самую харю плюнулъ! Ну, товарищи мигомъ разорвали его на клочки...

— Кто это тебѣ разсказывалъ?

— Елизаветинскіе казаки сбѣжали послѣ этого къ намъ и присоединились къ арміи уже подъ Гначбау. Одинъ изъ казаковъ все видѣлъ, все на его глазахъ происходило, а Нефедова и Александру Павловну онъ лично зналъ.

— Кто же изъ старыхъ офицеровъ у насъ остался?

— Никого нѣтъ. Всѣ убиты или переранены. Въ другихъ ротахъ кое-кто уцѣлѣлъ, а у насъ всѣ новые. Да и роту ты не узнаешь. Вся новая.

Юрочка растерянно помолчалъ.

— А кто изъ чернецовцевъ остался?

— Мало. Ну хватитъ еще на одинъ, на два хорошихъ боя, а потомъ чисто будетъ, подъ гребло, никто не уцѣлѣетъ.

Оба опять замолчали.

Волошиновъ, прижмуривъ свои темно-синіе, лучистые глаза, усиленно затягивался.

Юрочка промолвилъ:

— Странно. Какъ это мы съ тобой, Валя, до сего времени уцѣлѣли?

— Я самъ сейчасъ объ этомъ думалъ. Вѣдь я съ перваго дня чернецовскихъ походовъ не пропустилъ ни одного боя и вотъ... ни единой царапины. Вѣдь сколько

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОНУ" у Львові

нашихъ убитыхъ, сколько подраненыхъ... нѣкоторые по три, по четыре раза...

— Что жъ, придетъ и наша очередь.

— Я не сомнѣваюсь. Это дѣло рѣшенное, — спокойно проговорилъ Волошиновъ. — Я не понимаю, Юра, какъ мы выбрались живыми изъ Екатеринодара. Вѣдь цѣлые пять дней адъ былъ. Мы оглохли отъ канонады. Вѣдь ихъ была сила. Какъ они насъ крыли снарядами. Ну и набили же мы этой пакости. На счетъ смерти я ничего. Сколькихъ уже перебили?! Чѣмъ же мы хуже другихъ?! Лишь бы только въ плѣнъ не попасться, вотъ когда подранятъ такъ, что не выскочишь изъ цѣпи. Я всякія муки перенесу, но не могу допустить мысли, чтобы эти грязныя подлюки злорадствовали надо мной, издѣвались. — Онъ снова помолчалъ. — Потомъ вотъ чего боюсь, Юра...

— Чего? съ живостью спросилъ Юрочка.

— Что, если вся наша кровь пропадетъ даромъ, Родина погибнетъ, проклятый жидъ опакоститъ ее, разоритъ, разворуетъ, изнасилуетъ?... Не знаю, Юрочка, вы тамъ въ Россіи сжились съ жидомъ, но вѣдь на нашу землю, на землю Тихаго Дона жида не пускали. И вотъ онъ тамъ будетъ царствовать, измываться... Ты подумай! Юра, за что же мы и наши братья, наши отцы, наши друзья умирали?! Ай, какъ это больно, Юра! Вотъ я часто думаю, если Россія погибла, то зачѣмъ жить?! Не хочу жить. Зачѣмъ мнѣ жить? Этотъ позоръ, это свинство, торжество хама, человѣкоубійцы, грязнаго провокатора и вора-жида. Вѣдь жизни никакой не будетъ. Одна смерть. Такъ пусть меня убьютъ въ первомъ бою. И я хочу этого и иду на все.

Волошиновъ, съ сердцемъ швырнувъ окурокъ, обѣими руками схватился за свою кудрявую голову.

Немного помолчавъ и осмотрѣвшись по сторонамъ, онъ снова заговорилъ, но уже съ опаской, значительно пониженнымъ тономъ.

— А помнишь, Юра, Нефедовъ всегда намъ говорилъ, что Россія гибнетъ отъ того, что Царя свергли, что Россія теперь трупъ безъ головы, который будетъ сперва дрыгать, потомъ разлагаться, вонять и заражать весь міръ и черви — жиды будутъ копошиться и отъѣдаться на этомъ трупѣ. И весь этотъ кошмаръ будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока снова не прирастетъ голова. И голова

эта будетъ Царь, а не какой-нибудь жидо-масонскій ставленникъ — президентъ. И когда найдется голова — Царь, то, какъ въ сказкѣ, трупъ, точно вспрыснутый живой водой, оживетъ и вставшая на ноги Россія скажетъ свое слово презрѣнному, надменному міру мѣщанишекъ, предателей и торгашей и слово это будетъ грозно, и она потребуетъ къ отвѣту всѣхъ своихъ «благодѣтелей» и «радѣтелей». Только и съ Царемъ надо спѣшить, а то минутъ сроки и Россія окончательно загніетъ и погибнетъ навсегда. Но ты посмотри, Юра, про Царя сейчасъ и заикнуться нельзя. Всѣ величаютъ себя демократами и республиканцами....

— Видишь, Валя, и я такъ думаю... давно уже... еще въ Москвѣ, когда только-что свалили Царя съ Престола. Тогда всѣ эти рабочіе, солдаты, всѣ эти республиканцы подъ предводительствомъ жидишекъ шлялись по улицамъ съ красными тряпками, орали, кричали, ругались и показались мнѣ безъ головы... Ну вотъ всѣ безъ головы и только...

— Да вѣдь тутъ тайныхъ монархистовъ безъ конца, но точно сговорились, боятся другъ передъ другомъ пикнуть, чтобы не показаться отсталыми, не умными и потому, что новый командующій Деникинъ считается заядлымъ республиканцемъ. Эхъ, дураки!

Друзей позвали въ хату. Принесли приказъ о выступленіи.

Съ того же дня для Юрочки снова началась боевая страда.

Теперь и ему, и его соратникамъ жилось гораздо легче, чѣмъ прежде.

Хотя часто приходилось участвовать въ бояхъ и перестрѣлкахъ, но они не испытывали того длительнаго сверхсильнаго напряженія, тѣхъ страшныхъ, почти непрерывныхъ боевъ, какіе пришлось вести, пробиваясь къ Екатеринодару.

Тогда у каждаго изъ нихъ сложилось впечатлѣніе, что они существуютъ въ атмосферѣ страданій, крови и смерти, дышутъ сгущенными кровяными парами, изнемогаютъ отъ непогоды, голода, вшей. Теперь кошмарная обстановка измѣнилась нѣсколько къ лучшему.

Армія, видимо, всячески избѣгала ввязываться въ большіе бои.

Передвиженія пѣхоты совершались теперь на подводахъ въ обозѣ, вслѣдствіе чего на походахъ они меньше измучивались и уставали. Они шли по изобильнымъ хлѣбомъ, мясомъ и молокомъ мѣстамъ, имѣли время доставать ѣду и насыщаться. Кромѣ того, было тепло, дороги сухія и удобныя.

Вши — страшный бичъ арміи въ зимнюю кампанію, теперь не такъ одолѣвали. Явилась возможность бороться съ ними. Чаще можно было мыться и даже стирать бѣлье. На дневкахъ и ночлегахъ не было нужды ютиться по десятку и болѣе человѣкъ въ каждой комнаткѣ запакощенныхъ хатъ и спать вповалку на полу и гдѣ придется, а представлялась возможность располагаться въ крытыхъ сараяхъ и сѣновалахъ, ночевать на мягкомъ душистомъ сѣнѣ, въ крайнихъ же случаяхъ и подъ открытымъ небомъ.

Между тѣмъ, время шло и весна все болѣе и болѣе вступала въ свои царственныя права. Дни замѣтно увеличивались; солнце ярче свѣтило, жарче припекало.

Неоглядная кубанская степь то плоская, какъ гигантская тарелка, то, словно трещинами, изрытая терявшимися въ камышахъ рѣчушками, лѣсистыми балками и оврагами, вся зазеленѣла.

Въ воздухѣ по цѣлымъ днямъ неумолчно звенѣли жаворонки; большіе караваны журавлей, гусей, утокъ, казарокъ и другихъ перелетныхъ птицъ, оглашая съ высоты степь мелодичными криками, давно уже тянулись къ сѣверу. Въ одиночку и небольшими стайками низко надъ землей пролетали огромныя, тяжелыя дрофы; притаившись въ молодой травѣ и въ изумрудныхъ зеленяхъ, тренькали перепела; стрепета, собравшись въ кружки, по зарямъ выбивали точки, обольщая самокъ своими плясками, а у водомоинъ по утрамъ и вечерамъ звонко скрипѣли длинноногіе коростели.

Скоро по зеленой травѣ, по озимымъ зеленямъ и взошедшей пшеницѣ брызнули цвѣты, точно художникъ покорный капризу своей вдохновенной натуры, щедрой рукой разбросалъ свои многоцвѣтныя краски.

Сперва по только-что освободившейся отъ снѣжнаго покрова, едва зазеленѣвшей степи лиловато-синими лоскутками раскинулись подснѣжники.

Нѣжныя дѣти первыхъ ласкъ весенняго солнца, они

недолго красовались и какъ внезапно появились, такъ же внезапно и завяли, точно растаяли или испарились.

Теперь уже кое-гдѣ среди густой щеткой поднявшейся травы и среди хлѣбовъ синимъ глазкомъ застѣнчиво глядѣли незабудки, скромно желтѣли лютики и цѣлыми букетами выбивалась вверхъ бѣлая кашка.

Прошло немного дней и на свѣтъ выглянули роскошные цари дикой степи: красные, фіолетовые, снѣжно-бѣлые и кремовые съ черной окаемкой и съ черными усиками тюльпаны. Они привѣтливо покачивали подъ вѣтромъ своими большими, прекрасными головками на длинныхъ, тонкихъ шейкахъ и прильнувъ вплотную къ землѣ, на толстыхъ, короткихъ корешкахъ цѣлыми семьями гнѣздились воронцы, напоминавшіе собой пятна пролитой, чуть потемнѣвшей крови.

И нѣжными, румяными утрами, и цѣлыми солнечными днями, и свѣжими, задумчивыми вечерами неоглядная степь благоухала и звенѣла разнотонными голосами ея дикаго населенія.

Только по ночамъ тишина царствовала въ степи да свѣтлыя звѣзды кроткими очами съ небесной высоты оглядывали ее.

LIII.

Въ Лежанку или иначе — село Средне-Егорлыкское добровольцы пришли поздно ночью въ началѣ Страстной недѣли.

Партизанъ расквартировали по дворамъ села.

Юрочка, Волошиновъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ ихъ отдѣленія очень хорошо устроились въ сараѣ, наполненномъ сѣномъ, въ дворѣ одного мужика.

Тамъ было просторно, спать на сѣнѣ тепло и мягко. Въ щели досчатой стѣны и въ двери всегда проникалъ свѣжій весенній воздухъ и было достаточно тепло; старая толстая камышевая, пополамъ съ соломой, крыша отлично защищала отъ жгучихъ лучей солнца. Земляной плотно утрамбованный полъ поливался партизанами водой.

Хозяинъ съ сплошь до самыхъ глазъ заросшимъ бурыми, щетинистыми волосами, лицомъ смотрѣлъ на незваныхъ гостей исподлобья, звѣремъ и въ началѣ не хо-

тѣлъ пустить ихъ въ сарай, ссылаясь на то, что они помнутъ или подожгутъ его сѣно.

Юноши уже привыкли къ такому отношенію къ нимъ всѣхъ мужиковъ.

— Вотъ что, дядя, — внушительно и серьезно заявилъ ему отдѣленный Волошиновъ, — что ты — большевикъ, это только взглянуть разъ на твой наружный паспортъ и больше не надо. Ну и чортъ съ тобой. Тебѣ слѣдовало бы на шею крѣпкую веревку да и вздернуть на сукъ, который потолще и невысоко, такъ всего вершка на три отъ земли, чтобы ты поболтался въ воздухѣ съ полчасика, довольно будетъ. Но мы съ безоружными не воюемъ, какъ воюютъ ваши «доблестные» сыновья, племянники и братья. А въ сараѣ мы жить будемъ. Понялъ? И больше никакихъ разговоровъ. Заткни хайло. Понялъ?

При этомъ Волошиновъ, съ высоты своего роста глядя своими твердыми глазами въ разбѣгавшіеся злобные глаза хохла, недвусмысленно помахалъ передъ его носомъ указательнымъ пальцемъ, а потомъ показалъ кулакъ.

Хохолъ, что-то ворча себѣ подъ носъ, и, какъ волкъ клацая зубами, ушелъ.

Подобная исторія повторилась и съ хлѣбомъ.

Хохолъ, ссылаясь на то, что ему самому не хватаетъ хлѣба, не хотѣлъ продавать его партизанамъ, .между тѣмъ они уже видѣли у него въ кухнѣ цѣлую гору караваевъ.

— Хлѣбъ чтобы былъ сейчасъ же. За это получай деньги и больше не разговаривай! приказалъ тотъ же Волошиновъ.

Хохолъ удалился съ тѣмъ же непримиримымъ видомъ, а вслѣдъ за нимъ появились бабы съ караваями въ рукахъ.

Потомъ, послѣ недолгихъ переговоровъ тѣ же бабы, но уже по добровольному соглашенію съ партизанами, принесли и молоко, и сметану, и творогъ, и яйца, а въ концѣ концовъ обиняками, съ тревогой сознались, что ихъ мужей, братьевъ и родственниковъ «силой» увели съ собой большевики.

— Знаемъ, какъ «силой» уводятъ въ банды вашихъ мужей и братьевъ! — добродушно смѣясь, говорили юноши. — Ничего, не безпокойтесь. Попадутся къ намъ на мушку, такъ мы живо ихъ оттуда «выведемъ». На этотъ счетъ не сомнѣвайтесь. Работа у насъ чистая, а слово держимъ по присягѣ, на совѣсть.

На другой же день съ утра началась бомбардировка большевиками села.

Жители забились въ погреба и подвалы.

Снова пошли бои и перестрѣлки.

Квартировать въ большевистскомъ селѣ у населенія, съ понятной ненавистью относившагося къ «кадетамъ», противъ которыхъ во враждебныхъ рядахъ дрались его же односельчане, отцы, братья, мужья, сыновья, родственники, было крайне непріятно.

Но юноши ко всему привыкли. Они давно уже знали, что вся и все противъ нихъ.

Въ одну ночь передъ утромъ Юрочка снова увидѣлъ сонъ похожій на тотъ, который снился ему въ Елизаветинской.

Опять пришелъ отецъ и опять манилъ его куда-то за собою. Теперь онъ былъ въ армякѣ, подпоясанный кушакомъ, на головѣ ямщицкая шляпа, въ высокихъ сапогахъ, съ котомкой за плечами и съ толстой палкой въ рукѣ, точно собирался въ дальній походъ. Юрочка никогда не видѣлъ отца въ такомъ одѣяніи и былъ удивленъ. И самъ Юрочка увидѣлъ себя въ гимназической формѣ въ застегнутомъ пальто, съ ранцемъ за плечами, и съ палкой, которыхъ онъ никогда въ дѣйствительности не имѣлъ. Отецъ таинственно, знаками позвалъ Юрочку къ себѣ. У Юрочки упало сердце. Какъ и въ первомъ снѣ, какое-то непреодолимое внутреннее нежеланіе останавливало его. Онъ не хотѣлъ идти съ отцомъ, но и не смѣлъ ослушаться. Они очутились въ такомъ глухомъ, дремучемъ бору, какого Юрочка никогда еще не видалъ. И все ему здѣсь было чуждо, непріятно, пугающе. Огромныя, толстыя, вѣтвистыя деревья на каждомъ шагу заступали ему дорогу и давили на него со всѣхъ сторонъ; широко раскинувшіяся надъ головой кроны закрывали небо, почти не пропуская свѣта. Онъ шелъ бездорожно, едва поспѣвая за отцомъ, безперерывно цѣпляясь ногами за корни деревъ и путаясь въ травѣ, которая, какъ крѣпкими нитями, оплетала его. И странно, какъ будто онъ и не шелъ, не могъ идти, а все-таки двигался. Тьма все сгущалась. Онъ уже едва видѣлъ силуэтъ отца. Сердцемъ Юрочки чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ непонятный ужасъ, похожій на ужасъ человѣка, скользящаго по краю бездны и готоваго, вотъ-вотъ, сорваться.

Ему до страсти, до тоски и отчаянія хотѣлось вер-

нуться, но не зная обратной дороги и не смѣя ослушаться отца, онъ не рѣшался. Отецъ остановился у входа не то шалаша, не то пещеры, поджидая Юрочку. Тутъ только онъ, трепещущій и чего-то неопредѣленнаго боящійся, взглянулъ въ лицо отца и съ ужасомъ убѣдился, что оно было мертвое съ застывшими, какъ свинецъ, открытыми глазами. Какая то посторонняя непреодолимая сила увлекала его впередъ, въ черную пасть пещеры, хотя внутренне онъ всѣмъ существомъ своимъ противился и упирался. Дверь за ними сама собой безшумно захлопнулась, и они очутились въ черной, непроницаемой тьмѣ. И Юрочка, не видя отца, не чувствуя даже его присутствія и зная, что онъ мертвъ, съ безграничнымъ ужасомъ ощущалъ, какъ онъ самъ растекался въ разныя стороны, точно медленно, тягуче и отвратительно какъ-то отваливались разомъ всѣ его члены и самъ онъ весь погружался въ какую-то неизвѣстную черную бездну и растворялся въ нёй. Это было такъ страшно, такъ ужасно, какъ ничто другое на свѣтѣ. Юрочка хотѣлъ бѣжать, но не могъ пошевельнуться, хотѣлъ кричать, натуживался изо всѣхъ силъ, но языкъ не повиновался. Наконецъ, онъ проснулся и едва расклеивъ губы, внѣ себя закричалъ: «Папа! папа!».

Юрочка весь трепеталъ, былъ въ холодномъ поту; отъ головы съ шумомъ и звономъ въ ушахъ отливала кровь; сердце колотилось такъ, точно хотѣло выпрыгнуть изъ груди и онъ почувствовалъ себя счастливымъ отъ того, что весь этотъ ужасъ случился съ нимъ во снѣ, а не на яву.

Рядомъ на сѣнѣ сидѣлъ Волошиновъ въ одной рубашкѣ, въ истрепанныхъ синихъ шароварахъ съ остатками красныхъ лампасъ, въ высокихъ ботинкахъ и прилаживалъ на своихъ длинныхъ, точно выточенныхъ изъ стали, стройныхъ, сильныхъ ногахъ обмотки.

— Что ты, Юра, чего испугался?

— А развѣ я кричалъ?

Онъ слышалъ и помнилъ свой крикъ.

— Да еще какъ! Будто тебя рѣзали и звалъ папу.

Юрочка помолчалъ, лежа на сѣнѣ. Загорѣлое и заспанное лицо его было сосредоточенное, недовольное и пасмурное.

— Я видѣлъ скверный сонъ, — сказалъ онъ, — вотъ уже во второй разъ вижу папу какъ-то странно. Въ пер-

вый разъ онъ приходилъ къ смерти Корнилова, а теперь... не знаю. Только чувствую, что это не къ добру. У меня всегда такъ.

— Ну вотъ гадаешь, какъ какая-нибудь станичная бабка... Вѣришь въ сны. Я часто вижу сны, но никогда ихъ не помню.

Онъ поднялся во весь свой гигантскій ростъ.

Въ одной рубашкѣ и шароварахъ особенно рельефно обрисовывалось его молодое, мускулистое и гибкое тѣло.

Плечи поражали своей шириной и прямизною, грудь высотою, станъ тонкимъ объемомъ и стройностью.

Съ своей прекрасной, кудрявой головой и лицомъ красавца весь онъ былъ похожъ на изваяніе рукъ несравненнаго мастера.

Въ немъ какъ-то непостижимо сочетались и сверхъестественная сила, и необычайная ловкость, и поразительное врожденное изящество, сквозившее во всякомъ его движеніи.

— Да нѣтъ... протянулъ Юрочка.

— Да брось ты объ этомъ, Юра. Тутъ идемъ къ намъ на Тихій Донъ, а ты съ дурными снами,—радостно продолжалъ Волошиновъ.—Ге, сапоги-то мои того... каши просятъ...—замѣтилъ онъ, отвернувъ въ сторону пятку и черезъ плечо разглядывая дырку на одномъ изъ своихъ ботинокъ.—Хоть бы до дома въ нихъ добраться. Не развалились бы. Знаешь, Юра, у меня въ Новочеркасскѣ, осталось сколько?... Паръ шесть сапогъ, четыре, нѣтъ, пять хорошихъ штатскихъ костюмовъ, много мундировъ и шароваръ.... еще отъ папы. Онъ меньше меня былъ ростомъ. Тебѣ какъ разъ подойдутъ. Ежели красные не успѣли все это ограбить... Да я думаю, мама припрятала... то мы съ тобой обмундируемся за первый сортъ. А остановимся съ тобой у мамы. У насъ квартира большая, а жить въ ней некому. Вѣдь намъ съ тобой, Юра, не разставаться. Какъ ты думаешь? .

— Конечно.

— Значитъ, идетъ? Будемъ жить у мамы?

— Идетъ, если ты ничего не имѣешь...

— Юра, можно ли объ этомъ говорить?! Вѣдь мы съ тобой ближе, чѣмъ братья родные...

— Я думаю. Столько пережить и перетерпѣть вмѣстѣ...

— Хочешь, Юра, я въ казаки тебя припишу, въ граждане (на г онъ сдѣлалъ нажимъ и произнесъ гортанно, какъ говорятъ прирожденные донцы)- нашей славной Цымлянской на Дону станицы? А какіе у насъ сады, Юра, какое вино? Такого вина, какъ наше цымлянское, на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ. Ты настоящаго-то никогда и не пробовалъ. Тебя россійской поддѣлкой угощали... Настоящее только въ Цымлѣ и можно найти. Довольно тебѣ хохломъ ходить. Хочешь въ казаки, что ли?

Волошиновъ разсмѣялся.

Но Юрочка къ шутливому предложенію друга отнесся серьезно.

— Хочу, сказалъ онъ, приподнимаясь съ сѣна и отыскивая свою одежду.

Донцы нравились ему своей смекалкой, опрятностью и удалью.

— Непремѣнно припишу за всѣ твои подвиги. Гражданамъ, — онъ опять надавилъ на **г**, — поставимъ ведро спирта. Это только на затравку, чтобы раззудить станичникамъ губу. А ужъ «обмывать» новаго казака они будутъ своимъ виномъ. Ужъ такимъ угостятъ, какого ты отъ роду не пилъ. Ужъ и попируемъ на радостяхъ. Ай-яй-яй.....

И Волошиновъ вышелъ въ дворъ къ колодцу умываться.

Въ тотъ же день въ штабъ Добровольческой арміи пришли тревожныя извѣстія, что большевики, тѣснимые нѣмцами отъ Таганрога, всей массою обрушились на возставшія донскія станицы и заняли Ольгинскую, Хомутовскую, Кагальницкую, Мечетинскую и подходили уже къ послѣднему оплоту повстанцевъ — къ станицѣ Егорлыкской.

Въ Лежанкѣ для защиты штаба, обоза и раненыхъ оставили офицерскій полкъ и двѣ конныхъ сотни.

Все остальное двумя отрядами было двинуто на помощь къ Егорлыкской и въ другую сторону — къ Гуляй Борисову.

LIV.

Красные, узнавъ о выходѣ главныхъ добровольческихъ силъ изъ Лежанки, засыпали село снарядами.

Особенно тяжко и жутко приходилось той партіи

раненыхъ, которые въ повозкахъ почему-то были сосредоточены на площади передъ церковью, подъ открытымъ небомъ.

Черезъ своихъ односельцевъ большевики . отлично знали, что тамъ находились раненые, а высившіеся надъ селомъ купола служили прекраснымъ предметомъ для пристрѣлки.

Шрапнели и гранаты рвались надъ площадью почти безперерывно.

Дня два длилась усиленная бомбардировка, на третій противникъ повелъ наступленіе.

Въ полѣ по зеленѣющему бугру передъ селомъ появились густыя большевистскія цѣпи.

Сзади нихъ скакали всадники-матросы, хлеща ногайками не охотно идущихъ впередъ товарищей.

Далекая степь передъ Лежанкой закурилась безчисленными маленькими клубочками пыли, точно частый каменный градъ падалъ на сухую дорогу.

Воздухъ наполнился безперерывной трескотней ружей и частымъ-частымъ строченіемъ многихъ пулеметовъ. Шрапнели выли въ небѣ.

Нѣсколько дней большевики готовились къ рѣшительному бою и стянули сюда изъ окрестностей большія силы.

Подступы къ селу защищали не болѣе 200 офицеровъ изъ бригады генерала Маркова.

Они залегли за околицей, недалеко отъ дороги.

Двѣ сотни добровольческой кавалеріи притаились въ самомъ селѣ.

Со стороны добровольцевъ ни выстрѣла, ни звука.

Несравненная выдержка боевыхъ орловъ генерала Маркова, не отвѣтившихъ на ураганную непріятельскую стрѣльбу, придала краснымъ смѣлости. Подъ ногайками «красы и гордости революціи» — матросовъ они наступали рѣшительнѣе и быстрѣе, хотя ихъ и смущало гробовое молчаніе невидимаго, страшнаго врага.

Но вотъ густыя цѣпи товарищей спустились съ бугра, приблизившись къ Лежанкѣ шаговъ на четыреста.

По командѣ своихъ начальниковъ офицеры поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и точно на парадѣ, стройно равняясь, безъ выстрѣла и крика бросились въ атаку.

Добровольческая кавалерія на полномъ карьерѣ вынеслась изъ села.

Выстрѣлы смолкли.

Степь закурилась пылью, наполнившись топотомъ лошадиныхъ копытъ, человѣческихъ ногъ и яростными криками.

Грозно засверкали въ воздухѣ поднимающіяся и опускающіяся шашки, блеснули штыки.

Вся масса красныхъ дала тылъ и впереди бѣгущихъ во всю лошадиную мочь уносились матросы.

Брошены были пулеметы, ружья, сумки, даже куртки и обувь.

Началась безпощадная бойня.

Пятьсотъ труповъ «народныхъ» воиновъ усѣяли зеленѣющую степь.

У добровольцевъ ни одного убитаго, ни одного раненаго.

Во второй уже разъ Лежанка дорого обошлась большевикамъ.

Между тѣмъ, уже нѣсколько дней партизаны дѣйствовали въ землѣ Войска Донского.

Бои шли почти безперерывные и сплошь побѣдоносные для добровольцевъ.

Партизаны съ боя брали хуторъ за хуторомъ и село за селомъ, освобождая ихъ отъ большевистской нечисти.

По мѣрѣ продвиженія ближе къ Дону, степь мѣняла свой характеръ.

На Кубани она плоская, тѣсная, изрытая лѣсистыми оврагами, съ рѣчками, заросшими камышемъ и осокой, подъ горами болотистая, здѣсь на Дону волнообразная, открытая, съ громаднымъ кругозоромъ.

Въ самомъ концу Страстной недѣли партизаны послѣ побѣдоносныхъ боевъ заняли одинъ хуторъ въ районѣ Гуляй-Борисова и расположились на ночевку.

Красные напали на него неожиданно съ другой стороны.

Пришлось снова идти въ цѣпь и отбивать наскоки.

Артиллерійскій бой былъ небольшой.

Изрѣдка то съ той, то съ другой стороны громыхнетъ одна-другая пушка, растечется, растеряется среди необъятнаго степного простора звукъ выстрѣла, проскрежещетъ и просвиститъ въ воздухѣ снарядъ, бухнетъ гдѣ-нибудь разрывъ и все смолкнетъ до новаго выстрѣла.

Юрочка уже нѣсколько часовъ подрядъ находился въ цѣпи, но вѣрный своему правилу стрѣлять только навѣрняка, сегодня не выпустилъ ни одного патрона, по-

тому, что большевики на близкія разстоянія не давали сходиться, а отбѣгали въ степь.

Уже передъ вечеромъ, когда добровольцы шли къ хутору на ночевку, появились новыя банды красныхъ.

Пришлось нѣсколько разъ снова вступать въ перестрѣлку.

Въ одномъ мѣстѣ, перейдя глубокую балку, партизаны еще разъ разсыпались въ цѣпь.

Юрочка очень удобно залегъ подъ хорошо прикрывавшимъ его бугоркомъ.

У красныхъ оказалось два орудія.

Началась довольно оживленная перестрѣлка.

Большевики, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, напирали энергичнѣе и мало по малу приблизились почти на прямой выстрѣлъ.

Долго выжидавшій Юрочка теперь билъ ихъ на выборъ.

Въ немъ заговорила страсть охотника.

Съ спокойной увѣренностью, разсчитывая каждое свое движеніе, тщательно прицѣливаясь, онъ посылалъ пулю за пулей и съ наслажденіемъ мести и злорадства собственными глазами удостовѣрялся, какъ послѣ каждаго его выстрѣла кувыркалось и падало по одной намѣченной имъ жертвѣ.

— Вотъ такъ. Вотъ это хорошо! Не лѣзьте, не воруйте, не грабьте, не убивайте! Еще однимъ негодяемъ меньше! съ искривленной усмѣшкой на почти дѣтскомъ, но серьезномъ лицѣ машинально шепталъ онъ.

Выпустивъ уже пять пуль — цѣлую обойму, онъ сталъ вкладывать въ винтовку новую и удивленный тѣмъ, что давно уже не слышитъ близкихъ выстрѣловъ, оглядѣлся вокругъ себя.

Ни справа, ни слѣва, ни сзади никого изъ своихъ онъ не увидѣлъ.

Оказалось, онъ такъ увлекся своимъ занятіемъ, что не слышалъ команды объ отходѣ и его, лежавшаго въ ложбинѣ, никто изъ партизанъ не видѣлъ и не предупредилъ.

Юрочка поднялся и слегка пригнувшись, съ винтовкой въ рукѣ сталъ отбѣгать въ сторону своихъ.

«Ничего, — подумалъ онъ, — какъ бы только наши не подстрѣлили».

То съ жалобнымъ пѣніемъ, то съ дѣловитымъ пчелинымъ жужжаніемъ съ боковъ и надъ головою проносились пули.

Онъ пробѣжалъ шаговъ двадцать.

Слѣва послышался стонъ.

Юрочка повернулъ голову.

Прямо передъ нимъ ползалъ на рукахъ по землѣ Волошиновъ.

Одна нога его какъ-то неестественно оказалась подвернутой подъ туловище.

Волошиновъ былъ смертельно блѣдный и дрожалъ мелкой дрожью такъ сильно и часто, что оскаленные жемчужные зубы его колотились, какъ въ лихорадкѣ.

Юрочкѣ какъ-то вскользь, но рѣзко и ярко бросилась въ глаза тонкая, черная каемка пробивающихся усовъ надъ блѣдными, искривленными губами.

Онъ мгновенно объ этомъ забылъ, потому что наступилъ ногой на цѣлую лужу свѣжей крови.

Тутъ только Юрочка догадался, что юный богатырь былъ раненъ.

— Ю-юрра... — съ усиліемъ шевеля запекшимися губами и облизывая ихъ сухимъ языкомъ, говорилъ Волошиновъ. — Вотъ хо-рошо, что ты тутъ... Ни-ка-акъ не при-илажу винтовку... Нога ссо-скальзываетъ... Ради Бога... за-астрѣли меня...

Лихорадочно горѣвшіе глаза его съ спокойной и важной рѣшимостью снизу вверхъ смотрѣли въ лицо Юрочки.

— Сскорѣе... Не хо-очу попадаться этимъ по-одлюкамъ... Вотъ сю-юда...

И раненый пальцемъ, запачканнымъ въ крови и грязи, показывалъ на свой лѣвый високъ.

Юрочка большими глазами глядѣлъ на Волошинова.

Одно мгновеніе онъ не понималъ, о чемъ просилъ его другъ, но уразумѣвъ, быстро отскочилъ шага на три и въ тоже мгновеніе вскинулъ ружье на прицѣлъ.

«Ничего другого не остается. Надо», мелькнуло у него въ мозгу.

Волошиновъ невозмутимо спокойно повернулъ високъ подъ дуло Юрочкиной винтовки.

Щелкнулъ затворъ; дуло почти вплотную пришлось къ виску.

Юрочка прицѣлился....

— Прощай, Юра... да скорѣй... прошепталъ раненый и въ его скошенныхъ на Юрочку, безстрашныхъ глазахъ скользнуло теплое чувство.

Винтовка сама собой опустилась.

Юрочка почувствовалъ, что у него не хватитъ духа на такую операцію.

Онъ оглянулся.

Большевики бѣжали къ нимъ черезъ балку.

Чувство самосохраненія на мигъ властно заговорило въ сердцѣ Юрочки, но онъ сурово, съ презрѣніемъ подавилъ и отвергъ его.

«Подло. Не по-чернецовски!» рѣшилъ онъ.

— Можешь подняться? — быстро спросилъ онъ Волошинова, нагибаясь къ самой землѣ и протягивая ему руку. — Обопрись на меня, да скорѣе...

— Ни къ чему, Юра... Ммое дѣ-ло кончено... Только с-себя по-огубишь. Скорѣй стрѣ-ляй... и спасайся самъ...

Онъ энергично отмахивалъ рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Да брось ружье! поспѣшно и рѣшительно кричалъ Юрочка, схвативъ раненаго и поднимая его съ земли.

— Напрасно... напрасно... брось... упорно говорилъ Волошиновъ.

Но Юрочка силой приподнялъ его съ земли.

Раненый выронилъ ружье, уцѣпился дрожащей рукой за шею Юрочки, съ неимовѣрнымъ напряженіемъ поднялся съ земли, и они побѣжали.

Потъ крупными каплями падалъ со лба Волошинова.

Лѣвая нога его оказалась перебитой осколкомъ снаряда. Кровь струей сочилась изъ раны. Нога какъ-то неестественно, точно нарочно, вывернулась пяткой впередъ и, какъ подвязанная веревочкой, болталась у него на вѣсу.

Онъ съ страшнымъ напряженіемъ оставшихся силъ прыгалъ на одной правой, крѣпко охвативъ рукою шею Юрочки.

— Ахъ, напрасно... на-апрасно, Ю-юра... шепталъ раненый.

Бѣжать имъ пришлось не такъ быстро, какъ хотѣлъ и могъ Юрочка, хотя онъ напрягалъ всѣ силы, таща Волошинова.

Большевики показались уже по сю сторону балки.

Затрещали близкіе выстрѣлы.

Пули еще чаще и жалобнѣе засвистали и запѣли вокругъ убѣгавшихъ партизанъ.

Юрочка оглядывался и зорко слѣдилъ за быстро уменьшавшимся разстояніемъ между ними и преслѣдователями.

Ихъ раздѣляло уже разстояніе не больше четырехсотъ шаговъ.

«Да гдѣ же наши? куда они дѣвались!»? съ сильной тревогой думалъ Юрочка, поспѣшно оглядывая впереди лежащее поле, но никого не видѣлъ, хотя рѣдкія пули посвистывали и съ той стороны.

Скачка раненаго на одной ногѣ съ каждой секундой замедлялась. Онъ тяжело дышалъ, все сильнѣе и сильнѣе наваливаясь на Юрочку. Губы его совершенно пересохли и запеклись кровью.

— Спа-асайся самъ, Ю-юра... брось меня... иначе пропадешь зря... изъ-за ме-еня...- не надо... не надо... угасающимъ голосомъ промолвилъ обезсиленный Волошиновъ и освободилъ шею Юрочки.

Но тотъ и слышать не хотѣлъ. Въ немъ окрѣпла твердая рѣшимость или спастись или умереть вмѣстѣ.

— Держись крѣпче, Валя! Съ чего ты взялъ, что я тебя брошу?! Развѣ это можно?! Что ты? Тутъ близко наши. Ни за что не брошу! Пропадать, такъ пропадать вмѣстѣ... кричалъ Юрочка, тяжело дыша, сжимая въ правой рукѣ винтовку, а лѣвой изо всей силы придерживая за талію все ниже и ниже склонявшаго голову и замедлявшаго бѣгъ Волошинова.

Просвистало еще нѣсколько пуль, одна чмокнула...

Вдругъ рука раненаго соскользнула съ шеи и плеча Юрочки, точно кто-нибудь ее сбросилъ и самъ онъ неожиданно уронивъ голову на грудь, какъ будто споткнувшись, упалъ лицомъ на землю.

Черныя, какъ вороново крыло, пышныя кудри его разметались по зеленой травѣ; одна рука при паденіи подвернулась къ животу, другая, судорожно и безпомощно трепеща, протянулась въ сторону ладонью вверхъ.

«Какъ дрожитъ!» удивленно подумалъ Юрочка.

Онъ понялъ, что Волошиновъ убитъ.

LV.

Юрочка побѣжалъ, что было силъ.

Преслѣдовавшіе большевики были еще далеко.

«Теперь лишь бы не подстрѣлили. А то убѣгу!» съ увѣренностью подумалъ Юрочка.

Шаговъ тридцать сдѣлалъ онъ безпрепятственно.

Слѣва, изъ отрога балки, точно изъ предательской западни, вдругъ вынырнули передъ нимъ чуть не вплотную человѣкъ пять большевиковъ.

Юрочка сдѣлалъ движеніе, чтобы взбросить ружье на прицѣлъ, какъ получилъ сзади сильный ударъ прикладомъ по плечу.

Винтовка выскользнула у него изъ онѣмѣвшей отъ боли руки и самъ онъ съ трудомъ удержался на ногахъ.

Дюжой, плотный, средняго роста большевикъ, въ синей матросской рубашкѣ съ низкимъ вырѣзомъ на волосатой груди, безъ шапки, съ свѣже-выбритой синей головой, съ грубымъ, бритымъ лицомъ и съ выкатившимися изъ орбитъ неумолимо-свирѣпыми оловянными глазами, крѣпко схватилъ его за руку и во всю мочь, съ захлебываніемъ и надрывомъ, видимо, труся, кричалъ своимъ товарищамъ, чтобы тѣ скорѣе спѣшили на подмогу.

Красные бросились къ нимъ.

Юрочка, напрягая всѣ силы, верткимъ, мощнымъ движеніемъ выскользнулъ изъ лапъ мужика и подставивъ свою ногу подъ ноги врага, забывъ о боли въ рукѣ, нанесъ такой неожиданный и страшный ударъ кулакомъ въ високъ матросу, что тотъ, ошарашенный и недоумѣлый, какъ оглушенный обухомъ быкъ, покатился по землѣ, не спуская съ Юрочки своихъ свирѣпыхъ, испуганныхъ глазъ и стараясь, какъ можно скорѣе, подняться.

Бѣжавшіе на Юрочку красные вдругъ шагахъ въ пяти замялись.

Юрочка уловилъ намѣреніе поверженнаго врага и перепрыгивая черезъ него, своимъ сплошь подбитымъ толстыми гвоздями каблукомъ успѣлъ нанести еще болѣе сильный ударъ по лицу матроса.

Тотъ взвылъ.

Кровь показалась у него изо рта и изъ носа.

Теперь Юрочка разсчитывалъ каждый мигъ и каждое свое движеніе.

Онъ нагнулся, чтобы схватить выпущенное матросомъ ружье, но не успѣлъ.

Опомнившіеся большевики окружали его.

Юрочка метнулся въ единственную сторону, еще свободную отъ враговъ.

Смертельная тоска налегла ему на сердце.

«Неужели конецъ? За что? Мнѣ только восемнадцать лѣтъ... и такъ хочется жить»...

И ему вопреки неумолимой, кошмарной очевидности не совсѣмъ вѣрилось, что такъ ужасно, нелѣпо и просто настигала смерть.

Вдали багровое, огромное, холодное, уже коснувшееся земли солнце.

И Юрочка точно въ первый разъ въ жизни открылъ глаза, въ первый разъ увидѣлъ его.

Боже мой, какъ оно невыразимо прекрасно, дорого и близко, и также прекрасны, дороги и близки и этотъ просторъ, и эта зелень, и этотъ воздухъ.

И все это онъ охватилъ одинъ тоскливымъ взглядомъ, понялъ въ одинъ только этотъ мигъ. И какъ это онъ до этой поры не понималъ и не цѣнилъ...

Все это онъ видѣлъ, чувствовалъ и ощущалъ какъ-то нестерпимо обостренно, отчетливо, молніеносно и рѣзко, рѣзко, до физической боли.

Каждое прожитое мгновеніе по силѣ ощущеній растягивалось въ цѣлую вѣчность.

И еще одно необычайное, новое: передъ нимъ точно разверзалась какая-то исполненная смертельнаго ужаса, страшная своей загадочной неизвѣстностью, бездна. Онъ скользилъ по краю ея. Она физически неодолимо тянула его къ себѣ. Одинъ невѣрный шагъ и онъ соскользнетъ...

«Точь въ точь, какъ въ томъ снѣ», на мигъ прорѣзалось въ сознаніи Юрочки и его охватилъ тотъ же ужасъ, та же тоска, то же чувство неотвратимости рока.

Вокругъ ругались, рычали, грозились, сопѣли, галдѣли страшные голоса, и живой кругъ около него, того и гляди, вотъ вотъ сомкнется.

Юрочка, какъ звѣрь въ клѣткѣ, метался изъ стороны въ сторону, тяжело дыша, съ сердцемъ такъ сильно колотившимся въ груди, что, казалось, оно сейчасъ разорвется.

И какъ при вспышкахъ магнія, на одну сотую мгновенія сверкнулъ передъ нимъ, но сверкнулъ ослѣпительно,

ярко образъ бѣленькаго, краснощекаго, смѣющагося мальчика въ бѣлоснѣжной постелькѣ. И этотъ маленькій мальчикъ — онъ, Юрочка. И мама, мамочка милая своими нѣжными ручками перебираетъ его шелковыя кудри, щекочетъ его и съ улыбкой счастья цѣлуетъ его пухлыя ручки, личико... А онъ хохочетъ. И Екатерина Григорьевна въ повозкѣ съ своими суровыми и нѣжными глазами и съ своей неустанной материнской заботой о немъ... Какъ это было недосягаемо, невыразимо хорошо... и сколько счастья... а онъ не цѣнилъ. О, какъ любили его... И прежде давно онъ всѣхъ любилъ. А теперь вдругъ такое совершенно противоположное, ужасное, неестественное, дикое...

Юрочка ни на одну секунду не забывалъ, что такія воспоминанія не ко времени, не нужны...

Онъ все бѣжалъ, увертывался...

Наконецъ, большевики схватили его.

Другіе изъ-за балки подбѣгали...

Онъ рвался. Одежда трещала на немъ и повисала лохмотьями.

Они хотѣли его бить, но были такъ озлоблены, что мѣшали другъ другу, ругались, галдѣли...

Юрочка, въ сравненіи съ своими кряжистыми врагами казавшійся жиденькимъ и хрупкимъ, въ порывѣ отчаянія съ нечеловѣческой силой разметывалъ ихъ и тащилъ за собой сплетшійся вокругъ него клубокъ дюжихъ тѣлъ.

Они хотѣли его свалить, но онъ изворачивался, билъ ихъ своими ногами и руками по ногамъ, по лицамъ, по животамъ...

Нѣсколько человѣкъ уже кубаремъ летало отъ него на землю, но чувствуя свое несомнѣнное превосходство въ силахъ, вскакивали и съ еще большимъ ожесточеніемъ набрасывались на него.

— Стой... пожди, не трожь... говорю, не трожь... Дай мнѣ его... Я его одинъ раздѣлаю... такъ раздѣлаю... что попомнитъ... не забудетъ... Нѣтъ, баринишки, теперича наша взяла...

Выкрикивалъ это раздѣльно, съ нутрянымъ хрипомъ сдерживаемаго бѣшенства, съ каленой до-бѣла злобой, даже не ругаясь, бурно дышавшій, бритый матросъ, видимо, начальникъ.

Большевики разступились и только двое изъ нихъ, точно тисками, зажали руки и плечи Юрочки.

— На-кось, подержи!

Матросъ поспѣшно сунулъ свое ружье ближнему красногвардейцу, низко нагнувъ голову, наскоро высморкалъ изъ обѣихъ ноздрей кровь, корявой рукой стеръ ее съ разбитаго лица, поглядѣлъ на ладонь, вытеръ ее объ траву, и какъ хирургъ передъ операціей, торопливо засучивая рукава, подступалъ къ Юрочкѣ.

Неумолимая, чисто дьявольская ненависть и ненасытимая злоба пламенѣли въ его глазахъ.

— Ты меня въ копало заѣхалъ... въ копало . заѣхалъ... Теперича я на тебѣ отосплюсь... я тебѣ покажу, ба-ри-ни-шка...

Онъ выругался страшнымъ, кощунственнымъ ругательствомъ, точно выплюнулъ цѣлый потокъ смердящаго гноя и зловонной грязи. Онъ поплевалъ въ кулаки. Онъ наслаждался.

Юрочка, стиснутый съ двухъ сторонъ державшими его, тяжело дышалъ, мутнымъ взоромъ обвелъ своихъ палачей, взглянулъ въ окровавленное, неумолимое, недоступное никакому человѣческому чувству, четырехъугольное лицо своего истязателя и на мгновеніе остановился глазами на его голыхъ рукахъ.

Передъ нимъ все исчезло. Онъ ничего больше не видѣлъ кромѣ этихъ окровавленныхъ, мускулистыхъ, волосатыхъ, огромныхъ рукъ, ворочавшихся на подобіе мельничныхъ толкачей. Онѣ были засучены выше локтей съ сжатыми кулаками.

У Юрочки замерло сердце.

Онъ какъ-то вдругъ весь обмякнулъ, обвисъ, почувствовалъ себя безсильнымъ, маленькимъ, беззащитнымъ...

Онъ едва на мигъ оторвалъ глаза отъ матроса и съ неописуемой тоской оглядѣлся вокругъ...

Никакихъ надеждъ и какъ ужасно!

Матросъ съ звѣринымъ ревомъ съ разбѣга ринулся на Юрочку...

«Бить нельзя. Пусть убьютъ. Все равно», рѣшилъ онъ.

Оцѣпенѣніе какъ рукой сняло. Юрочка немного отдышался. Онъ встрепенулся всѣмъ тѣломъ и вновь почувствовалъ себя готовымъ для послѣдней смертельной борьбы. Въ своемъ концѣ онъ не сомнѣвался, онъ его чувствовалъ.

Ужасные кулаки матроса были уже передъ самымъ его лицомъ, когда Юрочка, собравъ послѣднія силы, от-

клонилъ отъ удара голову и съ отчаяніемъ рванулся въ сторону...

Матросъ промахнулся. Страшный ударъ пришелся частью по плечу одного изъ державшихъ, частью по воздуху.

Матросъ волчкомъ перевернулся на мѣстѣ и съ наклоненнымъ корпусомъ пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, ткнулся головой въ землю.

Въ сатанинской ярости, рыча, какъ озлобленная собака, онъ вскочилъ и бросился назадъ, къ Юрочкѣ.

— Чего жъ ты меня бьешь, дьяволъ?! завопилъ, падая, тотъ красный, который получилъ непредназначавшійся ему ударъ.

Другой повисъ на рукѣ Юрочки и съ испугомъ, и неувѣренностью въ голосѣ кричалъ:

— Да што вы, черти лупоглазые... роты разинули?... Дьяволы!.. держите... держите... Вишь лягается... здоро-овый...

Юрочка не потерялъ ни одного мгновенія.

Ударомъ ноги изо всей силы онъ отпихнулъ отъ себя краснаго...

Рукавъ его затрещалъ и лоскутомъ повисъ въ воздухѣ.

Краемъ глаза на одинъ только мигъ Юрочка уловилъ какъ красный, обѣими руками схватившись за животъ, съ крикомъ боли и злобы плюхнулся на землю, только мелькнули въ воздухѣ ступни его задранныхъ ногъ.

Юрочка бѣжалъ, какъ пущенная изъ лука стрѣла и въ первыя же мгновенія выигралъ съ десятокъ шаговъ.

Все это произошло такъ неожиданно и такъ быстро, что красные опомнились не сразу.

— Да лови, лови! Держи, держи! всѣ разомъ кричали они.

Юрочка отлично бѣгалъ и своими длинными, легкими ногами дѣлалъ по цѣлинному, крѣпкому полю саженные прыжки.

Тяжелые, коротконогіе, упитанные мужики не могли поспѣвать за нимъ.

Сзади раздавались проклятія, ругательства, угрозы, крики, топотъ тяжелыхъ ногъ, громкое сопѣніе, протрещали два-три выстрѣла, просвистали пули...

Впереди въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, изъ за бугра,

точно вдругъ выросла изъ земли и бѣжала на встрѣчу цѣпь вооруженныхъ людей...

Они размахивали винтовками и что-то кричали.

Юрочка сразу призналъ въ нихъ своихъ партизанъ.

Они спѣшили къ нему на выручку.

«Господи, я спасенъ!» благодарнымъ, радостнымъ гимномъ пронеслось въ головѣ Юрочки и всеобъемлющей, духъ захватывающей отрадой передалось душѣ и сердцу, точно онъ только что воскресъ изъ мертвыхъ.

У него, уже задыхающагося, прибыло силъ.

И вдругъ передъ нимъ снова, какъ никогда, во всю мощную неоглядную ширь безграничной панорамой развернулась зеленая и синяя даль, такая безкрайная, такая до жути манящая, а за ней огромный, багровый, на половину скрывшійся дискъ солнца...

И земля млѣла въ розовомъ сіяніи и золотилась прощальными лучами. Какъ хорошо!

«Земля родная, единственная, неповторимая, какъ я люблю тебя! — трепетно прожгло въ сознаніи, въ сердцѣ и во всемъ существѣ Юрочки. — Но зачѣмъ все такъ несуразно? О, какъ люблю, люблю и хочу жить!».

— Господи, помоги! Господи, помоги! въ страстной мольбѣ взывалъ Юрочка, съ пожирающей жадностью слѣдя, какъ уменьшалось разстояніе между нимъ и партизанами. Вотъ уже маячутъ лица. Что-то кричатъ...

«Спасенъ, спасенъ!»

Ему стало легче. Его охватила радость. «Они» отстали, не стрѣляютъ, да и не попадутъ. Мелькнулъ образъ матери и ихъ роскошный деревенскій домъ...

— Мамочка, милая...

Бритый матросъ, схвативъ ружье, шагахъ въ сорока сзади Юрочки упалъ на одно колѣно.

Онъ едва переводилъ духъ и старательно прицѣливался въ свою ускользающую жертву.

Злоба душила его.

Грудь бурно вздымалась, руки тряслись и винтовка ходила ходуномъ.

Онъ долго прицѣливался. Ему все и всѣ мѣшали: и собственное возбужденнее состояніе, и преслѣдующіе Юрочку товарищи. Того и гляди, подстрѣлишь своихъ.

Матросъ кричалъ имъ, ругался, махалъ рукою.

Они отбѣжали въ сторону.

Жертва одна на бугрѣ, какъ на ладони.

«Вразъ надо, а то опосля уже не попанешь», сверлило у него въ мозгу.

Онъ еще разъ старательно приложился, .затаилъ дыханіе, поймалъ на прицѣлъ и нажалъ на спускъ.

Грянулъ выстрѣлъ.

Юрочка не слыхалъ его.

Что-то не сильно толкнуло его сзади, а въ глазахъ брызнули и погасли вѣнчики кровавыхъ лучей и искръ.

Онъ, какъ на смерть перепуганный и оправившійся отъ испуга, счастливый ребенокъ, шепталъ:

— Мамочка, милая, мамоч-ч-ч... но вдругъ споткнулся на послѣднемъ звукѣ и какъ ни силился, соскочить дальше не могъ... и все тише: ч-ч-ч... а оно не поддавалось, не шло дальше. Досадно такъ. Передъ глазами въ спокойномъ и ровномъ солнечномъ освѣщеніи на мигъ, какъ отполированное зеркало, мелькнула знакомая съ дѣтства рѣка и скакалъ по глади ея пущенный его рукой камешекъ и кружки по водѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше и тамъ также ч-ч-ч все тише и тише... и камешекъ булькъ на дно... и камешекъ онъ самъ... странно!..

Тотъ багряный, огромный, на половину уже скрывшійся подъ землей дискъ солнца, вдругъ подпрыгнулъ, молніеносно сплющился и сразу, неожиданно погасъ въ его очахъ... все погасло...

«Да гдѣ же онъ!—изумленно пронеслось въ нѣмѣющемъ разрушенномъ мозгу. — А-а-а-а!» открытымъ ртомъ протянулъ Юрочка, наконецъ-то догадавшись, что весь онъ во всѣ стороны растекается и проваливается въ бездонную пропасть, которой еще мгновеніе назадъ онъ такъ ужасался и такъ старательно избѣгалъ, а теперь все равно, не страшно...

Юрочка, подобно тому, какъ пловецъ бросается въ воду, конвульсивнымъ движеніемъ вобравъ голову въ плечи и слегка наклонивъ ее впередъ, упалъ лицомъ на распаренную, теплую, пахучую землю...

Юрочка, этотъ полуребенокъ съ крѣпкой душой мужчины и гордымъ сердцемъ героя, перечувствовавшій и переиспытавшій столько, что хватило бы не на одну вѣковую жизнь, съ его вѣрой, надеждами, съ его страданіями подвигами, теперь былъ окровавленный бездыханный трупъ.

Красные облѣпили его, чтобы бить. Надъ нимъ занесли приклады, поднялись тяжелыя ноги...

3 кр б. | 5,81 (1986)
4865

— Чего надрываетесь, сволочи?! — крикнулъ
росъ. — Бѣлки-то у васъ повылаполо, што-ли?! Наз
Скорѣй, да скорѣича, дьяволы рогатые! «Каде .»
гутъ!

Все это бритый выкрикнулъ съ животнымъ ужас
и впереди товарищей со всѣхъ ногъ бросился къ ба

Тутъ только шагахъ въ ста увлекшіеся красные замѣтили бѣгущихъ на нихъ съ бугра партизанъ.

Крики ужаса прорѣзали воздухъ.

Пригнувшись, кидая ружья, широко размахивая руками, на бѣгу сбрасывая патронташи, мѣшки, даже куртки и обувь, они, какъ стая трусливыхъ шакаловъ, бросились вразсыпную.

Со стороны партизанъ затрещали частые выстрѣлы. Не надолго поле вдругъ загрохотало....

Въ разныхъ точкахъ широкой степи стали кувыркаться и падать казавшіеся игрушечно маленькими человѣческія фигурки.

Солнце своимъ верхнимъ холоднымъ багрянымъ краемъ издалека чуть-чуть выглядывало изъ-за земли, и, казалось, не желая больше созерцать мерзкія и злыя человѣческія дѣянія внизу, на землѣ, длинными, широкими полосами посылало свои золотистые, прощальные лучи прямо ввысь, къ чистому, еще ясному небу.

Сплошной, все шире и плотнѣе надвигающейся тѣнью, точно гигантской, все густѣющей вуалью, заволакивалась просторная, волнообразная степь.

Красныхъ нигдѣ уже не было видно, точно они сгинули или провалились сквозь землю.

Партизаны подобрали два трупа: еще теплый Юрочки, и холодный, обобранный Волошинова.

Книгосбірня „СТУДІОНУ“ у Львові

РЛ 4865 у

И. А. Родіоновъ

Жертвы

Вечерня